

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

№3/2022

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Тема номера:
«Методология и методы социально-психологических
исследований: актуальные тенденции»»

Theme of the issue
“Methodology and methods of socio-psychological research: current trends”

2022 г. Том 13. № 3

2022. Vol. 13. No. 3

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

**Включен в перечень ВАК. Включен в РИНЦ.
Включен в базу Web of Science. Включен в базу SCOPUS.**

Главный редактор
Наталья Толстых

Ответственный секретарь
Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
О.А. Гулевич, Е.М. Дубовская, В.А. Лабунская,
А.В. Махнач, Н.К. Радина, О.Е. Хухлаев, Л.А. Цветкова,
Т.И. Шульга (Россия), М. Линч (США), Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Александр Донцов

Заместитель председателя
Наталья Толстых

Заместитель председателя
Вера Лабунская

Члены редакционного совета
Л.А. Цветкова, Т.И. Шульга (Россия), Ф. Зимбардо (США),
М. Линч (США), И. Маркова (Великобритания), Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.
Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Толстых Н.Н. Предисловие главного редактора 5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В.
К вопросу об исследовании социальных представлений:
взгляд со стороны 8

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Балева М.В. Восприятие амбивалентного Другого в условиях
контрастного пре-стимульного воздействия 26

Шнейдер Л.Б. Я-мать-отец: исследование внутрисемейной
перцепции и идентификации методами окулографии и проекции 39

*Почебут Л.Г., Чикер В.А., Кузнецова И.В., Гуриева С.Д., Безносков Д.С.,
Волкова Н.В., Яничева Т.Г.* Психологическая диагностика
социального капитала организации 62

Бедина И.Д., Кочетова Т.В. Вербальные и невербальные стратегии
взаимодействия активных и пассивных курильщиков в ситуациях
курения в общественных местах: метод формулирования кейсов 80

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Семенова Г.В., Векилова С.А., Рудыхина О.В. Переживание
социального исключения: разработка и апробация опросника 97

Исаева О.М., Акимова А.Ю., Волкова Е.Н. Опросник благополучия
PERMA-Profilер: апробация русскоязычной версии 116

Базаров Т.Ю., Кариева Н.Т. Методика выявления представлений
о доверии в организации 134

Романова М.О., Кожан Е.А., Быков А.О., Ефимова Л.А., Асадуллина А.Ф.
Адаптация Методики аттитудов к физической инвалидности
на российской выборке 163

Павлова М.В., Дзюбенко М.М., Нартова-Бочавер С.К. Шкала
организационного цинизма: адаптация русскоязычной версии 184

*Романова М.О., Иванов А.А., Богатырева Н.И., Терскова М.А.,
Быков А.О., Анкушев В.В.* Адаптация шкалы коллективного
нарциссизма на российской выборке 201

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Семенов И.Н., Водопьянов Д.А. Научоведческая рефлексия
развития академической социальной психологии
(к 50-летию юбилею ИП РАН и 100-летию
со дня рождения Е.В. Шороховой) 221

CONTENTS

EDITORIAL

Tolstykh N.N. Foreword by the Editor 5

THEORETICAL RESEARCH

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V., Lavreshkin N.V.
Studying Social Representations: an Outsider's Perspective 8

EMPIRICAL RESEARCH

Baleva M.V. Perception of an Ambivalent Other Under Conditions
of Contrasting Pre-Stimulation 26

Shneyder L.B. I am Mother-Father: a Study of Intra-Family
Perception and Identification by Oculography and Projection Methods 39

*Pochebut L.G., Chiker V.A., Kuznetsova I.V., Gurieva S.D., Beznosov D.S.,
Volkova N.V., Yanicheva T.G.* Psychological Diagnostics
of Organizational Social Capital 62

Bedina I.D., Kochetova T.V. Verbal and Nonverbal Strategies
of Interaction between Active and Passive Smokers in Situations
of Smoking in Public Places: a Method of Case Formulation 80

METHODOLOGICAL TOOLS

Semenova G.V., Vekilova S.A., Rudykhina O.V. Social Exclusion:
Development and Testing of the Scale 97

Isaeva O.M., Akimova A.Yu., Volkova E.N. PERMA-Profiler:
the Approbation of the Russian Version 116

Bazarov T.Yu., Karieva N.T. The Methodology for Identification
of Confidence in the Organization 134

Romanova M.O., Kozhan E.A., Bykov A.O., Efimova L.A., Asadullina A.F.
Attitudes Towards Physical Disability Scale Adaptation
on a Russian Sample 163

Pavlova M.V., Dzyubenko M.M., Nartova-Bochaver S.K.
The Organizational Cynicism Scale: an Adaptation
on the Russian-Speaking Sample 184

*Romanova M.O., Ivanov A.A., Bogatyreva N.I., Terskova M.A., Bykov A.O.,
Ankushhev V.V.* Collective Narcissism Scale Adaptation
on a Russian Sample 201

SCIENTIFIC LIFE

Semenov I.N., Vodopianov D.A. Scientific Reflection on the Development
of Academic Social Psychology (to the 50th Anniversary of the IP RAS
and the 100th Anniversary of the Birth of E.V. Shorokhova) 221

КОЛОНКА РЕДАКТОРА EDITORIAL

Предисловие главного редактора

Толстых Н.Н.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

В статьях этого тематического выпуска журнала представлены новые или редко используемые отечественными исследователями методы социальной психологии.

Для цитаты: Толстых Н.Н. Предисловие главного редактора // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 3. С. 5–7. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130301>

Foreword by the Editor

Nataliia N. Tolstykh

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

The articles in this thematic issue of the journal present new methods of social psychology or the ones that are rarely used by domestic researchers.

For citation: Tolstykh N.N. Foreword by the Editor. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 5–7. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130301> (In Russ.).

XXI век и в особенности его второе десятилетие в отечественной социальной психологии охарактеризовались заметным ростом числа новых исследовательских методов — количественных и качественных. Растет и число исследований, основанных на совместном применении тех и других. Отличительной особенностью публикаций, представляющих новые социально-психологические методы и методики (о чем можно судить, даже анализируя статьи разных

лет в журнале «Социальная психология и общество») является то, что в последние годы резко возросли требования к психометрической обоснованности и корректности используемых методов и методик. И это в равной степени касается как авторских разработок, так и адаптации, создания русскоязычных версий зарубежных методик. Иными словами, мы видим не только расширение диапазона исследовательского арсенала, рост его разнообразия, но и повышение

качества используемых методических приемов.

Планируя выпуск, тема которого «Методология и методы социально-психологических исследований: актуальные тенденции», редакция журнала, конечно же, не имела в виду сделать из него некоторый аналог сборника социально-психологических тестов. В статьях этого выпуска, представляющих новые или редко используемые отечественными исследователями методы, авторы знакомят читателя с тем, как они были созданы либо как именно были использованы в конкретных социально-психологических исследованиях.

Открывает выпуск статья И.Б. Бовиной с коллегами, посвященная анализу теоретико-методологических подходов к проблеме социальных представлений — одной из ключевых проблем социальной психологии на протяжении вот уже более полувека, а также к методологии и методам изучения социальных представлений. Авторы демонстрируют динамику трансформации этих подходов, ориентируясь главным образом на франкоязычные источники, сравнительно менее доступные отечественному читателю, что и справедливо: с одной стороны, именно во Франции родилось само понятие социального представления, с другой — французские исследователи и сегодня являются хедлайнерами в разработке этой проблематики. Особо подчеркну внимание авторов статьи к самой связи между теорией и исследовательскими методами, связь, которая далеко не всегда бывает отрефлексирована.

Для рубрики «Эмпирические исследования» были отобраны четыре статьи, представляющие работы, в которых были применены редко или даже впер-

вые использованные в отечественных социально-психологических исследованиях методы: статья М.В. Балевой «Восприятие амбивалентного Другого в условиях контрастного пре-стимульного воздействия», статья Л.Б. Шнейдер «Я-мать-отец: исследование внутрисемейной перцепции и идентификации методами окулографии и проекции», статья Л.Г. Почебут с коллегами «Психологическая диагностика социального капитала организации» (в ней использована новая авторская методика), а также статья И.Д. Бединой и Т.В. Кочетовой «Вербальные и невербальные стратегии взаимодействия активных и пассивных курильщиков в ситуациях курения в общественных местах: метод формулирования кейсов».

Ожидаемо много статей в рубрике «Методический инструментарий». Каждая из шести статей этой рубрики дает читателю информацию о новой методике, о процессе ее создания или адаптации, а также о полученных в этом процессе результатах.

Обращу внимание читателя и на статью, представляющую рубрику «Научная жизнь». Этой интересной статьей — «Научоведческая рефлексия развития академической социальной психологии (к 50-летию юбилею ИП РАН и 100-летию со дня рождения Е.В. Шороховой)» (авторы — И.Н. Семенов и Д.А. Водопьянов) журнал «Социальная психология и общество» отмечает и 100-летие со дня рождения Екатерины Васильевны Шороховой, на работах которой, в общении с которой учились несколько поколений отечественных психологов (не в последнюю очередь — социальных психологов), и полувековой юбилей Института психологии Российской академии наук.

Информация об авторах

Толстых Наталия Николаевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии развития, факультет социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

Information about the authors

Nataliia N. Tolstykh, Doctor of Psychology, Professor, Division Head of the Social Psychology of Development, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

Получена 02.09.2022

Received 02.09.2022

Принята в печать 06.09.2022

Accepted 06.09.2022

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны

Бовина И.Б.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru**

Дворянчиков Н.В.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com**

Мельникова Д.В.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru**

Лаврешкин Н.В.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavrreshkinnv@gmail.com**

Цель настоящей статьи заключается в кратком рассмотрении современного состояния развития теории социальных представлений (СП), критическом осмыслении эмпирических подходов к изучению СП, обсуждении проблемных точек методологии исследования СП.

Контекст и актуальность. *За шестьдесят лет существования теория СП обогатилась новыми идеями, методологическими и методическими приемами анализа СП, расширила ряды своих сторонников, которые ответили на открытые вопросы и сформулировали новые. Вниманию читателей предлагается краткий взгляд на развитие теории и эмпирических подходов к анализу СП, обсуждаются основные методы и методики исследования СП.*

Основные выводы. *Предпринят анализ стратегий изучения СП и специфики методов, используемых для изучения содержания и структуры СП, обозначены проблемные места, сопряженные с изучением СП. Рассматривая актуальное состояние развития методологии исследования СП, авторы приводят новые аргументы в пользу идеи, высказанной Г. Брейквелл, относительно того, что неоднородность эмпирических подходов анализа СП оказалась не слабостью, но силой теории СП, придав этой теоретической традиции влияния в рамках социальной психологии.*

Ключевые слова: *теория социальных представлений, стратегии анализа социальных представлений, методы и методики анализа содержания и структуры социальных представлений.*

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00661.

Для цитаты: Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В. К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 3. С. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130302>

Studying Social Representations: an Outsider's Perspective

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, **e-mail:** innabovina@yandex.ru

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, **e-mail:** dvorian@gmail.com

Darya V. Melnikova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, **e-mail:** melnikovadv@mgppu.ru

Nikita V. Lavreshkin

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, **e-mail:** lavreshkinv@gmail.com

Objective. *The aim of this article is a brief look at the current state of development of the theory of social representations (SRs), and a discussion of problematic points of the methodology of the SRs analysis.*

Background. *Over the sixty years of its existence, the theory of SRs has been enriched with new ideas, methodological and methodological techniques to study SR, expanded the ranks of its supporters, who answered open questions and formulated new ones. The article proposes a brief look at the development of the theory of SR and empirical approaches to SRs. The main methods of research of the SRs are discussed.*

Conclusions. *Observing the development of the theory of SRs over the past decade, the authors find new arguments in favor of the idea expressed by G. Breakwell, that the heterogeneity of empirical approaches to SRs turned out to be not a weakness, but a strength of the theory of SRs, by giving this theoretical tradition influence within the framework of social psychology.*

Keywords: *theory of social representations, approaches to study social representations, methods and techniques to study the content and the structure of social representations.*

Funding. The reported study was funded by Russian Scientific Foundation (RSF), project number 22-28-00661.

For citation: Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V., Lavreshkin N.V. Studying Social Representations: an Outsider's Perspective. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130302> (In Russ.).

Введение

В фокусе внимания в статье оказываются обсуждение современного состояния эмпирических подходов к изу-

чению СП и рассмотрение проблемных точек методологии исследования СП. Это и определяет цель предлагаемой здесь работы.

Следует оговориться, что теория СП знакома отечественному читателю по ряду фундаментальных трудов отечественных авторов [4; 5; 6; 7]. Этот факт делает ненужным подробный анализ теории СП, основополагающих идей, их развития на протяжении всего времени существования.

Как и было заявлено в цели теоретико-аналитического исследования, главное в настоящей работе — методология исследования СП.

Однако сказанное выше не отменяет периодического обращения к самой теории СП, ибо понимание того, какие стратегии изучения СП существуют, в чем их сила и уязвимость, каковы точки их дальнейшего развития, едва ли возможно без самого общего понимания сути самой теории.

Метод изучения явлений неразрывно связан с самой теорией, справедливо это и в случае СП; это наглядно иллюстрируется, например, в работе К. Фламана и М.-Л. Рукета «Анатомия обыденных идей: как изучать социальные представления» [23].

К шестидесятилетию появления работы С. Московиси «Психоанализ: его образ и публика» (1961), где и была изложена теория СП, вниманию отечественного читателя был предложен тематический номер журнала «Вестник РУДН», серия «Психология и педагогика» [34]. Усилиями исследователей из разных стран был продемонстрирован эвристический потенциал теории СП, богатство этой теоретической традиции. Наряду с более или менее классическим исследованием в рамках теории СП (СП о COVID-19 [4]), примечательны все новые и новые линии рефлексии: будь то различающиеся ответы на вопрос о соотношении индивидуального и социального [26; 27; 53], о когнитивной полифазии [8], «повторном якорении» [13], «немой

зоне» СП [44], об артикуляции изображений и СП [2; 24]. Стоит обратить внимание читателей на важную тенденцию современного состояния теории СП, касающуюся изучения изображений [32].

На рост интереса к теории СП в России указывает тот факт, что предпринимаются все новые попытки исследований в рамках этой теории [1; 9; 50 и др.]. Однако то, как принимается решение об объекте СП, как выстраивается стратегия изучения СП, как интерпретируются полученные результаты исследования, — все это отчетливо свидетельствует о том, что, несмотря на фундаментальный анализ теории СП отечественными авторами, перевод отдельных работ С. Московиси на русский язык, вопросы о том, что такое СП и каковы стратегии их исследования, по-прежнему актуальны и требуют дальнейшего обсуждения.

Несколько слов о теории СП. Представляется возможным говорить о двух ключевых подходах в европейской социальной психологии: теории СП и теории социальной идентичности [20]. Если теория социальной идентичности представляет собой психологическую форму социальной психологии, восходящую, в первую очередь, к идеям теории социального сравнения Л. Фестингера [22], то теория СП — это социологическая форма социальной психологии, опирающаяся на идеи Э. Дюркгейма [38].

Очевидно, что у каждой теории имеются и другие интеллектуальные источники (в случае теории СП, в частности, речь идет об идеях В. Вундта, Л.С. Выготского, Л. Леви-Брюля, Дж. Мида, Ж. Пиаже и др.), но обращает на себя внимание тот факт, что обе теории принимают во внимание положения богатого теоретического наследия М. Шерифа. Позволим себе обратить особое внимание на связь двух ключевых европейских теорий с

идеями М. Шерифа, в отечественной литературе этому факту едва ли уделяется внимание [4; 5; 6; 7].

В случае теории социальной идентичности, как подчеркивают Д. Абрамс и Дж. Ливайн [10], критика М. Шерифом индивидуализма и редукционизма в социальной психологии позволила сформулировать основополагающие постулаты теории социальной идентичности [10]. Очевидно, что теория СП не обошла вниманием идею М. Шерифа о том, что при столкновении с неопределенной и незнакомой ситуацией индивиды *не скатываются в хаос*, а наоборот, придают смысл этой ситуации, вырабатывая общие нормы, своего рода ориентиры, которые оказываются устойчивыми и обобщаются на другие ситуации [48]. В эксперименте М. Шерифа [48] реальность не тождественна социальной конструкции, вырабатываемой участниками. Сходным образом, СП — это социальная конструкция, а не копия реальности. В этой связи вопрос о «правильности» СП, их приближенности к реальности не имеет смысла.

Как отмечает Р. Фарр, теория СП появилась на рассвете современной эры социальной психологии [20], она насчитывает более шести десятков лет своего существования, оставаясь по-прежнему ключевой теоретической рамкой, релевантной процессам и явлениям современного общества (будь то социальное неравенство, расовые конфликты, эпидемии, экономические кризисы, терроризм, войны, информационная революция). В этом и заключается вклад теории СП в социальную психологию.

За шестьдесят с лишним лет, прошедшие с момента выхода в свет работы С. Московиси «Психоанализ: его образ и публика», ознаменовавшей рождение теории СП, эта социально-психологическая традиция получила свое дальнейшее

развитие. Картографическое исследование научных публикаций, предпринятое А. Де Розой, позволяет утверждать, что теория СП нашла своих сторонников и последователей на всех континентах [47]. Не будет преувеличением утверждение, согласно которому исследователи практически всего мира внесли свой вклад в проверку положений теории СП, а также в разработку методологии исследования СП. Количество публикаций, развивающих идеи этой теории, увеличивается каждый год [31; 47]. Результаты библиометрического анализа (база включала 997 журнальных статей), опубликованные в 2011 году, демонстрируют следующую тенденцию в отношении развития теории СП [18]: первая журнальная статья появилась в 1971 году (авторы предлагают трактовать этот факт двояко: с одной стороны, можно думать, что научному сообществу потребовалось некоторое время для того, чтобы интегрировать теорию СП в научную картину мира и использовать в исследованиях, с другой — созданная для анализа база включала только престижные издания, а текстам про новые теории, вероятно, были доступнее менее именитые издания для публикаций). Первый пик соответствует увеличению количества статей — от 2 до 10 в год, он приходится на 1985 год [18]. Авторы предлагают связывать это с появлением знаменитой коллективной монографии «Социальные представления» под редакцией Р. Фарра и С. Московиси в 1984 году. Второй пик — с 16 до 42 статей в год — соответствует периоду с 1993 по 1996 годы [18]. Этот рост публикаций, вероятно, последовал за публикацией коллективного труда под редакцией Г. Брейквелл и Д. Кантера [19], где особое внимание авторов было уделено методам исследования СП, эмпирическим подходам к анализу СП. Наряду с

этим не ускользнули от обсуждения теоретические и методологические аспекты теории СП. Рост числа публикаций также обязан созданию сообщества по СП, проведению регулярных конференций. Наконец, в 2000 году начался новый рост публикаций — от 35 до 83 статей в год [18]. Использование программы Alceste для анализа данных позволило категоризировать публикации следующим образом: методологические аспекты, межгрупповые отношения и политическая динамика, здоровье и превентивные аспекты, теоретические аспекты [18]. Несмотря на значительное количество научных публикаций концептуального и эмпирического толка, эвристический потенциал теории, сформулированной С. Московиси в 1961 году, едва ли исчерпан, теория продолжает развиваться, оказывая влияние не только на другие социально-психологические подходы [18], но и шире — на другие дисциплины (будь то социология или культурная антропология).

Новый библиометрический анализ позволил бы, в частности, оценить влияние последних коллективных трудов по СП на дальнейшее развитие теории СП (например, глава, посвященная теории СП, в двухтомнике по «Теориям социальной психологии» (2012) под редакцией П. Ван Ланге, А. Круглянки, Т. Хиггинса [45], «Кембриджский справочник по социальным представлениям» под редакцией Г. Саммута с коллегами (2015) [49], «Социальные представления: теории, методы и применение» под редакцией Г. Ло Монако, С. Делуве и П. Рато (2016) [28]). Важность этих изданий объясняется тем, что в них максимально широко представлено не только современное состояние развития теории СП (как теоретические, методологические, так и методические аспекты), но обсуждается связь с други-

ми теоретическими рамками, анализируется предметное поле теории СП, ее применимость для решения практических задач. Примечателен и факт включения в коллективную монографию теории СП наряду с другими социально-психологическими теориями [45], пожалуй, это первый случай интеграции теории СП в издание такого уровня.

В заключение этого раздела позволим себе сделать ряд комментариев.

Во-первых, теория СП продолжает свое развитие. Так, можно проследить динамику понимания СП: от изначального определения, согласно которому СП — это «вселенная» мнений, степень организации которой варьирует от одной группы к другой [37], до более современного определения, согласно которому СП являет собой специфическую форму социального знания [38]. Обращаем внимание читателя на то, что СП — это знание, имеющее определенную структуру; несмотря на различия в определениях СП, представители различных подходов в рамках теории СП согласны с этим тезисом. Другой вопрос заключается в том, какой именно структурой. В первоначальном варианте С. Московиси предположил логику организации СП через три измерения: информация, поле представления и социальная установка [37]. Развитие теории в рамках структурного подхода позволило говорить о двухкомпонентной структуре СП, которая включает ядро (или центральную систему) и периферическую систему [33].

Во-вторых, многомерность теории СП дает возможность исследователям уделять преимущественное внимание тем или иным аспектам СП. К.Х. Паралез Куенза предлагает различать направления изучения СП, апеллируя к тому, что именно оказывается в фокусе анализа исследователей [40]: 1) актив-

ность групп по конструированию значений и приданию смысла объектам и явлениям окружающего мира (К. Эрзлиш, Д. Жоделе, С. Московиси); 2) интергрупповые отношения (Ж.-П. Ди Гьякомо, В. Дуаза); 3) дискурсивные практики (М. Биллинг, Р. Харре); 4) структура СП (Ж.-К. Абрик, П. Вержес, П. Молине). Этой классификации можно противопоставить другую, предложенную П. Молине и К. Гимелли, где различаются такие подходы к анализу СП [35], как: социогенетический, структурный, социодинамический и диалогический. Первый подход восходит к работам С. Московиси, где основным является вопрос о порождении и развитии СП. Второй подход был предложен Ж.-К. Абриком и К. Фламаном. Ключевым здесь является вопрос о структуре СП (ядро и периферия) [33; 35] и о динамике СП [23]. Социодинамический подход, предложенный и разработанный В. Дуазом с коллегами [17], призван ответить на вопрос о том, как социальная структура влияет на формирование СП. Диалогический подход, предложенный И. Марковой [35], в котором теория СП позиционируется как теория социального знания, углубленное теоретическое осмысление получает идея темы, предложенная С. Московиси [39]. Получается, что три подхода из четырех совпадают, но каждый раз добавляется еще один подход. Выделяемые подходы не противостоят друг другу, но являются взаимодополняющими, развивающими различные аспекты одной и той же теории, предложенной С. Московиси. Вне фокуса внимания оказываются другие теоретические вариации на тему СП, предложенные М. Бауэром и Ж. Гаскеллом (модель «Тоблерона») [12], В. Вагнером и Н. Кронбергер (модель символического копинга) [52] и др. Представляется возможным полагать, что многочислен-

ные работы, выполненные в рамках теории СП, являются либо комбинированием идей основных школ, либо своего рода «промежуточными» формами этих школ. Так или иначе, классификация теоретических подходов необходима для понимания методологических стратегий, о чем пойдет речь ниже.

Наконец, даже шестьдесят лет спустя не все теоретические положения, сформулированные С. Московиси в первой работе по теории СП, получили свою эмпирическую проверку.

Исследование СП: тема с вариациями

Следует сразу указать на существование многочисленных коллективных монографий, в которых обсуждается методология исследования СП [19; 23; 35; 36 и др.]. Воспользуемся классификацией эмпирических подходов, сформулированных П. Молине и К. Гимелли: 1) социологический, 2) этнографический, 3) кросс-культурный, 4) экспериментальный [35]. Примером социологического подхода является исследование СП о психоанализе, предпринятое С. Московиси. В фокусе внимания оказывается зависимость порождаемых СП о психоанализе от социально-демографических характеристик респондентов [37]. Исследование Д. Жоделе, в котором она проанализировала СП о психической болезни в городе Эне-ле-Шато, где больные проживали вне психиатрической институции, в донорских семьях, в чьи обязанности входила забота о больных (не являющихся их родственниками), являет собой классический пример этнографического подхода к анализу СП [25]. В рамках этого подхода была использована комплексная стратегия исследования (интервью, наблюдение, анализ документов). В рамках кросс-культурного

подхода открывается перспектива анализа фактора культуры в связи с СП, т.е. изучение того, как соответствующие нормы, характерные той или иной культуре, влияют на структуру и содержание СП о том или ином явлении и объекте — как в случае пандемии COVID-19 [41]. Экспериментальный подход позволяет ответить на вопрос о том, как переменная или их набор влияют на СП (на динамику СП или на их функционирование). Эта стратегия исследования СП зачастую используется в работах представителей структурного подхода [43].

Обращает на себя внимание оригинальность такого разделения на эмпирические подходы к анализу СП; более привычным способом категоризации подходов является рассмотрение стратегий исследования СП в рамках того или иного теоретического подхода или разделение на качественную или количественную стратегию исследования СП [28]. В настоящем варианте подходы не соотносимы с теоретическими школами. Социологический и этнографический подходы встречаются в социогенетическом теоретическом подходе (стоит вспомнить исследования С. Московиси и Д. Жоделе [25; 37]). П. Молине и К. Гимелли указывают на ограниченность их классификации [35], ибо и другие исследовательские стратегии имеют место быть. В частности, это продемонстрировано в коллективной работе под редакцией Г. Брейквелл и Д. Кантера, посвященной изложению эмпирических подходов к СП [19]. Однако обозначенная выше классификация выступает неплохим поводом для последующей рефлексии относительно эмпирических подходов к анализу СП, обсуждения методов, лежащих в их основе.

Будучи ограниченными форматом статьи, позволим себе достаточно кратко

остановиться на нескольких нюансах, касающихся методов, используемых для изучения СП. Если попытаться резюмировать специфику методов и их использования, как это обсуждается в многочисленных трудах в рамках теории СП [11; 15; 16; 19; 21; 23; 29; 32; 35; 36; 51 и др.], то главным будет суждение о комплексном исследовании СП, о том, что не существует единого способа изучения СП. Если обратиться к логике, предложенной П. Молине и К. Гимелли (очевидно, что эта логика соответствует структурному подходу, где постулируется многоэтапное и направленное на разрешение ряда задач в процессе изучения СП: 1) выявление содержания СП; 2) анализ содержания СП; 3) анализ организации содержания; 4) идентификация ядра СП [35]. Существование разнообразных стратегий и методов исследования СП согласуется с утверждением Р. Фарра, высказанным почти 30 лет назад, относительно того, что «не существует единственного королевского пути изучения социальных представлений, если говорить о методах исследования» [21, с. 23].

Для выявления содержания СП предлагается опираться на методы, которые позволили бы фиксировать вербальные и иконические данные: метод опроса (анкета и интервью, включая различные виды индивидуального и группового интервью), проективный метод (ассоциативная или рисуночная методика), использование массива наличных документов (тексты, изображения, аудио- или видеоряды). Ассоциативные методики являются важным инструментом исследования СП в различных теоретических подходах, ибо они позволяют выявить символический материал — фундаментальный для изучения СП. Существуют различ-

ные виды ассоциативной методики [23; 35; 36]: простые свободные ассоциации (респондентам предлагается одно слово-стимул, к которому они вырабатывают ассоциации без каких-либо ограничений); свободные продолжающиеся ассоциации (респондентам предлагаются несколько слов-стимулов, задача — в том, чтобы к каждому из них выработать ассоциации без ограничений); простые ограниченные ассоциации (респондентам дается одно слово-стимул и предлагается вырабатывать ассоциации с ним, но накладываются некоторые ограничения (грамматические: необходимость высказывать ассоциации только определенными частями речи; семантические: предлагается давать ответ понятием, противоположным по смыслу)); продолжающиеся ограниченные ассоциации (респондентам предъявляется ряд понятий и предлагается вырабатывать ассоциации с ними; вводятся некоторые ограничения (по аналогии с указанными выше)).

К специфическим ассоциативным методикам относятся [23]: «вынужденные» ассоциации (респондентам предлагается список понятий, из которого предлагается выбрать ассоциации со словом-стимулом); ассоциации в предложениях (по аналогии с методикой незаконченных предложений, когда респонденту предъявляется предложение с пропущенными словами, в которое необходимо добавить понятие); «цепочка ассоциаций» (респондентам предъявляется слово-стимул, ассоциация с которым выступает стимульным словом для последующей ассоциации); «ассоциативная карта» (респондентам предлагают сначала выработать ассоциации со стимульным понятием, далее пара понятий, т.е. изначальное слово-стимул и ассоциация с ним выступают словами-стимулами для последующих ассоциаций, к примеру, с одним

словом-стимулом вырабатывается четыре ассоциации (это первый уровень, который образует четыре тематические линии); далее попарно, т.е. слово-стимул и ассоциация первого уровня выступают стимулом для ассоциации второго уровня — вырабатываются ассоциации второго уровня и т.д.). Возвращаясь к идее В. Вундта о конечности ассоциаций, заметим, что процедура выработки ассоциаций прекращается тогда, когда ассоциации тематических линий пересекаются.

Вопросы, возникающие в связи с использованием различных видов ассоциативных методик, касаются преимуществ и возможностей вариантов ассоциативных методик, сравнительного анализа того, что получается при их использовании, а также ориентиров по объему выборки, необходимому и достаточному для анализа содержания СП.

Вопрос, который возникает в связи с использованием ассоциативной методики, сводится к тому, что существует варьирование в инструкции к методике, исследователи просят испытуемых выработать от 3 до 5 ассоциаций, что в последующем анализе ведет к различающимся результатам. Требуются методические исследования, которые позволили бы уточнить инструкцию и продемонстрировать разницу на уровне структуры СП в зависимости от того, вырабатывает ли респондент 3 ассоциации или 5.

Анализ содержания СП опирается на классический метод контент-анализа, а также на его разновидности, специфические для теории СП [23; 35; 36]: лексико-метрический и прототипический. В рамках лексико-метрического анализа вычисляются следующие показатели: 1) показатель разнообразия ответов; 2) показатель редкости ответов (гапакс); 3) показатель энтропии. Показатель разнообразия ответов варьирует от 0 до 1 и

может свидетельствовать как о разнообразии лексического запаса изучаемой группы, так и о гетерогенности самой группы. Показатель редкости ответов указывает на количество слов, которые упоминаются только одним респондентом. Чем больше единичных ответов в анализируемой базе данных, тем выше варьирование между индивидами [23]. Другими словами, это указывает на слабость организации СП [23]. Показатель энтропии также свидетельствует об организации данных, полученных с помощью ассоциативной методики [23; 36].

Прототипический анализ содержания позволяет выделять гипотетическую структуру СП, которая должна получить свою проверку на последующих этапах исследования. П. Вержес, предложивший этот анализ [51], использовал два критерия: частоту встречаемости понятия (количественный показатель) и ранг его появления (качественный показатель). В частоте понятия можно усмотреть количественную центральность элемента, в ранге появления понятия — его когнитивную доступность, значимость для респондента этого элемента [16]. Использование ранга появления ассоциации объясняется апелляцией к закону К. Марбе о существовании прямой связи между частотой ассоциативного ответа и скоростью его появления [23]. Современная версия гипотетической структуры СП включает четыре зоны, а именно: зона ядра представления, зона контрастирующих элементов, первая периферическая система, вторая периферическая система [11].

Для Ж.-К. Абрика очевидно, что идея П. Вержеса ошибочна: важные, значимые для индивида мысли появляются после своего рода латентного периода «подготовки», преодоления защитных механизмов. Как следствие, Ж.-К. Абрик пред-

ложил вместо ранга появления понятия использовать значимость элемента для респондента [11]. Заметим, что эти два способа построения гипотетической структуры СП опираются на различающиеся когнитивные процессы: в первом случае — автоматические, во втором — контролируемые. Контролируемость процессов позволяет говорить о том, что процедура оценки ассоциаций по значимости вполне может быть сопряжена с социально-желательной реакцией респондента. В литературе, затрагивающей методологию и методы исследования СП, обсуждаются оба способа [35; 36], авторы в своих эмпирических исследованиях используют то один, то другой способ выявления гипотетической структуры СП [16; 42; 46]. П. Молине и Г. Ло Монако обращают внимание на тот факт, что на настоящий момент развития теории СП не представляется возможным объяснить разницу между рангом появления ассоциации и важностью этой ассоциации [36]. Предположим, что систематический анализ результатов, полученных с помощью этих двух методов, расширяя логику исследования, избранную Л. Дани с коллегами [16], позволил бы сделать более определенные выводы относительно специфики этих методов, чем констатация факта о различиях гипотетической структуры СП. Хотя более обещающим было бы исследование, которое позволило бы идентифицировать ядро СП на основе данных, полученных разными методами, используемыми для построения гипотетической структуры СП. Наряду с этим предлагается ответить на вопрос относительно процента согласованности ответов, который стоит учитывать при построении гипотетической структуры СП. В литературе этот параметр варьирует от 3 до 10% и более [16], что оборачивается флуктуациями в гипотетической структуре СП. Очевидно, что систематический анализ

позволил бы уточнить параметры, необходимые для выявления гипотетической структуры СП.

Выявление организации содержания СП опирается на использование специализированных опросников, полученные данные подвергаются статистической обработке (многомерный анализ данных). Идентификация ядра СП реализуется с опорой на методики, разработанные в рамках теории СП для проверки гипотезы об иерархической структуре СП (ядро и периферическая система): методика сомнений, тест независимости от контекста, методика базовых когнитивных схем, методика определения центральных элементов, методика умозаключений на основе двусмысленного сценария. Если в литературе и существуют работы, в которых предпринимаются попарные сравнения этих методик [29], то вопрос об их одновременном сравнении и осмыслении результатов пока остается открытым для дальнейших исследований.

Методы выявления и анализа содержания СП используются в социально-психологических исследованиях шире, чем только в рамках теории СП; для задач, сопряженных с выявлением структуры СП, используются специфические методики, разработанные специально в теории СП. Заметим, что методики, направленные на идентификацию ядра СП, зачастую вызывают сложности в применении. Например, методика сомнений использует принцип двойного отрицания. В русском языке этот принцип является сложной для понимания конструкцией, что оборачивается серьезным препятствием на пути использования такого инструмента. В случае методики базовых когнитивных схем от респондентов требуется дать объяснение того, почему у них возникли именно такие ассоциации, опять же требуемая операция предполагает

ет определенные усилия, что накладывает серьезные ограничения на применимость инструмента. Попытки предварительного инструктирования респондентов с помощью объяснительных примеров ведут к возникновению артефактов.

Не будет преувеличением констатация, согласно которой работ, где бы исследователи реализовывали все задачи анализа СП, от выявления содержания СП до идентификации ядра СП, значительно меньше, чем работ, в которых исследователи преимущественно ограничиваются выявлением и обсуждением гипотетической структуры СП, которая к тому же осуществима с помощью программы IRaMuTeQ (R interface) [36]. В отечественной литературе работы, реализующие все этапы исследования, отсутствуют. Использование программы IRaMuTeQ (R interface) серьезно затрудняется необходимостью перевода базы данных на иностранный язык (английский, французский, испанский и пр.).

Если продолжить линию анализа методов, используемых в других теоретических подходах, то в случае социодинамического подхода различается несколько этапов изучения СП: 1) поиск «карты» общих точек зрения, 2) изучение социального позиционирования, 3) изучение структуры и происхождения этих позиций. Для достижения задачи первого этапа требуется проанализировать особенности публичного дискурса об объекте СП, методы исследования на этом этапе: опрос (глубинное интервью), проективный метод (ассоциативная или рисуночная методика); контент-анализ СМК [15]. Обозначенные выше варианты ассоциативных методик применимы на первом этапе исследования и здесь. Важный нюанс реализации задачи первого этапа заключается в том, что в фокусе анализа оказываются не люди, которые являются носителя-

ми или пользователями информации, но сама информация, ее различные аспекты и нюансы (используемая лексика, например), что позволяет определить карту общих точек зрения [15]. На втором этапе в фокусе внимания оказывается анализ социального позиционирования, задачей является выявление принципов, которые организуют различия в позициях индивидов (групп). Методом исследования является опрос (опросник с опорой на результаты первого этапа).

Результаты этого этапа позволяют судить о различиях, межиндивидуальных и межгрупповых, а также выдвигать предположения о переменных, обуславливающих разницу в позициях индивидов. На последнем этапе ключевым является изучение структуры и происхождения позиций. Систематический анализ связей между позициями, занимаемыми индивидами, позволяет выявить СП в отношении интересующего объекта (называемые в рамках этого подхода организующие принципы). Для достижения цели этого этапа применяется опросник, основанный на результатах второго этапа. Как и в случае стратегии, обозначенной выше (соответствующей структурному подходу), исследование СП предполагает многомерность, использование разнообразных методов (на первом этапе — общий: опрос, проективный метод или контент-анализ, на втором и третьем этапах предполагается использование специализированных методик).

Заключение

В предложенном нами теоретико-аналитическом исследовании мы попы-

тались ответить на вопрос о том, каково современное состояние методологии изучения СП, остановились на обсуждении особенностей различных стратегий анализа СП, наметили проблемные места, сопряженные с изучением СП.

За шестьдесят лет существования теории СП, несомненно, обогатилась новыми идеями, методологическими и методическими приемами анализа СП, не только расширила ряды своих сторонников, но и значительно увеличила сферы своего влияния на другие социально-психологические модели и теории.

Как отмечает Г. Брейквелл, и через тридцать лет после выхода в свет работы С. Московиси «Психоанализ: его образ и публика» (1961) (где была сформулирована теория СП) исследователи все еще спорили о методах исследования СП [19]. Ответ на вопрос о методах, подходящих для изучения СП, затруднялся наличием проблем и двусмысленности внутри самой теории СП [14].

Подводя итоги развития теории еще двадцать лет спустя, Г. Брейквелл указывает на то, что за это время были реализованы многочисленные исследования СП. Неоднородность эмпирических подходов оказалась не слабостью, но силой теории СП, прибавив этой теоретической традиции веса и влияния в рамках социальной психологии [14].

Рассматривая актуальное состояние развития методологии исследования СП, представляется возможным подчеркнуть, что идея о необходимости многомерного исследования СП разделяется представителями различных подходов теории СП.

Литература

1. *Виноградова Я.Е., Гуриева С.Д.* Методологические приемы и методы изучения социальных представлений // Научное мнение. 2021. № 10. С. 10–13. DOI:10.25807/22224378_2021_10_10

2. Володарская Е.А. Исследование образа ученого в контексте концепции социальных представлений Сержа Московиси // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 2. С. 402–421. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-402-421
3. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М.: Издательство МГУ, 1987. 128 с.
4. Донцов А.И., Зотова О.Ю., Тарасова Л.В. Социальные представления о коронавирусе в начале пандемии в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. С. 422–444. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-422-444
5. Емельянова Т.П. Разработка понятия социального представления — новый этап в развитии концептуального аппарата социальной психологии // Разработка понятий современной психологии. Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко: М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2018. С. 379–400.
6. Емельянова Т.П. Социальное представление — понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6. С. 39–47.
7. Емельянова Т.П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М.: Издательство Института психологии, 2016. 476 с.
8. Емельянова Т.П., Израелин Т.В. Феномен когнитивной полифазии в социальных представлениях о душевнобольных // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. С. 346–362. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-346-362
9. Сучкова Е.Л. Психология группового правосознания осужденных: условия образования и структурно-содержательная организация: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. Вологда, 2022. 50 с.
10. Abrams D., Levine M. Norm formation: Revisiting Sherif's autokinetic illusion study // Social psychology: Revisiting the classic studies / In J.R. Smith, A. Haslam (Eds.). Sage Publications Ltd, 2012. P. 58–75.
11. Abric J.-C. La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales // Méthodes d'étude des représentations sociales / In J.-C. Abric (Ed.) / Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003. P. 59–80.
12. Bauer M., Gaskell G. Towards a paradigm for research on social representations // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1999. Vol. 29. P. 163–186.
13. Ben Alaya D. The Jihadi Current and the Lay Thinking: A “Re-Anchorage” Process Hypothesis // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2021. Vol. 18. P. 363–374. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-363-374
14. Breakwell G. Empirical Approaches to Social Representations and Identity Processes: 20 Years on // Papers on Social Representations. 2011. P. 17.1–17.4.
15. Clémence A. Sens et analyse des différences dans les représentations sociales // Méthodes d'étude des représentations sociales / In J.-C. Abric (Ed.). Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003. P. 165–178.
16. Dany L., Urdapilleta I., Lo Monaco G. Free associations and social representations: some reflections on rank-frequency and importance-frequency methods // Quality and Quantity. 2015. Vol. 49. P. 489–507.
17. Doise W., Spini D., Clémence A. Human Rights Studies as Social Representations in a Cross-Cultural Context // European Journal of Social Psychology. 1999. Vol. 29. P. 1–29.
18. Eicher V., Emery V., Maridor M., Gilles I., Bangerter A. Social Representations in Psychology: A Bibliometrical Analysis // Papers on Social Representations. 2011. Vol. 20. P. 11.1–11.19.
19. Empirical approaches to social representations / In G. Breakwell, D. Canter (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 1993. 350 p.
20. Farr R.M. The roots of modern social psychology. Oxford: Blackwell Publishers, 1996. 166 p.

21. *Farr R.M.* Theory and method in the study of social representations // Empirical approaches to social representations / In G.M. Breakwell, D.V. Canter (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 15–38.
22. *Festinger L.* A theory of social comparison processes // Human Relations. 1954. Vol. 7. P. 117–140. DOI:10.1177/001872675400700202
23. *Flament C., Rouquette M.-L.* Anatomie des idées ordinaires. Paris: Armand Colin, 2003. 256 p.
24. *Galli I., Fasanelli R.* From Prototypical Stimuli to Iconographic Stimuli: The Power of Images in the Study of Social Representations // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2021. Vol. 18. P. 391–401. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-391-401
25. *Jodelet D.* Madness and social representations: Living with the mad in one French community. Berkeley: University of California Press, 1991. 316 p.
26. *Jodelet D.* The Notion of Common and Social Representations // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2021. Vol. 18. P. 299–314. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-299-314
27. *Lahlou S.* Social Representations and Individual Representations: What is the Difference? And Why are Individual Representations Similar? // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2021. Vol. 18. P. 315–331. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-315-331
28. Les représentations sociales: Théories, méthodes et applications / In G. Lo Monaco, S. Delouvé, P. Rateau (Eds.). Bruxelles: De Boeck Supérieur, 2016. 656 p.
29. *Lo Monaco G., Lheureux F., Halimi-Falkowicz S.* Le test d'indépendance au contexte (TIC): une nouvelle technique d'étude de la structure représentationnelle // Swiss Journal of Psychology. 2008. Vol. 67. P. 119–123.
30. *Lo Monaco G., Piermattéo A., Rateau P., Tavani J.L.* Methods for Studying the Structure of Social Representations: A Critical Review and Agenda for Future Research // Journal for The Theory of Social Behaviour. 2017. Vol. 47. P. 306–331.
31. *Moliner P.* On Serge Moscovici's 95th Anniversary: The Theory of Social Representations – History, Postulates and Dissemination // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2020. Vol. 17. P. 524–536.
32. *Moliner P.* Social psychology of pictures. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2020. 130 p.
33. *Moliner P., Abric J.C.* Central Core Theory // Cambridge Handbooks in Psychology. The Cambridge Handbook Of Social Representations / In G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (Eds.). Cambridge University Press, 2015. P. 83–95. DOI:10.1017/CBO9781107323650.009
34. *Moliner P., Bovina I.B.* Introduction: The Heuristic Value of Social Representations Theory // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2021. Vol. 18. P. 291–298. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-291-298
35. *Moliner P., Guimelli C.* Les représentations sociales. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2015. 139 p.
36. *Moliner P., Lo Monaco G.* Méthodes d'association verbale pour les sciences humaines et sociales. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2017. 190 p.
37. *Moscovici S.* La psychanalyse: son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France, 1976. 652 p.
38. *Moscovici S.* The phenomenon of social representations // Social representations: explorations in social psychology / In G. Duveen (Ed.). N.Y.: New York University Press, 2000. P. 18–77.
39. *Moscovici S.* Why a theory of social representations? // Representations of the social: bridging theoretical traditions / In K. Deaux, G. Philogène (Eds.). Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 18–61.
40. *Parales Quenza C.J.* On the structural approach to social representations // Theory and psychology. 2005. Vol. 15. P. 77–100.
41. *Pizarro J., Cakal H., Méndez L., Costa S., Zumeta L.N., Gracia-Leiva M., Basabe N., Navarro-Carrillo G., Cazan A.M., Keshavarzi S., López-López W., Yahiaiev I., Alzugaray-Ponce C., Villagrán L., Moyano-Díaz E., Petrović N., Mathias A., Techio E.M., Włodarczyk A., Alfaro-Beracoechea L.,*

- Ibarra M.L., Psaltis C., Michael A., Mhaskar S., Martinez-Zelaya G., Bilbao M., Delfino G., Carvalho C.L., Pinto I.R., Mohzin F.Z., Espinosa A., Cueto R.M., Cavalli S. Tell me what you are like and I will tell you what you believe in: Social representations of COVID-19 in the Americas, Europe and Asia // *Papers on Social Representations*. 2020. Vol. 29. P. 2.1–2.38.
42. Pozzi M., Fasanelli R., Marta E., Ellena A.M., Virgilio G., Di Taranto A., Pistoni C. Social Representation of Family: A Comparative Study on Italian Young and Older Adults // *Journal of Family*. 2021. P. 752–768. DOI:10.1177/0192513X21994160
43. Prost M., Piermattéo A., Lo Monaco G. Représentations sociales et distanciation intergroupe: Étude de la régulation structurale de la divergence représentationnelle. CIPS 2022. Bordeaux. 11–13 juillet, 2022.
44. Rateau P., Lo Monaco G. The Mute Zone of Social Representations and the Effects of (Un) Masking: Review and Prospects // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2021. Vol. 18. P. 375–390. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-375-390
45. Rateau P., Moliner P., Guimelli C., Abric J. Social representation theory // *Handbook of theories of social psychology: volume 2* / In P.A. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (Eds.). SAGE Publications Ltd, 2012. P. 477–497.
46. Rateau P., Tavani J.-L., Delouée S. Social representations of the coronavirus and causal perception of its origin: The role of reasons for fear // *Health*. 2021. DOI:10.1177/13634593211005172
47. de Rosa A.S. Mise en réseau scientifique et cartographie de la dissémination de la théorie des représentations sociales et son impact sur la culture bibliométrique // *Les représentations sociales: Théories, méthodes et applications* / In G. Lo Monaco, S. Delouée, P. Rateau (Eds.). Bruxelles: De Boeck Supérieur, 2016. P. 51–68.
48. Sherif M. A study of some social factors in perception // *Archives of Psychology*. 1935. 60 p.
49. *The Cambridge Handbook of Social Representations* / In G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 498 p.
50. Tkhostov A.Sh., Rikel A.M., Vialkova M.Ye. Fake News through the Eyes of Three Generations of Russians: Differences and Similarities in Social Representations // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2022. Vol. 15. P. 83–102. DOI:10.11621/pir.2022.0106
51. Vergès P. L'Évocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // *Bulletin de psychologie*. 1992. T. XLV (405). P. 203–209.
52. Wagner W., Kronberger N. Killer tomatoes! Collective symbolic coping with biotechnology // *Representations of the social: Bridging theoretical traditions* / In K. Deaux, G. Philogene (Eds.). Oxford: Blackwell, 2001. P. 147–164.
53. Wagner W., Raudsepp M. Representations in Intergroup Relations: Reflexivity, Meta-Representations, and Interobjectivity // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2021. Vol. 18. P. 332–345. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-332-345

References

1. Vinogradova Ya.E., Gurieva S.D. Metodologicheskie priemy i metody izucheniya sotsial'nykh predstavlenii [Methodological techniques and methods of studying social representations]. *Nauchnoe mnenie = The Scientific Opinion*, 2021, no. 10, pp. 10–13. DOI:10.25807/22224378_2021_10_10 (In Russ.).
2. Volodarskaya E.A. Issledovanie obraza uchenogo v kontekste kontseptsii sotsial'nykh predstavlenii Serzha Moskovisi [The study of a scientist image in the context of the concept of social representations of Serge Moscovici]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2021. Vol. 18, pp. 402–421. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-402-421 (In Russ.).
3. Dontsov A.I., Emel'yanova T.P. Kontseptsiya sotsial'nykh predstavlenii v sovremennoi frantsuzskoi psikhologii [The concept of social representations in modern French psychology]. Moscow: Publ. MGU, 1987. 128 p. (In Russ.).

4. Dontsov A.I., Zotova O.Yu., Tarasova L.V. Sotsial'nye predstavleniya o koronaviruse v nachale pandemii v Rossii [Social representations of COVID-19 at the beginning of the pandemy in Russia]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2021. Vol. 18, pp. 422–444. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-422-444 (In Russ.).
5. Emel'yanova T.P. Razrabotka ponyatiya sotsial'nogo predstavleniya – novyy etap v razvitií kontseptual'nogo apparata sotsial'noy psikhologii [Development of the concept of social representation – a new stage in the development of the conceptual apparatus of social psychology]. In A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko (eds.). *Razrabotka ponyatij sovremennoy psikhologii [Development of the concepts of modern psychology]*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta psikhologii RAN, 2018, pp. 379–400. (In Russ.).
6. Emel'yanova T.P. Sotsial'noye predstavleniye – ponyatiye i kontseptsiya: itogi poslednego desyatiletiya [Social representation – concept and concept: results of the last decade]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2001. Vol. 22, pp. 39–47. (In Russ.).
7. Emel'yanova T.P. Sotsial'nyye predstavleniya: istoriya, teoriya i empiricheskiye issledovaniya [Social Representations: History, Theory, and Empirical Research]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta psikhologii RAN, 2016. 476 p. (In Russ.).
8. Emel'yanova T.P., Israelyan T.V. Fenomen kognitivnoi polifazii v sotsial'nykh predstavleniyakh o dushevnobol'nykh [The Phenomenon of Cognitive Polyphasia in Social Representations on the Mentally Ill]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2021. Vol. 18, pp. 346–362. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-346-362 (In Russ.).
9. Suchkova E.L. Psikhologiya gruppovogo pravosoznaniya osuzhdennykh: usloviya obrazovaniya i strukturno-soderzhatel'naya organizatsiya. Avtoref. diss. ... dokt. psikhol. nauk. [Psychology of group legal awareness of convicts: educational conditions and structural and substantive organization. Dr. Sci. (Psychology) Thesis]. Vologda, 2022. 50 p. (In Russ.).
10. Abrams D., Levine M. Norm formation: Revisiting Sherif's autokinetic illusion study. In J.R. Smith, A. Haslam (Eds.). *Social psychology: Revisiting the classic studies*. Sage Publications Ltd, 2012, pp. 58–75.
11. Abric J.-C. La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales. In J.-C. Abric (ed.). *Méthodes d'étude des représentations sociales*. Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003, pp. 59–80.
12. Bauer M., Gaskell G. Towards a paradigm for research on social representations. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 1999. Vol. 29, pp. 163–186.
13. Ben Alaya D. The Jihadi Current and the Lay Thinking: A “Re-Anchorage” Process Hypothesis. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2021. Vol. 18, pp. 363–374. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-363-374
14. Breakwell G. Empirical Approaches to Social Representations and Identity Processes: 20 Years on. *Papers on Social Representations*, 2011. Vol. 20, pp. 17.1–17.4.
15. Clémence A. Sens et analyse des différences dans les représentations sociales. In J.-C. Abric (ed.). *Méthodes d'étude des représentations sociales*. Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003, pp. 165–178.
16. Dany L., Urdapilleta I., Lo Monaco G. Free associations and social representations: some reflections on rank-frequency and importance-frequency methods. *Quality and Quantity*, 2015. Vol. 49, pp. 489–507.
17. Doise W., Spini D., Clémence A. Human Rights Studies as Social Representations in a Cross-Cultural Context. *European Journal of Social Psychology*, 1999. Vol. 29, pp. 1–29.
18. Eicher V., Emery V., Maridor M., Gilles I., Bangerter A. Social Representations in Psychology: A Bibliometrical Analysis. *Papers on Social Representations*, 2011. Vol. 20, pp. 11.1–11.19.
19. Empirical approaches to social representations. In G. Breakwell, D. Canter (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 1993. 350 p.

20. Farr R.M. The roots of modern social psychology. Oxford: Blackwell Publishers, 1996. 166 p.
21. Farr R.M. Theory and method in the study of social representations. In G.M. Breakwell, D.V. Canter (eds.). *Empirical approaches to social representations*. Oxford: Oxford University Press, 1993, pp. 15–38.
22. Festinger L. A theory of social comparison processes. *Human Relations*, 1954. Vol. 7, pp. 117–140. DOI:10.1177/001872675400700202
23. Flament C., Rouquette M.-L. Anatomie des idées ordinaires. Paris: Armand Colin, 2003. 256 p.
24. Galli I., Fasanelli R. From Prototypical Stimuli to Iconographic Stimuli: The Power of Images in the Study of Social Representations. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2021. Vol. 18, pp. 391–401. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-391-401
25. Jodelet D. Madness and social representations: Living with the mad in one French community. Berkeley: University of California Press, 1991. 316 p.
26. Jodelet D. The Notion of Common and Social Representations. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2021. Vol. 18, pp. 299–314. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-299-314
27. Lahlou S. Social Representations and Individual Representations: What is the Difference? And Why are Individual Representations Similar? *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2021. Vol. 18, pp. 315–331. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-315-331
28. Les représentations sociales: Théories, méthodes et applications. In G. Lo Monaco, S. Delouvé, P. Rateau (eds.). Bruxelles: De Boeck Supérieur, 2016. 656 p.
29. Lo Monaco G., Lheureux F., Halimi-Falkowicz S. Le test d'indépendance au contexte (TIC): une nouvelle technique d'étude de la structure représentationnelle. *Swiss Journal of Psychology*, 2008. Vol. 67, pp. 119–123.
30. Lo Monaco G., Piermattéo A., Rateau P., Tavani J.L. Methods for Studying the Structure of Social Representations: A Critical Review and Agenda for Future Research. *Journal for The Theory of Social Behaviour*, 2017. Vol. 47, pp. 306–331.
31. Moliner P. On Serge Moscovici's 95th Anniversary: The Theory of Social Representations – History, Postulates and Dissemination. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2020. Vol. 17, pp. 524–536.
32. Moliner P. Social psychology of pictures. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2020. 130 p.
33. Moliner P., Abric J.C. Central Core Theory. In G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (eds.). *The Cambridge Handbook Of Social Representations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015, pp. 83–95. DOI:10.1017/CBO9781107323650.009
34. Moliner P., Bovina I.B. Introduction: The Heuristic Value of Social Representations Theory. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2021. Vol. 18, pp. 291–298. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-291-298
35. Moliner P., Guimelli C. Les représentations sociales. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2015. 139 p.
36. Moliner P., Lo Monaco G. Méthodes d'association verbale pour les sciences humaines et sociales. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2017. 190 p.
37. Moscovici S. La Psychanalyse: son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France, 1976. 652 p.
38. Moscovici S. The phenomenon of social representations. In G. Duveen (ed.). *Social representations: explorations in social psychology*. N.Y.: New York University Press, 2000, pp. 18–77.
39. Moscovici S. Why a theory of social representations? In K. Deaux, G. Philogène (eds.). *Representations of the social: bridging theoretical traditions*. Oxford: Blackwell Publishers, 2001, pp. 18–61.
40. Parales Quenza C.J. On the structural approach to social representations. *Theory and psychology*, 2005. Vol. 15, pp. 77–100.
41. Pizarro J., Cakal H., Méndez L., Costa S., Zumeta L.N., Gracia-Leiva M., Basabe N., Navarro-Carrillo G., Cazan A.M., Keshavarzi S., López-López W., Yahiaiev I., Alzugaray-Ponce C.,

- Villagrán L., Moyano-Díaz E., Petrović N., Mathias A., Techio E.M., Włodarczyk A., Alfaro-Beracoechea L., Ibarra M.L., Psaltis C., Michael A., Mhaskar S., Martínez-Zelaya G., Bilbao M., Delfino G., Carvalho C.L., Pinto I.R., Mohzin F.Z., Espinosa A., Cueto R.M., Cavalli S. Tell me what you are like and I will tell you what you believe in: Social representations of COVID-19 in the Americas, Europe and Asia. *Papers on Social Representations*, 2020. Vol. 29, pp. 2.1–2.38.
42. Pozzi M., Fasanelli R., Marta E., Ellena A.M., Virgilio G., Di Taranto A., Pistoni C. Social Representation of Family: A Comparative Study on Italian Young and Older Adults. *Journal of Family*, 2021, pp. 752–68. DOI:10.1177/0192513X21994160
43. Prost M., Piermattéo A., Lo Monaco G. Représentations sociales et distanciation intergroupe: Étude de la régulation structurale de la divergence représentationnelle. *CIPS 2022*, Bordeaux, 11–13 juillet; 2022.
44. Rateau P., Lo Monaco G. The Mute Zone of Social Representations and the Effects of (Un) Masking: Review and Prospects. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2021. Vol. 18, pp. 375–390. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-375-390
45. Rateau P., Moliner P., Guimelli C., Abric J. Social representation theory. In P.A. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (eds.) *Handbook of theories of social psychology: volume 2*. SAGE Publications Ltd, 2012. P. 477–497.
46. Rateau P., Tavani J.-L., Delouée S. Social representations of the coronavirus and causal perception of its origin: The role of reasons for fear. *Health*, 2021. DOI:10.1177/13634593211005172
47. de Rosa A.S. Mise en réseau scientifique et cartographie de la dissémination de la théorie des représentations sociales et son impact sur la culture bibliométrique. In G. Lo Monaco, S. Delouée, P. Rateau (eds.). *Les représentations sociales: Théories, méthodes et applications*. Bruxelles: De Boeck Supérieur, 2016, pp. 51–68.
48. Sherif M. A study of some social factors in perception. *Archives of Psychology*, 1935. 60 p.
49. The Cambridge Handbook of Social Representations. In G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 498 p.
50. Tkhostov A.Sh., Rikel A.M., Vialkova M.Ye. Fake News through the Eyes of Three Generations of Russians: Differences and Similarities in Social Representations. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2022. Vol. 15, pp. 83–102. DOI:10.11621/pir.2022.0106
51. Vergès P. L'Évocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation. *Bulletin de psychologie*, 1992. T. XLV (405), pp. 203–209.
52. Wagner W., Kronberger N. Killer tomatoes! Collective symbolic coping with biotechnology. In K. Deaux, G. Philogene (eds.). *Representations of the social: Bridging theoretical traditions*. Oxford: Blackwell, 2001, pp. 147–164.
53. Wagner W., Raudsepp M. Representations in Intergroup Relations: Reflexivity, Meta-Representations, and Interobjectivity. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2021. Vol. 18, pp. 332–345. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-332-345

Информация об авторах

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, декан факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Мельникова Дарья Вячеславовна, преподаватель кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Лаврешкин Никита Владимирович, психолог, заместитель декана факультета юридической психологии по внеучебной работе, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavreshkinnv@gmail.com

Information about the authors

Inna B. Bovina, PhD in Psychology, Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Dean of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Darya V. Melnikova, Lecturer, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Nikita V. Lavreshkin, Psychologist, Deputy head of Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; Psychologist, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavreshkinnv@gmail.com

Получена 06.06.2022

Принята в печать 22.07.2022

Received 06.06.2022

Accepted 22.07.2022

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Восприятие амбивалентного Другого в условиях контрастного пре-стимульного воздействия

Балева М.В.

ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (ФГАОУ ВО ПГНИУ), г. Пермь, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>, e-mail: milenabaleva@yandex.ru

Цель. Изучение эффектов пре-стимула экстремальной личностной валентности на восприятие объекта с амбивалентными личностными характеристиками.

Контекст и актуальность. В настоящее время широко распространены информационные технологии, целью которых является не просто оповещение, но и формирование определенных взглядов и мнений. Эти технологии используются в медийном пространстве, а также в других сферах социального взаимодействия. Эффекты поведенческого обусловливания, или прайминга, играют важную роль в управлении восприятием. В то же время малоизученным остается вопрос о факторах, приводящих к его прямым (ассимилятивным) и обратным (контрастным) эффектам, что затрудняет даже приблизительный прогноз поведенческих реакций в естественных условиях.

Дизайн исследования. В ходе эксперимента участники смотрели видеointервью с целевым объектом — мужчиной или женщиной, которые отвечали на вопросы Короткого опросника Темной триады, демонстрируя амбивалентную выраженность темных черт. В двух экспериментальных группах восприятия целевого объекта предварялось предъявлением экстремально «плохой» или экстремально «хорошей» личности. В контрольной группе целевой объект предъявлялся без пре-стимульного воздействия. После просмотра участники заполняли шкалу Отношения к целевому объекту. Данные обрабатывались с помощью ANOVA. Дополнительно отслеживались эффекты пола на переменную отношения.

Участники. Выборку составили 608 студентов от 17 до 35 лет ($M=20,17$, $SD=1,53$), из них 173 мужчины (28%) и 435 женщины (72%).

Методы (инструменты). Короткий опросник Темной триады Д. Джонса и Д. Полхуса в адаптации М.С. Егоровой и др., Шкала общего отношения к объекту восприятия С.А. Щебетенко и др.

Результаты. Общее отношение к амбивалентному объекту, измеренное по Шкале общего отношения к объекту восприятия, становится значимо более позитивным после предъявления негативного пре-стимула, чем в контрольных условиях и в условиях предъявления позитивного пре-стимула ($p<0,001$). В выборке мужчин отсутствует статистически значимый эффект негативного пре-стимула на восприятие женщины с амбивалентной выраженностью темных черт ($p>0,10$).

Основные выводы. Пре-стимульное воздействие экстремальной интенсивности может определять эффекты контраста не только в отношении абстрактного объекта, но и в отношении амбивалентной личности. Показано, что предъявление экстремально негативного персонажа, обладающего высокой выраженностью «темных черт», сдвигает в позитивную сторону оценки вос-

принимаемой после него амбивалентной личности. Экстремально позитивный персонаж не обладает аналогичным пре-стимульным эффектом. Действие негативного пре-стимула значимо при восприятии женщинами мужчин, но не распространяется на восприятие мужчинами женщин.

Ключевые слова: социальная перцепция, пре-стимульное воздействие, прайминг, поведенческое обусловливание, эффекты ассимиляции и контраста, темная триада, личностная валентность.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Пермского края в рамках научного проекта № 20-413-590001.

Благодарности. Автор благодарит за помощь в сборе и обработке данных для исследования исполнителей проекта О.И. Полянину и Г.В. Ковалеву.

Для цитаты: Балева М.В. Восприятие амбивалентного Другого в условиях контрастного пре-стимульного воздействия // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 3. С. 26–38. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130303>

Perception of an Ambivalent Other Under Conditions of Contrasting Pre-Stimulation

Milena V. Baleva

Perm State University, Perm, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>, e-mail: milenabaleva@yandex.ru

Objective. *Pre-stimulus effects of extreme personal valence on the perception of an ambivalent person.*

Background. *The purpose of modern information technologies is not only to inform, but also to form certain views and opinions. These technologies are used in the media space, as well as in other areas of social interaction. The effects of behavioral conditioning, or priming, play an important role in the perception construction. At the same time, the question of the factors leading to its direct (assimilative) and inverse (contrast) effects remains poorly understood. Thus, any forecast of behavioral reactions in vivo becomes too imprecise.*

Study design. *During the experiment, participants watched video interviews with a target object (male or female), who answered the Short Dark Triad questions, demonstrating the ambivalence of dark features. In two experimental groups, the perception of the target object was preceded by the presentation of an extremely “bad” or extremely “good” personality. In the control group, the target object was presented without pre-stimulus exposure. After viewing, the participants completed the Target Attitude Scale. The data were processed using ANOVA. Additionally, the effects of gender on the attitude variable were monitored.*

Participants. *The sample consisted of 608 students from 17 to 35 years old ($M=20.17$, $SD=1.53$), including 173 men (28%) and 435 women (72%).*

Measurements. *Short Dark Triad by D. Jones and D. Paulhus, adapted by M.S. Egorova et al., The Scale of the General Attitude to the Perceived Object by S.A. Shchebetenko et al.*

Results. *The general attitude towards an ambivalent object, measured by the Scale of the General Attitude to the Perceived Object, becomes significantly more positive after presentation of a negative pre-stimulus, compared to the control and a positive pre-stimulus conditions ($p<0.001$). In the male sample, there is no significant effect of a negative pre-stimulus on the perception of a woman with an ambivalent representation of dark features ($p>0.10$).*

Conclusions. *Pre-stimulus of extreme intensity can determine the contrast effect not only in perception of abstract object, but also in perception of ambivalent person. It is shown that the preliminary presentation of an extremely negative person shifts the assessment of the ambivalent person upward. An extremely positive person pre-stimulus does not make the same effect. The effect of a negative pre-stimulus is significant in the perception of men by women, but does not extend to the perception of women by men.*

Keywords: *social perception, pre-stimulus effect, priming, behavioral conditioning, effects of assimilation and contrast, dark triad, personal valence.*

Funding. The research was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and Perm Krai, project number 20-413-590001.

Acknowledgements. The author is grateful for assistance in data collection and processing to O.I. Polyanina and G.V. Kovaleva.

For citation: Baleva M.V. Perception of an Ambivalent Other Under Conditions of Contrasting Pre-Stimulation. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 26–38. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130303> (In Russ.).

Введение

Точность прогнозирования реакций, как оценочных, так и поведенческих, является одной из наиболее сложных проблем в экспериментальных исследованиях. Долгое время ее решение традиционно лежало в плоскости контроля условий. Благодаря учету дополнительных факторов и промежуточных переменных действительно удается выявить ограничения, обозначить медиаторы или модераторы исследуемых процессов. Несколько десятилетий назад вопрос экспериментального контроля получил неожиданное развитие. Фокус исследовательского интереса был смещен на прицельное изучение фоновых факторов и их вклад в формирование связи между зависимой и независимой переменной. То есть вместо формального контроля множества имеющихся переменных, которые теоретически могут иметь отношение к итоговой реакции, элементы

«фонового шума» стали рассматриваться как основные независимые переменные. Этот подход вышел за рамки процедурных вопросов и оформился в понятиях дистракции, прайминга, фрейминга, эвристики привязки, а также оценочного обусловливания (см. также: [4; 7]). Каждый из этих терминов соотносится со спецификой экспериментальной процедуры. Однако их общей чертой является поведенческое обусловливание, которое проявляется в последовательном предъявлении стимулов безусловного и условного типа по аналогии с классическим павловским обусловливанием¹.

Большое количество исследований фоновых (пре-стимульных) воздействий как основных позволило обнаружить ряд важных закономерностей, которые открывают перспективу усиления эффекта направленного воздействия на поведение. Вместе с тем результаты в этой области являются достаточно противоречивыми.

¹ В экспериментах такого рода не ставится задача формирования условно-рефлекторных реакций (научения). Вместо этого исследуется отклонение реакции на условный стимул при воздействии безусловного стимула.

Так, например, открытым остается вопрос о соотношении сознательных и бессознательных реакций на пре-стимульное воздействие [13; 14; 17; 19; 20], существует неясность в отношении эффектов прямого (пре-стимульного) и обратного (пост-стимульного) прайминга [17; 19]. Наконец, до сих пор не понятны внутренние механизмы эффектов ассимиляции и контраста, что затрудняет даже грубое прогнозирование поведенческих реакций [3; 6; 11; 19].

Эффекты ассимиляции и контраста. Эффект ассимиляции представляет собой такую ситуацию поведенческого обусловливания, когда смещение реакции происходит в прямом соответствии с содержанием условного стимула. Так, например, обусловливание изображением щенка провоцирует позитивное отношение к объекту, а изображением змеи — негативное. Эффект контраста проявляется в смещении реакции на целевой объект в направлении, противоположном содержанию условного стимула. Так, например, реакция на неприятный звук улучшает оценку объекта.

В социальной психологии эффект ассимиляции известен, прежде всего, по феномену самореализующегося пророчества [18; 22]. Показано, что искусственно выведенная на уровень сознания убежденность в негативном отношении со стороны объекта учитывается (ассимилируется) субъектом восприятия и формирует логичное для данной ситуации поведение, направленное, например, на снижение собственного риска [15; 26]. В данном случае можно говорить о схождении понятий пре-стимульного воздействия и установки, хотя в большинстве случаев они представляют собой независимые феномены. Примером эффекта контраста в социальном поведении могут служить разнообразные прояв-

ления когнитивного диссонанса [9]. Так, например, продемонстрировав на поведенческом уровне автоматическую реакцию, выдающую расовые или гендерные предубеждения, субъект стремится «исправить ошибку», демонстрируя повышенную толерантность в несвязанной ситуации [25].

Феномен ассимиляции интуитивно понятен и объясним с физиологической точки зрения. Он отражает факт ассоциации нейронов в результате простого временного совпадения условного и безусловного стимулов. Феномен контраста не вполне понятен с точки зрения лежащих в его основе механизмов, что порождает многообразие интерпретаций (см.: [10; 16; 27; 28]).

Одно из возможных объяснений связано с понятием ассоциативной разрядки, с помощью которого можно интерпретировать, например, более высокие положительные оценки нейтрального объекта после резкого неприятного крика. Предполагается, что прекращение действия авersiveного стимула вызывает облегчение, которое ассоциативно связывается с целевым объектом (см.: [11, с. 351]).

Теория включения-исключения [24] связывает эффекты ассимиляции и контраста с субъективно воспринимаемыми отношениями между пре-стимульным и целевым объектами: чем выше их содержательное несоответствие и чем более четкими являются границы между ними, тем более вероятен эффект контраста. Так, например, было обнаружено, что оценки размера несуществующего животного меняются по принципу ассимиляции или контраста в зависимости от масштаба пре-стимульного объекта: в случае размеров умеренного масштаба наблюдается ассимиляция, а в случае экстремального (малого или большого) — контраст. Экстремальный масштаб

пре-стимульного объекта делает его более отличимым от целевого объекта и непохожим на него.

Явление контраста после экстремального прайминга можно объяснить также, опираясь на понятие «точка отсчета», описанное в когнитивной психологии (см.: [2, с. 466]). При восприятии любого объекта мы оцениваем выраженность его характеристик, обращаясь к условной норме. В качестве таковой могут выступать средний рост, средние умственные способности или средние показатели нравственности, принятой в некой культурной среде. Восприятие экстремальных образцов любого качества сдвигает значение среднего. Для этого сдвига совсем не требуются множественные наблюдения отклоняющихся случаев. Объект высокой интенсивности произвольно захватывает внимание и приобретает тем самым повышенную значимость и убедительность. В частности, это проявляется в том, что человек делает неправомерные обобщения на примере одного-единственного случая, т.е. придает ему статус широко распространенного (нормального) явления.

Целью настоящего исследования является изучение эффектов пре-стимула экстремальной личностной валентности на восприятие объекта с амбивалентными личностными характеристиками.

Выдвигается *гипотеза* о контрастном эффекте экстремального пре-стимула на отношение к амбивалентному объекту: после восприятия экстремально «плохой» личности отношение к амбивалентному объекту будет улучшаться, а после восприятия экстремально «хорошей» личности — ухудшаться. Дополнительно выдвигается предположение об универсальности данного эффекта с точки зрения его независимости от пола субъекта и объекта восприятия.

Метод

Схема проведения исследования.

Сбор материалов проводился с помощью платформы Anketolog (профессиональная версия) в онлайн-формате. В качестве стимульного и пре-стимульного воздействия использовались специально сконструированные видеопроцедуры с объектами мужского и женского пола, которые отвечали на вопросы Короткого опросника Темной триады [1] как абсолютно «плохая», абсолютно «хорошая» и «амбивалентная» личности. В первом случае ответы давались в полном соответствии с ключом по шкалам макиавеллизма, нарциссизма и психопатии, во втором случае — в полном несовпадении с ним, а в третьем случае они в 50% случаев совпадали, а в 50% случаев противоречили ключу. Роли «хорошего», «плохого» и «амбивалентного» персонажей играли одни и те же исполнители — студенты, обучающиеся по направлению «Актерское искусство», юноша и девушка. Во время интервью они сидели на фоне нейтральной стены, вполоборота к камере, захватывающей верхнюю часть их фигур. Их взгляд был направлен на интервьюера, находившегося за кадром.

Интервью с «хорошей» и «плохой» личностью предъявлялись в качестве пре-стимула примерно в равных пропорциях участникам двух экспериментальных групп. Интервью с «амбивалентной» личностью предъявлялось в качестве целевого стимула. Участники контрольной группы не подвергались пре-стимульному воздействию, т.е. смотрели интервью только с «амбивалентной» личностью. После просмотра каждого интервью давалась инструкция оценить его персонажа по Шкале общего отношения к объекту восприятия [8].

Выборка исследования. Выборку составили 608 студентов от 17 до 35 лет

($M=20,17$, $SD=1,53$), из них 173 мужчины (28%) и 435 женщин (72%). Все участники давали письменное согласие на обработку персональных данных и подтвердили добровольность своего участия. В качестве поощрения за участие студенты получали 10% дополнительных баллов по академическим курсам в рамках психологических дисциплин.

Методы исследования. Короткий опросник Темной триады [1] включал 27 утверждений, с которыми персонажам интервью необходимо было выразить свое согласие или несогласие. На каждую шкалу приходилось по 9 пунктов. В связи с тем, что их количество было нечетным, на один вопрос каждой шкалы амбивалентные персонажи интервью давали неопределенный ответ, типа «не знаю» или «трудно сказать».

Шкала общего отношения к объекту восприятия [8] состояла из 15 вопросов, позволяющих измерить когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты отношения к объекту восприятия. Ответы варьировались в диапазоне

пятибалльной шкалы от «совершенно не согласен» до «совершенно согласен».

Результаты

Анализ распределения и согласованности компонентов аттитюда. По данным описательной статистики (табл. 1) был сделан вывод о соответствии данных закону нормального распределения во всех трех группах: $As=|0,01| \div |0,36|$, $Ex=|0,02| \div |0,74|$.

Анализ корреляций между компонентами аттитюда (табл. 2) свидетельствовал об их высокой взаимной согласованности. На этом основании была сформирована интегративная переменная общего отношения к объекту, которая использовалась в основных анализах в качестве зависимой. Данная переменная рассчитывалась как среднее показателей когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов аттитюда. Ее значения колебались в диапазоне от 1,33 до 5,0 ($M=3,22$, $SD=0,75$; $As=-0,12$, $Ex=-0,39$). Содержательно оценка в 3,0 балла трактовалась как нейтральное (не-

Таблица 1

Описательные статистики компонентов аттитюда в двух экспериментальных и контрольной группах (N=608)

Компоненты аттитюда:	M	SD	As	SE (As)	Ex	SE (Ex)
Экспериментальная группа с позитивным пре-стимулом (n=214)						
Когнитивный	3,03	0,73	-0,15	0,17	-0,20	0,33
Эмоциональный	3,16	0,81	-0,12	0,17	-0,35	0,33
Поведенческий	3,18	0,79	-0,26	0,17	-0,19	0,33
Контрольная группа (n=202)						
Когнитивный	3,00	0,75	0,11	0,17	-0,35	0,34
Эмоциональный	3,14	0,86	-0,19	0,17	-0,74	0,34
Поведенческий	3,22	0,82	-0,01	0,17	-0,64	0,34
Экспериментальная группа с негативным пре-стимулом (n=192)						
Когнитивный	3,32	0,78	-0,36	0,18	-0,03	0,35
Эмоциональный	3,50	0,82	-0,51	0,18	0,03	0,35
Поведенческий	3,51	0,79	-0,25	0,18	0,02	0,35

определенное) отношение к амбивалентному персонажу, а оценки ниже и выше данного значения свидетельствовали о «скорее негативном» и «скорее позитивном» отношении соответственно.

Таблица 2
Коэффициенты корреляций
(по Пирсону) компонентов аттитюда
в общей выборке участников (N=608)

Компоненты аттитюда:	1	2	3
1. Когнитивный		0,82	0,79
2. Эмоциональный	0,82		0,81
3. Поведенческий	0,79	0,81	

Примечание: $p < 0,001$.

Анализ эффектов пре-стимульного воздействия. Результаты однофакторного дисперсионного анализа показателей общего отношения к целевому объекту после предъявления негативного и позитивного пре-стимулов (в сравнении с контрольной группой) приводятся на рис. 1.

Анализ выявил наличие значимых различий в общей оценке целевого ам-

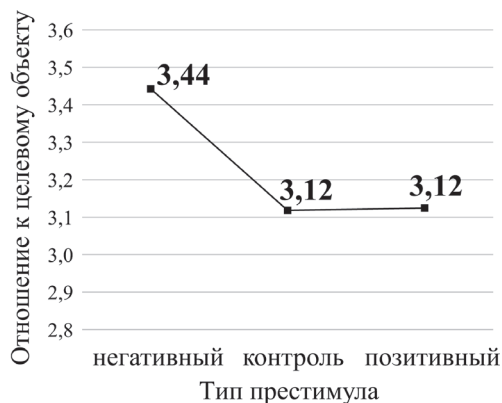

Рис. 1. Общая оценка целевого амбивалентного объекта в условиях разных типов пре-стимульного воздействия:

$F(2, 605) = 12,43, p < 0,001$;
Levene $F(2, 605) = 0,93, p > 0,10$

бивалентного объекта после предъявления пре-стимулов разного типа ($F(2, 605) = 12,43, p < 0,001$). Post-hoc сравнения показали, что общее отношение к объекту восприятия становилось значимо выше после предъявления негативного пре-стимула, чем в контрольных условиях ($p < 0,001$) и в условиях предъявления позитивного пре-стимула ($p < 0,001$).

Анализ специфики обнаруженно-го эффекта в связи с полом субъекта и объекта восприятия был проведен с помощью двухфакторного дисперсионного анализа. Это позволило зафиксировать различия при восприятии женщинами и мужчинами объектов своего и противоположного пола. Результаты двухфакторного анализа представлены на рис. 2.

Анализ показал, что в выборке мужчин в целом отсутствовал статистически значимый эффект негативного пре-стимула на восприятие целевого объекта ($p > 0,10$). Однако post-hoc сравнения свидетельствовали о том, что это справедливо только в отношении восприятия женщин (пунктирная линия на графике). В то же время при восприятии мужчинами объекта своего пола эффект все же наблюдался: после негативного пре-стимула амбивалентный мужчина воспринимался ими более позитивно, чем в условиях контроля ($p < 0,10$) и позитивного пре-стимула ($p < 0,05$).

В выборке женщин эффект негативного пре-стимула на восприятие целевого объекта, наоборот, оказался значимым ($p > 0,001$) и проявился при восприятии объектов обоего пола. После предъявления негативного пре-стимула объект женского пола оценивался более позитивно, чем в условиях контроля ($p > 0,001$) и позитивного пре-стимула ($p > 0,001$), а объект-мужчина после предъявления не-

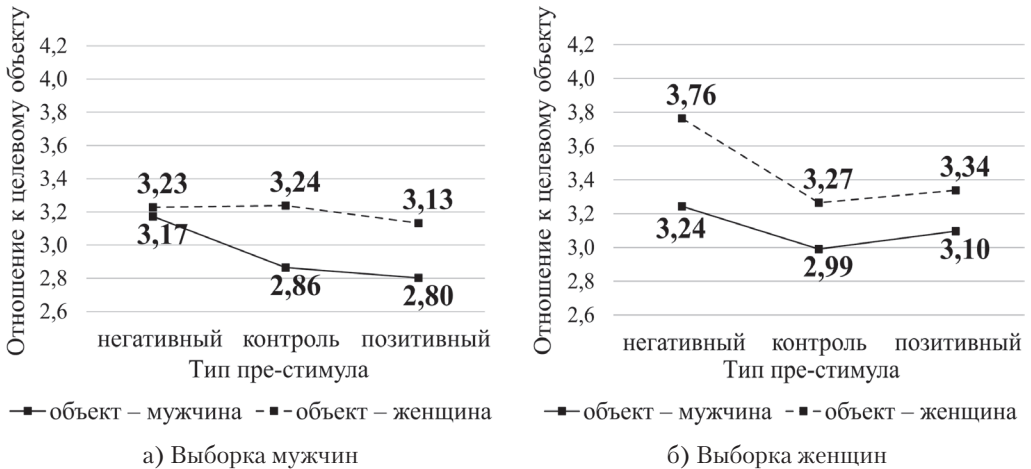

Рис. 2. Общая оценка целевого амбивалентного объекта в условиях разных типов пре-стимульного воздействия с учетом пола субъекта и объекта восприятия:

а) $F(2, 167)=1,63, p>0,10$; Levene $F(2, 167)=1,75, p>0,10$;
 б) $F(2, 429)=10,45, p>0,001$; Levene $F(2, 605)=0,43, p>0,10$

гативного пре-стимула оценивался более положительно по сравнению с контрольными условиями восприятия ($p>0,05$).

Обсуждение результатов

Изучив эффекты пре-стимульного воздействия на восприятие амбивалентного Другого, мы обнаружили, что его оценка чувствительна к воздействию негативного прайминга. После предъявления объекта с экстремально «плохой» личностной валентностью оценки амбивалентного персонажа сдвигаются в позитивную сторону. Другими словами, на фоне выраженных негативных черт нейтральный объект воспринимается как «скорее хороший», что соответствует среднему баллу 3,44. Таким образом, наша гипотеза об эффекте контраста как вероятном исходе восприятия амбивалентной личности подтвердилась в отношении негативного, но не подтвердилась в отношении позитивного пре-стимула. Почему аттитюд обнару-

живает чувствительность к негативной личностной информации, но резистентен в отношении позитивной? На наш взгляд, этот факт можно проинтерпретировать с позиций теории управления ошибками [12], которая объясняет явную асимметрию в оценках или решениях разной степени тяжести последствий неверного выбора. С этой точки зрения ошибочное игнорирование «плохого» объекта можно оценить как более рискованное, чем игнорирование «хорошего». В результате экстремально «плохой» персонаж, как более важный, привлекает внимание, а экстремально «хороший» — игнорируется. Это позволяет сэкономить когнитивный ресурс без риска опасных последствий.

Исключением из общей закономерности, обнаруженной в нашем исследовании, является ситуация межполового восприятия женщин мужчинами. Обнаружено, что отношение мужчин к женщинам не подвержено влиянию негатив-

ного пре-стимула. Чем можно объяснить этот факт? Теоретически нечувствительность к контексту может быть обусловлена повышенной концентрацией на объекте, вызванной разными причинами. Одной из них может выступать полнезависимость. В исследовании Н.П. Радчиковой и И.А. Попкович было показано, что полнезависимые субъекты обнаруживают пониженную чувствительность к праймингу [5]. Второй причиной может являться повышенная заметность объекта, обусловленная либо его физической интенсивностью, либо релевантностью для субъекта (соответствие установкам наблюдателя). В ситуации межполового восприятия, которая в социальной психологии традиционно рассматривается как специфический случай социальной перцепции [23], такая версия может иметь основания, однако она нуждается в дополнительной проверке. Кроме того, остается непонятным, почему аналогичная индифферентность к негативному пре-стимулу не наблюдается у женщин при восприятии мужчин.

Заключение

Результаты нашего исследования показали, что пре-стимульное воздействие экстремальной интенсивности может определять эффекты восприятия не только в отношении абстрактных объектов, но и в отношении амбивалентных личностей. Показано, что предъявление экстремально негативного персонажа, обладающего высокой выраженностью «темных черт», сдвигает в позитивную сторону оценки воспринимаемого после него «среднего» (амбивалентного) человека. Экстремально позитивный персонаж не обладает аналогичным пре-стимульным эффектом. Обнаружено также, что действие негативного пре-стимула не распространяется на ситуа-

цию межполового восприятия объектов женского пола.

Полученные результаты могут использоваться в сферах социального восприятия, предполагающих целенаправленное управление впечатлением. К ним относятся массмедиа, маркетинг, а также отдельные аспекты педагогической и терапевтической деятельности.

В качестве ограничения проведенного исследования следует признать выборку, состоящую из студентов. Возможно, именно возрастом и статусом участников можно объяснить выявленную специфику восприятия женщин мужчинами. Это обстоятельство предполагает продолжение исследований пре-стимульных эффектов на других выборках. Еще одним направлением дальнейших исследований представляется изучение пре-стимульного воздействия в сфере разных контекстов предъявления целевой информации. Так, например, новостной или образовательный контексты сами по себе могут выступать факторами перцептивного фрейминга. Не менее важными переменными являются и личностные особенности субъекта и объекта восприятия, а также их исходные установки в отношении друг друга. В недавнем метаанализе, представленном Р. Рау и его коллегами [21], обнаружено, что эффекты социальной перцепции имеют иерархическую структуру, определяемую как общим (позитивным или негативным) отношением к Другому, так и личностной предрасположенностью субъекта к оценкам выраженности конкретных черт. Дополнительными переменными выступают также наблюдаемость (*observability*) и оценочность (*evaluativeness*) диспозиционных черт объекта, а также степень его активности. Эти данные открывают широкое поле для системных исследований пре-стимульного воздействия в сфере социального восприятия.

Литература

1. *Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В.* Адаптация Короткого опросника Темной триады [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Том 8. № 43. С. 1. DOI:10.54359/ps.v8i43.1052
2. *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2018. 653 с.
3. *Костина Д.И.* Условия возникновения негативного прайминг-эффекта // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. 2017. № 7(1). С. 55–65. DOI:10.21638/11701/spbu16.2017.1
4. *Костригин А.А., Петренко В.Ф.* Оценочный прайминг как перспективный метод анализа бессознательных личностных установок: обзор зарубежных исследований // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 1(112). С. 132–147. DOI:10.20323/1813-145X-2020-1-112-131-14
5. *Радчикова Н.П., Полкович И.А.* Влияние прайминга на типичность категорий объектов у полезависимых и полезависимых студентов // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2008. № 5. С. 81–84.
6. *Расказова Е.И., Мигунова Ю.М.* Позитивный и негативный прайминг как фактор возникновения телесных ощущений в норме (на примере ощущений в области головы и шеи) // Экспериментальная психология. 2018. № 11(3). С. 94–107. DOI:10.17759/expsy.2018110307
7. *Фаликман М.В., Койфман А.Я.* Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2005. № 3. С. 86–97.
8. *Щебетенко С.А., Балева М.В., Корниенко Д.С.* Стереотип и социальная угроза как факторы восприятия иммигрантов русскими // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. 2007. № 3(1). С. 57–69.
9. *Festinger L.* A theory of cognitive dissonance. Stanford University Press, 1957. 291 p.
10. *Förster J., Liberman N., Kuschel S.* The effect of global versus local processing styles on assimilation versus contrast in social judgment // Journal of Personality and Social Psychology. 2008. № 94(4). P. 579–599. DOI:10.1037/0022-3514.94.4.579
11. *Green L.J.S., Luck C.C., Gawronski B., Lipp O.V.* Contrast effects in backward evaluative conditioning: Exploring effects of affective relief/disappointment versus instructional information // Emotion. 2021. № 21(2). P. 350–359. DOI:10.1037/emo0000701
12. *Haselton M.G., Buss D.M.* Error management theory: A new perspective on biases in cross-sex mind reading // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. № 78(1). P. 81–91. DOI:10.1037/0022-3514.78.1.81
13. *Hu X., Gawronski B., Balas R.* Propositional versus dual-process accounts of evaluative conditioning: I. The effects of cooccurrence and relational information on implicit and explicit evaluations // Personality and Social Psychology Bulletin. 2017a. № 43(1). P. 17–32. DOI:10.1177/0146167216673351
14. *Hu X., Gawronski B., Balas R.* Propositional versus dual-process accounts of evaluative conditioning: II. The effectiveness of counter-conditioning and counter-instructions in changing implicit and explicit evaluations // Social Psychological & Personality Science. 2017b. № 8(8). P. 858–866. DOI:10.1177/1948550617691094
15. *Jones S.C., Panitch D.* The self-fulfilling prophecy and interpersonal attraction // Journal of Experimental Social Psychology. 1971. № 7(3). P. 356–366. DOI:10.1016/0022-1031(71)90034-5
16. *Ledgerwood A., Chaiken S.* Priming us and them: Automatic assimilation and contrast in group attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. 2007. № 93(6). P. 940–956. DOI:10.1037/0022-3514.93.6.940
17. *Mallan K.M., Lipp O.V., Libera M.* Affect, attention, or anticipatory arousal? Human blink startle modulation in forward and backward affective conditioning // International Journal of Psychophysiology. 2008. № 69(1). P. 9–17. DOI:10.1016/j.ijpsycho.2008.02.005
18. *Merton R.K.* “The Self-Fulfilling Prophecy” // The Antioch Review. 1948. № 8(2). P. 193–210. DOI:10.2307/4609267

19. Moran T., Bar-Anan Y. The effect of object-valence relations on automatic evaluation // *Cognition and Emotion*. 2013. № 27(4). P. 743–752. DOI:10.1080/02699931.2012.732040
20. Olson M.A., Fazio R.H. Implicit attitude formation through classical conditioning // *Psychological Science*. 2001. № 12(5). P. 413–417. DOI:10.1111/1467-9280.00376
21. Rau R., Carlson E.N., Back M.D., Barranti M., Gebauer J.E., Human L.J., Leising D., Nestler S. What is the structure of perceiver effects? On the importance of global positivity and trait-specificity across personality domains and judgment contexts // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2021. № 120(3). P. 745–764. DOI:10.1037/pspp0000278
22. Rosenthal R., Jacobson L. Pygmalion in the classroom // *Urban Review*. 1968. № 3. P. 16–20. DOI:10.1007/BF02322211
23. Rudman L.A., Goodwin S.A. Gender differences in automatic in-group bias: why do women like women more than men like men? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004. № 87(4). P. 494–509. DOI:10.1037/0022-3514.87.4.494
24. Schwarz N., Bless H. *Mental Construal Processes: The Inclusion/Exclusion Model* // *Assimilation and contrast in social psychology* / D.A. Stapel, J. Suls (Eds.). Psychology Press, 2007. P. 119–141.
25. Sherman S.J., Gorkin L. Attitude bolstering when behavior is inconsistent with central attitudes // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1980. № 16(4). P. 388–403. DOI:10.1016/0022-1031(80)90030-X
26. Snyder M., Swann W.B. Hypothesis-testing processes in social interaction // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1978. № 36(11). P. 1202–1212. DOI:10.1037/0022-3514.36.11.1202
27. Stapel D.A., Koomen W. I, we, and the effects of others on me: How self-construal level moderates social comparison effects // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001. № 80(5). P. 766–781. DOI:10.1037/0022-3514.80.5.766
28. Stapel D.A., Suls J. Method Matters: Effects of Explicit Versus Implicit Social Comparisons on Activation, Behavior, and Self-Views // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004. № 87(6). P. 860–875. DOI:10.1037/0022-3514.87.6.860

References

1. Egorova M.S., Sitnikova M.A., Parshikova O.V. Adaptatsiya Korotkogo oprosnika Temnoi triady [Adaptation of the Short Dark Triad] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskie Issledovaniya = Psychological research*, 2015. Vol. 8, no. 43, pp. 1. DOI:10.54359/ps.v8i43.1052 (In Russ.).
2. Kaneman D. Dumai medlenno... reshaj bystro [Thinking, fast and slow]. Moscow: AST Publ. 653 p. (In Russ.).
3. Kostina D.I. Usloviya vozniknoveniya negativnogo praiming-effekta [Conditions affecting the negative priming effect occurrence]. *Vestnik SPbGU. Psikhologiya i pedagogika = St. Petersburg State University Bulletin. Psychology and Pedagogy Series*, 2017, no. 7(1), pp. 55–65. DOI:10.21638/11701/spbu16.2017.1 (In Russ.).
4. Kostigrin A.A., Petrenko V.F. Otsenochnyi praiming kak perspektivnyi metod analiza bessoznatel'nykh lichnostnykh ustanovok: obzor zarubezhnykh issledovaniy [Evaluative priming as a promising method of the study of unconscious personal attitudes: the review of foreign research]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2020, no. 1(112), pp. 132–147. DOI:10.20323/1813-145Kh-2020-1-112-131-14 (In Russ.).
5. Radchikova N.P., Popkovich I.A. Vliyanie praiminga na tipichnost' kategorii ob'ektov u polezavisimykh i polenezavisimykh studentov [Influence of priming on the typicality of object categories in field-dependent and field-independent students]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E. Pedagogicheskie nauki = Bulletin of Polotsk State University. Series E. Pedagogical Sciences*, 2008, no. 5, pp. 81–84. (In Russ.).

6. Rasskazova E.I., Migunova Yu.M. Pozitivnyi i negativnyi priming kak faktor vozniknoveniya telesnykh oshchushchenii v norme (na primere oshchushchenii v oblasti golovy i shei) [Positive and negative priming as a factor of bodily sensations in the healthy controls (on the sensations in head and neck)]. *Ekspperimental'naya psikhologiya = Experimental psychology (Russia)*, 2018, no. 11(3), pp. 94–107. DOI:10.17759/exppsy.2018110307 (In Russ.).
7. Falikman M.V., Koifman A.Ya. Vidy priminga v issledovaniyakh vospriyatiya i pertseptivnogo vnimaniya [Types of priming in studies of perception and perceptual attention]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2005, no. 3, pp. 86–97. (In Russ.).
8. Shchebetenko S.A., Baleva M.V., Kornienko D.S. Stereotip i sotsial'naya ugroza kak faktory vospriyatiya immigrantov russkimi [Stereoype and social threat as factors of Russians perception of immigrants]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo instituta iskusstva i kul'tury = Bulletin of the Perm State Institute of Art and Culture*, 2007, no. 3(1), pp. 57–69. (In Russ.).
9. Festinger L. A theory of cognitive dissonance. Stanford University Press, 1957. 291 p.
10. Frster J., Liberman N., Kuschel S. The effect of global versus local processing styles on assimilation versus contrast in social judgment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008, no. 94(4), pp. 579–599. DOI:10.1037/0022-3514.94.4.579
11. Green L.J.S., Luck C.C., Gawronski B., Lipp O.V. Contrast effects in backward evaluative conditioning: Exploring effects of affective relief/disappointment versus instructional information. *Emotion*, 2021, no. 21(2), pp. 350–359. DOI:10.1037/emo0000701
12. Haselton M.G., Buss D.M. Error management theory: A new perspective on biases in cross-sex mind reading. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000, no. 78(1), pp. 81–91. DOI:10.1037/0022-3514.78.1.81
13. Hu X., Gawronski B., Balas R. Propositional versus dual-process accounts of evaluative conditioning: I. The effects of cooccurrence and relational information on implicit and explicit evaluations. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2017a, no. 43(1), pp. 17–32. DOI:10.1177/0146167216673351
14. Hu X., Gawronski B., Balas R. Propositional versus dual-process accounts of evaluative conditioning: II. The effectiveness of counter-conditioning and counter-instructions in changing implicit and explicit evaluations. *Social Psychological & Personality Science*, 2017b, no. 8(8), pp. 858–866. DOI:10.1177/1948550617691094
15. Jones S.C., Panitch D. The self-fulfilling prophecy and interpersonal attraction. *Journal of Experimental Social Psychology*, 1971, no. 7(3), pp. 356–366. DOI:10.1016/0022-1031(71)90034-5
16. Ledgerwood A., Chaiken S. Priming us and them: Automatic assimilation and contrast in group attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2007, no. 93(6), pp. 940–956. DOI:10.1037/0022-3514.93.6.940
17. Mallan K.M., Lipp O.V., Libera M. Affect, attention, or anticipatory arousal? Human blink startle modulation in forward and backward affective conditioning. *International Journal of Psychophysiology*, 2008, no. 69(1), pp. 9–17. DOI:10.1016/j.ijpsycho.2008.02.005
18. Merton R.K. “The Self-Fulfilling Prophecy”. *The Antioch Review*, 1948, no. 8(2), pp. 193–210. DOI:10.2307/4609267
19. Moran T., Bar-Anan Y. The effect of object-valence relations on automatic evaluation. *Cognition and Emotion*, 2013, no. 27(4), pp. 743–752. DOI:10.1080/02699931.2012.732040
20. Olson M.A., Fazio R.H. Implicit attitude formation through classical conditioning. *Psychological Science*, 2001, no. 12(5), pp. 413–417. DOI:10.1111/1467-9280.00376
21. Rau R., Carlson E.N., Back M.D., Barranti M., Gebauer J.E., Human L.J., Leising D., Nestler S. What is the structure of perceiver effects? On the importance of global positivity and trait-specificity across personality domains and judgment contexts. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2021, no. 120(3), pp. 745–764. DOI:10.1037/pspp0000278

22. Rosenthal R., Jacobson L. Pygmalion in the classroom. *Urban Review*, 1968, no. 3, pp. 16–20. DOI:10.1007/BF02322211
23. Rudman L.A., Goodwin S.A. Gender differences in automatic in-group bias: why do women like women more than men like men? *Journal of Personality and Social Psychology*, 2004, no. 87(4), pp. 494–509. DOI:10.1037/0022-3514.87.4.494
24. Schwarz N., Bless H. Mental Construal Processes: The Inclusion/Exclusion Model. In: Stapel D.A., Suls J. (Eds.). *Assimilation and contrast in social psychology*. Psychology Press, 2007, pp. 119–141.
25. Sherman S.J., Gorkin L. Attitude bolstering when behavior is inconsistent with central attitudes. *Journal of Experimental Social Psychology*, 1980, no. 16(4), pp. 388–403. DOI:10.1016/0022-1031(80)90030-X
26. Snyder M., Swann W.B. Hypothesis-testing processes in social interaction. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1978, no. 36(11), pp. 1202–1212. DOI:10.1037/0022-3514.36.11.1202
27. Stapel D.A., Koomen W. I, we, and the effects of others on me: How self-construal level moderates social comparison effects. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2001, no. 80(5), pp. 766–781. DOI:10.1037/0022-3514.80.5.766
28. Stapel D.A., Suls J. Method Matters: Effects of Explicit Versus Implicit Social Comparisons on Activation, Behavior, and Self-Views. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2004, no. 87(6), pp. 860–875. DOI:10.1037/0022-3514.87.6.860

Информация об авторах

Балева Милена Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития, доцент кафедры общей и клинической психологии, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (ФГАОУ ВО ПГНИУ), г. Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>, e-mail: milenabaleva@yandex.ru

Information about the authors

Milena V. Baleva, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Developmental Psychology, Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>, e-mail: milenabaleva@yandex.ru

Получена 01.08.2021

Принята в печать 22.07.2022

Received 01.08.2021

Accepted 22.07.2022

Я-мать-отец: исследование внутрисемейной перцепции и идентификации методами окулографии и проекции

Шнейдер Л.Б.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО МПГУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3517-0873>, e-mail: lshejder@yandex.ru

Цель. Выявление особенностей восприятия взрослыми детьми себя и своих родителей, изучение идентификации как отождествления (схожести) образа Я взрослых детей с образом отца и матери с использованием айтрекинг-технологии и проективного подхода.

Контекст и актуальность. В современном мире изменяются механизмы идентифицирования и социального восприятия, многочисленные онлайн-интеракции (с чужими, незнакомыми людьми) происходят параллельно с офлайн-взаимодействием, в силу чего открытым становится вопрос о значимости образов родителей в семейном идентифицировании и перцепции.

Дизайн исследования. С использованием окулографической технологии и проективных процедур определялись характеристики самовосприятия, затем путем сопоставления и сравнения выявлялась степень отождествления (схожести) образа Я взрослых детей с образом отца и матери, проверялась взаимосвязь полученных образов.

Участники. В исследовании приняли участие 132 человека, обучающихся в бакалавриате и магистратуре московских вузов, из них лиц женского пола – 94 (71%), мужского – 38 (29%). Возраст испытуемых – от 16 до 46 лет ($M=20,9$, $SD=6,2$).

Методы (инструменты). Диагностические методы (окулографические и проективные), методы сравнительного анализа и математической статистики.

Результаты. В итоге исследования произведена оценка диагностических процедур, представлена описание выявленной специфики самоидентификации, социальной перцепции и семейной идентификации, произведен сравнительный анализ результатов перцептивных и идентификационных процессов у участников исследования.

Основные выводы. Процесс идентификации, несмотря на множасьую и углубляющуюся виртуализацию современного мира, постоянно происходит в значимых, субъект-субъектных отношениях. Современная городская семья не «распадается» на индивидуальности, но меняет уровни и формы интеграции между ними. Повышенная значимость биологической семьи и отношений с родителями демонстрирует сходство в воспроизведении своего и родительского образа по гендерным характеристикам и личностным свойствам. Мать – значимый эталон для эмоциональной и личностной идентификации (приватная сфера самоосуществления) взрослых детей. Для формирования аксиологической направленности (публичная сфера самоосуществления) таким эталоном становится отец. В восприятии родителей обнаруживаются больше имитационных моментов, в идентификации – экспликационных.

Ключевые слова: окулография, проекция, визуальные стимулы, взрослые дети, мать, отец, социальная перцепция, семейная идентификация, сходство, различия.

Благодарности. Автор благодарит профессора РосНОУ А.С. Огнева за методическое и техническое содействие в организации исследования и студентку РосНОУ П.А. Масленникову за помощь в сборе исследовательских данных.

Для цитаты: Шнейдер Л.Б. Я-мать-отец: исследование внутрисемейной перцепции и идентификации методами окулографии и проекции // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 3. С. 39–61. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130304>

I am Mother-Father: a Study of Intra-Family Perception and Identification by Oculography and Projection Methods

Lidiya B. Shneyder

Moscow pedagogical state University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3517-0873>, e-mail: lshejder@yandex.ru

Objective. *Identification of the peculiarities of adult children's perception of themselves and their parents, the study of identification as identification (similarity) of the image of the self of adult children with the image of the father and mother using the eye-tracking technology and the projective approach.*

Background. *Context and relevance. In the modern world, the mechanisms of identification and social perception are changing, and numerous online interactions (with strangers, strangers) occur in parallel with offline interaction. Therefore, the question of the significance of the images of parents in family identification and perception becomes open.*

Study design. *Using oculography technology and projective procedures determined characteristics of self-perception, and then by matching and comparison revealed the degree of identification (similarity) of the image I adult children with the image of the father and mother checked the relationship of the obtained images.*

Participants. *The study involved 132 people studying in the bachelor's and master's degree programs of Moscow universities, including 94 (71%) female and 38 (29%) male students. The age of the subjects-from 16 to 46 years (M=20,9, SD=6,2).*

Measurements. *Diagnostic (oculographic and projective), comparative analysis, and mathematical statistics.*

Results. *As a result of the study, the diagnostic procedures were evaluated, a description of the revealed specifics of self-identification, social perception and family identification was presented, and a comparative analysis of the results of perceptual and identification processes in the study participants was made.*

Conclusions. *The process of identification, despite the multiplying and deepening virtualization of the modern world, constantly occurs in significant, subject-subject relations. The modern urban family does not "break up" into individuals, but changes the levels and forms of integration between them. The increased importance of biological family and relations with parents shows a similarity in the reproduction of its parent image, gender performance and personal properties. The mother is a significant standard for emotional and personal identification (the private sphere of self-realization) of adult children, and the father becomes such a standard for the formation of an axiological orientation (the public sphere of self-realization). In the perception of parents, there are more imitative moments, in the identification – explicative ones.*

Keywords: *oculography, projection, visual stimuli, adult children, mother, father, social perception, family identification, similarities, differences.*

Acknowledgements. *The author thanks RosNOU Professor A.S. Ognev for methodological and technical assistance in organizing the research and RosNOU student P.A. Maslennikova for assistance in collecting research data.*

For citation: Shneyder L.B. I am Mother-Father: a Study of Intra-Family Perception and Identification by Ocugraphy and Projection Methods *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 39–61. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130304> (In Russ.).

Введение

Традиционно ребенок воспитывается, идентифицируясь с уже существующим типом наличного бытия. Со времен зарождения психоанализа идентификация трактуется как многофункциональное явление. В настоящее время на социальном уровне идентификация понимается как процесс эмоционального присоединения субъекта к другому индивиду или группе, его ролевого включения в окружающее сообщество и аксиологического принятия установленных норм, правил и образцов. На индивидуальном уровне идентификация истолковывается как открытие, обнаружение в другом человеке продолжения себя самого, а в себе — узнавание внутреннего мира, личностных смыслов и обстоятельств другого человека [15]. Это достаточно важно для того, чтобы быть принятым локальным окружением, ощущать себя его полномочным представителем, компетентным в общении со «своими» и толерантным по отношению к другим людям.

Между тем возникшая цифровая цивилизация свергла с пьедесталов многие психологические соображения об идентификации, зашаталась или вовсе разрушились базовые представления о тождественности элементов, равно так же, как и об их различении, что обусловило появление новых научных проблем и активизировало усилия по их разрешению и преодолению.

Проблема исследования

Любая личность нуждается для собственной идентификации в визуальных и телесных контактах с другими людьми (лицом к лицу). Однако распространение сетевой коммуникации внесло свои коррективы в жизнетворчество современного человека,

изменив существовавшие сообщества и породив многообразие видов виртуального взаимодействия [17]. По сути, понятие «расширенная реальность» (за далекими пределами «своих») стало рассматриваться как новый способ идентификации объектов [9].

В настоящее время появились, закрепились и неимоверным образом расширяются возможности интернет-пространства, обусловленные тем, что с их помощью можно упрощать процессы социальной перцепции, конструировать и реконструировать собственную идентичность, экспериментировать с представлениями о «нашем», «моем» и «чужом». Сама дихотомия «свое—чужое» теряет первоначальное значение, более того, в онлайн-формате на смену естественной идентификации приходит процесс самоконструирования, настроенный на подвижную, изменчивую идентичность [16; 19].

Если ранее идентификация порождала отнесение человеком себя к какой-либо группе, удовлетворяла осознание его сходства с ней и возникающее на этой основе ощущение принадлежности, что базировалось на существовании общих биологических особенностей организма, врожденных особенностей психики, биографическо-этническом подобии и т.д., позволявших объединяться членам данной группы, то сейчас такая позиция отвергается [7].

Происходит отказ от политики идентичности, навязанной социумом, нормами, правилами, семьей и пр., в пользу ее самостоятельного сотворения [3]. Но не все разделяют такие радикальные взгляды. Например, Р. Дженкинс уверен, что для становления образа Я важен одновременный синтез внутренних процессов самопонимания, самоорганизации и

самоосуществления и внешних определений себя другими [26].

Взаимодействие с другими людьми связывает разрозненные жизненные впечатления человека в «трансцендентальное единство апперцепции», неизбежно порождая отождествление с тем объектом, с которым он коммуницирует (в «нормальных» случаях — с образами родителей) [10]. Это важно и для выросших, повзрослевших детей, особенно в период сепарации [1; 5; 6; 11; 20; 22; 23; 24].

В соответствии с этим исследовательское внимание направлено на поиск ответов на следующие вопросы: каковы на сегодняшний момент психосоциальные характеристики социальной перцепции и семейной идентификации в триаде «я-мать-отец»? Являются они значимыми, непосредственно связанными с самовосприятием и собственной социальной идентификацией взрослого человека (повзрослевшего ребенка)? Сохраняется ли преобладание ценностно-ориентационных механизмов семейной идентификации? Исчезают ли пути идентификации себя (своего пола, социального статуса, возраста и пр.) через родителей?

В контексте приведенного эмпирического вопрошания **целевой ориентацией исследования** стало выявление особенностей восприятия взрослыми детьми себя и своих родителей, изучение семейной идентификации как отождествления (схожести) образа Я взрослых детей с образом отца и матери.

Методы и процедура исследования

Поскольку известные и широко распространенные методы анкетирования, наблюдения, интервью, тестирования, самоотчетов и пр. недостаточно полно выявляют специфику социальной перцепции и не позволяют объемно раскрыть картину семейной идентификации, для

достижения поставленной цели и решения основных задач исследования была использована, прежде всего, окулография, позволяющая фиксировать движение глаз человека и создавать карту перемещений его взора. По взаимосвязи визуальной системы и сознания человека можно изучать «закономерности восприятия, мышления, представлений, прослеживать интенции, намерения и установки личности» [2, с. 2].

Выбор в качестве диагностического инструментария окулографии, дополненной (наполненной) проективными технологиями, позволяет выявить специфику социальной перцепции и воссоздать пространство семейной идентификации во всем многообразии. Вербальные методы для изучения внутрисемейной идентификации уже были использованы нами ранее [22], но в них неизбежно, что характерно для всех стандартизованных процедур, обнаруживался эффект социальной желательности. Использование айтрекинг-процедуры в сочетании с предъявляемым проективным стимульным материалом снимает его проявления, повышает точность исследования и правдивость полученных данных. Достаточно просто становится определить, какие элементы изображения привлекают внимание испытуемого, и как долго на них задерживается его взгляд. Такое совпадение (сопряжение), как известно, свидетельствует о взаимосвязи между объектом фиксации взгляда человека и тем, что он пытается осмыслить [4; 14; 21; 25]. По результатам видеозаписи движения глаз с учетом импрессии можно выделить основные когнитивные характеристики личности и описать поведение, не замеченное иным способом. По сути, окулография является технически совершенным и более оснащенным в иерархии диагностических процедур методом, который продолжает собой проективный способ изучения личности. Сравнение двух диагностических линий представлено в табл. 1.

**Сравнение двух диагностических направлений –
проективного и окулографического**

Параметры сравнения	Проективные методы	Окулографические методы
Определение	Проекция — порождение значений, заключающееся в осознанном или бессознательном перенесении субъектом собственных свойств или состояний на внешние объекты, обусловленное влиянием доминирующих ценностей, смыслов и потребностей субъекта	Окулография — определение координат взора и записи его перемещений с учетом того, что на пути передвижения глазных яблок могут быть короткие нерегламентированные, но индивидуально важные остановки (<i>фиксации</i>) на значимом стимуле и резкие перебросы (<i>саккады</i>) с него
Функциональное объяснение	Каждое эмоциональное, двигательное, пространственное проявление индивида несет на себе отпечаток личности	Движение глаз отражает связь визуальной системы и сознания, смотря на слово или объект, испытуемый думает о нем, длительность этого процесса сопоставима с записанным временем фиксации
Диагностический результат	Многообразие свойств личности, ее отношение к другим людям, эмоционально-чувственные проявления, проекции на будущее и др., в том числе и плохо осознаваемые особенности	Пути взгляда, устанавливаемые с помощью методики регистрации движений глаз, позволяют отслеживать специфику когнитивных процессов, выявлять точки пристрастия и интереса личности
Стимульный материал	Цветовые стимулы, вербальные, незавершенные детали (части) рисунков, фраз, текстов, рисуночная продукция	Визуальный стимул на материале текстов, изображений, видеозаписей и графической продукции
Преимущества	<ul style="list-style-type: none"> • простота использования • возможность установления доверительного контакта • легко перейти к анализу значимого содержания, выдвинуть рабочие гипотезы относительно сущности явлений (процессов и пр.) • целостное представление о личности исследуемого без сложных подсчетов и шкал, без требования от него способности вербально выразить свои чувства • сам испытуемый не осознает того, что он раскрывает исследователю 	<ul style="list-style-type: none"> • быстрота диагностических процедур • нет столкновений с различного рода негативными реакциями испытуемого, связанными с проявлениями замкнутости, отказами что-либо выполнять • айтрекинг фиксирует сознательные и неосознаваемые фиксации и перемещения взора • окулографические данные не зависят от отчетов пользователей или их памяти • возможность отойти от интроспекции и получить максимально объективные результаты
Сложности	<ul style="list-style-type: none"> • правильное осмысление принципов интерпретации полученных результатов, анализа их валидности • трудно применим при исследовании больших групп 	<ul style="list-style-type: none"> • необходима точная и надежная калибровка для получения правильных и воспроизводимых экспериментальных данных

В нашем исследовании использовался портативный айтрекер GP-3 с бесконтактной видеозаписью. Стимульный материал предъявлялся на LCD-мониторе с диагональю 15 дюймов и разрешением 1440×900 пикселей, расстояние от наблюдателя — 70 см. Участники обследования неподвижно сидели напротив монитора, их голова не была зафиксирована.

Стимульный материал состоял из 15 слайдов, которые демонстрировались по 15 секунд. Время предъявления разных слайдов было фиксировано. Общее время всей процедуры обследования, включая калибровку по 7 точкам и ее проверку (15 секунд), предъявление слайдов, предтестовую и послетестовую беседу, составляло около 15–20 минут на человека.

Анализ перемещения взора произведен штатной программой BeGaze™, точки пристрастий и интереса созданы при помощи режима АОI с оценкой суммарного времени сосредоточения внимания испытуемых (использовались протоколы «Time Viewed»). В данной статье в качестве результатов рассматривается только процентное соотношение пребывания взгляда в выделенной области с общим временем показа слайда. Согласно **инструкции**, респондентам надо было просто разглядывать представленные на мониторе изображения или текстовый материал.

В качестве стимульного материала предъявлялись следующие слайды:

— слайд № 1 («Ближайшее окружение»), на котором располагались выполненные одним шрифтом и одинаковым размером местоимение «Я», слова «мама», «папа» и фраза «спутник жизни»;

— слайд № 2 («Подобие 1 — я»), на котором в центре экрана располагались фраза «похоже на меня», ряд рисунков,

включавший изображения дерева без каких-либо плодов, головы собаки, фигуры мужчины, а также изображения женщины, головы волка, яблони с яблоками;

— слайд № 3 («Значимость») с фразой в центре «для меня наиболее значимо», окруженной словосочетаниями с одинаковым шрифтом и размером «моя жизнь», «жизнь родителей», «предки и их жизнь», «потомки и их жизнь»;

— слайд № 4 («Я-сферы» — *про себя*), на котором помещались местоимение «Я», обращенный выгнутой стороной вниз полукруг, обращенный выгнутой стороной вверх полукруг, полный круг того же радиуса, равносторонний обращенный вершиной вверх треугольник, косая линия, черная точка;

— слайд № 5 («Психогеометрия» — *мама*), на котором располагались слово «мама», равносторонний треугольник, квадрат, зигзаг, окружность, «клякса», прямоугольник, равнобедренная трапеция, пятиконечная звезда, эллипс и параллелограмм;

— слайд № 6 («Подобие 1 — *мама*»), на котором в центре располагались фраза «похоже на маму», а вокруг ряд рисунков с изображениями дерева без каких-либо плодов, головы собаки, фигуры мужчины и женщины, а также изображения головы волка, яблони с яблоками (плодоносящего дерева);

— слайд № 7 («Я-сферы-*мама*»), на котором помещались слово «мама», обращенный выгнутой стороной вниз полукруг, обращенный выгнутой стороной вверх полукруг, полный круг того же радиуса, равносторонний обращенный вершиной вверх треугольник, косая линия, черная точка;

— слайд № 8 («Подобие 2 — *мама*»), на котором в центре располагалась фраза «похоже на маму», а вокруг ряд рисунков с изображениями куста с его корневой

системой, силуэты взрослого человека и фигуры ребенка, закрытой книги (книжный фолиант), открытой тетради с исписанными страницами, ветки розы с цветами и бутонами;

— слайд № 9 («Психогеометрия» — я), на котором располагались местоимение «Я», равносторонний треугольник, квадрат, зигзаг, окружность, «клякса», прямоугольник, равнобедренная трапеция, пятиконечная звезда, эллипс и параллелограмм;

— слайд № 10 («Родственный круг»), на котором с одинаковым шрифтом и размером в расположении по окружности стояли словосочетания «мама», «старший брат», «старшая сестра», «бабушка», «дедушка», «младший брат», «младшая сестра», «папа»;

— слайд № 11 («Я-сферы — *nana*»), на котором помещались слово «папа», обращенный выгнутой стороной вниз полукруг, обращенный выгнутой стороной вверх полукруг, полный круг того же радиуса, равносторонний обращенный вершиной вверх треугольник, косая линия, черная точка;

— слайд № 12 («Подобие 2 — *nana*»), на котором в центре экрана располагались фраза «похоже на папу», а также ряд рисунков с изображениями куста с его корневой системой, взрослого человека, закрытой книги, открытой тетради с исписанными страницами, фигуры ребенка, ветки розы с цветами и бутонами;

— слайд № 13 («Психогеометрия» — *nana*), на котором располагались слово «папа», равносторонний треугольник, квадрат, зигзаг, окружность, «клякса», прямоугольник, равнобедренная трапеция, пятиконечная звезда, эллипс и параллелограмм;

— слайд № 14 («Подобие 1 — *nana*»), на котором в центре располагались фраза «похоже на папу», ряд рисунков с изо-

бражениями дерева без каких-либо плодов, головы собаки, фигуры мужчины, а также изображения женщины, головы волка, яблони с яблоками;

— слайд № 15 («Подобие 2 — я»), на котором в центре располагались фраза «похоже на меня», ряд рисунков, включавший изображение куста с его корневой системой, взрослого человека, закрытой книги, открытой тетради с исписанными страницами, фигуры ребенка, ветки розы с цветами и бутонами.

Стимульный материал подбирался так, чтобы выявить основные характеристики воспринимаемого объекта идентификации и осуществить трактовку свойств самого субъекта, его матери и отца. Кроме того, при выборе и компоновке стимулов были учтены результаты других [2; 13; 18], в том числе собственных исследований [20; 21; 22].

Основанием для разработки стимульного материала послужили проективные техники: психогеометрический тест С. Деллингер, методика «6 незавершенных изображений», построенная в русле теории К. Юнга, представленная в интерпретации А.И. Лунькова, методика «4 персонажа» В.К. Лосевой и А.И. Лунькова [8]. Все рисунки для слайдов выполнены П.А. Масленниковой. Предметом диагностики послужили показатели, позволяющие отслеживать основные характеристики самовосприятия, социальной перцепции и семейной идентификации, что представлено в табл. 2.

Статистическая обработка полученных данных производилась с помощью компьютеризированного пакета математических методов STADIA 8.0.

Окулографическое обследование проводилось в весенний период 2019 г. В нем приняли участие 132 человека, из них лиц женского пола — 71%, мужского — 19%. М (SD) — 20,9 (6,2) лет, что

Предмет диагностики и показатели восприятия и идентификации

Предмет диагностики/показатель восприятия и идентификации	Стимульный материал для проецирования
половая принадлежность	изображения мужчины/женщины
возрастная сопряженность	изображения взрослого/ребенка
ориентация на процесс/результат	изображение пустого/плодоносящего дерева
связность (привязанность/автономия)	изображение растения с корнями/без корней
энергетика (телесность подконтрольная/инстинктивная)	изображение животных: собаки/волка
направленность (познавательная-эстетическая /функционально-прагматическая)	изображения книжного фолианта/тетради
личностные свойства (лидерство, исполнительность, креативность, дружелюбность, неустойчивость)	геометрические фигуры (треугольник, квадрат, зигзаг, круг, прямоугольник)
Я-сферы	незавершенные фигуры, символизирующие тематики: я для других, другие для меня, внутреннее я, семья, карьера, любовь
временная ориентация (прошлое, настоящее, будущее)	тексты с указанием на предков/родителей-себя/потомков
предпочтения родительских персон	текстовые фрагменты со словами «мама»/«папа»

соответствует способности участников этой возрастной категории быстро и сосредоточенно воспринимать и различать визуальный стимул на электронном носителе (отслеживателе глаз). Все участники — городские жители, обучаются в бакалавриате или магистратуре социогуманитарной направленности московских вузов (Российский новый университет, Московский педагогический государственный университет, Российский государственный гуманитарный университет). Все молодые люди имеют совместно или раздельно проживающих родителей.

При анализе поведения респондентов и результатов окулографии во время эксперимента мы ориентировались на **решение следующих задач**:

— выделение в социальном восприятии взрослых детей преобладающих характеристик их родителей,

— обнаружение совпадений в выборе предлагаемых стимулов в диадах «Я—мать», «Я—Отец»,

— установление количественного расхождения в исследуемых признаках по каждому изучаемому субъекту идентификации.

Предположительно, социально-перцептивный и семейно-идентификационный результат, полученный с использованием метода окулографии, может быть связан с различной степенью сепарации, отражающей потребности в подобии и тождественности: менее идентифицированные с родителями респонденты не будут сильно ориентироваться на тождественность своего и родительского образа, поскольку, вероятно, захотят продемонстрировать свою автономию. Более идентифицированные субъекты могут демонстрировать сходство в воспроиз-

ведении своего и родительского образа, поскольку значимость биологической семьи и отношений с родителями у них высокая.

Эмпирическое исследование внутрисемейной перцепции и идентификации методами окулографии и проекции

Характеристика полученных результатов и их анализ

По итогам проведенного обследования на каждого человека получено 15 окулограмм. Их общее количество по всей выборке молодых людей — 1980, где отмечено время фиксации взгляда в %¹, а сам временной отрезок предъявления каждого слайда был четко зафиксирован. По сути, в данном случае можно вести речь не о фиксации (остановке) взора на объекте, а о центрации на нем (избирательном выделении его из фонового пространства).

Результаты социальной перцепции (себя, матери, отца) и семейной идентификации представлены в вариантах сравнения на основании описательной и индуктивной статистики. Характеристики и особенности семейной идентификации определялись на основании схожести образов взрослых детей и их родителей — отца и матери, поскольку идентификация трактуется как видоизменение

различных аспектов субъективного Я так, чтобы увеличить сходство с другими индивидуумами, взятыми за образец [15, с. 259]. Установление сходства (или различий) осуществлялось по фиксациям взгляда с использованием графических и знаковых материалов следующих слайдов, объединенных в триады: а) слайды: 2—6—14; б) слайды: 8—12—15; в) слайды: 9—5—13; г) слайды: 4—7—11. Остальные текстовые ряды слайдов № 1, № 3 и № 10 включены в качестве *дополнительного* стимульного материала для изучения субъективного Я в его взаимосвязях.

Первое сравнение:

Я и значимые Другие

Как видим, главная фиксация внимания — на слове «я». Из родителей в большей степени окулографическим путем воспринимается и осмысливается образ мамы. Меньше всего из выделенных персонажей взор задерживается на слове «папа». Возможно, это связано с тем, что преобладающая часть выборки — женская, соответственно, преобладает идентификация на образе матери, а не на образе отца.

Проверяемая статистическая гипотеза H_0 : 1-я пара) $M_{\text{мама}} = M_{\text{папа}}$, 2-я пара) $M_{\text{мама}} = M_{\text{я}}$, 3-я пара) $M_{\text{папа}} = M_{\text{я}}$. Поскольку значения критерия Стьюдента для первой пары (мама-папа) $t=5,12$ при $p \leq 0,00$,

Таблица 3
Показатели фиксации взгляда на текстовом материале слайда № 1 «Ближайшее окружение»

№	Объекты фиксации	M	SD	D	σ	Md	As	Ex
1	слово: мама	18,7	1,04	142,6	11,9	16	0,72	3,05
2	слово: папа	12,3	0,81	86,99	9,3	11	2,27	11,95
3	слово: я	19,5	1,20	188,9	13,7	16	1,57	6,00

¹ Показатель далее представлен только в числовом выражении без %.

H_0 отклоняется, что позволяет констатировать дифференцированное восприятие родительских персон. Относительно третьей пары (папа-я) $t=-4,42$ при $p \leq 0,00$, H_0 также отклоняется. Для второй пары (мама-я) $t=-0,439$ при $p = 0,661$, следовательно, H_0 принимается.

Различия между всеми распределениями статистически значимы (хи-квадрат изменяется от 650 до 1290), но ни одно из них не является нормальным, т.к. стандартные ошибки асимметрии и эксцесса (0,63 и 2,0 соответственно) не превышают выборочные значения асимметрии и эксцесса. Наибольшая изменчивость обнаружена в самовосприятии.

Как известно, любое исследование можно свести к изучению корреляций. С помощью коэффициента Спирмена рассчитывались корреляции между всеми временными фиксациями взгляда на текстовых изображениях слайда 1, *интересующие нас статистически значимые результаты*² представлены в табл. 4.

Как видим, связь между переменными статистически значимая, но слабая. Обращает на себя внимание тот факт, что она в двух случаях (я и мама, я и папа) обратна пропорциональная, по-видимому, эти зависимости (я и мама, я и папа) молодыми испытуемыми противопоставляются друг другу, психологически являются для них значимыми, но конкурентными. Вероятно, данный результат

можно истолковать как подтверждение имеющего места быть в этом возрасте процесса сепарации.

Второе сравнение:

схожесть образов (1)

Результаты визуальной фиксации, выявляющей подобие образов субъектов (я, мать, отец) графическим изображениям и текстовому ряду («похоже на...»), представлены в табл. 5.

Самоидентификация. По степени уподобления (слайд № 2) в первую очередь выделяются изображения животных. Далее следуют изображения яблони с плодами и графический контур женской фигуры.

Обратимся к интерпретации данных персонажей, предложенной А.И. Луньковым. В соответствии с ней следует подчеркнуть внимание к своей жизненной силе, телесности, энергетическим ресурсам (изображение животных). Причем речь, прежде всего, может идти о неподконтрольной энергетике (изображение волка). Тем самым бессознательно акцентируется аспект молодости и здоровья. Половой аспект (изображения силуэтов женщины/мужчины) менее выражен.

Социальная перцепция (слайд 6–14).

В восприятии матери по фиксациям взгляда на первый план выходит графическое изображение женщины и яблони

Таблица 4

Корреляционная матрица взаимосвязей между объектами слайда 1

Текстовые объекты, на которых фиксировался взгляд	мама	папа
папа	0,20 при $p=0,01036$	1
я	-0,39 при $p=0,0000026$	-0,29 при $p=0,00041$

² Таковыми являются только значения, имеющие отношение к триаде «я-мать-отец».

Таблица 5

Показатели фиксации взгляда на изображениях
и тексте слайдов № 2, 6 и 14 «Подобие 1»

Слайд 2 (похоже на меня)			Слайд 6 (похоже на маму)			Слайд 14 (похоже на папу)		
Содержание слайда	М	SD	Содержание слайда	М	SD	Содержание слайда	М	SD
пустое дерево	6,5	0,6	пустое дерево	5,3	0,7	пустое дерево	7,6	1,0
собака	14,5	1,1	собака	11,3	1,3	собака	14,4	1,4
мужчина	6,9	0,7	мужчина	3,3	0,3	мужчина	21,9	2,0
«похоже на меня»	7,7	0,6	«похоже на маму»	10,1	1,0	«похоже на папу»	7,9	0,9
женщина	10,6	1,0	женщина	21,2	2,0	женщина	2,7	0,2
волк	18,5	1,6	волк	10,2	1,4	волк	11,5	1,4
яблоня с плодами	11,2	1,1	яблоня с плодами	15,9	1,6	яблоня с плодами	6	0,8

с яблоками, а в восприятии отца — мужчины и волка. Полученные результаты отражают типичную для восприятия гендера картину. Образ матери соответствует представлениям о ней как о домашней, озабоченной семейными заботами женщине. Образ отца соответствует энергичному мужскому типу.

Схожесть образов (семейная идентификация — слайд 2–6–14). Идентификация с матерью выражена сильнее ($\Delta^2=233,7$), чем с образом отца ($\Delta^2=373,3$). Непроизвольное уподобление с отцом идет по линии энергетике и верности (образ домашнего животного, наименьшее Δ), с матерью — по линии временной перспективы — от настоящего к будущему (ствол и крона неплодоносящего дерева, наименьшее Δ).

Между фиксациями взгляда на изображениях, отражающих похожесть на меня, маму и папу, слайд 2–6–14, выявлено, что фиксации взгляда на словосочетаниях «похоже на меня» и словосочетаниях «похоже на маму», «похоже на папу» оказываются взаимосвязанными, причем эта корреляционная связь слабая, но равнозначная (в обоих вариантах $r=0,26$) и статистически значимая при $p=0,001$.

Проверяемая статистическая гипотеза H_0 : нет различий в полученных распределениях. Проверка на статистическую значимость полученных распределений показывает, что отсутствуют различия в распределении фиксации взгляда при разглядывании изображения мужчины на слайде, демонстрирующем похожесть на мать, и изображения женщины на слайде, демонстрирующем похожесть на отца, $\chi^2=168,7$, значимость=1, степеней свободы 131. Корреляционная связь в этом случае такая же слабая ($r=0,26$), как и на текстовом материале.

*Третье сравнение:
схожесть образов (2)*

Результаты по похожести представлены также в табл. 6.

Самоидентификация. По слайду № 15 наибольшее внимание по степени похожести на себя привлекают книжный фолиант, силуэт ребенка, взрослого человека и графический контур цветущей розы без корней. Куст с корнями не считают похожим на себя, также непопулярной оказалась тетрадь. Из анализа полученных проекций следует, что за этим обнаруживается до конца не разрешенная, противоречивая тенденция к сепарации,

Показатели фиксации взгляда на изображениях и тексте слайдов № 8, 12 и 15 «Подобие 2»

Слайд 15: я			Слайд 8: мать			Слайд 12: отец		
Содержание слайда	М	SD	Содержание слайда	М	SD	Содержание слайда	М	SD
куст с корнями	9,0	1,2	куст с корнями	15,8	1,3	куст с корнями	4,9	0,7
силуэт взрослого	11,1	1,2	силуэт взрослого	8,8	0,7	силуэт взрослого	20,9	1,7
книга (фолиант)	16,4	1,8	книга (фолиант)	14,1	1,3	книга (фолиант)	14,2	1,6
«похоже на меня»	6,8	0,7	«похоже на маму»	7,3	1,0	«похоже на папу»	8,8	1,1
тетрадь	7,1	0,8	тетрадь	9,8	0,9	тетрадь	12,9	1,5
силуэт ребенка	11,6	1,4	силуэт ребенка	5,7	0,6	силуэт ребенка	6,5	0,8
роза без корней	10,3	1,3	роза без корней	13,0	1,4	роза без корней	4,8	0,8

эстетически-познавательная ориентация преобладает над прагматической, функциональной.

Социальная перцепция (слайды 8–12). В восприятии матери на первый план выходит графическое изображение куста с корнями и книги, а в восприятии отца — взрослого и книги. Полученные результаты отражают типичную для восприятия гендера картину. Образ матери соответствует представлениям о ней как о порождающей субстанции, фундаментальной (корневой), связующей (удерживающей) основе жизни. Образ отца соответствует социализированному мужскому типу. Оба родительских образа в восприятии молодых людей, на момент обследования обучающихся в вузе, «привязываются» к эстетически-познавательной (книжный фолиант), а не функциональной (исписанная тетрадь) личностной ориентации.

Схожесть образов (семейная идентификация — слайды 15–8–12). Идентификация с матерью выражена сильнее ($\Delta^2=106,5$), чем с образом отца ($\Delta^2=209,6$). Непроизвольное уподобление с отцом идет по линии социальности и автономии (образ книги и куста без корней — наименьшее Δ), с матерью — по линии

нежелания взрослеть и эстетизации (образ взрослого человека и книги — наименьшее Δ).

Между фиксациями взгляда на изображениях, отражающих похожесть на меня, маму и папу, слайд 8–12–15, выявлено, что все текстовые фрагменты «похоже на меня» — «похоже на маму», «похоже на меня» — «похоже на папу» взаимосвязаны ($r=0,38$ и $r=0,43$ соответственно, $p \leq 0,01$). Восприятие изображения «я как ребенок» связано с восприятием матери в виде изображения тетради ($r=0,30$, $p \leq 0,01$), что может быть интерпретировано как сопряжение своего детского статуса и материнской прагматичности, функциональности и заботы. Соотнесение образа матери с образом ребенка и себя с ребенком также оказалось статистически значимо, но слабо связано ($r=0,20$).

Изображение себя в виде розы коррелирует с изображением отца в виде книги ($r=0,31$) и образом розового куста ($r=0,33$), а также себя в виде куста без корней и отца в виде подобного куста ($r=0,22$), что может отражать связь своей личностной динамики, тенденции к сепарации с отцовскими изменениями, а также с его социальностью.

Наибольшее число корреляционных связей (5 связей) у изображения «ребенок» с вариантами персонального уподобления (содержание слайда 15) и изображениями родительских уподоблений (содержание слайда 12 и слайда 8). Возможно, несмотря на стремление к автономии, у молодых людей из исследуемой выборки сохраняется значительная доля инфантильности. Интересно, что восприятие изображения «взрослый» на всех трех слайдах ни одной статистически значимой связи не образует.

Четвертое сравнение: временная и субъектная направленность

По субъектно-временной направленности информация представлена в табл. 7.

Как видно из табл. 7, наиболее значимы для испытуемых своя жизнь и жизнь родителей, т.е. в субъектной ориентации преобладают родители, во временной — настоящее.

Между переменными слайда 3 выявлена единственная статистически значимая корреляционная связь: моя жизнь и жизнь родителей — $r=-0,28$, $p=0,00061$. По-видимому, своя жизнь и жизнь родителей соответствуют наличному моменту существования, но в рамках актуального настоящего отцы и дети отдаляются друг от друга: чем больше центрация на своей жизни, тем меньше внимания уделяется жизни родителей.

Пятое сравнение:

я-сферы как показатели личностной направленности

Определение и выделение я-сферы как показателя личностной направленности, по сути, характеризует аксиологическую центрацию молодых людей. Результаты данной проективной методики («шесть изображений», интерпретация А.И. Лунькова) представлены в табл. 8.

Самоидентификация. Как следует из полученных данных, представленных в табл. 7, молодых людей интересует, прежде всего, изображение круга, интерпретируемого в юнгианских традициях как собственное внутреннее Я. Далее внимание задерживается на изображениях точки и наклонной прямой, что свидетельствует в юнгианской интерпретации проекций о значимости тематики любви и карьеры. Меньше всего молодежь озабочена образом себя для других (дуга снизу). Возможно, в своих я-репрезентациях (в том числе в интернет-пространстве) современный молодой человек не пытается раскрыть лучшие стороны своей натуры. В самоподаче он стремится к выражению своего многообразия (множественной идентичности), волнует его, главным образом, количество откликов, не важно позитивного или негативного толка. Соответственно, ориентация на других утрачивает свою регулирующую роль, что истолковывается как обретение

Таблица 7
Показатели субъектно-временной направленности испытуемых — слайд 3 (текстовый материал)

№	Текстовый материал на слайде	Показатель фиксации взгляда	Временная ориентация
1	моя жизнь	16,7±1,0	настоящее
2	предки и их жизнь	11,1±0,5	прошлое
3	потомки и их жизнь	12,3±0,7	будущее
4	жизнь родителей	15,5±1,1	настоящее, прошлое, будущее

Таблица 8

Показатели фиксации взгляда по слайду 4 «Я-сферы» на графических объектах и/или текстовом материале

Слайд 4: я			Слайд 7: мама			Слайд 11: папа			Интерпретации
Содержание слайда	М	SD	Содержание слайда	М	SD	Содержание слайда	М	SD	
дуга снизу	7,6	1,1	дуга снизу	6,2	0,9	дуга снизу	5,6	0,9	я для других
дуга сверху	8,9	0,6	дуга сверху	8,6	0,8	дуга сверху	8,9	1,1	другие для меня
круг	12,3	1,4	круг	22,9	2,1	круг	6,6	1,0	внутреннее я
похож на меня	15,2	1,4	похож на маму	14,9	1,3	похож на папу	16,9	1,4	
угол	8,6	1,1	угол	6,6	0,8	угол	10,9	1,5	семья
прямая	10,7	1,3	прямая	8,2	1,2	прямая	10,7	1,3	карьера
точка	11,4	1,3	точка	7,5	1,0	точка	10,8	1,6	любовь

свободы и независимости. К тому же в период сепарации от семьи — это важная целевая устремленность.

Социальная перцепция. Образ матери воспринимается как образ гармонизатора, примирителя. Для нее, с позиций испытуемых, очень важны отношения с другими. Отец предстает как лицо, ориентированное на любовные отношения, карьерное продвижение и семейное благополучие.

Социальное идентифицирование. Молодые люди в своих ориентациях уподобляются матери и отцу по показателям ориентации на других людей ($\Delta^2=0,09$ и $0,0$ соответственно), с отцами их также сближает направленность на карьеру, семью и любовь (Δ^2 — наименьшие расхождения). В данном случае аксиоцентризация молодежи сближается с аксиоцентризацией отца ($\Delta^2=45,03$). Аксиологическая дистанция с матерью существенным образом возрастает ($\Delta^2=139,96$).

Придерживаясь интерпретации методики «Шесть изображений», констатируем, что ориентация молодых людей на других людей коррелирует при $p \leq 0,01$ с

материнской ориентацией — я для других ($r=0,45$) и другие для меня ($r=0,24$;) и родительской (отцовской $r=0,28$, материнской $r=0,22$) способностью любить. Стремление молодых испытуемых к гармонии (изображение круга) связано, в их восприятии, с направленностью матери на карьерное ($r=0,27$) и семейное благополучие ($r=0,23$). Представления о себе (текстовый фрагмент «похоже на меня») коррелируют с их представлениями об образах матери и отца (текстовые фрагменты «похоже на маму» $r=0,48$; $p=0,000$, «похоже на папу» $r=0,42$). Центрация испытуемых на семейной тематике сочетается с материнской $r=0,33$ и отцовской $r=0,29$ готовностью любить, а карьерные ориентации молодежи статистически значимым образом связаны с такой же ориентацией матери: $r=0,25$. Любовная тематика значимо коррелирует с материнской гармонией ($r=0,27$) и отцовской устремленностью на семейные отношения ($r=0,25$). В целом между временем, уделенным содержанию слайда 4 («Я-сферы» — про себя), и временем, уделенным содержанию слайда 7

(«Я-сферы» — мама), получено 12 статистически значимых корреляционных связей, а между временем, уделенным слайдам 4 («Я-сферы» — про себя) и 7 («Я-сферы» — папа), — только 6.

*Шестое сравнение:
подобие по личностным свойствам:
Я-психогеометрия*

При анализе личностных свойств обратимся к табл. 9, в которой отражены перечень использованных в стимульном материале геометрических фигур и их трактовка.

Самидентификация. Как видно из полученных результатов, взгляд центрируется, прежде всего, на зигзаге (8,9). Согласно интерпретациям автора методики С. Деллингера, это можно трактовать как творческую, синтетический стиль мышления, больший интерес к возможностям, чем к действительности. Для молодых людей из исследуемой выборки не характерна склонность к непредсказуемым поступкам, непоследовательности и замешательству.

Между фиксациями взгляда на изображениях слайда 9 и зигзага выявлено шесть слабых прямо пропорциональных корреляционных связей, т.е. личностные свойства молодых людей оказались взаимосвязанными. Круг (состояние гармонии) оказался вне корреляционных связей.

Социальная перцепция (слайды 5–13). Мать воспринимается как гармоничная и творческая натура, а отец — как творческая, рационально ориентированная, трудолюбивая и усердная личность, подверженная непоследовательности и непредсказуемости.

Схожесть образов (семейная идентификация, слайды 9–5–13). Наибольшее совпадение ($\Delta^2 < 1$) между матерью и взрослыми детьми — по 6 позициям, а между отцом и взрослыми детьми — по 2. Совокупный образ себя обладает большей схожестью с образом матери ($\Delta^2 = 37,4$), с образом отца большее расхождение ($\Delta^2 = 52,8$). С матерью есть подобие по характеристикам трудолюбия, упорядоченности, педантизма (изображение квадрата) и гармоничности (изображение круга), с отцом — по творческой (изображение зигзага), некоторой рациональности и эмоциональной сдержанности (изображение квадрата) и честолюбию (изображение треугольника).

Таблица 9
Результаты использования психогеометрического теста (слайд 5)³

Слайд 9: я			Слайд 5: мама			Слайд 13: папа		
Содержание слайда	М	SD	Содержание слайда	М	SD	Содержание слайда	М	SD
треугольник	6,0	0,8	треугольник	2,9	0,4	треугольник	4,3	0,8
квадрат	4	0,5	квадрат	3,6	0,4	квадрат	5,3	0,7
зигзаг	8,9	1,1	зигзаг	6,2	0,7	зигзаг	9,3	1,4
круг	8,6	1,2	круг	9,0	1,1	круг	4,4	0,8
похоже на меня	12,4	1,4	похоже на маму	16,9	1,4	похоже на папу	16,4	1,7
прямоугольник	2,1	0,2	прямоугольник	3,3	0,4	прямоугольник	5,9	1,1

³ Представлены только основные фигуры из теста С. Деллингера.

Проверяемая статистическая гипотеза H_0 : нет различий в полученных распределениях. Установлено, что большинство значений χ^2 находится в диапазоне от 229 до 1519, при $p=0$, что позволяет отвергнуть H_0 и принять H_1 : различия между распределениями существенны.

Между тем выявились переменные, при сравнении распределений которых значения χ^2 попадают в диапазон 75–208, не достигая критического значения. Это позволяет принять H_0 : отсутствуют различия между этими распределениями. Таким образом, не установлено различий между фиксациями взгляда на изображениях: квадрат и треугольник, прямоугольник и треугольник.

Между фиксациями взгляда на изображениях геометрических фигур, отражающих в представлениях испытуемых похожесть на меня, маму и папу, слайд 5, есть статистически значимая корреляция.

Все текстовые фрагменты взаимосвязаны при $p \leq 0,001$, причем корреляционные связи сильные: я и мама $r=0,61$, я и папа $r=0,62$. Установлено, что лидерские качества (изображение треугольника) взрослых детей оказались слабо, но статистически значимым образом ($p \leq 0,001$) связанными с лидерскими свойствами (изображение треугольника, мать $r=0,37$, отец $r=0,35$), эмоциональной сдержанностью (изображение квадрата, мать 0,37, отец 0,38) и некоторой непоследовательностью (изображение прямоугольника) их родителей (как отцов $r=0,31$, $p=0,0001$, так и матерей $r=0,31$, $p=0,0001$). Непредсказуемость поведения испытуемых прямо пропорционально (при $p \leq 0,001$)

связана с непредсказуемостью и непоследовательностью поведения родителей, с матерью $r=0,47$, с отцом $r=0,34$. Креативность взрослых детей тесно переплетается с гармоническими проявлениями родительской природы. Описание себя посредством геометрических фигур оказалось более связанным с образом матери (16 корреляционных связей), чем отца (всего 9 статистически значимых связей).

*Седьмое сравнение:
степень близости с родными людьми*

По фиксации взгляда на субъектах семейной системы определялась степень психологической близости со значимым родственным окружением⁴, что отражено в табл. 10.

Таблица 10

**Показатели фиксации взгляда
на текстовом материале слайда 10**

мама	9,2±0,9
старший брат	7,2±0,5
старшая сестра	7,9±0,6
бабушка	4,5±0,4
дедушка	5,8±0,5
младший брат	6,1±0,4
младшая сестра	6,5±0,6
папа	3,6±0,4

Как следует из данных, представленных в табл. 10, наибольшей значимостью для испытуемых обладает мать, далее следуют старшие сибсы, за ними — младшие. Прародители и отец замыкают цепочку значимых субъектов из родственного окружения.

⁴ Наличие расширенного (кроме матери и отца) родственного круга не проверялось. Соответственно, представленные в содержании слайда персонажи (прародители, сиблинги) могли носить как реальный, так и гипотетический характер. Они включены в содержание как фоновые для родительских фигур объекты.

Обсуждение полученных результатов

Проведенное исследование показало, что не все стимулы активизируют восприятие одинаково. Текстовый материал, предъявляемый испытуемым, порождает более длительную фиксацию взгляда на всех слайдах, а в корреляционном анализе производит больше статистически значимых связей. По-видимому, это обусловлено его большей однозначностью. В памяти начертание категориального слова (например, «я», «мама», «папа») автоматически вызывает удлиненные и утяжеленные личностной значимостью, ассоциированные с ним стереотипы и когниции [12]. Графический материал и изображения объектов вызывают меньшую по длительности фиксацию взгляда на них. Очевидно, что текстовый материал воспринимается как соответствующая инструкция к слайду, что увеличивает время для его прочтения, дополнительного осмысления и понимания. Нетекстовый материал (изображения объектов и графических иллюстраций) не нуждается в прочтении и осмыслении, он легко узнаваем, доступен для быстрого распознавания и уподобления. Способ, который субъект восприятия выбирает для классификации и социальной категоризации изображений, зависит от его мотивов, познания и эмоционального состояния [12]. Последнее порождает процесс ментального перебора, т.е. продуцирует большее количество саккад. Следовательно, путь взора удлиняется, а время фиксации на самих геометрических фигурах или изображениях объектов уменьшается. В этом проявляется импрессивный характер (предпочтение одних стимулов перед другими) диагностических процедур с использованием айтрекинг-устройства.

Включение в качестве стимульного материала проективных методик, как по-

казало проведенное исследование, правомерно, если раньше они использовались, интерпретировались и оценивались в других исследовательских проектах, т.е. когда накоплен определенный опыт. Их применение в данном случае порождает «эффект слоеного пирога», когда первично происходит извлечение результатов окулографии, что обеспечивает точность и достоверность полученных результатов, а затем реализуется проективный подход. Интерпретация, основанная на знании и использовании проективных методов, психологически более содержательна.

В проведенном исследовании подтверждается, что фиксации взгляда полезны при определении и анализе точек интереса, многообразия свойств личности, ее отношений к другим людям, выявлении особенностей эмоционально-чувственной сферы и способов социальной категоризации молодого человека и т.п. Использование айтрекинг-устройства позволило отойти от интроспекции и получить максимально объективные результаты.

Самоидентификация и ее особенности. По степени фиксации взгляда (слайд № 2 и слайд № 15) видно, что на фигурах ребенка и взрослого человека происходит наибольшая задержка взора, на графических контурах мужчины и женщины — наименьшая. Возможно, это свидетельствует о том, что возраст важнее полоролевой принадлежности в период сепарации, именно он позволяет претендовать на личностную автономию и независимость. Анализ произвольной фиксации взгляда на плодах и корнях свидетельствует о готовности к продуктивным изменениям с намерением покинуть родной дом и оторваться от генетической семьи (от «корней»). При более выраженной ориентации на автономию, собственную продуктивность (изображение яблони с яблоками)

расхождение (Δ^2) с образами родителей наибольшее, при высокой значимости биологической семьи и отношений с родителями (куст с корнями) расхождение с образами родителей невысокое. Следовательно, предположение о том, что меньшая идентификация респондентов с родителями, их ориентация на автономию и независимость в восприятии себя снижают тождественность своего и родительского образа, подтвердилось.

В самовосприятии молодежи обнаружена высокая центрация испытуемых на своем внутреннем я (как, впрочем, и у родителей). Взаимно связанными в образе молодого человека оказались лидерство, педантичность и непредсказуемость. По сравнению с родителями молодые люди намного выше оценивают себя по проявлениям честолюбия и активности, но уступают им в креативности и гармонии сосуществования.

Юноши в самовосприятии больше ориентированы на себя: показатели результативности, процессуальности, половой принадлежности, телесности, «другие для меня», «я для других», «мое внутреннее я» у них выше. Девушки больше ориентированы на личностные свойства (лидерство, креативность, дружелюбие) и внешние аспекты жизни (семью, карьеру, любовные отношения). К автономии устремлены и те, и другие, но для девушек это фиксируется более четким образом, т.е. стремятся к отделению от генетической и созданию своей семьи прежде всего девушки. Исполнительность в деятельности обнаруживает себя как мужская характеристика, а стремление к гармонии — как женская. Взрослым и ребенком одновременно хочется быть всем участникам исследования. Однако такая двойственность

у юношей выражена сильнее. Познавательно-эстетическая ориентация характерна в большей степени для девушек, юношей отличает функционально-прагматическая ориентация.

Схожесть образов (семейная идентификация) и их особенности. С матерью и отцом высокая степень сходства по гендерным характеристикам, личностным свойствам. Мать — значимый эталон для эмоциональной, поведенческой и личностной идентификации взрослых детей, для формирования аксиологической направленности таким эталоном становится отец. Во внутрисемейных отношениях и близкородственных связях выделяются, прежде всего, отношения с матерью и сиблингами. Прародители и отец такой значимостью не обладают.

По восприятию текстовых фрагментов со словами, отсылающими к себе, матери или отцу, гендерная специфика⁵ в социальном восприятии состоит в том, что по предпочтениям родительских персон девушки дольше фиксируются на образе матери, чем молодые люди. В родственном кругу юноши значимо больше фиксируются на образе отца, а девушки — матери. Образ отца во всех случаях более значим для мужской части выборки. Для девушек больше, чем для юношей, значима своя жизнь и жизнь родителей.

Особенности социальной перцепции. Отец воспринимается как активная творческая натура (публичная сфера самоосуществления), а мать — как гармоничная личность (приватная сфера самоосуществления). В психологическом портрете матери проступает некоторая внешняя упрощенность, незатейливость в сочетании с внутренней глубиной. В таком же портрете отца больше сложных комби-

⁵ Обсуждаемые гендерные различия рассчитывались по критерию Манна-Уитни и значимы при $p \leq 0,01$.

наций, явственно обнаруживаются непредсказуемость и противоречивость его натуры. В образе матери, по восприятию участников исследования, угадывается детский норов, контурно прорисовываются удерживающие, привязывающие силы. В отцовском образе считывается энергичный взрослый типаж. При этом по близости для взрослых детей выявлена более существенная, по сравнению с отцом, значимость материнской фигуры. Но в области аксиологической центрации и готовности к изменениям выявлено явное доминирование отцовских взглядов. Следовательно, утверждение о преобладании ценностно-ориентационных механизмов идентификации сохраняет свое значение.

Различия в социальной перцепции и семейной идентификации. В процессе изучения социальной перцепции получены стереотипные результаты, отражающие внешние характеристики родительских персон, т.е. имеет место имитационная матрица восприятия. В процессе же изучения семейной идентификации при концентрации исследовательского внимания на установлении схожести своего и родительских образов, их уподоблении и слиянии стереотипов выявлено гораздо меньше, что указывает на экспликационную матрицу уподобления. В социальной перцепции как процессе осознаваемого восприятия родительские образы достаточно дифференцированы, а в семейной идентификации, где имеют место и проявляют себя неосознаваемые когнитивные процессы, родительские образы интегрируются и сближаются между собой.

Выводы

Современный мир существенным образом изменился, расширив свои границы за счет виртуального пространства, тем не менее идентификация неизменно и постоянно происходит в значимых, субъект-

субъектных отношениях. Она протекает независимо от степени ее осознания субъектом, глобально или частично дополняет, корректирует и изменяет его наличный образ Я, что позволяет использовать другого индивида (как правило, «своего», знакомого, близкого, родного) в качестве некоторой востребованной и приемлемой для отождествления модели самого себя.

Процесс социальной перцепции обусловлен экстернализацией своего Суперэго (как воспринимаем себя, так воспринимаем и других), а ее конструирование — открытием других людей (родителей) и узнаванием себя в них. Процесс семейной идентификации обусловлен интернализацией родительского Суперэго (как воспринимаем других, так и включаем воспринятый материал в образ наличного Я), а ее конструирование — сходством себя с родителями и включением в себя их образа и их личностной аксиологии. Очевидно, что в идентификационном плане доминирующее значение имеет созвездие близких людей, значимых других, среди которых выделяются, прежде всего, образы родителей. Повышенная значимость биологической семьи и отношений с родителями демонстрирует сходство в воспроизведении своего и родительского образа, продуцирует усиление идентификационных связей родственных субъектов.

В осуществлении процессов социальной перцепции в ход идут базовые или примитивные категории (пол, возраст, родство, временная сопряженность), поскольку люди используют их, вероятно, автоматически, не прилагая особых социальных усилий [12]. Соответственно, в обычных условиях восприятие отличается молниеносным характером. Однако существует различие в социальном восприятии изображений физических объектов, людей и животных, которое определяется соответствием между социальной катего-

ризацией и знанием, наиболее актуализированным в данный момент времени. Тогда возникает центрация на социальном познании, аккумулирующем когнитивные, мотивационные и эмоциональные аспекты социальной перцепции, что может стать отправной точкой дальнейших исследовательских практик.

Проведенное исследование показало, что специфика настоящего момента актуализирует потребность в переосмыслении сущности семейной идентификации и социальной перцепции, поиске углубленных подходов к оценке их новых процессуальных и результирующих эффектов. Современная городская семья не «распадается» на индивидуальности, но меняет

уровни и формы интеграции между ними. Поэтому важен дифференцированный детальный анализ, раскрывающий, как и что воспринимает, «вычерпывает» из семьи современный человек: на что рефлексировает, какие образы (любви, семьи, будущего и пр.) у него формируются, как изменяется его мотивационно-потребностная сфера с возрастом, как на него воздействует окружающая действительность, какова ее привлекательная (или отталкивающая) для семьи сила воздействия. Исследовательский поиск для расширения и углубления доказательной базы может быть дополнен изучением выборки с преобладающим мужским составом, использованием стандартизованных процедур и пр.

Литература

1. Аликін И.А., Аликін М.И., Лукьянченко Н.В. Связь жизнестойкости студентов с отношением к ним родителей // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 3. С. 75–89. DOI:10.17759/pse.2020250307
2. Барабанщиков В.А., Жегалло А.В. Айттрекинг. Методы регистрации движений глаз в психологических исследованиях и практике. М.: Когито-центр, 2014. 128 с.
3. Богомолова Е.И. Личностная идентичность в условиях виртуализации бытия // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 2. С. 105–120.
4. Владимиров И.Ю., Чистопольская А.В. Регистрация движений глаз и когнитивный мониторинг как методы объективации процесса инсайтного решения // Экспериментальная психология. 2019. Том 12. № 1. С. 167–179. DOI:10.17759/exppsy.2019120113
5. Голубева Е.В., Истратова О.Н. Опыт отношений в родительской семье как предиктор психологического благополучия молодых людей // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Том 7. № 2(23). С. 358–362.
6. Дианова Е.С. Исследования роли привязанности в жизни человека. Обзор зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 4. С. 88–96. DOI:10.17759/jmfr.2019080409
7. Епанова Ю.В. Интернет-репрезентация идентичности в контексте перформативной теории Дж. Батлер // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 1(67). С. 87–92.
8. Лосева В.К., Луньков А.И. Рассмотрим проблему...: Диагностика переживаний детей и взрослых по их речи и рисункам. М., 1995. 48 с.
9. Макеев С.Н. Социальная сеть как средство удовлетворения потребностей человека в условиях расширенной объективно-виртуальной реальности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 2. С. 65–73.
10. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 43–53.
11. Маленова А.Ю., Потапова Ю.В. Эмоциональное благополучие студентов и их родителей в ситуации сепарации [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2018. Том 7. № 2. С. 83–96. DOI:10.17759/psyclin.2018070206

12. Нельсон Т. Психология преубеждений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения. СПб.: «Прайм-ЕВРОЗНАК», 2003. 364 с.
13. Огнев А.С., Петровский В.А., Лихачева Э.В. Окулометрические проявления психологических установок респондентов в отношении восприятия визуального контента // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2018. № 2. С. 41–48.
14. Полевая А.В., Демарева В.А., Парин С.Б., Полевая С.А. Практикум по методу eye-tracking: учебно-методическое пособие [Электронный ресурс]. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2017. 41 с.
15. Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха СПб.: Питер, 2006. 1096 с.
16. Рягузова Е.В. Я как другой в интернет-пространстве: от я-репрезентации к я-идентификации // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 2. Сер. Акмеология образования. Психология развития, вып. 2. С. 151–156.
17. Сенченко Н.А. Специфика влияния сетевой культуры на процесс идентификации личности // Culture and Civilization. 2016. № 1. С. 128–137.
18. Фан Ц., Огнев А.С., Петровский В.А., Лихачева Э.В., Козинцева П.А. Экспериментальное подтверждение феномена нейро-визуального программирования // Гуманитарный научный вестник. 2018. № 6. С. 29–36.
19. Фролова И.В. Сетевая идентичность современного человека: философская рефлексия // Ценности и смыслы. 2018. № 2(54). С. 40–52.
20. Шнейдер Л.Б. Интернет как симулякр семьи и отношений: от семейной идентификации к сетевой индивидуализации // Ежегодник научно-методологического семинара «Проблемы психолого-педагогической антропологии»: Сборник научных статей. Девятый выпуск / Отв. ред. Егоров И.В., Мартыанова Г.Ю. СПб.: Изд-во «НИЦ АРТ», 2019. С. 6–14.
21. Шнейдер Л.Б., Огнев А.С., Масленникова П.А. Использование метода окулографии для диагностики «образа Я» // Актуальные проблемы психологического знания. Теоретические и практические проблемы психологии. 2020. Выпуск № 1–2(53). С. 58–78.
22. Шнейдер Л.Б. Родители и учителя как идентификационные субъекты для взрослых детей // Актуальные проблемы психологического знания. Теоретические и практические проблемы психологии. 2012. Выпуск № 2(23). С. 78–88.
23. Buehler Ch. Family Processes and Children's and Adolescents' Well-Being // Journal of Marriage and Family. 2020. Vol. 82. P. 145–174. DOI:10.1111/jomf.12637
24. Children's emotion understanding in relation to attachment to mother and father / L. Psychogiou [et al.] // British Journal of Developmental Psychology. 2018. Vol. 36. № 4. P. 557–572. DOI:10.1111/bjdp.12239
25. Holmqvist K., Nystrom M., Andersson R. Eye Tracking: a comprehensive guide to methods and measures. N.Y.: Oxford University Press, 2011. 560 p.
26. Jenkins R. Social Identity. L.; N. Y.: Routledge, 2004. 218 p. DOI:10.4324/9780203292990

References

1. Alikin I.A., Alikin M.I., Luk`yanchenko N.V. Svyaz' zhiznestoikosti studentov s otnosheniem k nim roditelei [The relationship of resilience of the students with the attitude of the parents]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological science and education*, 2020. Vol. 25, no. 3, pp. 75–89. DOI:10.17759/ps.2020250307 (In Russ.).
2. Barabanshchikov V.A., Zhegallo A.V. Aitrekning. Metody registratsii dvizhenii glaz v psikhologicheskikh issledovaniyakh i praktike [Eye Tracking Methods of registration of eye movements in psychological research and practice]. Moscow: Publ. Kogito-tsentr, 2014. 128 p. (In Russ.).
3. Bogomolova E.I. Lichnostnaya identichnost' v usloviyakh virtualizatsii bytiya [Personal identity in the conditions of virtualization of being]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie = Man. Community. Management*, 2014, no. 2, pp. 105–120. (In Russ.).

4. Vladimirov I.Yu., Chistopol'skaya A.V. Registratsiya dvizhenii glaz i kognitivnyi monitoring kak metody ob"ektivatsii protsessa insaitnogo resheniya [Registration of eye movements and cognitive monitoring as methods of objectification of the process of insight decision]. *Ekspertimetal'naya psikhologiya = Experimental psychology*, 2019. Vol. 12, no. 1, pp. 167–179. DOI:10.17759/exppsy.2019120113 (In Russ.).
5. Golubeva E.V., Istratova O.N. Opyt otnoshenii v roditel'skoi sem'e kak prediktor psikhologicheskogo blagopoluchiya molodykh lyudei [Experience of relations in the parent family as a predictor of psychological well-being of young people]. *Azimet nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimet nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*, 2018. Vol. 7, no. 2(23), pp. 358–362. (In Russ.).
6. Dianova E.S. Issledovaniya roli privyazannosti v zhizni cheloveka. Obzor zarubezhnykh issledovaniy [Elektronnyi resurs] [Research on the role of attachment in human life. Review of foreign studies]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern foreign psychology*, 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 88–96. DOI:10.17759/jmfp.2019080409 (In Russ.).
7. Epanova Yu.V. Internet-reprezentatsiya identichnosti v kontekste performativnoi teorii Dzh. Batler [Internet representation of identity in the context of the performative theory of J.V. Butler]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Samara state University*, 2009, no. 1(67), pp. 87–92. (In Russ.).
8. Loseva V.K., Lun'kov A.I. Rassmotrim problemu...: Diagnostika perezhivaniy detei i vzroslykh po ikh rechi i risunkam. [Will look at the problem...: Diagnosis of experiences of children and adults by their speech and drawings]. Moscow, 1995. 48 p. (In Russ.).
9. Makeev S.N. Sotsial'naya set' kak sredstvo udovletvoreniya potrebnosti cheloveka v usloviyakh rasshirennoi ob"ektivno-virtual'noi real'nosti [Social network as a means of satisfying human needs in the conditions of expanded objective virtual reality]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke = Context and reflection: philosophy about the world and man*, 2016, no. 2, pp. 65–73. (In Russ.).
10. Malakhov B.C. Neudobstva s identichnost'yu [Inconveniences with identity]. *Voprosy filosofii = Questions of philosophy*, 1998, no. 2, pp. 43–53. (In Russ.).
11. Malenova A.Yu., Potapova Yu.V. Emotsional'noe blagopoluchie studentov i ikh roditeli v situatsii separatsii [Elektronnyi resurs] [Emotional well-being of students and their parents in the situation of separation]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical and special psychology*, 2018. Vol. 7, no. 2, pp. 83–96. DOI:10.17759/psyclin.2018070206 (In Russ.).
12. Nel'son T. Psikhologiya predubezhdenii. Sekrety shablonov myshleniya, vospriyatiya i povedeniya [The psychology of prejudice. Secrets of patterns of thinking, perception, and behavior]. Saint Petersburg: Publ. «Prajm-EVROZNAK», 2003. 364 p. (In Russ.).
13. Ognev A.S., Petrovskii V.A., Likhacheva E.V. Okulometricheskie proyavleniya psikhologicheskikh ustanovok respondentov v otnoshenii vospriyatiya vizual'nogo kontenta [Oculometric manifestations of psychological attitudes of respondents regarding the perception of visual content]. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire = Bulletin of the Russian new University. Series: Man in the modern world*, 2018, no. 2, pp. 41–48. (In Russ.).
14. Polevaya A.V., Demareva V.A., Parin S.B., Polevaya S.A. Praktikum po metodu eye tracking: uchebno-metodicheskoe posobie [Electronic resource] [Workshop on the method of eye-tracking]. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii gosuniversitet, 2017. 41 p. (In Russ.).
15. Psikhologicheskaya entsiklopediya [Psychological encyclopedia]. 2-e izd. In R. Korsini, A. Auerbakha (eds.). Saint Petersburg: Publ. Piter, 2006. 1096 p. (In Russ.).
16. Ryaguzova E.V. Ya kak drugoi v internet-prostranstve: ot ya-reprezentatsii k ya-identifikatsii [I as the other in the Internet space: from self-representation to self-identify]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta = Izvestiya of Saratov University*, 2012. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya. Vol. 2, pp. 151–156. (In Russ.).

17. Senchenko N.A. Spetsifika vliyaniya setevoi kul'tury na protsess identifikatsii lichnosti [Specifics of the influence of network culture on the process of identity identification]. *Culture and Civilization = Culture and civilization*, 2016, no. 1, pp. 128–137. (In Russ.).
18. Fan Ts., Ognev A.S., Petrovskii V.A., Likhacheva E.V., Kozintseva P.A. Eksperimental'noe podtverzhdenie fenomena neuro-vizual'nogo programmirovaniya [Experimental evidence of the phenomenon of neuro-visual programming]. *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik = Humanitarian scientific Bulletin*, 2018, no. 6, pp. 29–37. (In Russ.).
19. Frolova I.V. Setevaya identichnost' sovremennogo cheloveka: filosofskaya refleksiya [Network identity of modern man: philosophical reflection]. *Tsennosti i smysly = Values and meanings*, 2018, no. 2(54), pp. 40–52. (In Russ.).
20. Shneider L.B. Internet kak simulyakr sem'i i otnoshenii: ot semeinoi identifikatsii k setevoi individualizatsii [Internet as a simulacrum of family and relationships: from family identification to network individualization]. In Egorov I.V., Mart'yanova G.Yu (eds.). *Ezhгодnik nauchno-metodologicheskogo seminara «Problemy psikhologo-pedagogicheskoi antropologii»: Sbornik nauchnykh statei [Yearbook of the scientific and methodological seminar “Problems of psychological and pedagogical anthropology”: Collection of scientific articles]*. Devyatyi vypusk. Saint Petersburg: Publ. “nits ART”, 2019, pp. 6–14. (In Russ.).
21. Shneider L.B., Ognev A.S., Maslennikova P.A. Ispol'zovanie metoda okulografii dlya diagnostiki «obraza Ya» [Using the method of oculography for diagnostics of the “image of the Self”]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya. Teoreticheskie i prakticheskie problemy psikhologii = Actual problems of psychological knowledge. Theoretical and practical problems of psychology*, 2020, no. 1–2(53), pp. 58–78. (In Russ.).
22. Shneider L.B. Roditeli i uchitelya kak identifikatsionnye sub"ekty dlya vzroslykh detei [Parents and teachers as identification subjects for adult children]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya. Teoreticheskie i prakticheskie problemy psikhologii = Actual problems of psychological knowledge. Theoretical and practical problems of psychology*, 2012, no. 2(23), pp. 78–88. (In Russ.).
23. Buehler Ch. Family Processes and Children's and Adolescents' Well-Being. *Journal of Marriage and Family*, 2020. Vol. 82, pp. 145–174. DOI:10.1111/jomf.12637
24. Psychogiou L. [et al.] Children's emotion understanding in relation to attachment to mother and father. *British Journal of Developmental Psychology*, 2018. Vol. 36, no. 4, pp. 557–572. DOI:10.1111/bjdp.12239
25. Holmqvist K., Nystrom M., Andersson R. Eye Tracking: a comprehensive guide to methods and measures. N.Y.: Oxford University Press, 2011. 560 p.
26. Jenkins R. Social Identity. L.; N. Y.: Routledge, 2004. 218 p. DOI:10.4324/9780203292990

Информация об авторах

Шнейдер Лидия Бернгардовна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологической антропологии, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО МПГУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3517-0873>, e-mail: lshejder@yandex.ru

Information about the authors

Lidiya B. Shneyder, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Psychological Anthropology, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3517-0873>, e-mail: lshejder@yandex.ru

Получена 06.08.2020

Принята в печать 22.07.2022

Received 06.08.2020

Accepted 22.07.2022

Психологическая диагностика социального капитала организации

Почебут Л.Г.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4390-1442>, e-mail: ludmila.pochebut@gmail.com**

Чикер В.А.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7444-6898>, e-mail: vhiker@yandex.ru**

Кузнецова И.В.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2922-8044>, e-mail: irin_kuznesova@mail.ru**

Гуриева С.Д.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: gurievassv@gmail.com**

Безнос Д.С.

**ФГБОУ ВО «Государственный институт психологии и социальной работы»
(ФГБОУ ВО ГИПСР), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6436-479X>, e-mail: don_bizon@inbox.ru**

Волкова Н.В.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9045-4393>, e-mail: nv.volkova@hse.ru**

Яничева Т.Г.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0613-7353>, e-mail: yanicheva@ourfuture.ru**

Цель. Разработать психодиагностическую методiku оценки консолидации социального капитала организации (КСКО), доказать ее надежность и валидность.

Контекст и актуальность. Проблема методического обеспечения изучения социального капитала организации является актуальной, поскольку в социальной психологии до настоящего времени не существует надежных и апробированных методик его исследования. В соответствии с предложенной нами концепцией была разработана методика диагностики основных компонентов социального капитала организации, проверена ее надежность и валидность.

Дизайн исследования. Процедура исследования состояла из трех этапов. На первом этапе была разработана методика КСКО. На втором этапе с использованием методики КСКО было проведено пять социально-психологических исследований социального капитала различных организаций. На третьем этапе анализировались психодиагностические возможности разработанной методики, доказывалась ее надежность и валидность.

Участники. В исследовании участвовали 382 сотрудника организаций Санкт-Петербурга в возрасте от 23 до 46 лет. Средний возраст участников исследования составил 35 лет. Мужчины составили 40,6% выборки, а женщины — 59,4%.

Методы (инструменты). Для обработки и анализа данных использовались конфирматорный факторный анализ, анализ внутренней согласованности и корреляционный анализ.

Результаты. Методика имеет конструктивную валидность и надежна для всех выборок. Опросник включает четыре шкалы: доверие, приверженность целям и ценностям организации, соблюдение норм поведения и поддержка репутации организации. Каждый компонент состоит из четырех утверждений и оценивается по пятибалльной шкале.

Выводы. Разработанная методика является надежной и валидной, может применяться для измерения основных компонентов социального капитала и оценивать степень его консолидации.

Ключевые слова: социальный капитал организации, методика измерения, доверие, приверженность, нормы взаимодействия, репутация, консолидация.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 19-013-00560.

Для цитаты: Почебут Л.Г., Чикер В.А., Кузнецова И.В., Гуриева С.Д., Безносков Д.С., Волкова Н.В., Яничева Т.Г. Психологическая диагностика социального капитала организации // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 3. С. 62–79. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130305>

Psychological Diagnostics of Organizational Social Capital

Ludmila G. Pochebut

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4390-1442>, e-mail: ludmila.pochebut@gmail.com

Vera A. Chiker

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7444-6898>, e-mail: vcchiker@yandex.ru

Irina V. Kuznetsova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2922-8044>, e-mail: irin_kuznetsova@mail.ru

Svetlana D. Gurieva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: gurievsv@gmail.com

Dmitriy S. Beznosov

Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6436-479X>, e-mail: don_bizon@inbox.ru

Natalia V. Volkova

HSE University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9045-4393>, e-mail: nv.volkova@hse.ru

Tatiana G. Yanicheva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0613-7353>, e-mail: yanicheva@ourfuture.ru

The objective of this article is to develop and validate the scale for measuring organizational social capital consolidation (OSCC).

Background. *The problem of methodological support for the study of the social capital of an organization is relevant, since there are no reliable and proven methods of its research in social psychology to date. In accordance with the concept proposed by us, a methodology for diagnosing the main components of the organization's social capital has been developed, its reliability and validity have been verified.*

Study design. *The study comprises a three-phase process. In the first phase, the OSCC scale was developed. In the second phase, five socio-psychological studies were conducted by using OSCC scale in various organizations. The third phase includes the analysis of psychodiagnostics capabilities of the developed scale, its reliability, and validity.*

Participants. *A total of 382 employees from 23 to 46 years old working for St. Petersburg organizations participated in the study. The average age was 35 years old. Males accounted for 40,6% of the sample, while females – 59,4%.*

Methods. *The study applies the confirmatory factor analysis, the analysis of internal consistency and correlation analysis.*

Results. *OSCC scale has construct validity and is reliable across the samples. The scale consists of four components: trust, commitment to targets and organizational values, following behavioral norms, and support of organizational reputation. Each component, anchored on a 5-point scale, includes four items.*

Conclusion. *The OSCC scale is valid and reliable for measuring the main components of organizational social capital and estimating its consolidation.*

Keywords: *organizational social capital, measurement methodology, trust, commitment, norms of interaction, reputation, consolidation.*

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 19-013-00560.

For citation. Pochebut L.G., Chiker V.A., Kuznetsova I.V., Gurieva S.D., Beznosov D.S., Volkova N.V., Yanicheva T.G. Psychological Diagnostics of Organizational Social Capital. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 62–79. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130305> (In Russ.).

Введение. Процедура измерения консолидации социального капитала организации

Разработанная авторами теоретически обоснованная и эмпирически проверенная модель изучения социального капитала организации позволяет не только выявить релевантные индикаторы модели, но и показать ее исследовательские возможности [8; 9]. В научной литературе описаны некоторые методики измерения социального капитала [13; 14; 15; 16], однако необходимо создать собственную методику, соответствующую нашей теоретической концепции. **Цель** статьи —

показать исследовательские возможности применения новой методики оценки содержательных компонентов социального капитала организации, а также обосновать ее конструктивную валидность и надежность.

Для более точного понимания сущности модели и логики проведенных эмпирических исследований кратко опишем основные положения, ставшие основанием для создания нового методического психодиагностического инструментария. Ранее нами была разработана социально-психологическая модель социального капитала организации. Модель состоит из четырех блоков: а) компоненты со-

циального капитала; б) позитивные и в) негативные факторы формирования социального капитала; г) объективация социального капитала, которая выражается в карьерном продвижении работников, организационной культуре и социально-психологическом климате [8, с. 55].

Мы выделили четыре научных подхода в понимании социального капитала: ресурсный, экономический, сетевой и социально-психологический. Ресурсный подход сосредоточен на описании процесса обмена социальных ресурсов. Однако сам по себе ресурс не может быть социальным капиталом, он является только условием его реализации. Человек, владеющий определенным ресурсом (финансами, интеллектуальным потенциалом, материальными ценностями и т.д.), не обладает социальным капиталом до тех пор, пока он не вступит в ситуацию обмена с другими людьми. Социальный капитал создается только на основе взаимоотношений обмена ресурсами. Экономический подход сосредоточен на изучении экономической выгоды, получаемой человеком в результате обмена ресурсами и накопления социального капитала. Сетевой подход ориентирован на изучение социального капитала в социальных сетях. Мы придерживаемся социально-психологического подхода в изучении данного феномена. Этот подход исследует содержательную наполненность социального капитала. Именно смыслы, вкладываемые людьми в свои взаимоотношения, и составляют его содержательную сторону. Такими смыслами являются основные компоненты социального капитала — взаимное доверие, приверженность единым целям и ценностям, соблюдение норм поведения и создание репутации организации [8; 9].

Таким образом, социальный капитал организации понимается нами как

единое смысловое пространство, объединяющее и сплачивающее людей для решения актуальных задач, основанное на доверии, нормах взаимности и справедливости, приверженности целям и ценностям организации, создающее ее репутацию во внешней и внутренней среде. Содержательными компонентами социального капитала организации являются: взаимное доверие сотрудников, партнеров и клиентов, приверженность целям и ценностям, опора на социальные нормы и формирование ее репутации во внешней и внутренней среде [8].

Первый исследовательский вопрос — обладает ли надежностью и конструктивной валидностью каждая из представленных шкал новой методики «Компоненты социального капитала организации»?

Результатом воздействия социального капитала на эффективность деятельности организации является его объективация. Объективация проявляется на трех уровнях. На личностном уровне — это перспективная индивидуальная карьера сотрудника организации. На социально-психологическом уровне объективация отражается в благоприятном социально-психологическом климате организации. На управленческом уровне она проявляется в организационной культуре [9]. Следствием накопленного социального капитала являются показатели карьерного развития, социально-психологического климата и организационной культуры.

Второй исследовательский вопрос — каким образом компоненты социального капитала организации связаны с показателями их объективации?

Следующий логический шаг — поиск эмпирического подтверждения выдвинутых нами ранее теоретических положений. Мы создали методику «Компонен-

ты социального капитала организации» (КСКО), включающую четыре психодиагностические шкалы, которые отражают операционализацию содержательных компонентов понятия «социальный капитал». Вначале в методику входило 80 суждений, сформулированных профессиональными экспертами по показателям: доверие, цели и ценности, приверженность, репутация. В ходе работы трех фокус-групп было оставлено 40. Затем суждения были проверены на надежность при помощи коэффициента внутренней согласованности альфа Кронбаха.

В целях увеличения внутренней согласованности шкал ряд суждений были исключены или заменены. Этот шаг дал не только более надежную методику (табл. 1), но и сократил количество суждений до 32.

Более низкие показатели согласованности суждений получены для шкалы «доверие», работу над которой мы продолжили. В окончательном варианте опросника вопросы всех шкал согласованы. При сокращении методики (по четыре суждения в каждой шкале) коэффициент надежности альфа Кронбаха оказывается свыше 0,8 для всех шкал. Текст опросника представлен в Приложении 1, а описательные статистики по каждой шкале — в Приложении 2.

Конструктивная валидность методики проверялась с использованием кон-

фирматорного факторного анализа (confirmatory factor analysis, CFA) на выборке из 382 респондентов. Обработка и анализ данных были проведены с помощью программного обеспечения Stata/MP 16.1. Для построения моделей использовался метод максимального правдоподобия. В качестве пороговых значений были взяты следующие показатели: $TLI > 0.90$, $CFI > 0.90$, $RMSEA < 0.08$, $SRMR < 0.08$ [12].

Полученная модель представлена на рисунке ($TLI = 0,90$, $CFI = 0,92$, $RMSEA = 0,076$, $SRMR = 0,054$), все стандартизованные факторные нагрузки латентных переменных выше 0,5. Показатели надежности коэффициента альфа Кронбаха по шкале «доверие» составили 0,765, шкале «приверженность целям и ценностям» — 0,813, шкале «нормы» — 0,786 и шкале «репутация» — 0,720.

После проверки методики на валидность и надежность мы используем вариант, включающий в себя четыре шкалы: *доверие, приверженность целям и ценностям, нормы, репутация*. Оценка СК определяется суммой баллов, набранных при ответах на четыре суждения каждого измерения по пятибалльной шкале Лайкерта. Ответы дифференцируются от утверждения «совершенно согласен» до утверждения «совершенно не согласен», с промежуточным значением «трудно сказать». Для массового опроса была соз-

Таблица 1

Согласованность суждений по шкалам методики после сокращения количества вопросов (N=234)

Шкалы	Коэффициент надежности альфа Кронбаха
Доверие	0,675**
Приверженность	0,838**
Нормы	0,855**
Репутация	0,895**

Примечание. ** $p < 0,01$.

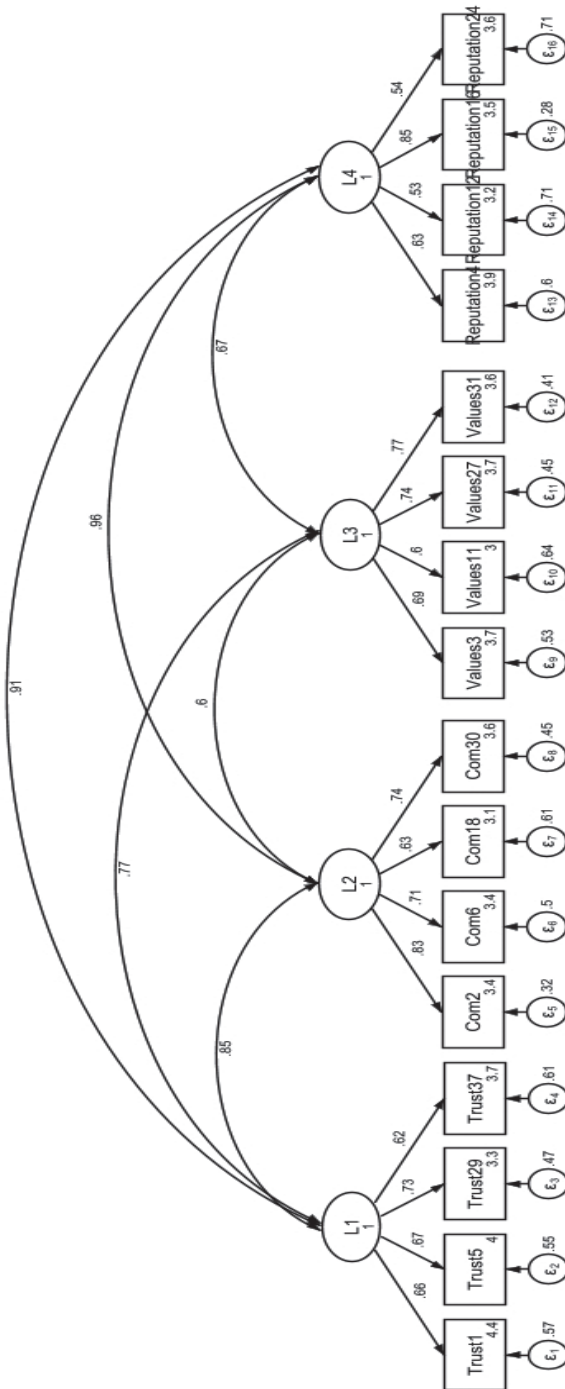

Рис. Модель показателей социального капитала

дана специальная Google-форма методики, которая позволила ускорить процесс сбора эмпирических данных.

Однонаправленные и высокие показатели по всем четырем шкалам означают высокую *консолидацию социального капитала организации*, под которой мы понимаем особый *групповой процесс согласования членами группы в ходе общения целей, норм, средств, стиля и способов совместной деятельности* [9]. Консолидация возникает на основе сочетания основных компонентов социального капитала: доверие, приверженность целям и ценностям, соблюдение организационных норм и репутация. Для определения результата процесса консолидации социального капитала мы предлагаем использовать обобщенный показатель СК организации — **«индекс консолидации социального капитала организации» (ИКСК)**, рассчитываемый по формуле:

$$\text{ИКСК} = \frac{\Sigma d+p+n+r}{80 * K},$$

где $\Sigma d+p+n+r$ — сумма реальных баллов по всей группе, полученных по показателем доверия (d), приверженности (p), соблюдения норм (n) и репутации (r); K — количество опрошенных; 80 — сумма наивысших оценок по всем вопросам методики. Уровень и структура показателей социального капитала могут свидетельствовать о существующих ресурсах или проблемах в определенных сферах социального взаимодействия в организации.

Содержание шкал методики

Доверие — открытые, позитивные взаимоотношения между людьми, уверенность в порядочности и доброжелательности другого человека, с которым доверяющий находится в деловых или межличностных отношениях. Готов-

ность сотрудников к взаимодействию и обмену организационными и личными ресурсами без опасений, что они могут быть использованы конкурентами, готовность смело делегировать коллегам ответственность, полномочия, управление. Пример утверждения: «Я стараюсь строить отношения с сотрудниками на основе взаимного доверия».

Приверженность — верность, преданность организационным целям и ценностям. Это показатель силы и позитивной направленности личностных и социальных связей сотрудников с организацией, принятие организационных ценностей, устойчивое членство в организации. Пример утверждения: «Я испытываю чувство гордости за свою организацию».

Нормативность — формальные и неформальные правила поведения, выработанные сотрудниками и менеджерами в процессе негласных договоренностей с целью достижения согласия и солидарности, соблюдения норм справедливости, равенства и взаимности. Пример утверждения: «В нашей организации нового сотрудника знакомят с формальными и неформальными правилами и нормами».

Репутация — доверие, уважение и впечатление о сотрудниках и организации в целом, отражающиеся на оценке клиентами и партнерами качественных и количественных аспектов деятельности организации. Репутация организации является обобщенной характеристикой коммуникативных взаимодействий сотрудников на внутреннем и внешнем контуре и свидетельствует о ее престиже в социальной и экономической сфере. Пример утверждения: «Руководство нашей компании уделяет много внимания ее имиджу во внешней среде».

Ниже представлены результаты пяти эмпирических исследований, проведен-

ных на кафедре социальной психологии СПбГУ в рамках магистерских диссертаций. Каждое из представленных исследований касается определенного аспекта поставленной нами проблемы.

Результаты

Доверие как компонент социального капитала организации

П.А. Донченко [3] исследовала социальный капитал международной IT-организации. Цель — изучение доверия между сотрудниками и руководством. Опрошено 100 человек в возрасте от 23 до 43 лет, 60 мужчин и 40 женщин. Для измерения уровня доверия применялась методика оценки доверия в организации Р.Б. Шо [10]. Для измерения социального капитала применялась методика КСКО.

По методике Р.Б. Шо общая оценка высокого уровня доверия определяется 118–160 баллами. У большинства испытуемых показатели выше 118 баллов, то есть в организации диагностируется высокий уровень взаимного доверия. Методика КСКО показала высокий уровень социального капитала по всем шкалам. При этом наиболее высокие оценки получены по показателям приверженности организации и репутации. Корреляционный анализ выявил статистически достоверные положитель-

ные корреляции между всеми шкалами опросников на 1%-ом уровне значимости (табл. 2).

Таким образом, показатели «доверие» и «общий социальный капитал» по методике КСКО коррелируют с методикой Р. Шо, что свидетельствует о надежности нашей методики КСКО.

Репутация организации как компонент социального капитала организации

В.Л. Зайцев [4] изучал взаимосвязь доверия, репутации организации и лояльности сотрудников. Было опрошено 28 сотрудников двух организаций. Для изучения основных показателей социального капитала организации применялись методики КСКО и «Компоненты репутации организации», разработанная А.Е. Посоховой и В.А. Чикер [7] на базе концепции Ч. Фомбруна.

Корреляционный анализ выявил значимую взаимосвязь компонентов репутации с доверием. Уровень доверия к организации положительно связан с репутацией ($p \leq 0,01$, $r = 0,70$) и ее основными индикаторами: видимостью ($p \leq 0,05$, $r = 0,47$), отличительностью ($p \leq 0,05$, $r = 0,52$), согласованностью ($p \leq 0,05$, $r = 0,59$), аутентичностью ($p \leq 0,01$, $r = 0,73$) и эмоциональной привлекательностью ($p \leq 0,01$, $r = 0,62$).

Таблица 2

Корреляционные связи показателей социального капитала по КСКО и методике Р. Шо (N=100) (r-анализ Спирмена)

КСКО \ Методика Р. Шо	Доверие	Приверженность	Нормы	Репутация	Общий социальный капитал
Доверие	0,73**	0,74**		0,72**	0,8**
Результативность		0,73**			0,76**
Забота	0,75**				0,76**

Примечание. ** $p < 0,01$.

Высокие значения связей показателей социального капитала организации и репутации подтверждаются и в работе Р. Шприц [11], опросившей 45 сотрудников российского филиала финской строительной компании (17 мужчин, 28 женщин). Все показатели репутации организации по методике А.Е. Посоховой и В.А. Чикер (видимость, прозрачность, отличительность, согласованность, аутентичность, эмоциональная привлекательность) связаны со всеми показателями социального капитала (табл. 3; 1%-ый уровень значимости).

Таким образом, были подтверждены конструктивная валидность и надежность шкалы «репутация» в методике КСКО.

Нормативность поведения как компонент социального капитала

В.А. Ларькина [5] опросила 134 респондента: 110 женщин (82%) и 24 мужчины (18%) в возрасте от 18 до 45 лет. Методики: опросник «Доверие в организации» Р. Шо, методика КСКО. Для изучения связи нормативности поведения со шкалами КСКО применялся опросник «Социальные эталонные переменные», разработанный Л.Г. Почебут на основе теории Т. Парсонса. Социальные

эталонные переменные (СЭП) — это способы взаимоотношений между людьми, нормативные регуляторы поведения. Выделяют пять дихотомических СЭП:

а) аффективность—аффективная нейтральность измеряет отношение к общественным нормам;

б) ориентация на себя—ориентация на коллектив измеряет отношение к интересам общества;

с) универсализм—партикуляризм измеряет отношение к общественным требованиям. Универсализм показывает ориентацию на законы общества, а партикуляризм — на мораль;

д) качество—результативность измеряет критерии оценки людей;

е) специфичность—диффузность измеряет степень включенности актора в социальное взаимодействие.

Полученные результаты корреляционного анализа свидетельствуют о взаимосвязи показателей СЭП и КСКО (табл. 4; 1%-ый уровень значимости; 5%-ый уровень значимости).

Р. Шприц [11] (N=45) изучала связи показателей социального капитала с нормами справедливости:

- процедурная справедливость;
- справедливость распределения;

Таблица 3

Корреляционные связи показателей репутации и показателей КСКО (N=45) (r-анализ Спирмена)

КСКО	Доверие	Приверженность	Нормы	Репутация
Репутация				
Видимость	0,517**	0,724**	0,658**	0,661**
Прозрачность	0,614**	0,715**	0,696**	0,621**
Отличительность	0,511**	0,671**	0,603**	0,609**
Согласованность	0,614**	0,810**	0,689**	0,717**
Аутентичность	0,571**	0,693**	0,684**	0,648**
Эмоциональная привлекательность	0,685**	0,835**	0,723**	0,802**

Примечание. ** p<0,01.

**Корреляционные связи показателей соблюдения норм и показателей СЭП
(N=134) (r-анализ Спирмена)**

СЭП	Ориентация на коллективизм	Ориентация на индивидуализм	Ориентация на мораль	Доверие КСКО	Репутация КСКО
Нормы	0,308*	-0,233*	0,567**	0,400*	0,433*

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

- справедливость взаимодействия;
- общий показатель нормы организационной справедливости [1].

Норма справедливости связана с показателями методики КСКО: фиксируются положительные связи показателей справедливости распределения, взаимодействия и общей справедливости с показателями приверженности, принятия организационных норм и репутации (все связи на 5%-ом уровне значимости). Показатели доверия (КСКО) и процедурной справедливости не вошли в корреляционную матрицу на значимом уровне.

Приверженность как компонент социального капитала

В.Л. Зайцев [4] использовал методики: 1) опросник OCQ (Organizational Commitment Questionnaire) Л. Портера для измерения лояльности; 2) шкала организационной приверженности Дж. Мейера и Н. Аллен, выявляющая три типа приверженности: эмоциональная привязанность к организации, осознание затрат, связанных с уходом из нее, и ощущение обязательств сотрудниками перед компанией [2].

Обнаружено, что уровень приверженности положительно связан с репутацией по методике КСКО ($p \leq 0,01$, $r = 0,89$) и с показателями методики А.Е. Посоховой и В.А. Чикер: видимость ($p \leq 0,05$, $r = 0,85$), отличительность ($p \leq 0,05$, $r = 0,50$), согласованность ($p \leq 0,01$, $r = 0,69$), аутентичность ($p \leq 0,01$, $r = 0,80$) и эмоциональная привлекательность организации ($p \leq 0,01$, $r = 0,74$).

Уровень лояльности положительно связан с репутацией по методике КСКО ($p \leq 0,01$, $r = 0,93$) и оценками репутации организации: видимость ($p \leq 0,01$, $r = 0,68$), прозрачность ($p \leq 0,05$, $r = 0,48$), согласованность ($p \leq 0,01$, $r = 0,72$), аутентичность ($p \leq 0,01$, $r = 0,77$) и эмоциональная привлекательность организации ($p \leq 0,01$, $r = 0,81$).

Таким образом, подтверждается конструктивная валидность шкалы «приверженность» методики КСКО.

Компоненты социального капитала и моббинг в организации

К.А. Попова [6] использовала методику КСКО и методику диагностики проявлений моббинга «Рабочие отношения в организации». Моббинг рассматривается как негативный фактор формирования социального капитала организации.

Методика «Рабочие отношения в организации» дает следующие показатели проявления моббинга:

- коммуникативные нападения;
- посягательства на социальные отношения;
- посягательства на качество профессиональной и жизненной ситуации;
- посягательства на здоровье.

Обследовано 33 сотрудника государственной организации. Обнаружено, что чем выше организованность группы, тем чаще появляются коммуникативные нападения ($p \leq 0,01$, $r = 0,5$), посягательства на авторитет ($p \leq 0,01$, $r = 0,46$), посягательства на здоровье ($p \leq 0,01$, $r = 0,5$).

Консолидация социального капитала организации

Р. Шприц [11] изучала консолидацию социального капитала организации при анализе работы российского филиала финской строительной компании (N=45). Обнаружено, что все компоненты социального капитала взаимосвязаны (табл. 5; 1%-ый уровень значимости).

Все компоненты социального капитала компании тесно взаимосвязаны на высоком уровне значимости ($p \leq 0,01$). Это свидетельствует о том, что изученные и проанализированные четыре показателя методики составляют единый комплекс, по которому можно судить о консолидации социального капитала компании.

На основании полученных данных был рассчитан «Индекс консолидации» (ИК). Он составил 0,78 при максимальном значении 1,00. Средние значения отдельных компонентов социального капитала организации варьировались от 0,74 до 0,82 и были оценены как высокие. Таким же образом могут быть рассчитаны индексы консолидации социального капитала и в других организациях, что позволяет проводить сравнительный структурный и уровневый анализ изученных компонентов социального капитала.

Обсуждение результатов

Доверие по методикам Р.Б. Шо и КСКО оказалось центральным связующим звеном всех компонентов. На высо-

ком уровне значимости этот показатель связан с общим социальным капиталом организации, объединяющим остальные компоненты: приверженность целям и ценностям, нормы и правила, репутация. Обнаружено, что *доверие является главным и системообразующим фактором консолидации социального капитала организации*. Это является доказательством конструктивной валидности методики КСКО. По гендерному признаку в показателях СК различий не обнаружено. Оказалось, что чем выше уровень доверия, тем больше социальный капитал организации. У сотрудников с высоким уровнем доверия более выражены такие характеристики, как порядочность, высокая оценка репутации компании и результативность деятельности. У сотрудников с низким уровнем доверия в меньшей степени проявляются такие компоненты СК, как приверженность целям и ценностям, соблюдение норм. Подтверждается конструктивная валидность шкалы «доверие» по методике КСКО.

Исследование связи социального капитала и *репутации организации* показало, что чем выше сотрудники оценивают доверительность отношений, тем выше они оценивают репутацию, заметность и уникальность производимого продукта, согласованность информации о компании, искренность действий руководства и эмоциональную привлекательность организации. Таким образом, репутация

Таблица 5
Связь показателей методики КСКО (г-анализ Спирмена)

Показатели	Доверие	Приверженность	Нормы	Репутация
Доверие		0,84**	0,89**	0,80**
Приверженность	0,84**		0,83**	0,83**
Нормы	0,89**	0,83**		0,82**
Репутация	0,80**	0,83**	0,82**	

Примечание. ** $p < 0,01$.

организации тесно связана с осознанием и уверенностью сотрудников организации в том, что они могут положиться на своих коллег, которые являются высококомпетентными профессионалами. Максимально тесные взаимосвязи получены для эмоциональной привлекательности организации, согласованности и приверженности организации по КСКО, а также эмоциональной привлекательности по опроснику репутации организации и оценкой «репутации» по методике КСКО. Таким образом, проведенные исследования подтвердили конструктивную валидность шкалы «репутация» методики КСКО относительно известных надежных и валидных методов изучения репутации организации.

Установлено, что люди, придерживающиеся норм и правил организации, склонны ориентироваться на коллектив, в меньшей степени проявляют индивидуализм, разделяют нормы и ценности организации, высоко оценивают ее репутацию, проявляют доверие к окружающим. Полученные корреляции подтверждают конструктивную валидность шкалы «нормы» методики КСКО. Очевидна *включенность ценностно-нормативной системы личности в организационный контекст*, регулирующей поведение сотрудников и создающей социальный капитал организации.

Обнаружены положительные связи организованности с проявлениями моббинга в организации. Это свидетельствует о том, что сплоченность группы может нести в себе и негативную окраску — провоцировать проявления моббинга. Вероятно, в каждом отдельном случае диагностики группы необходимо учитывать контекст ее развития. В анализируемой ситуации это может интерпретироваться как самосохранение в условиях организационных изменений. Чем выше

уровень доверия, соблюдения норм, приверженности и репутации, тем больше сотрудники нацелены на эффективное выполнение своей работы, получение лучших результатов, тем реже все проявления моббинга в коллективе.

Таким образом, *социальный капитал можно рассматривать как личностный и групповой ресурс организационного развития, противостояния моббингу и фактор личного психологического благополучия сотрудников*, а индекс консолидации социального капитала (ИК) можно считать инструментом сравнительного анализа при оценке социального капитала различных организаций.

Выводы

Созданная и апробированная психодиагностическая методика оценки компонентов социального капитала организации (КСКО) показала свою валидность — пригодность методики для измерения компонентов социального капитала, степень соответствия методики тому, что подлежало измерению. Можно говорить о *конструктивной валидности* методики — наличии обоснованности и соответствии методики авторским представлениям и концепции социального капитала организации, что подтверждено результатами конфирматорного факторного анализа, а также взаимосвязями ее основных параметров с данными других, уже апробированных и валидизированных методик. Таким образом, методика измеряет именно то, что в нее заложено содержательно.

Воспроизводимость результатов методики в различных исследованиях вне зависимости от направленности деятельности организаций, а также основных социально-демографических характеристик выборки показала *надежность* методики КСКО. Обнаружена стабиль-

ность получаемых результатов в различных условиях измерений, их повторяемость вне зависимости от субъектов диагностической процедуры, устойчивость результатов методики по отношению к действию посторонних и случайных факторов.

В сложных ситуациях организационных изменений бóльшей диагностической силой обладают показатели моббинга, отражая тем самым приоритет межличностных, а не групповых отношений и неразрешенных конфликтов в формировании социального капитала организации.

Показатель консолидации социального капитала организации позволяет рассмотреть уровень и структурные характеристики социального капитала организации и выразить их единым значением, а также провести сравнение различных организаций.

В дальнейших исследованиях социального капитала методический арсенал может быть расширен с целью более глубокого рассмотрения содержательных компонентов социального капитала и факторов их объективации, а также позитивных и негативных факторов влияния внешней и внутренней организационной среды.

Приложение 1

Методика «Компоненты социального капитала организации» (КСКО)

Здравствуйте!

Обращаемся к Вам с просьбой ответить на вопросы методики в целях выявления некоторых особенностей Вашей работы в организации. Опрос анонимный — имя и фамилию указывать не надо. Результаты опроса будут использованы в научном исследовании, изучающем особенности организационного развития.

Благодарим Вас за сотрудничество! Удачной работы в компании!

Инструкция. Уважаемый участник исследования!

Прочитайте, пожалуйста, приведенные ниже утверждения и выразите степень своего согласия с этими суждениями по представленной шкале, отметив наиболее близкое Вам в соответствующем квадрате:

№	Утверждения	Совершенно согласен	Согласен	Трудно сказать	Не согласен	Совершенно не согласен
1	Я думаю, что сотрудникам моей организации можно доверять					
2	Я испытываю чувство гордости за свою организацию					
3	Я стараюсь следовать нормам и правилам поведения, которые приняты в организации					
4	Наши сотрудники дорожат местом своей работы					
5	Я стараюсь строить отношения с сотрудниками на основе взаимного доверия					

№	Утверждения	Совершенно согласен	Согласен	Трудно сказать	Не согласен	Совершенно не согласен
6	Я считаю, что цели нашей компании ясные и мотивирующие					
7	В нашей организации нового сотрудника знакомят с формальными и неформальными правилами и нормами					
8	Я стараюсь поддерживать репутацию своей организации среди ее партнеров и клиентов					
9	Для меня важно, что в нашей компании есть люди, которым я могу доверять					
10	Ценности нашей компании разделяются большинством сотрудников					
11	Я хорошо знаю, как принято себя вести в нашей компании					
12	Я горжусь тем, что работаю в такой компании, как наша					
13	Работая в команде, сотрудники должны доверять друг другу					
14	Для меня важно осознавать причастность к изменениям, происходящим в организации					
15	Сотрудники должны соблюдать правила и нормы, принятые в нашей организации					
16	Руководство нашей компании уделяет много внимания ее имиджу во внешней среде					

Благодарим за участие в исследовании!

КЛЮЧ

Доверие – 1, 5, 9, 13.

Приверженность – 2, 6, 10, 14.

Нормы – 3, 7, 11, 15.

Репутация – 4, 8, 12, 16.

Ответный лист

№	1	5	9	13
	2	6	10	14
	3	7	11	15
	4	8	12	16
Итого				

Описательные статистики финальной шкалы

Переменные	Среднее значение	Стандартное отклонение	Min	Max
Trust1	3,79	0,86	1	5
Trust5	3,92	0,98	1	5
Trust29	3,67	1,11	1	5
Trust37	3,91	1,07	1	5
Com2	3,68	1,10	1	5
Com6	3,69	1,09	1	5
Com18	3,46	1,12	1	5
Com30	3,56	0,98	1	5
Values3	3,80	1,02	1	5
Values11	3,39	1,15	1	5
Values27	3,76	1,02	1	5
Values31	3,73	1,02	1	5
Reputation4	3,64	0,93	1	5
Reputation12	3,70	1,15	1	5
Reputation16	3,72	1,06	1	5
Reputation24	3,58	0,99	1	5

Литература

1. Баранская С.С. Опросник «Организационная справедливость». Русскоязычная адаптация // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12 «Психология, социология, педагогика». 2011. № 3. С. 145–153.
2. Доминяк В.И. Измерение лояльности: действующая модель // Персонал-Микс. 2004. № 2. С. 114–119.
3. Донченко П.А. Доверие как социально-психологический фактор формирования социального капитала в IT-организации: дисс. ... магистра психологии. СПб., 2020. 108 с.
4. Зайцев В.Л. Взаимосвязь доверия сотрудников и репутации организации: выпускная аттестационная работа. СПб., 2020. 73 с.
5. Ларькина В.А. Особенности отношений в ЛГБТ-сообществе: дисс. ... магистра психологии. СПб., 2020. 148 с.
6. Попова К.А. Динамика психологического климата организации в период смены руководства: выпускная аттестационная работа. СПб., 2020. 122 с.
7. Посохова А.Е., Чикер В.А. Репутация в деятельности человека и организации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12 «Психология, социология, педагогика». 2011. № 4. С. 64–72.
8. Почебут Л.Г., Чикер В.А., Волкова Н.В. Социально-психологическая модель когнитивного социального капитала организации: концепция и аспекты исследования [Электронный ресурс] // Организационная психология. 2018. Том 8. № 2. С. 47–71. URL: <https://orgpsyjournal.hse.ru/2018-8-2/221052223.html> (дата обращения: 10.01.2021).
9. Почебут Л.Г., Чикер В.А., Волкова Н.В. Социально-психологическая модель когнитивного социального капитала организации: факторы формирования и объективация [Электронный

- ресурс] // Организационная психология. 2018. Том 8. № 3. С. 29–59. URL: <https://orgpsyjournal.hse.ru/2018-8-3/224872769.html> (дата обращения: 10.01.2021).
10. Шо П.Б. Ключи к доверию в организации: Результативность. Порядочность. Проявление заботы. М.: Дело, 2000. 271 с.
  11. Шпринц П. Социальный капитал сотрудников в международной финской строительной компании SRV: выпускная аттестационная работа. СПб., 2020. 73 с.
  12. Handbook of structural equation modeling / Hoyle R.H. (Ed.). New York: Guilford Press, 2012. 754 p.
  13. Harpham T., Grant E., Thomas E. Measuring social capital within health surveys: key issues // Health Policy and Planning. 2002. Vol. 17(1). P. 106–111. DOI:10.1093/heapol/17.1.106
  14. Kouvonen A. et al. Psychometric evaluation of a short measure of social capital at work // BMC Public Health. 2006. Vol. 6(1). P. 251–261. DOI:10.1186/1471-2458-6-251
  15. Narayan D., Pritchett L. Cents and Sociability: Household Income and Social Capital in Rural Tanzania. The World Bank Social Development and Development Research Group Poverty and Human Resources. Washington DC, 1997. 41 p.
  16. Onyx J., Bullen P. Measuring Social Capital in Five Communities // Journal of Applied Behavioral Science. 2000. Vol. 36(1). P. 23–42. DOI:10.1177/0021886300361002

References

1. Baranskaja S.S. Oprosnik «Organizatsionnaya spravedlivost'». Russkoyazychnaya adaptatsiya [Organizational Justice Questionnaire. Russian-language adaptation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12 «Psikhologiya, sotsiologiya, pedagogika» = Vestnik of Saint-Petersburg University. Seria 12 «Psychology, sociology, pedagogy»*, 2011, no. 3, pp. 145–153. (In Russ.).
2. Dominyak V.I. Izmerenie loy'al'nosti: deistvuyushchaya model' [Measuring loyalty: a working model]. *Personal-Miks = Personnel-Mix*, 2004, no. 2, pp. 114–119. (In Russ.).
3. Donchenko P.A. Doverie kak sotsial'no-psikhologicheskii faktor formirovaniya sotsial'nogo kapitala v IT-organizatsii. Diss. magistra psikhologii [Trust as a socio-psychological factor in the formation of social capital in IT organization. Master thesis (Psychology)]. St. Petersburg, 2020. 108 p.
4. Zaitsev V.L. Vzaimosvyaz' doveriya sotrudnikov i reputatsii organizatsii. Vypusknaya attestatsionnaya rabota [The relationship between employee trust and organizational reputation. Qualification thesis]. St. Petersburg, 2020. 73 p.
5. Lar'kina V.A. Osobennosti otnoshenii v LGBT-soobshchestve. Diss. magistra psikhologii [Peculiarities of relations in the LGBT community. Master thesis (Psychology)]. St. Petersburg, 2020. 148 p.
6. Popova K.A. Dinamika psikhologicheskogo klimata organizatsii v period smeny rukovodstva. Vypusknaya attestatsionnaya rabota [Dynamics of the psychological climate of the organization during the change of leadership. Qualification thesis]. St. Petersburg, 2020. 122 p.
7. Posokhova A.E., Chiker V.A. Reputatsiya v deyatel'nosti cheloveka i organizatsii [Reputation in human and organizational activities]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12 «Psikhologiya, sotsiologiya, pedagogika» = Vestnik of Saint-Petersburg University. Seria 12 «Psychology, sociology, pedagogy»*, 2011, no. 4, pp. 64–72. (In Russ.).
8. Pochebut L.G., Chiker V.A., Volkova N.V. Sotsial'no-psikhologicheskaya model' kognitivnogo sotsial'nogo kapitala organizatsii: kontseptsiya i aspekty issledovaniya [Elektronnyi resurs] [Socio-psychological model of cognitive social capital of an organization: concept and aspects of research]. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational Psychology*, 2018. Vol. 8, no. 2, pp. 47–71. URL: <https://orgpsyjournal.hse.ru/2018-8-2/221052223.html> (In Russ.). (Accessed 10.01.2021).
9. Pochebut L.G., Chiker V.A., Volkova N.V. Sotsial'no-psikhologicheskaya model' kognitivnogo sotsial'nogo kapitala organizatsii: faktory formirovaniya i ob'ektivatsiya [Elektronnyi resurs]

[Socio-psychological model of cognitive social capital of the organization: factors of formation and objectification]. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational Psychology*, 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 29–59. URL: <https://orgpsjournal.hse.ru/2018-8-3/224872769.html> (In Russ.). (Accessed 10.01.2021).

10. Sho R.B. Klyuchi k doveriyu v organizatsii: Rezul'tativnost'. Poryadochnost'. Proyavlenie zaboty [Keys to trust in the organization: Effectiveness. Integrity. Demonstrating care]. Moscow: Publ. Delo, 2000. 271 p.

11. Shprints R. Sotsial'nyi kapital sotrudnikov v mezhdunarodnoi finskoi stroitel'noi kompanii SRV. Vypusknaya attestatsionnaya rabota [Social capital for employees at the international Finnish construction company SRV. Qualification thesis]. St. Petersburg, 2020. 73 p. (In Russ.).

12. Handbook of Structural Equation Modeling. In Hoyle R.H. (Ed.). New York: Guilford Press, 2012. 754 p.

13. Harpham T., Grant E., Thomas E. Measuring social capital within health surveys: key issues. *Health Policy and Planning*, 2002. Vol. 17(1), pp. 106–111. DOI:10.1093/heapol/17.1.106

14. Kouvonen A. et al. Psychometric evaluation of a short measure of social capital at work. *BMC Public Health*, 2006. Vol. 6(1), pp. 251–261. DOI:10.1186/1471-2458-6-251

15. Narayan D., Pritchett L. Cents and Sociability: Household Income and Social Capital in Rural Tanzania. The World Bank Social Development and Development Research Group Poverty and Human Resources. Washington DC, 1997. 41 p.

16. Onyx J., Bullen P. Measuring Social Capital in Five Communities. *Journal of Applied Behavioral Science*, 2000. Vol. 36(1), pp. 23–42. DOI:10.1177/0021886300361002

Информация об авторах

Почебут Людмила Георгиевна, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4390-1442>, e-mail: ludmila.pochebut@gmail.com

Чикер Вера Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7444-6898>, e-mail: vchiker@yandex.ru

Кузнецова Ирина Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2922-8044>, e-mail: irin_kuznecova@mail.ru

Гуриева Светлана Дзахотовна, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: gurievasv@gmail.com

Безносос Дмитрий Сергеевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры управления социальной сферой, ФГБОУ ВО «Государственный институт психологии и социальной работы» (ФГБОУ ВО ГИПСР), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6436-479X>, e-mail: don_bizon@inbox.ru

Волкова Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент департамента менеджмента, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9045-4393>, e-mail: nv.volkova@hse.ru

Яничева Татьяна Гельевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0613-7353>, e-mail: yanicheva@ourfuture.ru

Information about the authors

Ludmila G. Pochebut, Doctor of Psychology, Leading Research Associate, Professor, Chair of Social Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4390-1442>, e-mail: ludmila.pochebut@gmail.com

Vera A. Chiker, PhD in Psychology, Leading Research Associate, Associate Professor, Chair of Social Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7444-6898>, e-mail: vchiker@yandex.ru

Irina V. Kuznetsova, PhD in Psychology, Leading Research Associate, Associate Professor, Chair of Social Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2922-8044>, e-mail: irin_kuznecova@mail.ru

Svetlana D. Gurieva, Doctor of Psychology, Leading Research Associate, Professor, Chair of Social Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: gurievasv@gmail.com

Dmitriy S. Beznosov, PhD in Psychology, Leading Research Associate, Associate Professor, Chair of social sphere management, State Institute of Psychology and Social Work, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6436-479X>, e-mail: don_bizon@inbox.ru

Natalia V. Volkova, PhD in Psychology, Leading Research Associate, Associate Professor, Chair of Management, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9045-4393>, e-mail: nv.volkova@hse.ru

Tatiana G. Yanicheva, PhD in Psychology, Leading Research Associate, Associate Professor, Chair of Social Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0613-7353>, e-mail: yanicheva@ourfuture.ru

Получена 24.02.2021

Принята в печать 22.07.2022

Received 24.02.2021

Accepted 22.07.2022

Вербальные и невербальные стратегии взаимодействия активных и пассивных курильщиков в ситуациях курения в общественных местах: метод формулирования кейсов

Бедина И.Д.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3782-0710>, e-mail: inbed@mail.ru

Кочетова Т.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0746-680X>, e-mail: kochetovavt@gmail.com

Цель. Выявление особенностей социальной перцепции в ситуациях курения в общественных местах, а также паттернов и стратегий взаимодействия в коммуникативных практиках активных и пассивных курильщиков в условиях общественных городских пространств с использованием метода «формулирования кейсов».

Контекст и актуальность. На фоне растущих случаев несоблюдения закона о курении — серьезной социальной проблемы — в общественных местах актуальным становится вопрос борьбы с такими нарушениями. Но важно использовать не только административные ресурсы государства, но и социальный контроль. Определение особенностей коммуникативных практик как активных, так и пассивных курильщиков по отношению друг к другу, их взаимной социальной перцепции, а также факторов, влияющих на взаимодействие между ними, поможет предложить эффективные способы использования социального капитала для борьбы с проблемой курения в общественных местах.

Дизайн исследования. В работе изучены и сформулированы кейсы, связанные с поведением курящих и находящихся рядом с ними некурящих людей в условиях открытого городского пространства. С помощью интерпретации качественных данных и их кодирования были выявлены категории и субкатегории, соответствующие паттернам поведения субъектов, их взаимного восприятия из обеих взаимодействующих групп.

Участники. Для исследования посредством случайной выборки были отобраны 4 кейса взаимодействия активных и пассивных курильщиков в районе ул. Тверская (г. Москва).

Методы (инструменты). В качестве метода исследования было выбрано невключенное скрытое наблюдение с пассивным типом участия. Всего было проведено 4 сессии наблюдения, результаты которых легли в основу кейсов. Наблюдение предполагало изучение таких признаков, как поведение субъектов в отношении друг друга, включая вербальные и невербальные знаки, которыми обмениваются участники коммуникации; особенности городских пространств, в которых происходит коммуникация; место (пространство), где происходит коммуникация.

Результаты. Активные и пассивные курильщики используют вербальные и невербальные стратегии взаимодействия, для которых характерны некоторые особенности социальной перцепции. Так, вербальные включают в себя обезличенное выражение недовольства, апелляцию к факту курения, апелляцию к запаху; невербальные — чаще всего двигательные: замедление шага, ускорение шага/обгон, а также изменение траектории дыма.

Основные выводы. Использование метода формулирования кейсов открывает широкие возможности для изучения различных коммуникативных практик в современной городской среде. Проведенное исследование показало, что важно проводить коммуникационные кампании, направленные как на нарушителей, так и на пострадавших от их действий людей. Первых необходимо призывать к ответственному поведению путем иммерсивной передачи «чужого» социального опыта, пострадавших — мобилизовать использовать преимущества имеющегося у них аппарата социального принуждения с помощью вербализации требований.

Ключевые слова: курение в общественных местах, пассивное и активное курение, коммуникация, паттерны поведения курящих, табак, электронные сигареты, профилактика курения.

Для цитаты: Бедина И.Д., Кочетова Т.В. Вербальные и невербальные стратегии взаимодействия активных и пассивных курильщиков в ситуациях курения в общественных местах: метод формулирования кейсов // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 3. С. 80–96. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130306>

Verbal and Nonverbal Strategies of Interaction between Active and Passive Smokers in Situations of Smoking in Public Places: a Method of Case Formulation

Inessa D. Bedina

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3782-0710>, e-mail: inbed@mail.ru

Tatiana V. Kochetova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0746-680X>, e-mail: kochetovatv@gmail.com

Objective. Identification of the features of social perception in situations of smoking in public places, as well as patterns and strategies of interaction in the communicative practices of active and passive smokers in public urban spaces using the “case formulation” method.

Background. Because of the non-compliance with the law on smoking in public places, the issue of combating such violations becomes urgent. But it is important to use not only the administrative resources of the state, but also social control. Searching for the features of communicative practices of both active and passive smokers in relation to each other, their mutual social perception and factors influencing the interaction between them will help to suggest effective ways to use social capital to combat the problem of smoking in public places.

Study design. The paper studied cases related to the behavior of smokers and non-smokers in an open urban space. Using the interpretation of qualitative data, categories and subcategories corresponding to the patterns of behavior of subjects and their mutual perception from both interacting groups were identified. Categories and subcategories were formed by data encoding.

Participants. For the study, 4 cases of interaction between active and passive smokers in Tverskaya Street were selected by random sampling.

Measurements. The method of covert observation with a passive type of participation was chosen. 4 observation sessions were conducted the results of which formed the basis of the cases. The observation involved the study of the behavior of subjects in relation to each other, including verbal and nonverbal signs exchanged by communication participants; features of urban spaces in which communication takes place; the place of interaction.

Results. Active and passive smokers use verbal and nonverbal interaction strategies, which are characterized by some features of social perception. Thus, verbal ones include an impersonal expression of

discontent, an appeal to the fact of smoking, an appeal to the smell; non-verbal ones — most often motor ones: slowing down the step, accelerating the step/overtaking, as well as changing the trajectory of smoke.

Conclusions. *The using of the case formulation method opens up opportunities for studying various communicative practices in the modern urban environment. It is important to conduct communication campaigns aimed at both violators and people affected by their actions. The former should be encouraged to behave responsibly by the immersive transfer of “someone else’s” social experience, the victims should be mobilized to use the advantages of their existing social coercion apparatus by verbalizing demands.*

Keywords: *smoking in public places, passive and active smoking, communication, patterns of smoking behavior, tobacco, electronic cigarettes, smoking prevention.*

For citation: Bedina I.D., Kochetova T.V. Verbal and Nonverbal Strategies of Interaction between Active and Passive Smokers in Situations of Smoking in Public Places: a Method of Case Formulation. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. _3, pp. 80–96. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130306> (In Russ.).

Введение

С 2013 г. в России действует Федеральный закон от 23.02.2013 № 15 «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» [11]. Согласно статье 12 данного закона запрещено курение во всех общественных местах, за исключением некоторых специально отведенных и изолированных мест [11]. Несмотря на последовавшее после принятия закона снижение распространения курения среди жителей России, нормы, запрещающие курение в общественных местах, на практике зачастую не соблюдаются [5]. Этот факт подтверждают эксперты Минздрава России [10]. Они обращают внимание на массовые нарушения «антитабачного» закона на платформах, железнодорожных вокзалах и даже в медицинских учреждениях. О нарушениях сообщают и жители многоквартирных домов, рассказывая об участившихся случаях курения на лестничных площадках, общедомовых балконах. Увидеть курильщиков можно и на городских улицах, местах скопления людей. Очевидно, что штраф в 1500 рублей, предусмотренный КоАП за подобное на-

рушение, не удерживает курильщиков от противоправных действий. Вероятно, наряду с административными методами борьбы с курением следует использовать и социальный контроль. Ведь общественное мнение может фиксировать факты несоблюдения закона и влиять на нарушителей с помощью механизмов социального принуждения. Такие методы положительно зарекомендовали себя в ряде стран. Например, в Греции жители используют коммуникативные стратегии для контроля за соблюдением закона о курении в общественных местах, а также самостоятельно проводят профилактические рекламные кампании [25]. В Ванкувере некурящая часть населения ответственно следит за соблюдением закона, особо пристально — в центральных офисных районах и зонах отдыха на открытых пространствах [15]. Важно, что социальный контроль не должен создавать обратный эффект, заключающийся в формировании стигматизации групп населения по принципу принадлежности к курящим [13; 14; 21].

Таким образом, необходимо вовлечь гражданское общество в решение проблемы курения в общественных местах и использовать его деятельность в качестве

превенции правонарушений. Для этого важно изучить, как в настоящее время происходит коммуникация между курящими и некурящими людьми, какие практики и стратегии поведения используются.

Для выявления основных характеристик изучаемого предмета рассмотрим некоторые элементы коммуникации по вопросу курения в общественных местах, описываемые в современной научной литературе.

Особое внимание исследователи уделяют реакции людей на курение в общественных местах в условиях законодательных ограничений. Бирон и соавт. установили значимые факторы, которые, по мнению курильщиков, препятствуют соблюдению ими закона о курении в общественных местах, — групповой и гендерный [18]. Участники фокус-групп отмечали, что курение в общественных местах больше ассоциируется с поведением мужчин; они могут свободно курить в общественных местах, не ожидая санкций со стороны социума или правоохранительных органов. Действия усиливаются групповым эффектом — во время курения люди идентифицируют себя с другими курильщиками. Так проявляет себя социальная перцепция — восприятие, понимание и оценка социальных объектов людьми: других людей, самих себя, групп, социальных сообществ и т.д. [1; 3; 4; 14]. Можно предположить, что при социальной перцепции в ситуациях курения снижается уровень индивидуальной ответственности каждого индивида, и правонарушение проектируется на всю группу в целом (она становится субъектом правоотношений). Следовательно, в рамках этнографического подхода важно уделять внимание не столько самому факту курения, сколько определению социальной ситуации, которая способствует проявлению паттерна по-

ведения (курит человек один, с другом, группой и т.д.). К примеру, существуют неформальные знаки, которые «считываются» курильщиками как запрещающие: присутствие детей и беременных женщин в непосредственной близости от курящих, а также наличие в помещении кондиционера [18]. При проведении настоящего исследования необходимо учитывать эти факторы, чтобы успешно интерпретировать коммуникативные интенции курильщиков.

По мнению исследователей, на восприятие курения в общественных местах влияет и тип/вид сигарет. В частности, в сравнении с традиционными сигаретами использование электронных курительных устройств в публичных пространствах не воспринимается активными курильщиками как нарушение закона [26]. Более того, результаты исследований показывают: более половины опрошенных курильщиков пользовались электронными сигаретами в местах, где курение было запрещено [24]. Нарушители были уверены, что официальный запрет не распространяется на электронные устройства. Вид сигарет определяет и коммуникативные практики, используемые окружающими по отношению к нарушителям закона. Согласно Покрель и соавт., активные курильщики часто меняют устройство для курения в общественных местах — используют вместо обычных сигарет электронные без дыма, поскольку «считывают» негласное неодобрение их действий окружающими (коллегами, семьей и т.д.) [22]. В свою очередь, последние чаще проявляют негативные реакции в ответ на сам факт курения/затяжки, т.е. действие курильщика, а не на продукт курения (запах). В случае отсутствия неприятного запаха окружающие перестают обращать внимание на курящего. Можно предположить,

что здесь имеет значение не дискомфорт, который доставляет курение, а некий «рефлекс» на девиантное поведение, который влечет за собой негативные эмоции человека. Этот аспект представляется возможным изучить более детально в настоящей работе.

Большое значение для восприятия курения в общественных местах имеет и статус самого субъекта коммуникации — является человек активным или пассивным курильщиком. Согласно Русцитти и соавт., курящие люди утверждают, что запрет на курение на рабочем месте в целом соблюдается, в то время как некурящие работники того же офиса замечали нарушения со стороны курящих коллег [23]. Поскольку в данном исследовании в протоколе было зафиксировано общее объективное количество нарушений, то, вероятно, различия в ответах двух групп респондентов связаны с повышенной внимательностью и чуткостью некурящих людей по отношению к неестественному для них запаху, виду сигарет. Следовательно, необходимо изучить отношение некурящих людей к активным курильщикам; в чем истинная причина возникновения подобных эмоций и как они транслируются в процессе коммуникации (вербальные, невербальные способы).

Восприятие окружающими курения сигарет может различаться и в зависимости от места, где происходит коммуникативная ситуация. По мнению ученых, люди чаще замечают («воспринимают», обращают внимание) курение на уличных пространствах около баров, ресторанов, закрытых помещений, в то время как на открытых пространствах вдалеке от «точек интересов» курение фиксируется прохожими реже [27]. Можно предположить, что на открытых городских пространствах вблизи зданий, мест с высокой концентрацией людей встреча-

ется большая вариативность коммуникативных практик, поскольку действия курильщиков замечаются в этих местах чаще, а значит взаимодействие между курильщиками и окружающими происходит регулярно. Следовательно, изучение подобных локаций будет целесообразным для настоящего исследования.

По итогам анализа литературы авторами настоящей работы была выявлена следующая исследовательская проблема: несмотря на действующие в разных странах нормы права, запрещающие курение в общественных местах, подобные практики нередко встречаются. При этом процесс курения сопровождается двусторонней коммуникацией между активным курильщиком и окружающими его людьми. На взаимодействие между субъектами могут оказывать влияние посторонние средовые факторы, как, например, место коммуникации, устройство, обеспечивающее процесс курения, и т.д., а также факторы психологические, например, к числу которых относится социальная перцепция. Выявление существующих коммуникативных практик между активными и пассивными курильщиками будет полезно для выработки успешных стратегий превенции употребления табака в общественных местах.

Метод

Схема проведения исследования. Мы предлагаем в настоящей работе изучить несколько полученных в ходе наблюдения кейсов, связанных с поведением курящих и находящихся рядом с ними некурящих людей в условиях открытого городского пространства, и с помощью интерпретации качественных данных выявить основные паттерны поведения субъектов из обеих взаимодействующих групп.

Целью настоящего исследования явилось определение основных комму-

никативных практик взаимодействия активных и пассивных курильщиков по отношению друг к другу.

Объектом наблюдения стали люди, курящие в общественных местах; окружающие их «пассивные» потребители продуктов курения. Предмет наблюдения включал практики взаимодействия между активными и пассивными курильщиками в общественных местах.

Можно высказать предположение (гипотезу), что на открытых городских пространствах вблизи зданий, мест с высокой концентрацией людей можно встретить большую вариативность коммуникативных практик, поскольку действия курильщиков замечаются в этих местах чаще, а значит и взаимодействие между курильщиками и окружающими происходит регулярно. Следовательно, изучение подобных локаций будет целесообразным для настоящего исследования.

Выборка исследования. Эмпирическая часть включала в себя 4 сессии наблюдения. Сессии проводились по 30 минут в течение 4 недель каждый вторник во временной интервал 18:00-19:00. Местом наблюдения был выбран участок в г. Москва на ул. Тверская — между станциями метро «Маяковская» и «Тверская». Выбор обоснован тем, что это место особо интенсивного потока пешеходов, которые идут в метро (пересадочные узлы) или добираются пешком до работы. На обозначенном участке имеется высокая концентрация «мест интереса» — бары, рестораны, вследствие чего данное место представляет возможность изучить больше разнообразных коммуникативных ситуаций.

Методы исследования. Был выбран метод невключенного скрытого наблюдения с пассивным типом участия. Исследователь следовал за объектами наблюдения в потоке, принимая роль обычного прохожего. Все результаты фиксировались в

письменном виде. Наблюдение предполагало изучение поведения субъектов в отношении друг друга; вербальных и невербальных знаков, которыми обмениваются участники коммуникации; особенностей городских пространств, в которых происходит коммуникация; используемого способа курения. По итогам наблюдения было сформировано 4 кейса. Анализ кейсов (формулирование категорий и субкатегорий) проводился с использованием кодирования. Обращение к методу формулирования кейсов (case formulation) в психологических и социально-психологических исследованиях [16; 19; 20] не является случайным: этот метод открывает широкие возможности для анализа и выступает особым способом исследования, который ориентирован на практику, позволяя спланировать цели и направления последующей работы, а также открывает доступ к данным, которые трудно получить при работе с большими выборками испытуемых [6; 7; 8; 12].

Анализ результатов исследования

Описание места сбора данных. Вечернее время суток. Перед собой исследователь видит проезжую часть ул. Тверская. Вдоль обеих сторон улицы движется поток людей. Некоторые люди отделяются от потока и заходят в метро или близлежащие магазины/кафе. Проезжая часть заполнена машинами. Движение из центра затруднено, машины стоят в пробке. В сторону центра, напротив, движение довольно свободное. При этом на остановках общественного транспорта с обеих сторон улицы стоят люди, около 5–8 человек на каждой. После отхода автобуса количество людей уменьшается, но через 5–7 минут возвращается к прежнему числу.

Около некоторых кофеен, баров, магазинов есть сидячие места, которые за-

нимают посетители, которые выходят покурить, или люди, берущие еду с собой. На остановках есть люди как ожидающие общественный транспорт, так и ждущие такси. Их можно идентифицировать по смартфонам с открытыми приложениями агрегаторов такси. Справа от остановки есть те, кто курит сигареты.

Кейс № 1

Относительно объективные признаки. По дороге в толпе неторопливо идет мужчина средних лет. Продолжая движение, он достает из сумки сигарету, зажигает ее и начинает курить. Он не останавливается, идет в размеренном темпе. Некоторые люди позади него начинают убыстрять шаг и обгоняют курящего. Те, кто спереди него, продолжают идти в своем темпе, не корректируя скорость ходьбы. За мужчиной идут мужчина и женщина. Они громко разговаривают. Приблизившись к курящему, пара перестает разговаривать и смотрит на идущего перед ними мужчину. Затем женщина громко говорит: «Неприятно, опять курят. Давай попробуем обойти». Пара делает попытки обогнать курящего сначала с правой стороны, потом с левой. Но поток двигающейся навстречу толпы мешает паре обойти курящего. Мужчина берет женщину за руку и, ускоряя шаг, проходит через узкое освободившееся пространство между курящим и толпой. Когда мужчина и женщина обгоняют курящего, еще несколько метров идут в ускоренном темпе, затем замедляют шаг. При этом сам курящий продолжает держать сигарету в руках и идет размеренно.

Аналитические примечания. С помощью невербальных знаков (ускоренный шаг) прохожие выражают свое нежелание дышать дымом от сигарет, но явно негативного отношения они не высказывают (несмотря на то, что куря-

щий нарушает закон). Некоторые прохожие нейтрально воспринимают действия мужчины.

Женщина обращается к спутнику, но на самом деле ее слова направлены в адрес курящего (основным объектом социального восприятия является другой человек — курильщик). Она становится первой, кто вербально выражает раздражение по отношению к курению в общественном месте и призывает словами курящего к действию. Несмотря на очевидный стремительный поток пешеходов, пара, заведомо не рассчитывая на успех, все равно пытается обойти мужчину, таким образом еще раз намекая ему на его противоправные действия и необходимость покинуть улицу. Пара продолжает «диалог» с ним. Поскольку вербальные и невербальные символы не сработали, пара все же обходит курящего другим способом (в этом действии уже не было коммуникативного смысла).

Курящий на протяжении всей коммуникации не предпринимает попыток по устранению возможного дискомфорта окружающих, не обращает внимания на большое количество людей вокруг и не отвечает на раздражение прохожих, игнорирует высказывания, будто не замечая «намеков» пары.

Кейс № 2

Относительно объективные признаки. По дороге идет семья: мужчина и женщина лет 40 и девочка лет 15. Они разговаривают между собой. В то же время спереди (на расстоянии около 20 метров) идет молодой человек с девушкой и курит вейп. От вейпа идет полупрозрачный дым без запаха. Пара идет медленнее, чем семья, и расстояние между ними начинает сокращаться. Когда расстояние сокращается до 10 метров, женщина замечает вейп в руках молодого человека,

долго смотрит на него и поворачивается к мужу, продолжая разговор. Муж не замечает курящего. Жена продолжает бросать короткие взгляды на молодого человека. Когда семья подошла вплотную к паре, муж заметил вейп в руке молодого человека, потер нос и сказал: «Мне не нравится этот ужасный запах сигарет. Неприлично так — идти курить, когда вокруг много людей. Совсем не думают о других». На это жена ответила: «Но я совсем не чувствую запаха. Это же электронные сигареты». Муж продолжал: «Ненавижу, когда курят на улицах, все пропахло этим дымом». Жена сказала, улыбаясь: «Интересно, тебя что больше беспокоит — что он курит на улице или сам запах?» Муж: «Запах, конечно». Жена: «Да, ладно. Если бы ты не заметил у него сигарету, ты бы ничего не сказал. Я как только увидела — думаю, ну все, сейчас Игорь будет возмущаться. Так и есть». Муж: «Ну, согласен. Возможно, я не прав. Но давай лучше обойдем». Жена: «Хорошо». Семья ускорила шаг и обошла молодую пару.

Аналитические примечания. Члены семьи сильно выделяются на фоне остальных спешащих людей, они глупо погружены в разговор и проходят мимо станции метро (прогулка является целью их движения).

Пока муж не заметил курящего человека, дым его не беспокоил. Его рассердил сам факт наличия вейпа в руке у молодого человека, поскольку как такового запаха не наблюдалось (жена указывает на это). Фактически в собственном сознании муж «достроил» неприятный запах, исходя из наличия вейпа, поскольку по своему опыту знает — любое курение сопровождается запахом. Следовательно, образ курящего человека, а не реальный испытываемый дискомфорт вызвал у мужа соответствующие негативные а-

социации. Можно предположить, что визуальная информация, поступив в мозг, повлияла на обонятельные рецепторы человека и ввела их в заблуждение.

При этом, осознав ошибку своего восприятия, муж соглашается с женой, но его ассоциации, связанные с образом курящего и полученные в результате предыдущего социального опыта, берут верх над его сознанием и органами чувств. Важно отметить, что семья использует только невербальный способ коммуникации и не сообщает молодому человеку о своем дискомфорте.

Кейс № 3

Относительно объективные признаки. Перед исследователем — переулок, где располагается несколько баров и ресторанов. Напротив них — несколько жилых домов. Около бара стоят мужчины. Они курят и разговаривают между собой. Затем тушат сигареты и заходят внутрь. Поодаль от входной двери располагаются небольшая скамейка и стул. На скамейке сидит девушка. Она курит вейп. Дым от вейпа девушка выдыхает на улицу прямо перед собой. Через несколько секунд мимо нее проходит женщина. Так как переулок очень узкий, женщина проходит в непосредственной близости от девушки. В момент, когда женщина максимально близко приближается к скамейке, девушка отворачивается, прикладывает руку к вейпу и выдувает пар в руку так, что он меняет траекторию и фактически остается в ее руке. Когда женщина проходит, девушка поворачивается и продолжает курить, как раньше. После этого по направлению к скамейке идет мужчина с ребенком. Как только прохожие равняются со скамейкой, девушка повторяет манипуляции с дымом. Так происходит всякий раз, когда к скамейке вплотную приближаются прохожие.

Чтобы узнать о причинах такого поведения девушки, курящей вейп, исследователь проводит полуструктурированное интервью с респондентом (формальные вводные элементы диалога опущены):

— В каких ситуациях Вы курите?

— Не скажу, что из-за стресса. Мне нравится сам процесс. По дороге редко, потому что нет наслаждения, я когда сижу, могу покайфовать. В основном вейп мне нравится тем, что не пахнет, пальцы не пахнут сигаретами, и есть приятные вкусы.

— Как часто Вы курите на улице?

— Довольно редко, потому что часто сижу дома. Когда выхожу, то могу иногда.

— А Вы часто курите в общественных местах?

— У нас, если посмотреть, то практически все курят в общественных местах, это неправильно. На остановке, когда идут... Я сама хоть это делаю, считаю, что неправильно. Другим запах не нравится, у кого-то дети, кто-то хочет, чтобы не мешали дымом. Нам нужны специальные курительные зоны на улицах, например, около офисов. Вот в Корее люди ходят со специальными пакетиками и складывают туда и бычки, и пепел, чтобы на улице не кидать. У нас, если позволяет, то все так и делают. За этим не следят.

— А когда-нибудь останавливали на улице за курение?

— Нет, вообще нет. Могут только подойти и попросить «не могли бы вы отойти» и все.

— А как люди реагируют на курение в общественных местах?

— У меня знакомые терпимо относятся, просто отходят сами подальше, чтобы на них дым не летел. Я ненавижу курить в помещении, сам дым, я аллергик и не могу дышать сильными запахами. Очень неприятно. Мне нравится самый процесс курения, но я не люблю дым и не люблю, когда пахнет.

— Окружающие выражают недовольство?

— Очень редко, я сама стараюсь отходить. Мне некомфортно, я в руку курю, не хочется, чтобы на меня был направлен негатив и что-то говорили, я боюсь. Не хочу доставлять неудобство из-за своей зависимости, чтобы мне что-то сделали. У меня была ситуация: я курила у подъезда, и женщины выглядывают: «Вы что, здесь дети живут маленькие, им тянет». Ну, и отошли. Сначала мне не хотелось, но потом поняла, как это неприятно для людей.

— Если Вы идете за человеком, который курит, что будете делать?

— Отойду или обгоню. Не буду ничего говорить, потому что в меня потом бычок кинут и все, страшно. У меня, кстати, часто сверху соседи курят, это ужасно — весь дым ко мне тянется, особенно если сигареты крепкие или жарко на улице, ужас.

Аналитические примечания. Так как переулочек слишком узкий, весь пар от курящих идет прямо в лица прохожих. Видно, что сидящей на скамейке девушке некомфортно курить из-за того, что кто-то из прохожих может почувствовать дым. При этом она не перестает курить, но старается минимизировать возможное воздействие дыма, жертвуя собственным удобством (ей приходится дышать паром). Так она старается избежать негатива со стороны окружающих, не провоцируя их на конфликт, понимая, что по закону не имеет права курить в этом месте. Интересно, что стоящие около девушки люди, напротив, не предпринимают попыток обезопасить прохожих от дыма своих сигарет и курят демонстративно, будто бы чувствуя правоту за своими действиями.

Отметим, что, по словам девушки, она действительно понимает, что курение в общественных местах вызывает дискомфорт, но не может перестать это делать —

это ее отдых. При этом она находит компромисс, стараясь не мешать прохожим. Интересно, что, встав на сторону пассивного курильщика, интервьюируемая сама испытывает неприязнь к запаху сигарет, но, сталкиваясь с курением в общественных местах, выражает свое несогласие исключительно невербально.

Кейс № 4

Относительно объективные признаки. На велосипеде по ул. Тверской едет мужчина лет 35. Он смотрит по сторонам, поворачивая голову вправо и влево. Около Большого Гнезниковского переулка велосипедист спешивается и, взяв в руки руль, продолжает идти к Тверскому бульвару и входу на станцию метро. Двигаясь, мужчина попеременно останавливается, ждет несколько секунд и продолжает идти по улице. Так он доходит до перехода. В это время к переходу около Тверского бульвара (первый переход, ведущий на бульвар) с перпендикулярной улицы подходит мужчина лет 50. В одной руке держит телефон, а в другой — сигарету. Курящий громко говорит по телефону, параллельно делает затяжку и отводит руку с сигаретой далеко в сторону. В ожидании зеленого сигнала светофора мужчина встает перед велосипедистом так, что дым от сигареты идет прямо на него. Велосипедист морщится, пытается обойти курящего с правой стороны, но ему мешают другие прохожие (на переходе многолюдно и мужчине некуда поставить велосипед). Он стоит так до переключения светофора и недовольно вздыхает, а когда загорается зеленый свет, быстро садится на велосипед и, набирая скорость, обгоняет курящего и толпу. Велосипедист проезжает первый переход, оборачивается, проезжает второй широкий переход на красный свет, не дожидаясь зеленого сигнала для пеше-

ходов. Когда велосипедист выезжает на безопасный тротуар, он едет метров 10, затем снова спешивается и медленно продолжает идти по Тверской улице по направлению к станции метро «Маяковская». А курящий мужчина и толпа еще стоят на втором пешеходном переходе в ожидании разрешающего сигнала.

Аналитические примечания. В час пик на главной улице города много пешеходов, поэтому велосипедисту приходится постоянно останавливаться либо замедлять движение, чтобы успевать маневрировать между людьми. Поток становится настолько большим, что он решает пройти многолюдный отрезок улицы пешком, везя велосипед рядом. Велосипедист не торопится — это видно по его размеренной походке и попеременным остановкам, которые он совершает, чтобы пропустить идущих навстречу пешеходов. Становится очевидным, что именно курящий человек нарушает спокойствие велосипедиста и мешает ему, поскольку велосипедисту неприятен запах сигареты (он морщится и с укором смотрит на курящего). При этом велосипедист не сообщает вербально о своем недовольстве и не просит курящего потушить сигарету, а отходит с велосипедом в сторону. Однако после неудачной попытки он еще некоторое время молчаливо соглашается с существующей ситуацией, продолжая испытывать видимый дискомфорт. Затем проявляет свое недовольство, демонстративно ускоряя движение, и, оглядываясь, осматривает курильщика, давая понять, что не хочет находиться рядом с курящим, и именно он «виноват» в быстром движении велосипедиста. Далее велосипедист проезжает на красный свет, показывая окружающим, что желание комфорта для него вполне сопоставимо с рисками, которые он несет, пересекая дорогу с высоким

автомобильным трафиком на красный свет. На то, что действия велосипедиста несли в себе такое коммуникационное сообщение, указывает факт его дальнейшего замедления скорости и спешивание (причем в зоне, где «получатели сообщения» уже не могли его видеть).

По итогам проведенного наблюдения мы произвели кодирование собранных данных и выявили общие паттерны по-

ведения курильщиков и окружающих их людей. Эти паттерны описаны на основании выделения проксемических компонентов общения [1]. Результаты представлены в таблице.

Высказанное нами ранее предположение о том, что на открытых городских пространствах и в местах с высокой концентрацией людей наблюдается вариативность коммуникативных практик

Т а б л и ц а

Основные паттерны поведения курильщиков и окружающих их людей

Категория	Субкатегория	Интерпретация
Категория № 1 Невербальные	Субкатегория № 1 Замедление шага	Люди, недовольные курением в общественном месте, замедляют шаг, чтобы дать возможность курящему уйти вперед — так запах практически не будет ощущен. Такую же траекторию используют сами курящие — видя, что их обгоняют, дают возможность прохожим совершить маневр и оторваться на большее расстояние. При восприятии курения на близком расстоянии люди морщатся, отворачиваются, чтобы избежать контакта с дымом, но могут задерживать взгляд на курильщике, рассматривая его. Подобного рода поведенческий паттерн характерен для выражения негативного и пренебрежительного отношения к курильщику
	Субкатегория № 2 Ускорение шага/ обгон	Недовольные курением люди стараются самостоятельно избавиться от дискомфорта, обгоняя человека с сигаретой. Так они перестают вдыхать неприятный дым и пары
	Субкатегория № 3 Изменение траектории дыма	Когда курящий человек не хочет, чтобы дым от сигареты шел на прохожих, он прикрывает рот рукой, оставляя весь выдыхаемый воздух около себя
Категория № 2 Вербальные	Субкатегория № 1 Обезличенное выражение недовольства	Недовольные фактом курения люди обращаются как бы «в пустоту», к третьему лицу. Они используют такой поведенческий паттерн, при котором, не делая прямых замечаний курильщику, адресуют свое общение именно ему
	Субкатегория № 2 Апелляция к факту курения	Выражая недовольство, окружающие апеллируют к самому факту курения, наличию у человека в руке сигареты или курительного устройства
	Субкатегория № 3 Апелляция к запаху	Окружающие выражают недовольство запахом, который распространяется от курящего

взаимодействия между курильщиками и окружающими, верно.

Выводы

Как показало наблюдение, курение в общественных местах является предметом широкого спектра коммуникативных ситуаций между теми, кто употребляет сигареты (электронные сигареты), и окружающими, вынужденными находиться рядом. В ходе исследования было обнаружено, что активные и пассивные курильщики используют вербальные и невербальные стратегии взаимодействия, для которых характерны некоторые особенности, наблюдаемые как в социальной перцепции, так и в поведенческих паттернах, отражающих отношение к противоположному субъекту коммуникации. Так, окружающие демонстрируют свое недовольство по поводу факта курения в общественном месте с помощью обезличенной формы донесения сообщения, то есть обращаются не напрямую к нарушителю, а высказывают свое мнение третьему лицу либо передают сообщение через своих спутников (например, во время диалога громко рассуждают о том, как сильно мешает курящий спереди человек). Совершая подобные манипуляции, говорящие хотя бы аккуратно намекнуть нарушителю о переживаемом собственном дискомфорте и неприятных ощущениях [2], а также о неподобающем действии со стороны курящего, то есть апеллируют либо к его вторжению в личные границы пешеходов, либо к пренебрежению им социальными нормами.

Другая особенность поведения наблюдаемых субъектов — отсутствие вербализованных замечаний, адресованных курящему человеку. Окружающие предпочитают освободить себя от испытываемого дискомфорта путем совершения собственно иницированных

действий, часто с помощью изменения своего положения в пространстве — уход в сторону, обгон, замедление шага, игнорируя возможность установить личный контакт напрямую с нарушителем и предложить ему убраться с сигаретой. Это особенно интересно, поскольку курение в общественных местах является социально опасным действием, несущим риск для здоровья большого количества людей, находящихся вокруг. Устранение самой причины этого риска (то есть курения) обезопасило бы окружающих, в то время как избегание курящего со стороны только нескольких субъектов не решает проблему и оставляет в опасности остальных пассивных курильщиков.

Возможно, это связано с тем, что причиной такого поведения является страх применения «силы» (физической или моральной) курящим. Окружающие заранее ожидают негативной реакции и готовы терпеть неприятный запах, чтобы не сталкиваться с коммуникативными трудностями. В то же время и сами курящие боятся осуждения со стороны общественности и ощущают дискомфорт от того, что вынуждены курить в неподобающем месте. Иногда они могут предпринимать усилия, чтобы минимизировать вред, причиняемый окружающим, но не готовы полностью отказаться от курения в общественных пространствах.

Таким образом, поведение субъектов в наблюдаемых коммуникативных практиках различается в зависимости от социальной роли, которую они играют в настоящий момент. При этом один и тот же человек может выступать как в роли нарушителя, так и в роли осуждающего. Находясь в статусе активного курильщика, человек старается удовлетворить свои потребности в курении «здесь и сейчас», не задумываясь о вреде, который он причиняет. Перейдя на сторону

пассивного курильщика, он может быть недоволен дымом сигарет и выступать за сокращение случаев курения в общественных пространствах. Отношение к курению в местах концентрации большого количества людей может быть негативным не только из-за очевидных вредных последствий, таких как запахи, неприятный едкий дым и т.д. Причиной негативной реакции может стать факт курения, который сам по себе расценивается как противоправное, общественно опасное действие. Так, люди, которые уже имели негативный опыт, связанный с пассивным курением, переносят свои прежние «переживания» на все возникающие подобные ситуации вне зависимости от реальной степени вреда, который им наносят действия нарушителя.

Заключение

Изучение особенностей социальной перцепции и практик взаимодействия между людьми, нарушающими закон о запрете курения в общественных местах, и пострадавшими от их действий представляет возможность для разработки широкого спектра форм коммуникации в области здоровья. С одной стороны, стимульные материалы (реклама, информирующие листовки и т.д.) должны призывать нарушителей к ответственному поведению и соблюдению законодательства, с другой — мобилизовать окружающих использовать преимущества имеющегося у них аппарата социального принуждения, основанного на социальных нормах (требований морали, обычаев и т.д.), с целью профилактики курения в общественных пространствах. Решая первую задачу, важно доносить коммуникационное сообщение до активных курильщиков таким образом, чтобы они не только получали информацию об имеющихся запретах и соответствующих им санкци-

ях, но и имели возможность иммерсивно пережить «чужой» опыт — вжиться в роль того, кому неприятны отходы от использования курительных средств в непосредственной близости от них. Для этого можно применять, например, эмоциональные элементы, основанные на глубинных инсайтах пассивных курильщиков. Так, курящие смогут взглянуть на ситуацию с другой стороны, рассмотреть позицию своих «оппонентов» и учесть ее при планировании своих дальнейших действий.

Аудиторию пассивных курильщиков, наблюдающих за действиями нарушителей, необходимо постоянно и целенаправленно информировать о необходимости вербализировать свои требования и недовольства, т.к. курящие, как было отмечено ранее, могут не осознавать масштаб наносимого ущерба. Кроме того, важно напоминать, что в случае потенциальной угрозы, исходящей от правонарушителя, окружающие могут обратиться в правоохранительные органы и однозначно разрешить вопрос в свою пользу с помощью механизмов принуждения государства.

Настоящее исследование дает основание для тщательного изучения паттернов взаимодействия активных и пассивных курильщиков, например, в контексте гендерных ролей (поскольку курящие мужчина и женщина могут восприниматься по-разному). Также интересным может оказаться изучение влияния сторонних средовых факторов как особенностей места коммуникации, обеспечивающих процесс курения и т.д., а также психологических, к числу которых относится социальная перцепция. Таким образом, выявление существующих коммуникативных практик между активными и пассивными курильщиками по отношению друг к другу может оказаться полезным для выработки стратегий профилактики употребления табака.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. М.: «Аспект Пресс», 2001. 290 с.
2. *Бедина И.Д., Кургаева О.Л.* Особенности коммуникативных практик владельцев животных // Влияние новейших технологий, СМИ и интернета на образование, язык и культуру. М.: Изд-во «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», 2021. С. 29–43.
3. *Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во «Моск. ун-та», 1982. 200 с.
4. *Брунер Дж.* Психология познания. За пределами непосредственной информации. Пер. с англ. М.: «Прогресс», 1977. 413 с.
5. *Бурлакова Д., Финочка И.* Антитабачному закону пять лет: результаты, проблемы, решения [Электронный ресурс] // ТАСС. 2018. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4981945> (дата обращения: 10.10.2021).
6. *Бурлакова Н.С., Федорова Ю.Н.* Метод формулирования случая в практико-ориентированном исследовании // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 1. С. 109–129. DOI:10.17759/cpp.2016240108
7. *Бусыгина Н.П.* Качественные и количественные методы исследований в психологии. Учебник. М.: Юрайт, 2015. 423 с.
8. *Лебедева Н.В.* Кейс-стади: метод обучения в системе дополнительного профессионального образования работников социальной сферы // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2016. Том 25. № 1. С. 121–127.
9. *Надеждин А.В., Тетенова Е.Ю., Шарова Е.В.* Зависимость от никотина: диагностика и лечение // Медицина. 2016. Т. 4. № 3. С. 164–189.
10. *Салагай О.О., Сахарова Г.М., Антонов Н.С.* Динамика информированности населения о мерах по борьбе против табачной и никотинсодержащей продукции в Российской Федерации в 2019–2021 гг. [Электронный ресурс] // Медицина. 2021. № 3. URL: <https://fsmj.ru/015455.html> (дата обращения: 15.10.2021).
11. Федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. 2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142515/ (дата обращения: 15.11.2021).
12. *Филоник М.С.* Ценностные основания лично значимого выбора: анализ случая // Консультативная психология и психотерапия. 2011. Том 19. № 1. С. 156–180.
13. *Amonini C., Pettigrew S., Clayforth C.* The potential of shame as a message appeal in antismoking television advertisements // Tobacco Control. 2015. Vol. 24. № 5. P. 436–441. DOI:10.1136/tobaccocontrol-2014-051737
14. *Bayer R., Stuber J.* Tobacco control, stigma, and public health: rethinking the relations // American Journal of Public Health. 2006. Vol. 96. № 1. P. 47–50. DOI:10.2105/AJPH.2005.071886
15. *Bell K.* Where there's smoke there's fire: Outdoor smoking bans and claims to public space // Contemporary Drug Problems. 2013. Vol. 40. № 1. P. 99–128. DOI:10.1177/009145091304000106
16. *Bruch M.* Beyond diagnosis: Case formulation in cognitive behavioural therapy. John Wiley & Sons, 2015. 214 p.
17. *Bruner J.S., Tagiuri R.* The Perception of People // Handbook of Social Psychology / Lindsey G. (eds.). Cambridge: Addison-Wesley, 1954. P. 634–654.
18. *Byron M.J. et al.* Using the theory of normative social behavior to understand compliance with a smoke-free law in a middle-income country // Health education research. 2016. Vol. 31. № 6. P. 738–748.

19. Cole S. et al. Good practice guidelines on the use of psychological formulation. British Psychological Society, 2011. 42 p.
20. Eells T.D. The case formulation approach to psychotherapy research revisited // Pragmatic Case Studies in Psychotherapy. 2013. Vol. 9. № 4. P. 426–447.
21. McCready G., Glenn N.M., Frohlich K.L. “Don’t smoke in public, you look like trash”: An exploratory study about women’s experiences of smoking-related stigmatisation and the connection to neighbourhood-level deprivation // Health & place. 2019. Vol. 58. P. 102142. DOI:10.1016/j.healthplace.2019.05.020
22. Pokhrel P. et al. Contexts of cigarette and e-cigarette use among dual users: a qualitative study // BMC public health. 2015. Vol. 15. № 4. P. 1–9.
23. Ruscitti L.E. et al. Smoking in the workplace in the Latium Region, Italy, after the smoking ban // La Medicina del Lavoro. 2021. Vol. 112. № 1. P. 44. DOI:10.23749/mdl.v112i1.8779
24. Shi Y., Cummins S.E., Zhu S.H. Use of electronic cigarettes in smoke-free environments // Tobacco control. 2017. Vol. 26. № e1. P. 19–22. DOI:10.1136/tobaccocontrol-2016-053118
25. Skerletopoulos L., Makris A., Khaliq M. “Trikala Quits Smoking”: A Citizen Co-Creation Program Design to Enforce the Ban on Smoking in Enclosed Public Spaces in Greece // Social Marketing Quarterly. 2020. Vol. 26. № 3. P. 189–203. DOI:10.1177/1524500420942437
26. Smiley S.L. et al. An exploratory analysis of adult daily smokers’ experiences using e-cigarettes in smoke-free places // Tobacco induced diseases. 2018. Vol. 16. P. 54. DOI:10.18332/tid/98958
27. Sureda X. et al. Secondhand smoke in outdoor settings: smokers’ consumption, non-smokers’ perceptions, and attitudes towards smoke-free legislation in Spain // BMJ open. 2015. Vol. 5(4). P. e007554.

References

1. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya. Uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedenii [Social psychology]. Moscow: Publ. Aspect Press, 2001. 290 p. (In Russ.).
2. Bedina I.D., Kurgaeva O.L. Osobennosti kommunikativnykh praktik vladel'tsev zhivotnykh [Features of communicative practices of animal owners]. *Vliyaniye noveishikh tekhnologii, SMI i interneta na obrazovanie, yazyk i kul'turu* [The impact of the latest technologies, media and the Internet on education, language, and culture]. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics, 2021, pp. 29–43. (In Russ.).
3. Bodalev A.A. Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom [Perception and understanding of man by man]. Moscow: Publ. Moscow University, 1982. 200 p. (In Russ.).
4. Bruner J. Psikhologiya poznaniya. Za predelami neposredstvennoi informatsii [Psychology of cognition. Beyond the immediate information]. Moscow: Publ. Progress, 1977. 413 p. (In Russ.).
5. Burlakova D., Finochka I. Antitabachnomu zakonu pyat' let: rezul'taty, problemy, resheniya [Elektronnyi resurs] [Five years of the anti-tobacco law: results, problems, solutions], 2018. TASS. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4981945> (Accessed 10.10.2021). (In Russ.).
6. Burlakova N.S., Fedorova Yu.N. Metod formulirovaniya sluchaya v praktiko-orientirovannom issledovanii [Method of case formulation in practice-oriented research]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Consultative psychology and psychotherapy*, 2016. Vol. 24, no. 1, pp. 109–129. DOI:10.17759/cpp.2016240108 (In Russ.).
7. Busygina N.P. Kachestvennye i kolichestvennye metody issledovaniy v psikhologii [Qualitative and quantitative research methods in psychology]. Moscow: Publ. Yurayt, 2015. 423 p. (In Russ.).
8. Lebedeva N.V. Keis-stadi: metod obucheniya v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya rabotnikov sotsial'noi sfery [Case study: a method of training in the system of additional professional education of social workers]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noi raboty = Scientific notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*, 2016. Vol. 25, no. 1, pp. 121–127. (In Russ.).

9. Nadezhdin A.V., Tetenova E.Yu., Sharova E.V. Zavisimost' ot nikotina: diagnostika i lechenie [Dependence on nicotine]. *Meditsina* [Medicine], 2016, pp. 164–189. (In Russ.).
10. Salagai O.O., Sakharova G.M., Antonov N.S. Dinamika informirovannosti naseleniya o merakh po bor'be protiv tabachnoi i nikotinsoderzhashchei produktsii v Rossiiskoi Federatsii v 2019–2021 gg. [Elektronnyi resurs] [Dynamics of public awareness about measures to combat tobacco and nicotine-containing products in the Russian Federation in 2019–2021], 2021. *Meditsina* [Medicine]. URL: <https://fsmj.ru/015455.html> (Accessed 15.10.2021). (In Russ.).
11. Federal'nyi zakon ob okhrane zdorov'ya grazhdan ot vozdeistviya okruzhayushchego tabachnogo dyma, posledstviu potrebleniya tabaka ili potrebleniya nikotinsoderzhashchei produktsii [Federal law on the protection of citizens' health from exposure to ambient tobacco smoke, the consequences of tobacco consumption or consumption of nicotine-containing products], 2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142515/ (Accessed 15.11.2021). (In Russ.).
12. Filonik M.S. Tsennostnye osnovaniya lichnostno znachimogo vybora: analiz sluchaya [Value bases of a personally significant choice: case analysis]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Consultative psychology and psychotherapy*, 2011. Vol. 19, no. 1, pp. 156–180. (In Russ.).
13. Amonini C., Pettigrew S., Clayforth C. The potential of shame as a message appeal in antismoking television advertisements. *Tobacco Control*, 2015. Vol. 24, no. 5, pp. 436–441. DOI:10.1136/tobaccocontrol-2014-051737
14. Bayer R., Stuber J. Tobacco control, stigma, and public health: rethinking the relations. *American Journal of Public Health*, 2006. Vol. 96, no. 1, pp. 47–50. DOI:10.2105/AJPH.2005.071886
15. Bell K. Where there's smoke there's fire: Outdoor smoking bans and claims to public space. *Contemporary Drug Problems*, 2013. Vol. 40, no. 1, pp. 99–128. DOI:10.1177/009145091304000106
16. Bruch M. Beyond diagnosis: Case formulation in cognitive behavioural therapy. John Wiley & Sons, 2015. 214 p.
17. Bruner J.S., Tagiuri R. The Perception of People. In Lindsey G. (ed.). *Handbook of Social Psychology*. Cambridge: Addison-Wesley, 1954, pp. 634–654.
18. Byron M.J. et al. Using the theory of normative social behavior to understand compliance with a smoke-free law in a middle-income country. *Health education research*, 2016. Vol. 3, no. 6, pp. 738–748.
19. Cole S. et al. Good practice guidelines on the use of psychological formulation. British Psychological Society, 2011. 42 p.
20. Eells T.D. The case formulation approach to psychotherapy research revisited. *Pragmatic Case Studies in Psychotherapy*, 2013. Vol. 9, no. 4, pp. 426–447.
21. McCready G., Glenn N.M., Frohlich K.L. “Don't smoke in public, you look like trash”: An exploratory study about women's experiences of smoking-related stigmatisation and the connection to neighbourhood-level deprivation. *Health & place*, 2019. Vol. 58, pp. 102–142. DOI:10.1016/j.healthplace.2019.05.020
22. Pokhrel P. et al. Contexts of cigarette and e-cigarette use among dual users: a qualitative study. *BMC public health*, 2015. Vol. 15, no. 1, pp. 1–9.
23. Ruscitti L.E. et al. Smoking in the workplace in the Latium Region, Italy, after the smoking ban. *La Medicina del Lavoro*, 2021. Vol. 112, no. 1, pp. 44. DOI:10.23749/mdl.v112i1.8779
24. Shi Y., Cummins S.E., Zhu S.H. Use of electronic cigarettes in smoke-free environments. *Tobacco control*, 2017. Vol. 26, no. e1, pp. 19–22. DOI:10.1136/tobaccocontrol-2016-053118
25. Skerletopoulos L., Makris A., Khaliq M. “Trikala Quits Smoking”: A Citizen Co-Creation Program Design to Enforce the Ban on Smoking in Enclosed Public Spaces in Greece. *Social Marketing Quarterly*, 2020. Vol. 26, no. 3, pp. 189–203. DOI:10.1177/1524500420942437
26. Smiley S.L. et al. An exploratory analysis of adult daily smokers' experiences using e-cigarettes in smoke-free places. *Tobacco induced diseases*, 2018. Vol. 16, pp. 54. DOI:10.18332/tid/98958

27. Sureda X. et al. Secondhand smoke in outdoor settings: smokers' consumption, non-smokers' perceptions, and attitudes towards smoke-free legislation in Spain. *BMJ open*, 2015. Vol. 5, no. 4, p. e007554.

Информация об авторах

Бедина Инесса Дмитриевна, студентка, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3782-0710>, e-mail: inbed@mail.ru

Кочетова Татьяна Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0746-680X>, e-mail: kochetovatv@gmail.com

Information about the authors

Inessa D. Bedina, student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3782-0710>, e-mail: inbed@mail.ru

Tatiana V. Kochetova, PhD in Psychology, Associate Professor at the Chair of Management Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0746-680X>, e-mail: kochetovatv@gmail.com

Получена 12.12.2021

Принята в печать 22.07.2022

Received 12.12.2021

Accepted 22.07.2022

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ METHODOLOGICAL TOOLS

Переживание социального исключения: разработка и апробация опросника

Семенова Г.В.

**ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3936-2039>, e-mail: semenovagv@herzen.spb.ru**

Векилова С.А.

**ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6552-9963>, e-mail: vekilova@mail.ru**

Рудыхина О.В.

**ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8207-4016>, e-mail: ovrudihina@herzen.spb.ru**

Цель. Разработка и апробация методики, измеряющей объем и интенсивность переживания опыта социального исключения (эксклюзии) в межличностных отношениях в диаде и малой группе.

Контекст и актуальность. В современных высококонкурентных социальных средах межличностные взаимодействия включают значительное число практик социального исключения, или эксклюзии. Однако к настоящему времени не существует отечественной методики, которая бы измеряла индивидуальный (рефлексируемый) объем этого опыта и интенсивность его переживания.

Дизайн исследования. Исследование проведено с помощью социально-психологического опроса.

Участники. Всего в исследовании приняли участие 468 человек: на первом этапе — 116 человек (средний возраст — 23,5), на втором этапе — 352 человека (средний возраст — 21,45).

Методы (инструменты). Разработана и валидизирована опросная методика «Переживание социального исключения (ПСИ)», состоящая из трех шкал: «Переживание школьной травли (буллинга)», «Переживание отвержения в диаде», «Переживание исключения со стороны статусных фигур».

Результаты. Доказаны консистентная и ретестовая надежность, валидность методики. Выявлены и операционализированы основные виды взаимодействий, в которых человек получает опыт социального исключения, объем и интенсивность его переживания.

Основные выводы. Разработанная методика может использоваться как в исследовательских, так и в прикладных целях.

Ключевые слова: социальное исключение (эксклюзия), переживание, ситуации исключения, буллинг, отвержение, межличностные отношения, психодиагностика.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-013-00736.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в обработке данных кандидата психологических наук, доцента Н.П. Радчикову.

Для цитаты: Семенова Г.В., Векилова С.А., Рудыхина О.В. Переживание социального исключения: разработка и апробация опросника // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 3. С. 97–115. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130307>

Social Exclusion: Development and Testing of the Scale

Galina V. Semenova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3936-2039>, e-mail: semenovagv@herzen.spb.ru

Sevil A. Vekilova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6552-9963>, e-mail: vekilova@mail.ru

Olga V. Rudykhina

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8207-4016>, e-mail: ovrudihina@herzen.spb.ru

Objective. *The aim of the study is to develop and test a scale that would measure the volume and intensity of social exclusion experience in interpersonal relationships in a dyad and a small group.*

Background. *In modern highly competitive social environments, interpersonal interactions include a significant number of practices of social exclusion. However, to date, there is no domestic scale that would measure the individual (reflected) experience and its intensity.*

Study design. *The study was carried out using a socio-psychological survey.*

Participants. *In total, 468 people took part in the study: at the first stage — 116 people (average age 23,5), at the second stage — 352 people (average age 21,45).*

Measurements. *The survey scale “Experiencing social exclusion (ESE)” was developed and validated, consisting of three subscales: “Experiencing school bullying”, “Experiencing rejection in a dyad”, “Experiencing exclusion from status figures”.*

Results. *Consistent and retest reliability and validity of the method have been proven. The main types of interactions in which a person gets the experience of social exclusion, the volume and intensity of his experience have been determined.*

Conclusions. *The scale can be used both for research and for applied purposes.*

Keywords: *social exclusion, experience, situations of exclusion, bullying, rejection, interpersonal relationships, psychodiagnosics.*

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-013-00736.

Acknowledgements. The authors are grateful for the help in data processing to N.P. Radchikova, PhD in Psychology, Associate Professor.

For citation: Semenova G.V., Vekilova S.A., Rudykhina O.V. Social Exclusion: Development and Testing of the Scale. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 97–115. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130307> (In Russ.).

Введение

Социальное исключение, или социальная эксклюзия, — один из видов микроагрессивного поведения, цель которого состоит в отказе человеку от права быть членом значимых для него социальных групп (родственной, семейной, дружеской, сетевого сообщества), и/или депривация права быть включенным в диадические личностные отношения (дружеские, любовные, семейные). Это разрыв психологических (в том числе символических) связей между человеком и значимым другим (группой), который субъективно воспринимается как страдание, осознается как болезненное переживание отвергнутости, невключенности, обесценивания. Он охватывает широкий репертуар жизненных практик, которые приводят к понижению статуса субъекта и к блокировке его доступа к материально-экономическим, психологическим, личностным (в том числе репутационным) ресурсам социальной среды.

Социальное исключение операционализируется через различные виды вербальной и невербальной коммуникации и включает в себя как систему жестов, мимики, пантомимики, так и паралингвистические и экстралингвистические знаки (ухмылки, насмешки, специфические вокализации), легко считываемые адресатом. Трансляция стратегии исключения может происходить как в прямой, так и в опосредованной форме и зачастую приводит к разрыву коммуникации.

Социальное исключение находится в континууме агрессивных форм поведения, но располагается по отношению к физической агрессии в наиболее удаленной точке. Это в высокой степени символизированная форма подавленного и социализированного поведения, регулируемая не правовыми нормами, а этикой человеческих отношений. Тем не менее

эксклюзия так же, как и другие формы агрессии, вызывает боль, эквивалентную физической боли [27], физиологический стресс [20], снижает доступность разнообразных ресурсов, действует разрушительно на личность [25], изменяет жизненные траектории, являясь предиктором нисходящей социальной мобильности [23], приводит к ухудшению здоровья [32], тесно связана с травматизацией пролонгированного характера и вызывает формирование негативных базисных убеждений личности о себе и о мире [14], наносит вред благополучию в близких отношениях [9].

В отличие от прямой физической агрессии, социальная эксклюзия — медленно действующий разрушительный фактор. Поведенческие проявления исключения могут при определенных условиях трансформироваться в физическую агрессию, когда происходит так называемая эскалация социального исключения в прямую агрессию, как это наблюдается в школьном буллинге [22], однако ситуационные и личностные детерминанты этой трансформации требуют специального изучения.

Экспериментальные исследования социального исключения за рубежом связаны, в первую очередь, с именем американского психолога Киплинга Вильямса (K.D. Williams). Ему принадлежит авторство в разработке психологической теории (the temporal need threat model of ostracism), согласно одному из положений которой социальное исключение провоцирует стресс, поскольку создает условия, препятствующие удовлетворению базовых социальных потребностей человека. К. Вильямс приводит следующий перечень этих потребностей: потребность в принадлежности диадным отношениям и группе; потребность в положительной самооценке; потребность

контролировать действительность и знать, что она предсказуема; потребность в смысле существования [31].

Он также описал последовательную цепь состояний, которые испытывает человек в ответ на опыт кратковременной и долговременной (хронической) эксклюзии [30]. К. Вильямс является соавтором-разработчиком игры «Cyberball» — основной модели, на базе которой проводятся экспериментальные исследования кратковременной эксклюзии [29]. К настоящему времени базовая модель «Cyberball» с тремя игроками имеет несколько производных вариантов.

Помимо генеральной линии исследований в рамках модели депривации базовых потребностей К. Вильямса, социальное исключение изучается представителями когнитивной психологии. Здесь предметом являются перцепция, внимание, память, суждения в ответ на экспозиции изображений исключаемых [28]. Часть исследований, выполненных в парадигме К. Вильямса, направлена на изучение совладающего поведения в ответ на опыт эксклюзии [24]. Существуют разработки опросных методик, направленных на изучение социального исключения различных групп, например, людей с ограниченными физическими возможностями [21].

Характеризуя зарубежные подходы к пониманию социальной эксклюзии, следует отметить их ориентированность на эмпирические факты, в частности, на данные экспериментальных исследований, на конкретность полученных выводов и на последствия переживания человеком исключения [2]. В то же время остаются без ответа вопросы о систематизации видов исключения и о механизмах социальной эксклюзии, а также о методологии исследования данного явления в межличностных отношениях.

В отечественной психологии можно выделить несколько направлений изучения социальной эксклюзии. Коллективы ученых занимаются разработкой собственных способов исследования и адаптацией методов, применяемых за рубежом [2; 15; 18], изучением маркеров и последствий отдельных видов и форм исключения [1; 5; 7; 9; 11; 12; 17; 19]. Отмечается преобладание социологических исследований над психологическими. Доказывается, что ключевое значение для понимания механизма развертывания социального исключения и его негативного влияния на личность имеют переживание эксклюзии и такие характеристики этого переживания, как интенсивность, степень завершенности и возраст первого опыта его возникновения [4; 14].

Таким образом, можно констатировать тот факт, что на современном этапе изучения проблемы социальной эксклюзии происходит накопление данных относительно этого явления, отмечается разнообразность и разнонаправленность проводимых исследований, предпринимаются попытки разработать и обосновать новые лаконичные методы для изучения социального исключения в межличностных отношениях и особенностей его переживания. Вместе с тем надежного и валидного инструмента для исследования переживания социальной эксклюзии в межличностных отношениях на российской выборке пока не существует.

Программа исследования

Выбор метода. Теоретико-методологическую основу исследования составили идеи социального исключения [29; 30] и психология переживания, которое понимается как форма деятельности в значимых жизненных ситуациях [3; 8]. Таким образом, мы исходили из того, что, во-первых, опыт социальной эксклюзии наиболее

интенсивно переживается в конкретных ситуациях взаимодействия, а во-вторых, из того, что это переживание может благополучно завершаться в случае успешного совладания или не завершаться, быть слишком интенсивным, запоминающимся, пролонгированным и травматичным.

Вопрос о выборе метода исследования социального исключения — один из самых сложных [2], так как речь идет либо об экспериментально создаваемых условиях с серьезными негативными последствиями для личности, либо о предложении актуализировать (вспомнить) и описать по жесткой схеме свой собственный опыт жертвы (объекта) эксклюзии, что также может быть весьма травматичным. Мы находились в ситуации сложного выбора между желанием получить наиболее достоверную информацию о переживании исключения и стремлением не нарушать известного правила «не навреди». История психологии не единожды демонстрировала примеры, когда исследователь отдавал предпочтение первому выбору (эксперименты С. Милгрэма, Ф. Зимбардо, Дж. Уотсона и даже С. Аша), игнорируя второй. В связи с этим было принято решение разработать опросник «Переживание социального исключения», который позволил бы изучать различные опыты исключения в межличностных отношениях и основывался бы на предварительно полученных эмпирических фактах, т.е. только на тех жизненных ситуациях, которые изначально описывали сами участники исследования.

Выборка. Выборку составили студенты очного и заочного отделений различных факультетов нескольких вузов Санкт-Петербурга, но преимущественно РГПУ им. А.И. Герцена. Объем выборки на первом этапе исследования составил 116 человек (возрастной диапазон — 18–57 лет; средний возраст — 23,5; 6,03% мужчин); на втором этапе — 352 человека

в возрастном диапазоне 17–38 лет (средний возраст — 21,45; 15,7% мужчин).

Разработка перечня вопросов. На первом этапе исследования независимой группе студентов (N=116) было предложено вспомнить и описать ситуации своей жизни, в которых они переживали социальную эксклюзию, т.е., как пояснялось в инструкции, сталкивались с игнорированием, изгнанием, с отказом и обесцениванием в межличностных отношениях. Участниками были описаны ситуации отвержения в детском саду; школьные опыты осмеяния у доски, бойкота, буллинга; ситуации семейного исключения, в которых родители используют угрозы и действия исключения как часть практики воспитания; ситуации исключения в диадных межличностных отношениях (дружеских, романтических); эксклюзии в рабочих и деловых отношениях [14]. С целью снижения негативного влияния актуализации подобного опыта на участвовавших в исследовании респондентов проводилось постопросное обсуждение как самого феномена социального исключения, так и опыта его переживания. Работа проводилась в малых группах.

На основе информации, полученной от респондентов на первом этапе, был разработан расширенный список утверждений, содержащий 31 пункт. На втором этапе данный перечень оценивала следующая группа респондентов (N=312). Для оценки своего опыта участникам предлагалась 8-балльная шкала Лайкерта. Поскольку важным вопросом исследования был вопрос о значимости индивидуального опыта переживания социального исключения, в шкале Лайкерта использовалась двойная размерность. Участник определял наличие/отсутствие опыта социального исключения (0 — нет такого опыта) и затем отвечал на вопрос о том, «насколько силь-

но он переживал, столкнувшись с ним»: 1 — совершенно не переживал из-за этого; 2 — практически не переживал; 3 — скорее не переживал; 4 — трудно сказать; 5 — скорее переживал; 6 — довольно сильно переживал; 7 — очень сильно переживал из-за этого. Используемая система оценки позволяла, таким образом, одновременно получить ответы на два исследовательских вопроса: во-первых, определить численность участников, не имеющих (не рефлексирующих) опыта социального исключения, и, во-вторых, определить степень выраженности переживания этого опыта в межличностных отношениях.

Затем был проведен частотный анализ распределения ответов по каждому пункту. Результаты позволили определить наиболее и наименее информативные вопросы. Наименее информативными считались те, которые оказывались нерелевантными жизненному опыту респондентов: ответы на них неравномерно распределялись при оценке степени переживания и в основном концентрировались в «нулевой отметке». Такие утверждения отбраковывались. Так, ответы на вопрос о социальной эксклюзии в трудовом коллективе не соответствовали указанному критерию отбора: поскольку таких опытов в студенческой выборке немного, это отразилось на ответах респондентов — отмечалось преобладание отрицания наличия подобных ситуаций в жизни испытуемых. Далее вычислялась дискриминативность вопросов (значения коэффициента дискриминативности Фергюсона [6], корреляционный анализ баллов, полученных по каждому вопросу шкалы, с суммарным баллом по шкале — процедура «Inter-Item Correlation» [16]). На основе полученных результатов индекса дискриминативности и корреляции с общим баллом по опроснику было принято решение исключить из перечня

вопросы с низкими значениями коэффициента дискриминативности и коэффициента интеркорреляции.

Далее проводились процедуры математической обработки полученных данных, которые необходимы для создания новой методики: определялась нормальность эмпирического распределения, осуществлялся факторный анализ данных (сначала эксплораторный, а затем конфирматорный), высчитывались ретестовая и консистентная надежность и конструктивная валидность опросника, в состав которого вошел конечный список из 10 вопросов.

Результаты и их обсуждение

Нормальность распределения. Анализ характера эмпирического распределения проведен с использованием показателей асимметрии и эксцесса, а также графических методов. Сравнение среднего значения (25,98) с медианой (21,00), коэффициента асимметрии (0,232) — со стандартной ошибкой коэффициента асимметрии (0,138), а также эксцесса (-0,796) — со стандартной ошибкой эксцесса (0,275) свидетельствует о том, что косвенные признаки позволяют принять гипотезу о нормальности распределения.

Применение нормально-вероятностного графика (рис. 1) и анализ гистограммы распределения (рис. 2) позволяют говорить о нормальности распределения интегрального (суммарного) показателя «Индекс переживания социального исключения в межличностных отношениях».

Однако расчетные индексы, в частности, коэффициент Колмогорова-Смирнова ($K-S d=0,7703$, $p \leq 0,05$), не подтверждают гипотезу о нормальности. Действительно, кривая распределения имеет некоторую левостороннюю асимметрию. Таким образом, рассматриваемое эмпирическое распределение можно считать близким к нормальному.

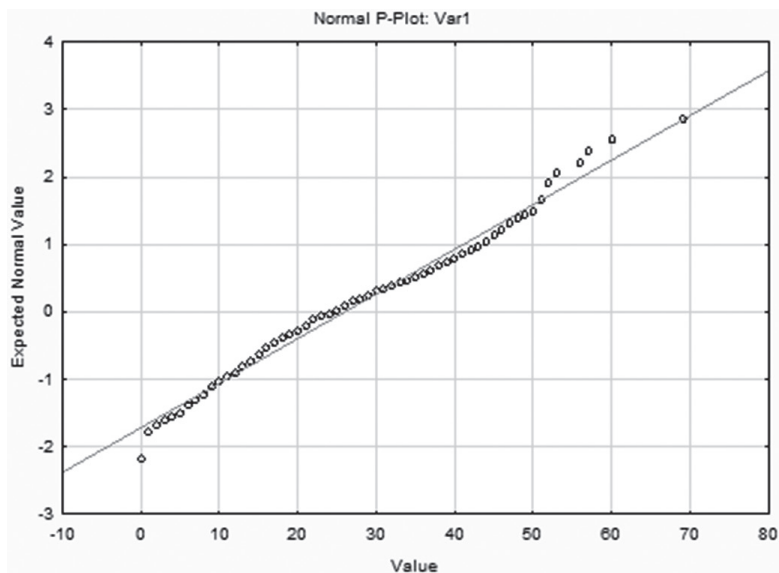

Рис. 1. Нормально-вероятностный график распределения значений суммарного показателя «Индекс переживания социального исключения в межличностных отношениях» относительно теоретической прямой

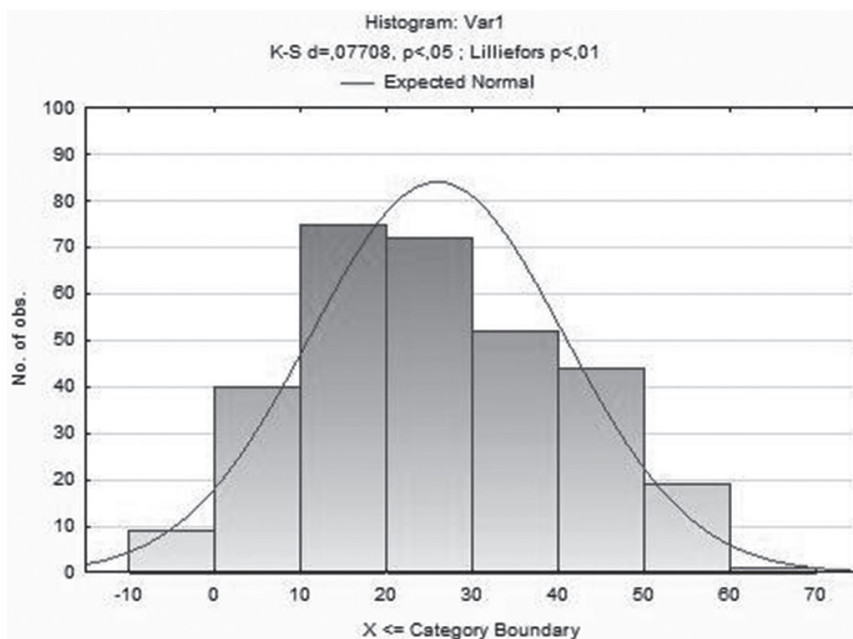

Рис. 2. Гистограмма распределения значений суммарного показателя «Индекс переживания социального исключения в межличностных отношениях»

В табл. 1 приведены данные по распределению частот ответов респондентов на каждый из 10 отобранных вопросов.

Представленные результаты позволяют говорить о том, что определенное число респондентов не имеет опыта эксклюзии в межличностных отношениях, но представители значительной части выборки имеют опыт исключения и сообщают об интенсивной ответной реакции на него. Анализ индивидуального профиля респондента поможет понять, каков объем этого опыта и какова интенсивность его переживания по каждому из видов социального исключения в межличностных отношениях.

Определение факторной структуры: результаты эксплораторного факторного анализа (ЭФА). Для определения числа факторов, которые могут быть выделены из полученного массива эмпирических данных, был использован критерий собственных значений Кайзера.

В качестве метода выделения факторов использовался метод главных компонент, в качестве метода вращения — метод варимакс с нормализацией Кайзера.

Проведенный ЭФА позволяет говорить о трехкомпонентной факторной структуре, в которую со значимыми факторными нагрузками вошли все 10 вопросов шкалы (табл. 2). Значение суммарной дисперсии по трем факторам составляет 58,91%, что является допустимым значением.

В первый фактор (25,19% общей дисперсии) со значимыми факторными нагрузками вошли вопросы № 1, 6, 7, 9, отражающие относительно ранний в онтогенезе школьный опыт исключения — опыт травли (буллинга). Вопросы фиксируют переживание исключения, связанного с тем, что в школе дразнили и обзывали, что респондент был жертвой буллинга, травли, бойкота, объектом насмешек, в том числе в результате лукизма — социального исключения из-

Таблица 1

Относительные частоты ответов и дескриптивная статистика по вопросам методики «Переживание социального исключения»

№ вопроса	нет такого опыта	совершенно не переживал из-за этого	практически не переживал	скорее не переживал	трудно сказать	скорее переживал	довольно сильно переживал	очень сильно переживал из-за этого	$X \pm \sigma$
1	0,6	0,02	0,04	0,04	0,04	0,09	0,11	0,06	1,89 ± 2,58
2	0,24	0,02	0,03	0,03	0,06	0,15	0,23	0,24	4,24 ± 2,69
3	0,77	0,05	0,03	0,02	0,04	0,04	0,03	0,03	0,90 ± 1,92
4	0,27	0,03	0,05	0,07	0,08	0,19	0,16	0,14	3,58 ± 2,62
5	0,16	0,08	0,1	0,14	0,08	0,24	0,14	0,05	3,45 ± 2,18
6	0,54	0,02	0,02	0,03	0,04	0,13	0,12	0,11	2,41 ± 2,81
7	0,31	0,04	0,06	0,05	0,05	0,18	0,17	0,13	3,35 ± 2,69
8	0,5	0,02	0,04	0,03	0,05	0,13	0,11	0,12	2,52 ± 2,82
9	0,57	0,02	0,01	0,03	0,06	0,11	0,09	0,11	2,23 ± 2,76
10	0,69	0,04	0,02	0,03	0,01	0,09	0,08	0,03	1,36 ± 2,32

Таблица 2

**Результаты факторизации ответов опросника
«Переживание социального исключения»**

№ п/п	Номер и содержание вопроса	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
1	1. В школе другие дети иногда меня дразнили и обзывали.	0,86		
2	6. Что такое буллинг, травля в школе, мне известно не понаслышке, а из собственного печального опыта.	0,83		
3	7. В школе ко мне плохо относились из-за особенностей моей внешности.	0,74		
4	9. В школе я был жертвой бойкота.	0,63		
5	2. Бывало, что человек, с которым я общался, внезапно прерывал со мной контакт без объяснения причин.		0,81	
6	4. В моей жизни случилось предательство со стороны друга (друзей).		0,69	
7	5. Иногда случается, что люди, общением с которыми я дорожу, во время нашего разговора сидят, уткнувшись в телефон.		0,69	
8	3. Я сталкивался с плохим отношением из-за того, что беден или плохо одет.			0,74
9	8. В школе бывало и такое, что сам учитель давал мне какое-то нелепое прозвище.			0,67
10	10. В моей жизни бывало такое, что кто-то из родственников относился ко мне незаслуженно плохо.			0,66
% общей дисперсии		25,19	17,06	16,66

за особенностей внешности. Этот фактор может быть назван **«Переживание школьной травли (буллинга)»**.

Во второй фактор (17,06% общей дисперсии) со значимыми факторными нагрузками вошли вопросы № 2, 4, 5, отражающие широкий диапазон опыта исключения от пренебрежения до предательства во взрослых, диадных отношениях. Это такие факты эксклюзии, как игнорирование в формах гостинга (внезапное прерывание контакта без объяснения причин) и фаббинга (использование мобильных устройств и иных гаджетов во время общения), а также предательство. Данный фактор может быть назван **«Переживание отвержения в диаде»**.

В третий фактор (16,66% общей дисперсии) со значимыми весовыми нагрузками вошли вопросы № 3, 8, 10, отражающие опыт отвержения в отношениях со статусными людьми в более широком круге социальных контактов, фактор может быть назван **«Переживание исключения со стороны статусных фигур»**.

Таким образом, есть основание говорить о структурной композиции переживания индивидуального опыта социального исключения человека, находящегося в позиции объекта (жертвы). Этот опыт складывается из трех составляющих: относительно раннего онтогенетического опыта школьной травли (в предельном случае — бул-

линг), на который накладывається опыт исключения в значимых диадных отношениях и исключение в широком социальном контексте, проводниками которого в межличностных отношениях становятся статусные люди.

Конфирматорный факторный анализ проводился для проверки соответствия эмпирической исходной факторной модели, полученной с помощью эксплораторного факторного анализа, априорной теоретической модели, рассчитанной с помощью приложения AMOS к программе SPSS. Выборку составили те же 312 человек. Первая проверка совпадения априорной трехфакторной модели с исходными данными дала неудовлетворительный результат: значения таких индексов соответствия, как критерий Хи-квадрат ($100,460$ $df=32$; $P=0,000$); GFI ($0,937$) $RMSEA$ ($0,083$), говорят о несоответствии теоретической модели исходным эмпирическим данным. Улучшение параметров модели за счет добавления остаточных связей [10; 13] позволило значительно повысить соответствие модели исходным данным. Критерии соответствия достигли необходимых значений: критерий Хи-квадрат= $55,245$; $df=27$, $p\leq 0,01$; критерий $GFI=0,968$ превышает $0,95$; и наиболее мощный критерий правдоподобия $RMSEA=0,058$, близок к уровню $0,05$, что позволяет принять априорную теоретическую трехфакторную модель как адекватно описывающую изучаемый феномен переживания социального исключения (рис. 3).

Таким образом, было подтверждено, что факторы опросника являются достоверными, а каждый вопрос шкал опросника значимо взаимосвязан с другими вопросами этой же шкалы и составляет содержание именно этой, но не другой шкалы опросника.

Дескриптивная статистика по шкалам опросника. После того, как были получены шкалы опросника, определялась описательная статистика по каждой из них (табл. 3).

Данные, представленные в табл. 3, дают фактически новую информацию о том, каков объем переживаемого болезненного опыта, получаемого человеком в межличностных отношениях с другими людьми, а также об индивидуальной вариативности переживания в ответ на ситуации социальной эксклюзии. Можно видеть, что наиболее сильную эмоциональную реакцию вызывают опыты разрыва и даже простого невнимания (игнорирования) в дружеских отношениях, а также ситуации травли в школе, память о которых сохраняется до 10 и более лет. Наименее болезненным следует признать переживание исключения, инициаторами которого являются статусные люди (учителя, родственники) или значимые другие, взрослые, которые являются проводниками социальных стереотипов. Данные подтверждают постулат о социальной природе человека и потребности в принадлежности как базовой мотивации, депривация которой приводит к тяжелым болезненным переживаниям.

Ретестовая надежность. Для проверки ретестовой надежности опросника «Переживание социального исключения» на ограниченной по объему ($N=40$) студенческой выборке (средний возраст – 19,95 лет; 12,5% мужчин) был проведен опрос с использованием окончательной версии опросника. Временной интервал между тестом и ретестом составил 21 день (3 недели). Результаты определения ретестовой надежности представлены в табл. 4.

Консистентная надежность, вычисленная по суммарному показателю «Индекс переживания социального ис-

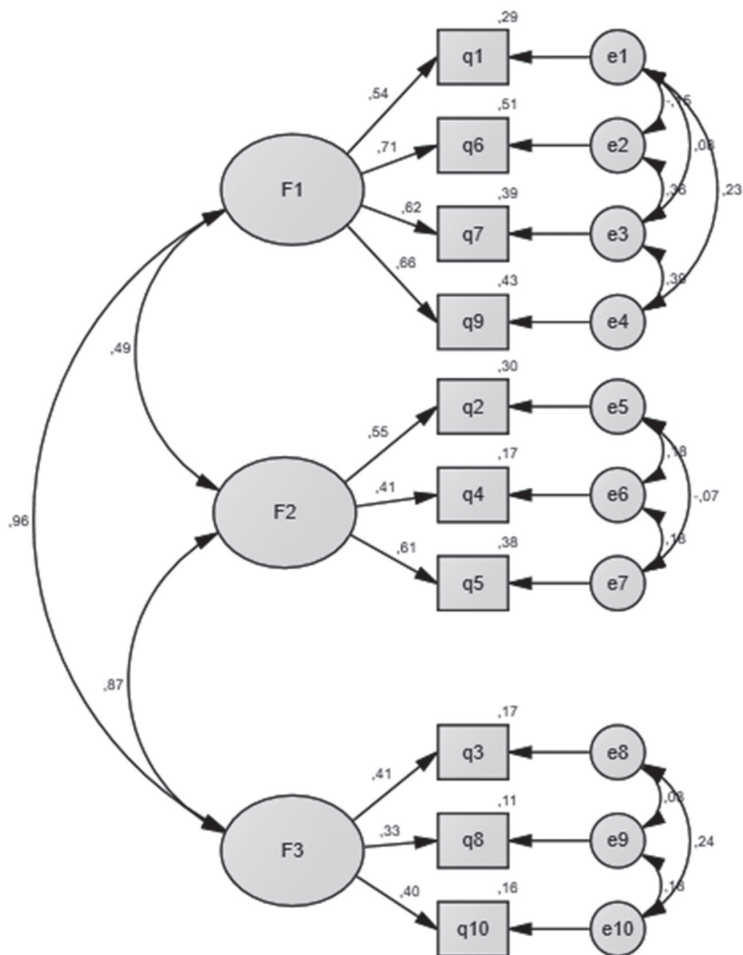

Рис. 3. Трехфакторная модель переживания социального исключения в межличностных отношениях: результаты конфирматорного факторного анализа (SPSS, приложение AMOS)

Таблица 3
Результаты дескриптивной статистики по шкалам и суммарному показателю опросника «Переживание социального исключения»

№ п/п	Шкалы опросника	$\bar{X} \pm \sigma$
1	«Переживание школьной травли (буллинга)» (4 вопроса)	9,89 ± 8,63
2	«Переживание отвержения в диаде» (3 вопроса)	11,29 ± 5,63
3	«Переживание исключения со стороны статусных фигур» (3 вопроса)	4,76 ± 5,15
4	Суммарный показатель «Индекс переживания социального исключения в межличностных отношениях» (10 вопросов)	25,98 ± 14,81

Таблица 4

**Значения коэффициентов тест-ретест корреляции трех шкал опросника
«Переживание социального исключения» и суммарного показателя
«Индекс переживания социального исключения в межличностных отношениях»**

№ п/п	Название показателя	Значения коэффициента корреляции тест-ретеста
1	Шкала 1: «Переживание школьной травли (буллинга)»	0,84
2	Шкала 2: «Переживание отвержения в диаде»	0,62
3	Шкала 3: «Переживание исключения со стороны статусных фигур»	0,73
4	Суммарный показатель «Индекс переживания социального исключения в межличностных отношениях»	0,83

ключения в межличностных отношениях» с помощью коэффициента альфа-Кронбаха, равна 0,779, что попадает в диапазон «достаточных» значений.

Конструктивная валидность опросника. Использовалось понятие «конструктивная валидность», содержание которого раскрыто в руководстве П. Клайна [6]. В качестве инструмента для определения конструктивной валидности создаваемого опросника был выбран опросник на переживание исключения из социальной системы (ПИСС) И.Ю. Суворовой [15].

Методика И.Ю. Суворовой по направленности, содержанию входящих в нее вопросов, системе оценки ответов и

по названию шкал фактически измеряет явление социальной включенности. Таким образом, доказательством валидности опросника «Переживание социального исключения» будут отрицательные корреляции со всеми четырьмя шкалами опросника И.Ю. Суворовой. Гипотеза была подтверждена результатами корреляционного анализа на выборке 312 человек (табл. 5).

Действительно, показатели трех шкал опросника «Переживание социального исключения» отрицательно коррелируют с показателями опросника И.Ю. Суворовой. Наиболее существенные связи обнаруживают два показателя шкалы: насыщенные школьные

Таблица 5

Матрица корреляций показателей трех шкал опросника «Переживание социального исключения (ПСИ)» с показателями опросника на переживание исключения из социальной системы (ПИСС) И.Ю. Суворовой

Опросник ПИСС \ Опросник ПСИ	Вовлеченность в социальную систему	Готовность принимать вызовы	Принятие социальным окружением	Общий показатель включенности
Переживание школьной травли (буллинга)	-0,19 p≤0,01	-0,21 p≤0,001	-0,27 p≤0,001	-0,23 p≤0,001
Переживание отвержения в диаде	-0,06	-0,08	-0,22 p≤0,001	-0,11 p≤0,05
Переживание исключения со стороны статусных фигур	-0,19 p≤0,01	-0,19 p≤0,001	-0,28 p≤0,001	-0,23 p≤0,001

опыты травли (буллинга), которые высоко значимо понижают переживание вовлеченности в социальную систему ($r=-0,189$; $p\leq 0,01$), готовность принимать вызовы ($r=-0,213$; $p\leq 0,001$), переживание принятия социальным окружением ($r=0,267$; $p\leq 0,001$), а также общий показатель включенности ($r=-0,228$; $p\leq 0,001$) у взрослого человека. Исключение, инициатором которого был значимый статусный человек (учитель, родственник), резко снижает ощущение принятия социальным окружением ($r=-0,283$; $p\leq 0,001$). Предательство или отказ в дружеских и любовных отношениях хотя и в меньшей степени, но также влияют на субъективное чувство принятия социальным окружением ($r=-0,283$; $p\leq 0,001$) и общий показатель социальной вовлеченности ($r=-0,112$; $p\leq 0,05$).

Полученные результаты можно считать доказательством конструктивной валидности опросника «Переживание социального исключения».

Заключение

Таким образом, опросник «Переживание социального исключения (ПСИ)» позволяет объективировать явление социальной эксклюзии и придает его переживанию количественное измерение. С помощью данной методики можно получить информацию о наличии/отсутствии индивидуального опыта социального исключения на различных выборках и, соответственно, судить о специфической «эпидемиологии» болезненного переживания исключения в разных возрастных и социальных группах, а также в различных организационных структурах.

Предлагаемая базовая версия опросника ПСИ позволяет узнать не только об индивидуальной специфичности опыта социальной эксклюзии, но и о насыщенности, интенсивности переживания

этого опыта. Знание о количественных значениях отдельных структурных компонентов переживания исключения (школьной травле (буллинге); эксклюзии в диадных межличностных отношениях; эксклюзии, источником которой являются значимые статусные люди) поможет специалисту сформулировать гипотезы о детерминации свойств личности различными видами социального опыта исключения.

Разработанный инструмент может быть использован для замеров «эксклюдирующего фона» в возрастной группе от 18 до 59 лет и позволит определить уровень психологической безопасности социальной среды.

Выводы

На основании полученных результатов можно подвести итоги и сделать следующие выводы.

1. В ходе проведенного исследования было операционализировано понятие социального исключения и уточнено понятие микроагрессии, что позволяет продолжить научную дискуссию о соотношении понятий макро– и микроагрессии.

2. На основе эмпирического исследования биографических нарративов расширены представления о проявлениях и переживании социального исключения.

3. Проведена апробация методики «Переживание социального исключения»; доказаны ее надежность и валидность.

4. С помощью эксплораторного и конфирматорного факторного анализа определена и подтверждена структура опыта исключения.

5. Выделены следующие шкалы измерения переживания опыта социального исключения: «Переживание школьной травли (буллинга)», «Переживание отвержения в диаде», «Переживание исключения со стороны статусных фигур».

Перспективы исследования

В планах авторов — разработка «методики-трансформера» с добавочными модулями, подбираемыми под переживаемые ситуации эксклюзии в межличностных отношениях у различных социальных групп. В дальнейших исследованиях переживания социального исключения, по нашему замыслу, имеются следующие перспективы. Прежде всего, есть необходимость расширения возрастного диапазона целевых групп использования предложенной методики. В частности, планируется адаптация разработанного опросника для несовершеннолетних испытуемых, что позволит измерять более приближенный во временном континууме опыт социального исключения в подростково-молодежной среде, поскольку основные опыты эксклюзии приходятся на период обучения в школе [14]. Кроме этого, в проекте адаптация данной методики для группы пожилых людей в возрасте от 60 лет.

Большой интерес также представляет изучение опыта социального исключения в отдельных возрастно-неспецифичных социальных группах. Как представляется, особого внимания заслуживают группы

людей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, их родители, безработные и некоторые другие.

Особой задачей на пути совершенствования измерительного средства является сопоставление двух позиций — человека, подвергающегося исключению, и человека, осуществляющего этот процесс.

Дальнейшее расширение возможностей соответствующего инструментария позволит не только исследовать заявленный феномен, последствия которого могут быть весьма отсроченными по времени, но и осуществлять психологическое консультирование людей с болезненным, острым или хроническим опытом эксклюзии. Действительно, разработанный опросник представляет собой экспресс-методику, которая предназначена в том числе и для индивидуальной диагностики в целях последующей психотерапевтической практики при отработке навыков совладания с конкретными прошлыми и текущими опытами социального исключения, а также в процессе оказания психологической помощи по осознанию, принятию и обеспечению более конструктивного и эффективного переживания подобных болезненных ситуаций эксклюзии.

Приложение

Опросник «Переживание социального исключения (ПСИ)» (авторы: Г.В. Семенова, С.А. Векилова)

Инструкция. Прочитайте, пожалуйста, по порядку следующие утверждения. Оцените, насколько сильно Вы переживали (страдали), оказавшись в данных ситуациях. Если опыта, описанного в утверждении, у Вас нет, поставьте «0».

- 1 — совершенно не переживал из-за этого
- 2 — практически не переживал
- 3 — скорее не переживал
- 4 — трудно сказать
- 5 — скорее переживал
- 6 — довольно сильно переживал
- 7 — очень сильно переживал из-за этого

№ п/п	Утверждение	Оценка
1.	В школе я был жертвой бойкота	
2.	В моей жизни случилось предательство со стороны друга (друзей)	
3.	В школе бывало и такое, что сам учитель давал мне какое-то нелепое прозвище	
4.	Бывало, что человек, с которым я общался, внезапно прерывал со мной контакт без объяснения причин	
5.	Иногда случается, что люди, общением с которыми я дорожу, во время нашего разговора сидят, уткнувшись в телефон	
6.	В школе ко мне плохо относились из-за особенностей моей внешности	
7.	В школе другие дети иногда меня дразнили и обзывали	
8.	В моей жизни бывало такое, что кто-то из родственников относился ко мне незаслуженно плохо	
9.	Что такое буллинг, травля в школе, мне известно не понаслышке, а из собственного печального опыта	
10.	Я сталкивался с плохим отношением из-за того, что беден или плохо одет	

Ключ к методике «Переживание социального исключения»

Шкала 1 «Переживание школьной травли (буллинга)»: вопросы 1, 6, 7, 9.

Шкала 2 «Переживание отвержения в диаде»: вопросы 2, 4, 5.

Шкала 3 «Переживание исключения со стороны статусных фигур»: вопросы 3, 8, 10.

Литература

1. Арпентьева М.Р., Ташева А.И., Гриднева С.В. Дидактогении и стрессы инноваций в высшем образовании // Профессиональное образование в современном мире. 2020. № 3. С. 4130–4145.
2. Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 152–170. DOI:10.17759/psylaw.2020100114
3. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1984. 200 с.
4. Гусева Ю.Е., Семенова Г.В., Рудыхина О.В. Социальная эксклюзия в детском саду // Дошкольное воспитание. 2021. № 1. С. 7–14.
5. Дильмухаметова А.В. Газлайтинг как один из видов психологической манипуляции (на примере фильма «Alles Isy») // Доклады Башкирского университета. 2019. Том 4. № 5. С. 531–535.
6. Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов: Введение в психометрическое проектирование: Перевод с английского / Под ред. Л.Ф. Бурлачука. Киев: ПАН Лтд., 1994. 288 с.
7. Конева Е.В., Солондаев В.К., Пелевина А.А. «Неуставные отношения» в учебных коллективах // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2017. № 2(40). С. 95–99.
8. Коржова Е.Ю. Введение в психологию жизненных ситуаций. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2015. 203 с.
9. Крюкова Т.Л., Екимчик О.А. Фаббинг как угроза благополучию близких отношений // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Том 27. № 3. С. 61–76.

10. *Наследов А.Д.* IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013. 416 с.
11. *Петросяц В.Р.* Проблема буллинга в современной образовательной среде // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 6(108). С. 151–154.
12. *Погонцева Д.В.* Буллинг, связанный с внешним обликом // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Том 8. № 1(26). С. 359–361.
13. *Полякова Ю.М., Сорокова М.Г., Гаранян Н.Г.* Факторная структура и надежность шкалы взаимной адаптации в паре (DAS) в российской выборке // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Том 26. № 3. С. 105–126. DOI:10.17759/cpp.2018260306
14. *Семенова Г.В., Векилова С.А., Терешкина И.Б., Рудыхина О.В.* К проблеме взаимосвязи опыта социальной эксклюзии с базисными убеждениями личности: психологический подход // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2020. № 197. С. 63–73. DOI:10.33910/1992-6464-2020-197-63-73
15. *Суворова И.Ю.* Разработка пробной версии опросника на переживание исключения из социальной системы // Социальная психология и общество. 2016. Том 7. № 4. С. 132–146. DOI:10.17759/sps.2016070409
16. *Фер Р.М., Бакарак В.Р.* Психометрика: Введение / Пер. с англ. А.С. Науменко, А.Ю. Попова; под ред. Н.А. Батурина, Е.В. Эйдмана. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. 445 с.
17. *Шалагинова К.С., Куликова Т.И., Залыгаева С.А.* Половозрастные особенности школьников как предикторы риска буллинга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 3. С. 126–138.
18. *Шульмин Н.П.* Психологические факторы переживания личностью социальной эксклюзии // Сибирский психологический журнал. 2018. № 70. С. 17–33.
19. *Янова Н.Г.* Психолого-педагогические риски буллинга в образовательной среде // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2019. № 4(15). С. 189–197.
20. *Beekman J.B., Stock M.L., Marcus T.* Need to Belong, Not Rejection Sensitivity, Moderates Cortisol Response, Self-Reported Stress, and Negative Affect Following Social Exclusion // The Journal of Social Psychology. 2016. Vol. 156. Iss. 2. P. 131–138. DOI:10.1080/00224545.2015.1071767
21. *Conover K.J., Israel T., Nylund-Gibson K.* Development and Validation of the Ableist Microaggressions Scale // The Counseling Psychologist. 2017. Vol. 45. Iss. 4. P. 570–599. DOI:10.1177/0011000017715317
22. *Freeman L., Schroer J.W.* Microaggressions and Philosophy. New York: Routledge, 2020. 280 p.
23. *Jahnukainen M.* Social exclusion and dropping out of education // International Perspectives on Inclusive Education. 2001. Vol. 1. P. 1–12.
24. *Pfundmair M., Lermer E., Frey D., Aydin N.* Construal Level and Social Exclusion: Concrete Thinking Impedes Recovery from Social Exclusion // The Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 155(4). P. 338–355. DOI:10.1080/00224545.2015.1015475
25. *Riva P., Montali L., Würth J.H., Curioni S., Williams K.D.* Chronic social exclusion and evidence for the resignation stage: An empirical investigation // Journal of Social and Personal Relationships. 2017. Vol. 34(4). P. 541–564.
26. *Ruijten P., Midden C., Ham J.* Lonely and Susceptible: The Influence of Social Exclusion and Gender on Persuasion by an Artificial Agent // International Journal of Human–Computer Interaction. 2015. Vol. 31(11). P. 832–842. DOI:10.1080/10447318.2015.1067480
27. *Slegers W.A., Proulx T., van Beest I.* The social pain of Cyberball: Decreased pupillary reactivity to exclusion cues // Journal of Experimental Social Psychology. 2017. Vol. 69. P. 187–200. DOI:10.1016/j.jesp.2016.08.004
28. *Syrjämäki A.H., Hietanen J.K.* The effects of social exclusion on processing of social information – A cognitive psychology perspective // British Journal of Social Psychology. 2019. Vol. 58. Iss. 3. P. 730–748.

29. Williams K.D., Cheung K.T., Choi W. Cyberostracism: effects of being ignored over the Internet // *Personal Social Psychology*. 2000. Vol. 79(5). P. 748–762. DOI:10.1037//0022-3514.79.5.748
30. Williams K.D. Ostracism // *Annual Review of Psychology*. 2007. Vol. 58. P. 425–452. DOI:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641
31. Williams K.D. Ostracism: a temporal need-threat model // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2009. Vol. 41. P. 275–314.
32. Williamson T.J., Thomas K.S., Eisenberger N.I., Annette L., Stanton A.L. Effects of Social Exclusion on Cardiovascular and Affective Reactivity to a Socially Evaluative Stressor // *International Journal of Behavioral Medicine*. 2018. Vol. 25. P. 410–420. DOI:10.1007/s12529-018-9720-5

References

1. Arpent'eva M.R., Tashcheva A.I., Gridneva S.V. Didaktogenii i stressy innovatsii v vysshem obrazovanii [Didactogenies and stresses of innovation in higher education]. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2020, no. 3, pp. 4130–4145. (In Russ.).
2. Boykina E.E., Chirkina R.V. Sotsial'nyi ostrakizm: sovremennoe sostoyanie problemy, metodologiya i metody issledovaniya [Elektronnyi resurs] [Social ostracism: the current state of the problem, methodology and research methods]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and law*, 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 152–170. DOI:10.17759/psylaw.2020100114 (In Russ.).
3. Vasilyuk F.E. Psikhologiya perezhivaniya [The psychology of experience]. Moscow: MGU im. M.V. Lomonosova Publ., 1984. 200 p. (In Russ.).
4. Guseva Yu.E., Semenova G.V., Rudykhina O.V. Sotsial'naya eksklyuziya v detskom sadu [Social exclusion in kindergarten]. *Doshkol'noe vospitanie = Preschool education*, 2021, no. 1, pp. 7–14. (In Russ.).
5. Dil'mukhametova A.V. Gazlaiting kak odin iz vidov psikhologicheskoi manipulyatsii (na primere fil'ma «Alles Isy») [Gaslighting as a type of psychological manipulation (by the film «Alles Isy»)]. *Doklady Bashkirskogo universiteta = Reports of the Bashkir University*, 2019. Vol. 4, no. 5, pp. 531–535. (In Russ.).
6. Klain P. Spravochnoe rukovodstvo po konstruirovaniyu testov: Vvedenie v psikhometricheskoe proektirovanie: Perevod s angliiskogo [Reference Guide to Test Design: An Introduction to Psychometric Design: Translated from English]. In Burlachuk L.F. (ed.). Kiev: PAN Ltd. Publ., 1994. 288 p.
7. Koneva E.V., Solondaev V.K., Pelevina A.A. «Neustavnye otnosheniya» v uchebnykh kolektivakh [«Non-statutory relations» in educational groups]. *Vestnik Yaroslavskego gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. Humanities Series*, 2017, no. 2(40), pp. 95–99. (In Russ.).
8. Korzhova E.Yu. Vvedenie v psikhologiyu zhiznennykh situatsii [Introduction to the psychology of life situations]. Saint Petersburg: Obshchestvo pamyati igumenii Taisii Publ., 2015. 203 p. (In Russ.).
9. Kryukova T.L., Ekimchik O.A. Fabbing kak ugroza blagopoluchiyu blizkikh otnoshenii [Fabbing as a threat to the well-being of close relationships]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2019. Vol. 27, no. 3, pp. 61–76. (In Russ.).
10. Nasledov A.D. IBM SPSS Statistics 20 i AMOS: professional'nyi statisticheskii analiz dannykh [IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: Professional statistical data analysis]. Saint Petersburg: Piter Publ., 2013. 416 p. (In Russ.).
11. Petrosyants V.R. Problema bullinga v sovremennoi obrazovatel'noi srede [The problem of bullying in the modern educational environment]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2011, no. 6(108), pp. 151–154. (In Russ.).

12. Pogontseva D.V. Bulling svyazannyi s vneshnim oblikom [Bullying related to lookizm]. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of Scientific Research: pedagogy and psychology*, 2019. Vol. 8, no. 1(26), pp. 359–361. (In Russ.).
13. Polyakova Yu.M., Sorokova M.G., Garanyan N.G. Faktornaya struktura i nadezhnost' shkaly vzaimnoi adaptatsii v pare (DAS) v rossiiskoi vyborke [Factor structure and reliability of the scale of mutual adaptation in a pair (DAS) in the Russian sample]. *Konsul'tatsionnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2018. Vol. 26, no. 3, pp. 105–126. DOI:10.17759/cpp.2018260306 (In Russ.).
14. Semenova G.V., Vekilova S.A., Tereshkina I.B., Rudykhina O.V. K probleme vzaimosvyazi opyta sotsial'noi eksklyuzii s bazisnymi ubezhdeniyami lichnosti: psikhologicheskii podkhod [The relationship of social exclusion experience with basic personal beliefs: psychological approach]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, 2020, no. 197, pp. 63–73. DOI:10.33910/1992-6464-2020-197-63-73 (In Russ.).
15. Suvorova I.Yu. Razrabotka probnoi versii oprosnika na perezhivanie isklyucheniya iz sotsial'noi sistemy [Development of a trial version of the questionnaire on the experience of exclusion from the social system]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 4, pp. 132–146. DOI:10.17759/sps.2016070409 (In Russ.).
16. Fer R.M., Bakarak V.R. Psikhometrika: Vvedenie [Psychometrics: Introduction]. Baturina N.A., Eidmana E.V. (ed.). Chelyabinsk: Izdatel'skii tsentr YuUrGU Publ., 2010. 445 p.
17. Shalaginova K.S., Kulikova T.I., Zalygaeva S.A. Polovozrastnye osobennosti shkol'nikov kak prediktory riska bullinga [Gender and age characteristics of schoolchildren as predictors of bullying risk]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences*, 2019, no. 3, pp. 126–138. (In Russ.).
18. Shul'min N.P. Psikhologicheskie faktory perezhivaniya lichnost'yu sotsial'noi eksklyuzii [Psychological factors of a person's experience of social exclusion]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Psychology*, 2018, no. 70, pp. 17–33. (In Russ.).
19. Yanova N.G. Psikhologo-pedagogicheskie riski bullinga v obrazovatel'noi srede [Psychological and pedagogical risks of bullying in the educational environment]. *Zdorov'e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoi kul'tury i sporta = Human health, theory and methodology of physical culture and sports*, 2019, no. 4(15), pp. 189–197. (In Russ.).
20. Beekman J.B., Stock M.L., Marcus T. Need to Belong, Not Rejection Sensitivity, Moderates Cortisol Response, Self-Reported Stress, and Negative Affect Following Social Exclusion. *The Journal of Social Psychology*, 2016. Vol. 156, no. 2, pp. 131–138. DOI:10.1080/00224545.2015.1071767
21. Conover K.J., Israel T., Nylund-Gibson K. Development and Validation of the Ableist Microaggressions Scale. *The Counseling Psychologist*, 2017. Vol. 45, no. 4, pp. 570–599. DOI:10.1177/0011000017715317
22. Freeman L., Schroer J.W. *Microaggressions and Philosophy*. New York: Routledge, 2020. 280 p.
23. Jahnukainen M. Social exclusion and dropping out of education. *International Perspectives on Inclusive Education*, 2001. Vol. 1, pp. 1–12.
24. Pfundmair M., Lerner E., Frey D., Aydin N. Construal Level and Social Exclusion: Concrete Thinking Impedes Recovery from Social Exclusion. *The Journal of Social Psychology*, 2015. Vol. 155, no. 4, pp. 338–355. DOI:10.1080/00224545.2015.1015475
25. Riva P., Montali L., Wirth J.H., Curioni S., Williams K.D. Chronic social exclusion and evidence for the resignation stage: An empirical investigation. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2017. Vol. 34, no. 4, pp. 541–564.
26. Ruijten P., Midden C., Ham J. Lonely and Susceptible: The Influence of Social Exclusion and Gender on Persuasion by an Artificial Agent. *International Journal of Human–Computer Interaction*, 2015. Vol. 31, no. 11, pp. 832–842. DOI:10.1080/10447318.2015.1067480

27. Slegers W.A., Proulx T., van Beest I. The social pain of Cyberball: Decreased pupillary reactivity to exclusion cues. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2017. Vol. 69, pp. 187–200. DOI:10.1016/j.jesp.2016.08.004
28. Syrjämäki A.H., Hietanen J.K. The effects of social exclusion on processing of social information — A cognitive psychology perspective. *British Journal of Social Psychology*, 2019. Vol. 58, no. 3, pp. 730–748.
29. Williams K.D., Cheung K.T., Choi W. Cyberostracism: effects of being ignored over the Internet. *Personal Social Psychology*, 2000. Vol. 79, no. 5, pp. 748–762. DOI:10.1037//0022-3514.79.5.748
30. Williams K.D. Ostracism. *Annual Review of Psychology*, 2007. Vol. 58, pp. 425–452. DOI:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641
31. Williams K.D. Ostracism: a temporal need-threat model. *Advances in Experimental Social Psychology*, 2009. Vol. 41, pp. 275–314.
32. Williamson T.J., Thomas K.S., Eisenberger N.I., Annette L. Stanton A.L. Effects of Social Exclusion on Cardiovascular and Affective Reactivity to a Socially Evaluative Stressor. *International Journal of Behavioral Medicine*, 2018. Vol. 25, pp. 410–420. DOI:10.1007/s12529-018-9720-5

Информация об авторах

Семенова Галина Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3936-2039>, e-mail: semenovagv@herzen.spb.ru

Векилова Севиль Афрасьябовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6552-9963>, e-mail: vekilova@mail.ru

Рудыхина Ольга Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8207-4016>, e-mail: ovrudihina@herzen.spb.ru

Information about the authors

Galina V. Semenova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3936-2039>, e-mail: semenovagv@herzen.spb.ru

Sevil A. Vekilova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6552-9963>, e-mail: vekilova@mail.ru

Olga V. Rudykhina, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8207-4016>, e-mail: ovrudihina@herzen.spb.ru

Получена 09.03.2021

Принята в печать 22.07.2022

Received 09.03.2021

Accepted 22.07.2022

Опросник благополучия PERMA-Profilер: апробация русскоязычной версии

Исаева О.М.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0926-5182>, e-mail: oisaeva@hse.ru

Акимова А.Ю.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5750-8409>, e-mail: anna_ak@rambler.ru

Волкова Е.Н.

ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва; ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина» (ФГБОУ ВО «Мининский университет»), г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Цель. Перевод, адаптация и психометрическая проверка русскоязычной версии опросника благополучия PERMA-Profilер (Дж. Батлер, М. Керн, 2016).

Контекст и актуальность. Тема счастья и благополучия в последние годы становится популярной как в академической среде, так и в бизнес-сообществе. Ключевой задачей в вопросах содействия благополучию человека является необходимость разработки надежных измерительных инструментов его оценки.

Дизайн исследования. Перевод, адаптация и психометрическая проверка русскоязычной версии опросника благополучия PERMA-Profilер проводились в несколько этапов. На первом этапе осуществлялась процедура перевода оригинального текста методики PERMA-Profilер на русский язык. На втором этапе проводилась оценка структурной и конвергентной валидности, надежности по внутренней согласованности пунктов опросника. Основная задача третьего этапа исследования заключалась в проверке ретестовой надежности опросника.

Участники. Общий объем выборки составил 6229 человек (от 18 до 62 лет), проживающих на территории Российской Федерации.

Методы (инструменты). В исследовании использовались опросники «Шкала психологического благополучия» К. Рифф, «Самочувствие, активность, настроение», Шкала субъективного ощущения одиночества Д. Расселла, Л. Пепло, М. Фергюсона, Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера. Для обработки и анализа данных использовались корреляционный анализ, подтверждающий факторный анализ, анализ шкал по внутренней согласованности и методом половинного расщепления.

Результаты. Изучаемый русскоязычный инструмент продемонстрировал теоретически ожидаемую структуру, высокую надежность показателей методики PERMA-Profilер и ее валидность.

Выводы. PERMA-Profilер может быть использован для социологических, психологических и междисциплинарных исследований психологического благополучия личности.

Ключевые слова: благополучие, психологическое благополучие, счастье, процветание, PERMA-Profilер, PERMA.

CC BY-NC

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-20262.

Для цитаты: *Исаева О.М., Акимова А.Ю., Волкова Е.Н.* Опросник благополучия PERMA-Profilер: апробация русскоязычной версии // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 3. С. 116–133. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130308>

PERMA-Profilер: the Approbation of the Russian Version

Oksana M. Isaeva

National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0926-5182>, **e-mail:** oisaeva@hse.ru

Anna Yu. Akimova

National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5750-8409>, **e-mail:** anna_ak@rambler.ru

Elena N. Volkova

Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow;

Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, **e-mail:** envolkova@yandex.ru

Objective. Study aims to translate into Russian, to adapt and to validate a Russian version of PERMA-Profilер (Butler, Kern, 2016).

Background. The topic of wellbeing and happiness gains attention in both academic publications and the business community. One of the key components for promoting wellbeing is providing a reliable measurement tool for its assessment.

Study design. The translation, adaptation and validation process was subdivided into 3 stages. At the 1st stage English version of the PERMA-Profilер was translated into Russian. At the 2nd stage we assessed of the structural and convergent validity, reliability by the internal consistency of the items of the questionnaire. The main task of the 3rd stage of the study was to check the retest reliability of the PERMA-Profilер questionnaire by conducting a correlation analysis of the values of the questionnaire components obtained at the second and third stages.

Participants. The main psychometric sample included 6229 participants aged between 18 and 62 years. All participants live in the Russian Federation.

Method. The study used the questionnaires “Psychological Well-Being Scale” by K. Riff, “Well-being, Activity, Mood”, Subjective Feeling of Loneliness Scale by D. Russell, L. Pepló, M. Ferguson, “Life Satisfaction Scale” by E. Diener. Correlation analysis, confirmation factor analysis, analysis of scales by internal consistency and the half method were used for data processing and analysis cleavage.

Results. The expected structure of the PERMA-Profilер questionnaire was confirmed. The scales of PERMA-Profilер had sufficient reliability and validity.

Conclusions. PERMA-Profilер well-being questionnaire can be used for sociological, psychological and interdisciplinary studies of the psychological well-being of the individual.

Keywords: wellbeing, subjective wellbeing, happiness, flourishing, PERMA-Profilер, PERMA.

Funding. The reported study was funded by Russian Scientific Foundation (RSF), project number 22-28-20262.

For citation. Isaeva O.M., Akimova A.Yu., Volkova E.N. PERMA-Profilер: the Approbation of the Russian Version. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 116–133. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130308> (In Russ.).

Введение

Тема счастья и благополучия (субъективного, психологического), качества жизни и процветания как близких по значению феноменов, описывающих максимально позитивные переживания человека, в последние годы становится все более популярной как в академической среде, так и в бизнес-сообществе.

Исследователями доказано, что высокий уровень благополучия человека и развитость основных его компонентов обеспечивают позитивное функционирование личности и способствуют самореализации человека [1; 4; 5; 10; 14; 15; 17; 22; 23; 25].

На сегодняшний день тема благополучия привлекает к себе внимание исследователей различных научных направлений. Имеется значительное количество социально-психологических исследований благополучия, результаты которых представлены в работах отечественных и зарубежных авторов [1; 4; 5; 6; 7; 9; 10; 14; 15; 17; 21; 22; 23; 25].

В этих работах термин «благополучие» определяется и как объективный показатель (например, при оценке качества внешних условий жизни населения города, района, страны и т.д.), и как субъективный показатель — «оценка самим субъектом того, насколько его жизнь в целом близка к максимально желательному состоянию» [8].

Представители субъективного (гедонистического) подхода к благополучию [13; 15] полагают, что главной целью существования человека являются его позитивные чувства и наслаждение. Благополучие в гедонистических терминах определяется достижением удовольствия и избеганием неудовлетворенности, что является результатом социальных сравнений. В соответствии с основными идеями данного подхода по-

зитивные эмоции оказывают непосредственное влияние на степень психологической устойчивости личности, что, в свою очередь, ведет к повышению уровня удовлетворенности жизнью. Обобщенной характеристикой благополучия в логике этого подхода является удовлетворенность жизнью как достижение удовольствия и ощущение счастья.

В концепции Э. Динера, например, субъективное благополучие понимается как удовлетворенность человека различными сферами жизни: если человек часто испытывает удовлетворенность своей жизнью, то он имеет высокий уровень благополучия [15].

В рамках психологического (эвдемонистического) подхода благополучие описывается как развитие индивидуальности, обретение человеком личностной идентичности, высокий уровень самореализации, а также возможность быть субъектом собственной жизни. Представители данного подхода благополучие связывают с оценкой выраженности личностных предикторов счастья, говорят о благополучии как целостном, осмысленном и полноценном бытии [4; 7; 15; 22; 25].

Одной из наиболее распространенных в рамках данного подхода моделей является модель благополучия PERMA, разработанная и представленная М. Селигманом в «Теории благополучия» [23].

Модель включает в себя пять основных компонентов благополучия: позитивные эмоции (Positive Emotion), вовлеченность (Engagement), взаимоотношения (Relationships), смысл (Meaning), достижения (Achievement).

Позитивные эмоции — один из самых важных компонентов, по мнению М. Селигмана. Это способность сохранять оптимизм и смотреть на свое прошлое, настоящее и будущее с позитивной точки зрения. Позитивный взгляд может по-

мочь в отношениях и работе, а также вдохновить других быть более креативными.

Вовлеченность наблюдается тогда, когда человек находится «в потоке». Это значит, что он/она полностью поглощен(а) тем делом, которым занимается, и полностью сосредоточен(а) на нем. Состояние вовлеченности сопровождается значительным приливом энергии, а достигнуть его можно, занимаясь интересным и важным делом, которым может стать в том числе и работа.

Взаимоотношения являются важной частью благополучия. Более того, отношения и социальные связи имеют решающее значение для осмысленной жизни. Те, кто поддерживают прочные доверительные отношения, как правило, счастливее тех, кто одинок и не смог выстроить их.

Под *смыслом* М. Селигман понимает идеи, ради которых живут люди; это служение чему-то большему, чем «Я». Благодаря смыслу, которым люди наполняют свою жизнь, они развиваются и двигаются вперед.

Достижение — это чувство выполненного долга. Наличие целей и их достижение улучшают самочувствие и позволяют, по выражению М. Селигмана, процветать. При этом следует ставить перед собой реалистичные цели, которые могут быть достигнуты.

Австралийскими исследователями Дж. Батлер и М. Керн (J. Butler, M.L. Kern) в 2016 г. был разработан диагностический инструмент PERMA-Profiler, основанный на модели благополучия PERMA М. Селигмана и продемонстрировавший высокую надежность и валидность. Говоря о благополучии, авторы вслед за М. Селигманом совершили попытку говорить о «процветании» как состоянии устойчивого равновесия, выражаемого в высоком уровне эмоцио-

нального, психологического и социального благополучия [12].

Опросник PERMA-Profiler позволяет оценить благополучие по 9 шкалам: 5 основным, описанным моделью PERMA М. Селигмана (15 основных вопросов), и 4 дополнительным для оценки негативных эмоций, здоровья, одиночества и счастья (8 дополнительных вопросов). Включение дополнительных вопросов в опросник авторами было сделано с целью повышения надежности ответов респондентов, а также более полного описания феномена благополучия. Чувство одиночества и негативные эмоции, по мнению авторов опросника, являются симптомами его нарушения, а физическое здоровье и счастье коррелируют с психологическим благополучием [12].

Адаптацией данного опросника занимались представители различных стран мира: Англии, Греции, Кореи, Италии, Соединенных Штатов Америки [11; 14; 16; 18; 20; 24]. В основном исследователями было отмечено, что опросник PERMA-Profiler — многомерная шкала с хорошей надежностью и приемлемыми уровнями структурной, конвергентной и дискриминантной валидности. При этом в одном исследовании результаты указали на недостаточные психометрические свойства методики: полученные данные не смогли удовлетворить ни критериям предлагаемой теоретической пятифакторной модели, ни альтернативной однофакторной [20].

Перевода на русский язык и адаптации опросника к условиям российской действительности до сих пор сделано не было.

Целью данной работы являются перевод, адаптация и психометрическая проверка опросника благополучия PERMA-Profiler для русскоязычных респондентов.

Метод

Работа по адаптации опросника PERMA-RU проводилась в несколько этапов.

На *первом этапе* осуществлялась процедура перевода оригинального текста методики PERMA-Profilер на русский язык.

Перед началом работы по переводу было получено письменное разрешение от доктора П. Керн, преподавателя Центра позитивной психологии Мельбурнской высшей школы образования (Melbourne Graduate School of Education), одного из авторов оригинального опросника PERMA-Profilер, на перевод и адаптацию инструмента для русскоязычного использования.

Первоначальный вариант опросника был переведен на русский язык билингвистом-профессиональным переводчиком.

В ходе проведения 2-х фокус-групп с привлечением 21 эксперта — 5 профессиональных психологов (в том числе один доктор наук и четыре кандидата наук), 3 лингвистов и 13 сотрудников отделов по работе с персоналом нижегородских бизнес-компаний — переведенные пункты опросника были адаптированы к российской действительности. Отдельные пункты опросника, вызывающие самое большое количество вопросов и требующие уточнения, были переформулированы на более простой и понятный для восприятия язык.

Обращаясь к результатам фокус-группы, стоит отметить, что все ее участники отметили ясность процедуры заполнения опросника, а 67% участвующих в дискуссии сообщили, что ни один из вопросов не вызвал непонимания. Основные замечания и уточнения 33% участников фокус-групп были адресованы к вопросам 1, 7 и 20.

Вопрос 1 «Как часто Вы достигаете важных целей, которые ставите перед собой?»

переформулирован в «Как часто Вы чувствуете, что приближаетесь к своей цели?».

Вопрос 7 «В общем, в какой степени Вы ведете целеустремленную и осмысленную жизнь?» переформулирован в «В какой степени Вы целеустремлены и живете полной, осмысленной жизнью?».

Вопрос 20 «В какой степени Вы, как правило, чувствуете, что у Вас есть направление в жизни?» переформулирован в «Насколько, как Вам кажется, Ваша жизнь имеет цель, и Вы движетесь к этой цели?».

Таким образом, эксперты помогли избавиться от буквального перевода отдельных пунктов опросника, но так, чтобы при этом осталась семантическая близость русской версии с оригинальной методикой.

Затем внешним профессиональным переводчиком был осуществлен обратный перевод опросника с русского языка на английский. Результаты перевода были признаны экспертами соответствующими оригинальному варианту опросника по содержанию.

Итоговый русскоязычный вариант опросника PERMA-Profilер приведен в Приложении.

На *втором этапе* проводилась оценка структурной и конвергентной валидности, надежности шкал опросника.

Общий объем выборки, результаты которой использовались для оценки психометрических характеристик русскоязычного варианта опросника PERMA-Profilер, составил 6229 человек: взрослые добровольцы, проживающие в Российской Федерации. При отборе респондентов мы опирались на социально-демографические характеристики взрослого (от 18 лет) трудоспособного населения России. В результате в выборке исследования представлены мужчины и женщины в возрасте от 18 до 62 лет с разным уровнем образования, разным семейным положе-

нием и наличием детей, а также с разным уровнем дохода. Соотношение возрастных и гендерных характеристик респондентов соответствует данным, представленным в оригинальной методике.

Социально-демографические характеристики выборки представлены в табл. 1.

Для удобства прохождения исследования и привлечения максимально большого объема выборки была разработана google-форма для сбора данных исследования. Привлечение к исследованию осуществлялось через социальные сети, электронную почту и др. Исследова-

Таблица 1
Социально-демографические характеристики выборки исследования (N=6229)

Наименование показателя	Значение показателя	
	Абс.	%
Общий объем выборки	6229	100
Пол		
Мужчины	1930	31
Женщины	4196	67
Нет данных	103	2
Возрастные группы		
18–22	3569	57
23–30	1155	19
31–35	1384	22
35–45	71	1
45–62	50	1
Образование		
Среднее	3638	58
Среднее профессиональное	528	9
Высшее	1761	28
Нет данных	302	5
Семейное положение		
Состоит в браке	4429	71
Не состоит в браке	1800	29
Наличие детей		
Есть	1853	30
Нет	4376	70
Уровень дохода		
До 20 тыс. руб.	4148	66,5
20–40 тыс. руб.	1389	22
40–60 тыс. руб.	238	4
60–80 тыс. руб.	63	1
Более 80 тыс. руб.	89	1,5
Нет данных	302	5

ние было анонимным, проводилось на добровольной безвозмездной основе. Потенциальные респонденты были проинформированы о цели исследования и согласились предоставить свои данные о поле и возрасте в обмен на получение обратной связи о результатах исследования. Заполнение предложенного респондентам варианта опросника занимало 10–15 минут.

Для оценки конвергентной валидности русскоязычного варианта опросника PERMA-Profiler на выборке из 302 человек было проведено дополнительное исследование с использованием 4-х опросников: «Шкала психологического благополучия» («The scales of psychological well-being») – русскоязычный вариант опросника, предложенного К. Рифф, адаптированный Л.В. Жуковской и Е.Г. Трошихиной [4]; опросник САН, разработанный В.А. Доскиным, Н.А. Лаврентьевой, В.Б. Шарамом и М.П. Мирошниковым [2]; Шкала субъективного ощущения одиночества (UCLA Loneliness Scale), разработанная Д. Расселлом, Л. Пепло, М. Фергюсоном и адаптированная Н.Е. Водопьяновой [3; 18]; Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера (The Satisfaction with Life Scale (SWLS)), адаптированная Д. Леонтьевым, Е. Осиним [7].

Статистически достоверные связи (прямые либо обратные) показателей шкал русскоязычного варианта опросника PERMA-Profiler с определенными показателями вышеперечисленных опросников будут свидетельствовать о конвергентной валидности.

Основная задача *третьего этапа* исследования заключалась в проверке ретестовой надежности русскоязычного варианта опросника PERMA-Profiler путем проведения корреляционного анализа значений компонентов опросника, полу-

ченных на втором и третьем этапах. Объем ретестовой выборки составил 118 человек.

Результаты и их обсуждение

Структура

Для проверки структуры опросника использовался конфирматорный факторный анализ, в ходе которого проверялись следующие факторные структуры:

1) 15 основных вопросов образуют 5 факторов, соответствующих компонентам модели PERMA;

2) 15 основных вопросов образуют один общий фактор;

3) 15 основных вопросов образуют 5 факторов, соответствующих компонентам модели PERMA, а эти пять факторов, в свою очередь, составляют общий фактор благополучия.

Модели оценивались при помощи пакета lavaan 0.6-8 на языке R, робастным методом MLM с коррекцией значения хи-квадрат по Саторра-Бентлеру. Индексы соответствия моделей факторного анализа приведены в табл. 2.

В результате было определено, что по совокупности критериев лучшей является модель с пятью коррелирующими между собой факторами, т.е. предложенная авторами опросника. Стандартизированные параметры этой структурной модели приведены на рис.

Полученные в результате факторного анализа результаты свидетельствуют о соответствии структуры русскоязычного варианта опросника PERMA-Profiler исходному теоретическому конструкту.

Конвергентная валидность

Конвергентная валидность определялась путем проведения корреляционного анализа значений шкал русскоязычного варианта опросника PERMA-Profiler с показателями опросников, оценивающих ту же область пси-

Таблица 2

Индексы соответствия моделей конфирматорного факторного анализа (N=6229)

Модель	Chi-sq. (df)	SRMR	RMSEA	CFI	TLI
5 факторов (PERMA)	3799,13 (80)***	0,05	0,08 (0,08–0,08)	0,94	0,92
1 общий фактор (благополучие)	8500,95 (90)***	0,06	0,12 (0,12–0,13)	0,86	0,83
5 факторов (PERMA), объединяющихся в 1 общий	4784,11 (85)***	0,06	0,09 (0,09–0,09)	0,92	0,90

Условные обозначения: Chi-sq. — значение статистики хи-квадрат; df — число степеней свободы; *** — уровень статистической значимости $p \leq 0,001$; SRMR — стандартизированный корень среднеквадратического остатка; RMSEA — корень среднеквадратической ошибки аппроксимации; CFI — сравнительный индекс согласия Бенглера; TLI — индекс Такера-Льюиса.

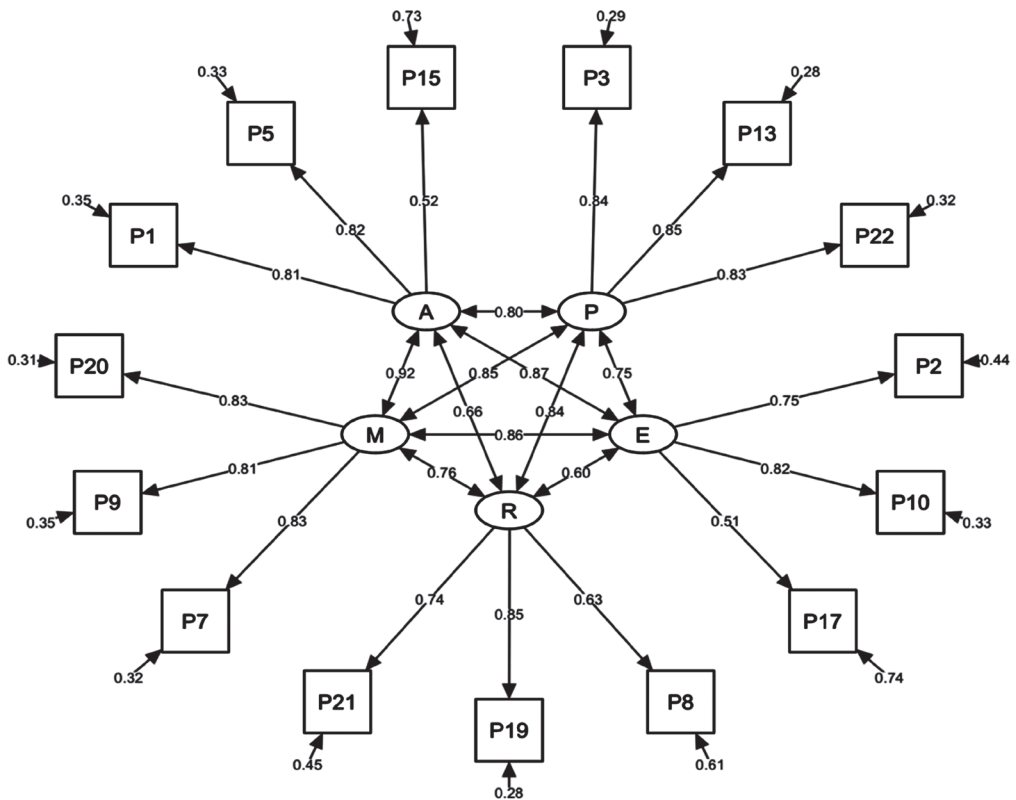

Рис. Показатели структурной модели опросника (значения стандартизованы)

хологических характеристик либо максимально приближенных к ней (табл. 2). На этом этапе исследования были использованы результаты 302 человек, со-

гласившихся пройти процедуру исследования по дополнительным четырем опросникам. Результаты корреляционного анализа приведены в табл. 3.

По шкалам «Позитивные эмоции», «Взаимоотношения», «Смысл», «Достижения», «Здоровье», «Одиночество», «Счастье» русскоязычного варианта опросника PERMA-Profilер выявлены положительные взаимосвязи с соответствующими показателями указанных выше опросников. Шкала «Негативные эмоции» отрицательно взаимосвязана с показателем «Настроение» (опросник САН), что свидетельствует о согласованном снижении значений показателя «Настроение» при увеличении значений показателя «Негативные эмоции». Все выявленные взаимосвязи являются статистически значимыми на уровне $p \leq 0,001$.

Обобщая полученные данные, можно сделать вывод о конвергентной валидности русскоязычного варианта опросника PERMA-Profilер.

Надежность шкал опросника

Надежность шкал опросника оценивалась по внутренней согласованности (коэффициент α Кронбаха) и методом половинного расщепления (см. табл. 4).

Результаты, представленные в табл. 4, свидетельствуют о достаточно высокой надежности шкал опросника и по внутренней согласованности, и при расщеплении.

Обращает на себя внимание относительно невысокий показатель надежности по шкалам «Вовлеченность» (λ_6 Гуттмана=0,67; β =0,69), «Достижения» (λ_6 Гуттмана=-,69; β =0,69), «Негативные эмоции» (λ_6 Гуттмана=0,68; β =0,66) и «Взаимоотношения» (λ_6 Гуттмана=.71; β =.58). В некоторой степени это может быть связано с содержанием оригинальной версии опросника — похожий разбор

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа (N=302)

Шкала опросника PERMA-RU	Соответствующий показатель опросника	R
Позитивные эмоции	Настроение (опросник САН [2])	0,47***
Вовлеченность	Жизненные цели (опросник Шкала психологического благополучия [4])	0,39***
Взаимоотношения	Позитивные отношения (опросник Шкала психологического благополучия [4])	0,51***
Смысл	Жизненные цели (опросник Шкала психологического благополучия [4])	0,73***
Достижения	Жизненные цели (опросник Шкала психологического благополучия [4])	0,50***
Негативные эмоции	Настроение (опросник САН [2])	-0,32***
Здоровье	Самочувствие (опросник САН [2])	0,27***
Одиночество	Общий показатель опросника Шкала субъективного ощущения одиночества [3; 18]	0,55***
Счастье	Общий показатель опросника Шкала удовлетворенности жизнью [7]	0,53***
Благополучие	Общий показатель опросника Шкала удовлетворенности жизнью [7]	0,55***

Условные обозначения: R — коэффициент корреляции Пирсона; *** — уровень статистической значимости $p \leq 0,001$.

Таблица 4

Показатели надежности шкал PERMA-RU (N=6229)

Опросник PERMA-RU		α Кронбаха	λ_6 Гуттмана	β	λ_4
Шкала	Пункт опросника				
Позитивные эмоции	3, 13, 22	0,87	0,83	0,80	0,80
Вовлеченность	2, 10, 17	0,74	0,67	0,69	0,69
Взаимоотношения	8, 19, 21	0,76	0,71	0,58	0,77
Достижения	1, 5, 15	0,74	0,69	0,69	0,76
Смысл	7, 9, 20	0,86	0,81	0,76	0,76
Здоровье	6, 12, 18	0,89	0,85	0,79	0,80
Негативные эмоции	4, 14, 16	0,76	0,68	0,66	0,66
Благополучие	3, 13, 22, 2, 10, 17, 8, 19, 21, 1, 5, 15, 7, 9, 20, 23	0,94	0,95	0,86	0,96

Условные обозначения: λ_6 Гуттмана – коэффициент надежности Гуттмана; β – минимальная оценка надежности методом расщепления путем 10000 случайных подвыборок; λ_4 – максимальная оценка надежности методом расщепления путем 10000 случайных подвыборок.

наблюдался при его психометрической проверке в зависимости от выборки [12].

Ретестовая надежность. В проверке ретестовой надежности русскоязычного варианта опросника PERMA-Profiler приняли участие 118 человек – участники предыдущих этапов исследования. Интервал между предыдущим и ретестовым исследованием составил два месяца. В качестве метрики надежности использовался коэффициент линейной корреляции Пирсона (табл. 5).

Результаты корреляционного анализа (табл. 5) свидетельствуют о хорошей ретестовой надежности шкал опросника. Все значения коэффициентов корреляции положительные и статистически значимые на уровне значимости $p \leq 0,01$. Наименьшее значение взаимосвязи определено по шкале «Вовлеченность» (0,59), что может быть обусловлено относительной неустойчивостью этой характеристики во временном аспекте.

В целом результаты проведенного исследования позволяют заключить,

что русскоязычный вариант опросника PERMA-Profiler по структуре соответствует исходному теоретическому конструкту, обладает конвергентной валидностью, удовлетворяет требованиям

Таблица 5
Результаты корреляционного анализа первичного и повторного исследования (ретест) (N=118)

Шкалы опросника	R
Позитивные эмоции	0,68**
Вовлеченность	0,59**
Взаимоотношения	0,81**
Смысл	0,82**
Достижения	0,82**
Негативные эмоции	0,83**
Здоровье	0,74**
Одиночество	0,77**
Счастье	0,79**
Благополучие	0,77**

Условные обозначения: R – коэффициент корреляции Пирсона; ** – уровень статистической значимости $p \leq 0,01$.

надежности, предъявляемым к психодиагностическому инструментарию.

Описательная статистика

В табл. 6 представлена описательная статистическая информация результатов применения русскоязычного варианта опросника PERMA-Profilер на выборке из 6229 человек. Приведенные данные могут использоваться как ориентировочные нормы для русскоязычных участников исследований. В частности, значения шкал ниже границы квартилей можно интерпретировать как низкие, внутри границ квартилей — средние, выше границы квартилей — высокие.

Заключение

По результатам проведенного исследования представлен русскоязычный вариант опросника PERMA-Profilер для оценки благополучия респондентов. Данный опросник по структуре аналогичен оригинальной версии: включает 23 вопроса, 15 из которых являются основными и позволяют оценить 5 компонентов модели PERMA М. Селигмана (позитивные эмоции (Positive Emotion), вовлеченность (Engagement),

взаимоотношения (Relationships), смысл (Meaning), достижения (Achievement)), а остальные 8 — дополнительными и оценивают 4 показателя (негативные эмоции, здоровье, одиночество и счастье).

Общее благополучие определяется как совокупный показатель по 5 компонентам благополучия модели PERMA и показателя по шкале «Счастье».

Шкалы «Негативные эмоции», «Здоровье», «Одиночество» оцениваются как факторы, более полно раскрывающие феномен благополучия.

Полученные в приведенной статье данные свидетельствуют о том, что опросник соответствует психометрическим требованиям.

Ограничение данного исследования заключается в существенном преобладании среди участников исследования лиц молодого возраста (18–35 лет) по сравнению с лицами более старшего возраста. Вместе с тем результаты теоретического анализа изучаемого конструкта благополучия, а также большой объем исследовательской выборки позволяют предположить, что исследо-

Таблица 6
Описательная статистика шкал опросника PERMA-RU (N=6229)

Шкала опросника	Статистические характеристики						
	MS	SD	Min	25%	50%	75%	Max
Позитивные эмоции	7,29	1,80	0	6,33	7,67	8,67	10
Вовлеченность	7,13	1,60	0	6,00	7,33	8,33	10
Взаимоотношения	7,11	2,00	0	5,67	7,33	8,67	10
Достижения	7,18	1,55	0	6,33	7,33	8,33	10
Смысл	7,10	1,90	0	6,00	7,33	8,33	10
Здоровье	6,70	1,98	0	5,33	7,00	8,00	10
Негативные эмоции	5,80	1,87	0	4,33	5,67	7,00	10
Одиночество	4,53	2,78	0	2,00	4,00	7,00	10
Счастье	7,17	1,52	0	6,25	7,37	8,25	10
Благополучие	7,13	1,55	0	6,19	7,31	8,25	10

Условные обозначения: MS — среднее арифметическое, SD — стандартное отклонение.

вания, проведенные с использованием русскоязычного варианта опросника PERMA-Profilер на более взрослой выборке, будут давать адекватные результаты. Данное предположение требует дальнейшей проверки на соответствующей эмпирической выборке.

Другое ограничение связано с преобладанием в исследовательской выборке женщин (67% по сравнению с мужчинами (31%)). Указанный дисбаланс может в некоторой степени отразиться в смещении границ нормативных показателей по шкалам опросника относительно полученных в исследовании при изучении гендерных различий. Данное ограничение не влияет на результаты исследований благополучия с использованием опросника в целом и предполагает уточнение границ нормативных значений для мужчин и женщин.

Несмотря на указанные ограничения, русскоязычный вариант опросника PERMA-Profilер может использоваться для социологических, психологических и междисциплинарных исследований на русскоязычной выборке.

К перспективным направлениям исследований по дальнейшей адаптации опросника для русскоязычных респондентов можно отнести проверку его дискриминантной валидности, определение связей показателей с различными характеристиками респондентов (полом, семейным положением, видом профессиональной деятельности, индивидуально-психологическими характеристиками и др.). Перспективным представляется разработка тестовых норм не только в зависимости от возраста, уровня образования, но и от других показателей, дифференцирующих значения по шкалам опросника.

Приложение

Русскоязычная версия опросника The PERMA Profiler (Julie Butler, Margaret L. Kern) в адаптации О.М. Исаевой, А.Ю. Акимовой, Е.Н. Волковой

Инструкция:

Уважаемый коллега! Просим Вас ответить на вопросы, представленные ниже. Выбирайте, пожалуйста, соответствующий вариант ответа, наиболее полно описывающий Вашу жизнь.

№	Утверждения	Оценка
1	Как часто Вы чувствуете, что приближаетесь к своей цели?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 – никогда 10 – всегда
2	Как часто Вы бываете полностью поглощены тем, что делаете?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 – никогда 10 – всегда
3	Как часто Вы испытываете радость?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 – никогда 10 – всегда
4	Как часто Вы испытываете беспокойство?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 – никогда 10 – всегда

№	Утверждения	Оценка
5	Как часто Вы достигаете важных целей, которые ставите перед собой?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 – никогда 10 – всегда
6	В целом, как Вы оцениваете Ваше здоровье?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 – ужасно 10 – великолепно
7	В какой степени Вы целеустремлены и живете полной/осмысленной жизнью?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 – совсем нет 10 – максимальное значение
8	В какой степени Вы удовлетворены тем, какую помощь и поддержку от других Вы получаете, когда в ней нуждаетесь?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 – совсем нет 10 – максимальное значение
9	В какой степени Вы считаете, что то, что Вы делаете в своей жизни, полезно и ценно?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 – совсем нет 10 – максимальное значение
10	Как Вам кажется, насколько Вы увлечены или заинтересованы в чем-то?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 – совсем нет 10 – максимальное значение
11	Насколько одиноким Вы себя чувствуете в этой жизни?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 – совсем нет 10 – максимальное значение
12	Насколько Вы удовлетворены своим нынешним физическим здоровьем?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 – совсем нет 10 – максимальное значение
13	Как часто Вы испытываете положительные (позитивные) эмоции?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 – никогда 10 – всегда
14	Как часто Вы злитесь?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 – никогда 10 – всегда
15	Как часто Вы выполняете возложенные на Вас обязанности?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 – никогда 10 – всегда
16	Как часто Вам бывает грустно?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 – никогда 10 – всегда
17	Как часто Вы бываете чем-то так сильно увлечены, что теряете счет времени?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 – никогда 10 – всегда
18	По сравнению с другими людьми того же возраста и пола как Вы оцениваете Ваше здоровье?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 – ужасно 10 – великолепно
19	В какой степени Вы чувствуете себя любимым?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 – минимальное значение 10 – максимальное значение

№	Утверждения	Оценка
20	Насколько, как Вам кажется, Ваша жизнь имеет цель, и Вы движетесь к этой цели?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 — совсем нет 10 — максимальное значение
21	Насколько Вы довольны взаимоотношениями в личной жизни?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 — совсем нет 10 — максимальное значение
22	В целом, насколько Вы довольны своей жизнью?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 — совсем нет 10 — максимальное значение
23	В целом, как Вам кажется, насколько Вы счастливы?	0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-10 0 — совсем нет 10 — максимальное значение

Ключ к опроснику:

Значения шкал опросника определяются как среднее арифметическое значение соответствующих пунктов опросника. Минимальное значение — 0, максимальное — 10.

Шкала опросника	Описание шкалы	Пункты опросника
Позитивные эмоции	Общая тенденция к переживанию человеком радости и удовольствия в повседневной жизни	3, 13, 22
Вовлеченность	Степень поглощенности и заинтересованности в каких бы то ни было активностях. Очень высокие показатели по вовлеченности известны как состояние «потока», в котором человек настолько сильно увлекается деятельностью, что теряет чувство времени	2, 10, 17
Взаимоотношения	Ощущение собственной ценности и поддержки со стороны референтных людей	8, 19, 21
Смысл	Присутствие смысла в жизни. Смысл дает ощущение, что жизнь имеет значение	7, 9, 20
Достижения	Субъективное ощущение достижения поставленных целей, а также способность выполнять поставленные перед собой задачи	1, 5, 15
Счастье	Показатель субъективного переживания счастья	23
Общий показатель благополучия PERMA	Совокупный показатель благополучия по 5 компонентам модели PERMA: позитивные эмоции, вовлеченность, взаимоотношения, смысл, достижения	1, 5, 15, 2, 10, 17, 3, 13, 22, 7, 9, 20, 8, 19, 21, 23
Негативные эмоции	Общая склонность к переживанию человеком грусти, тревоги, злости в повседневной жизни	4, 14, 16
Здоровье	Ощущение человеком физического здоровья и жизненной силы	6, 12, 18
Одиночество	Ощущение человеком одиночества и социальной изоляции	11

Литература

1. Батурич Н.А., Башкатов С.А., Гафарова Н.В. Теоретическая модель личностного благополучия // Вестник ЮУрГУ. 2013. Т. 6. № 4. С. 4–13.
2. Большая энциклопедия психологических тестов / сост. А. Карелин. М.: Изд-во Эксмо, 2006. 416 с.
3. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
4. Жуковская Л.В., Трошихина Е.Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 82–93.
5. Исаева О.М., Савинова С.Ю. Психологическое благополучие как субъективная предпосылка готовности преподавателей вузов к организационным изменениям, связанным с внедрением дистанционных форм обучения // Пандемия как глобальный вызов: социально-экономические и правовые аспекты / Науч. ред.: М.В. Плотников. Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2021. С. 114–134.
6. Каранетян Л.В. Исследование благополучия в отечественной психологии // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2017. № 2. С. 132–137.
7. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: проблемы и пути взаимодействия» (г. Москва, 21–24 октября 2008 г.). М.: Институт социологии РАН; Российское общество социологов, 2008. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf (дата обращения: 30.05.2021).
8. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142. DOI:10.14515/monitoring.2020.1.06
9. Созонтов А.Е. Гедонистический и эвдемонический подходы к проблеме психологического благополучия // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 105–114.
10. Яремчук С.В. Субъективное благополучие как компонент ценностно-смысловой сферы // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 5. С. 85–95.
11. Ascenso S., Perkins R., Williamon A. Resounding Meaning: A PERMA Wellbeing Profile of Classical Musicians // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9:1895. DOI:10.3389/fpsyg.2018.01895
12. Butler J., Kern M.L. The PERMA-Profilier: A brief multidimensional measure of flourishing // *International Journal of Wellbeing*. 2016. Vol. 6(3). P. 1–48. DOI:10.5502/ijw.v6i3.526
13. Bradburn N.M. The measurement of psychological well-being / *Health Goals and Health Indicators: Policy, Planning, and Evaluation*. 2019. Vol. 4. P. 84–94. DOI:10.4324/9780429050886-6
14. Choi S., Suh C., Yang J.W., Ye B.J., Lee C.K., Son B.C., Choi M. Korean translation and validation of the Workplace Positive emotion, Engagement, Relationships, Meaning, and Accomplishment (PERMA)-Profilier // *Annals of Occupational and Environmental Medicine*. 2019. Vol. 31(1). DOI:10.35371/aoem.2019.31.e17
15. Diener E., Wirtz D., Tov W., Kim-Prieto C., Choi D., Oishi S., Biswas-Diener R. New well-being measures: Short scales to assess flourishing and positive and negative feelings // *Social Indicators Research*. 2010. № 97(2). P. 143–156. DOI:10.1007/s11205-009-9493-y
16. Giangrosso B. Psychometric properties of the PERMA-Profilier as hedonic and eudaimonic well-being measure in an Italian context // *Current Psychology*. 2021. Vol. 40. P. 1175–1184. DOI:10.1007/s12144-018-0040-3
17. Jebb A.T., Morrison M., Tay L., Diener E. Subjective Well-Being Around the World: Trends and Predictors Across the Life Span // *Psychological Science*. 2020. Vol. 31(3). P. 293–305. DOI:10.1177/0956797619898826
18. Pezirkianidis C., Stalikas A., Lakioti A. et al. Validating a multidimensional measure of wellbeing in Greece: Translation, factor structure, and measurement invariance of the PERMA Profiler.

Current Psychology. 2019 [Электронный ресурс] DOI:10.1007/s12144-019-00236-7 (дата обращения: 30.05.2021).

19. Russell D., Peplau L.A., Ferguson M.L. Developing a measure of loneliness // Journal of Personality Assessment. 1978. Vol. 42. P. 290–294.

20. Ryan J., Curtis R., Olds T., Edney S., Vandelanotte C., Plotnikoff R. et al. Psychometric properties of the PERMA Profiler for measuring wellbeing in Australian adults. 2019. PLoS ONE 14 (12):e0225932. DOI:10.1371/journal.pone.0225932

21. Ryan R., Deci E. Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions // Contemporary educational psychology. 2020. Vol. 61:101860. DOI:10.1016/j.cedpsych.2020.101860

22. Ryff C. Entrepreneurship and eudaimonic well-being: Five venues for new science // Journal of Business Venturing. 2019. Vol. 34(4). P. 646–663. DOI:10.1016/j.jbusvent.2018.09.003

23. Seligman M.E.P. Flourishing. A new understanding of happiness and well-being and how to achieve them. Boston: Nicholas Brealey, 2011.

24. Umucu E., Wu J.-R., Sanchez J., Brooks J.M., Chiu C.-Y., Tu W.-M., Chan F. Psychometric validation of the PERMA-profiler as a wellbeing measure for student veterans // Journal of American College Health. 2020. Vol. 68(3). P. 271–277. DOI:10.1080/07448481.2018.1546182

25. Waterman A.S. Reconsidering happiness: A eudaimonist's perspective // The Journal of Positive Psychology. 2008. Vol. 3(4). P. 234–252. DOI:10.1080/17439760802303002

References

1. Baturin N.A., Bashkatov S.A., Gafarova N.V. Teoreticheskaya model' lichnostnogo blagopoluchiya [Theoretical model of personal well-being]. *Vestnik YuUrGU [Bulletin of South Ural State University]*, 2013. Vol. 6, no. 4, pp. 4–13. (In Russ.).

2. Bol'shaya entsiklopediya psikhologicheskikh testov [Large Encyclopedia of Psychological Tests]. In Karelin A. (ed.). Moscow: Publ. EKSMO, 2006. 416 p. (In Russ.).

3. Vodop'yanova N.E. Psikhodiagnostika stressa [Psychodiagnosics of stress]. Saint-Petersburg.: Publ. Piter, 2009. 336 p. (In Russ.).

4. Zhukovskaya L.V., Troshikhina E.G. Shkala psikhologicheskogo blagopoluchiya K. Riff [Scale of psychological well-being K. Riff]. *Psychological journal = Psikhologicheskii zhurnal*, 2011. Vol. 32, no. 2, pp. 82–93. (In Russ.).

5. Isaeva O.M., Savinova S.Yu. Psikhologicheskoe blagopoluchie kak sub"ektivnaya predposylka gotovnosti prepodavatelei vuzov k organizatsionnym izmeneniyam, svyazannym s vnedreniem distantsionnykh form obucheniya [Psychological well-being as a subjective prerequisite for the readiness of university teachers to organizational changes related to the introduction of distance learning]. In Plotnikov M.V. (ed.). *Pandemiya kak global'nyi vyzov: sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye aspekty [Pandemic as a global challenge: socio-economic and legal aspects]*. N. Novgorod: Publ. NISOTs, 2021, pp. 114–134. (In Russ.).

6. Karapetyan L.V. Issledovanie blagopoluchiya v otechestvennoi psikhologii [Study of well-being in the otechestvennoy of psychology]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva = Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev*, 2017, no. 2, pp. 132–137. (In Russ.).

7. Osin E.N., Leont'ev D.A. Aprobatsiya russkoyazychnykh versii dvukh shkal ekspress-otsenki sub"ektivnogo blagopoluchiya [Testing of Russian-language versions of two express scales of assessment of subjective well-being]. *Materialy III Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa "Sotsiologiya i obshchestvo: problemy i puti vzaimodeistviya" (g. Moskva, 21–24 oktyabrya 2008 g.) [Materials of the III All-Russian Sociolo Congress "Sociology and Society: Problems and Ways of Interaction"]*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2008. Available at: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf (Accessed 18.05.2022). (In Russ.).

8. Osin E.N., Leont'ev D.A. Kratkie russkoyazychnye shkaly diagnostiki sub"ektivnogo blagopoluchiya: psikhometricheskie kharakteristiki i sravnitel'nyi analiz [Testing of Russian-language versions of two express scales of assessment of subjective well-being]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes], 2020, no. 1, pp. 117–142. DOI:10.14515/monitoring.2020.1.06
9. Sozontov A.E. Gedonisticheskii i evdemonicheskii podkhody k probleme psikhologicheskogo blagopoluchiya [Hedonistic and eudemonic approaches to the problem of psychological well-being]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, 2001, no. 4, pp. 105–114.
10. Yaremchuk S.V. Sub"ektivnoe blagopoluchie kak komponent tsennostno-smyslovoi sfery [Subjective well-being as a component of the value-meaning sphere]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2013. Vol. 34, no. 5, pp. 85–95.
11. Ascenso S., Perkins R., Williamon A. Resounding Meaning: A PERMA Wellbeing Profile of Classical Musicians. *Frontiers in Psychology*, 2018. Vol. 9:1895. DOI:10.3389/fpsyg.2018.01895
12. Butler J., Kern M.L. The PERMA-Profilier: A brief multidimensional measure of flourishing. *International Journal of Wellbeing*, 2016. Vol. 6(3), pp. 1–48. DOI:10.5502/ijw.v6i3.526
13. Bradburn N.M. The measurement of psychological well-being. *Health Goals and Health Indicators: Policy, Planning, and Evaluation*, 2019. Vol. 4, pp. 84–94. DOI:10.4324/9780429050886-6
14. Choi S., Suh C., Yang J.W., Ye B.J., Lee C.K., Son B.C., Choi M. Korean translation and validation of the Workplace Positive emotion, Engagement, Relationships, Meaning, and Accomplishment (PERMA)-Profilier. *Annals of Occupational and Environmental Medicine*, 2019. Vol. 31(1). DOI:10.35371/aoem.2019.31.e17
15. Diener E., Wirtz D., Tov W., Kim-Prieto C., Choi D., Oishi S., Biswas-Diener R. New well-being measures: Short scales to assess flourishing and positive and negative feelings. *Social Indicators Research*, 2010. Vol. 97(2), pp. 143–156. DOI:10.1007/s11205-009-9493-y
16. Giangrasso B. Psychometric properties of the PERMA-Profilier as hedonic and eudaimonic well-being measure in an Italian context. *Current Psychology*, 2021. Vol. 40, pp. 1175–1184. DOI:10.1007/s12144-018-0040-3
17. Jebb A.T., Morrison M., Tay L., Diener E. Subjective Well-Being Around the World: Trends and Predictors Across the Life Span. *Psychological Science*, 2020. Vol. 31(3), pp. 293–305. DOI:10.1177/0956797619898826
18. Pezirkianidis C., Stalikas A., Lakioti A. et al. Validating a multidimensional measure of wellbeing in Greece: Translation, factor structure, and measurement invariance of the PERMA Profilier. *Current Psychology*, 2019. DOI:10.1007/S12144-019-00236-7
19. Russell D., Peplau L.A., Ferguson M.L. Developing a measure of loneliness. *Journal of Personality Assessment*, 1978. Vol. 42, pp. 290–294.
20. Ryan J., Curtis R., Olds T., Edney S., Vandelanotte C., Plotnikoff R. et al. Psychometric properties of the PERMA Profilier for measuring wellbeing in Australian adults, 2019. PLoS ONE 14 (12):e0225932. DOI:10.1371/journal.pone.0225932
21. Ryan R., Deci E. Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions. *Contemporary educational psychology*, 2020. Vol. 61:101860. DOI:10.1016/j.cedpsych.2020.101860
22. Ryff C. Entrepreneurship and eudaimonic well-being: Five venues for new science. *Journal of Business Venturing*, 2019. Vol. 34(4), pp. 646–663. DOI:10.1016/j.jbusvent.2018.09.003
23. Seligman M.E.P. Flourishing. A new understanding of happiness and well-being and how to achieve them. Boston: Nicholas Brealey, 2011.
24. Umucu E., Wu J.-R., Sanchez J., Brooks J.M., Chiu C.-Y., Tu W.-M., Chan F. Psychometric validation of the PERMA-profilier as a well-being measure for student veterans. *Journal of American College Health*, 2020. Vol. 68(3), pp. 271–277. DOI:10.1080/07448481.2018.1546182
25. Waterman A.S. Reconsidering happiness: A eudaimonist's perspective. *The Journal of Positive Psychology*, 2008. Vol. 3(4), pp. 234–252. DOI:10.1080/17439760802303002

Информация об авторах

Исаева Оксана Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0926-5182>, e-mail: oisaeva@hse.ru

Акимова Анна Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5750-8409>, e-mail: anna_ak@rambler.ru

Волкова Елена Николаевна, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва; заведующая научно-образовательным центром «Психология одаренного подростка», ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина» (ФГБОУ ВО «Мининский университет»), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Information about the authors

Oksana M. Isaeva, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Organizational Psychology, National Research University Higher School of Economics, Nizhniy Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0926-5182>, e-mail: oisaeva@hse.ru

Anna Yu. Akimova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Organizational Psychology, National Research University Higher School of Economics, Nizhniy Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5750-8409>, e-mail: anna_ak@rambler.ru

Elena N. Volkova, Doctor of Psychology, Professor, Leading Researcher, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow; Head of the Scientific and Educational Center “Psychology of a Gifted Teenager”, Nizhniy Novgorod State Pedagogical University, Nizhniy Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Получена 07.06.2021

Received 07.06.2021

Принята в печать 22.07.2022

Accepted 22.07.2022

Методика выявления представлений о доверии в организации

Базаров Т.Ю.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1591-3932>, e-mail: tbazarov@mail.ru

Кариева Н.Т.

Институт изучения проблем молодежи и развития перспективных кадров при Агентстве по делам молодежи Республики Узбекистан, г. Ташкент, Республика Узбекистан
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9393-0690>, e-mail: starnс@mail.ru

Цель. Разработка и первичная апробация методики на выявление представлений о доверии в организации.

Контекст и актуальность. На сегодняшний день вопрос повышения эффективности организации и ее конкурентоспособности становится все более актуальным. Одним из ключевых факторов, влияющих на внутриорганизационные процессы, является доверие в организации. В связи с этим важным является разработка нового инструментария, который поможет выявить представления о доверии в организации и глубже изучить природу данного феномена.

Дизайн исследования. Исследование проводилось с помощью социально-психологического опроса.

Участники. В исследовании приняли участие 200 респондентов, из которых 78 мужчин и 122 женщины в возрасте от 18 до 50 лет, имеющих опыт работы в различных как государственных, так и коммерческих организациях.

Методы (инструменты). Для обработки и анализа данных были использованы коэффициент альфа Кронбаха, тест Манна-Уитни и корреляционный анализ. Для обработки данных использовалась программа SPSS 15.0.

Результаты. В результате проверки методики на психометрические показатели в шкалах «Результативность», «Порядочность» и «Забота о других» выявлены пункты, не работающие на свою шкалу, их было решено удалить из методики. После удаления пунктов, корреляция которых со шкалой составляла меньше +0,1, показатель надежности шкалы «Результативность» стал 0,682, шкалы «Порядочность» — 0,638, шкалы «Забота о других» — 0,783, что говорит о достаточном уровне надежности-согласованности для личностных опросников. Содержательная валидность опросника достигается составлением вопросных формулировок в соответствии с теоретически выделенными характеристиками трех императивов доверия в организации в концепции Роберта Шо. Валидность опросника по полу подтвердилась наличием различий в восприятии составляющего доверия «забота о других» между мужчинами и женщинами.

Основные выводы. Шкалы разработанной нами методики обладают высоким уровнем надежности-согласованности. Статистические данные свидетельствуют о целесообразности переформулировки некоторых утверждений для дальнейшего совершенствования инструмента, устранения побочных смыслов пункта. Были получены определенные доказательства валидности методики по полу, свидетельствующие о способности инструмента к дифференциации объективно существующих различий.

Ключевые слова: доверие в организации, представления о доверии, результативность, порядочность, забота о других, методика, надежность, валидность.

Для цитаты: Базаров Т.Ю., Кариева Н.Т. Методика выявления представлений о доверии в организации // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 3. С. 134–162. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130309>

The Methodology for Identification of Confidence in the Organization

Tahir Yu. Bazarov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1591-3932>, **e-mail:** tbazarov@mail.ru

Nazokatkhon T. Karieva

Institute for the Study of Youth Problems and Development of Promising Personnel under the Agency for Youth Affairs of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9393-0690>, **e-mail:** starnс@mail.ru

Objective. *Development and initial testing of a methodology for identifying beliefs about trust in an organization.*

Background. *Today, the issue of increasing the efficiency of the organization and its competitiveness is becoming more and more urgent. One of the key factors influencing internal organizational processes is trust in the organization. In this regard, it is important to develop new tools that will help to identify ideas about trust in the organization and to study the nature of this phenomenon more deeply.*

Study design. *The research was carried out using a socio-psychological survey.*

Participants. *The study involved 200 respondents, of whom 78 are men and 122 women aged 18 to 50 years, with experience in various government and commercial organizations.*

Measurements. *For data processing and analysis, Cronbach's alpha coefficient, Mann-Whitney test and correlation analysis were used. The SPSS 15.0 software was used to process the data.*

Results. *As a result of testing the methodology for psychometric indicators on the scale of "performance", "decency" and "concern for others", points were identified that did not work on their scale. It was decided to remove these items from the methodology. After removing items, the correlation of which with the scale was less than +0.1, the reliability indicator of the Performance scale became 0.682, the Decency scale – 0.638, and the Caring for others scale – 0.783, which indicates a sufficient level of reliability-consistency for personal questionnaires. The substantive validity of the questionnaire is achieved by drawing up question formulations in accordance with the theoretically identified characteristics of the three imperatives of trust in the organization in the concept of Robert Shaxo. The validity of the gender questionnaire was confirmed by the presence of differences in the perception of the "caring for others" component of trust between men and women.*

Conclusions. *The scales of the methodology developed by us have a high level of reliability and consistency. Statistical data indicate the advisability of reformulating some of the statements for further improving the tool, eliminating the secondary meanings of the paragraph. There was some evidence of the validity of the methodology by gender, indicating the ability of the instrument to differentiate objectively existing differences.*

Keywords: *trust in the organization, beliefs about trust, efficiency, decency, concern for others, methodology, reliability, validity.*

For citation: Bazarov T.Yu., Karieva N.T. The Methodology for Identification of Confidence in the Organization. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 134–162. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130309> (In Russ.).

Введение

Актуальность изучения доверия не теряет своей значимости в связи с тем, что доверие пронизывает все сферы нашей жизнедеятельности, поведения и сознания, является основным компонентом общения, от которого зависит характер протекания межличностных отношений и взаимодействия, что определяет его как главный механизм, влияющий на социально-психологический климат в коллективе.

Многие исследователи определяют доверие основной составляющей социального капитала. Так, к примеру, Ф. Фукуяма в рамках концепции «социального капитала» понимает доверие как «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами», где само понятие социального капитала определяет как «определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат наличия доверия между его членами», то есть наличия в обществе межличностного доверия [7]. П. Штомпка под социальным капиталом понимает «капитал доверия» и «капитал надежности». Автор анализирует подходы к пониманию социального капитала П. Бурдье, Р. Патнэма, Ф. Фукуямы и Н. Лина и отмечает, что «социальный капитал является важным ресурсом личности, который неразрывно связан с доверием: “А значит, доверие необходимо признать в качестве ядра общественного капитала”» [10]. М. Вулкок считает, что доверие лучше рассматривать как последнее социальное капитала, а не как его составную часть [17].

Тема доверия является актуальной и в политологии, что основывается на стратегической проблеме. Здесь доверие решает целый ряд задач. Основной из них является устойчивость государства и его органов. Все институты государства функциони-

руют в континууме, т.е. пространстве действия, доверия или недоверия. Не только законодательные, технологические, кадровые факторы определяют эффективность государственных структур, но и доверие, которое выступает некоторой синтетической субстанцией, пронизывающей все указанные факторы. Наличие доверия наделяет власть значимыми ресурсами для реализации и эффективного решения тех или иных политических задач. Так, политическое доверие — это важный фактор, который предсказывает готовность к разным формам политического поведения [4, с. 74].

Проблема изучения феномена доверия приобретает все больший интерес в сфере организационного управления. Это связано с тем, что доверие является одним из основных факторов организационного успеха, где степень эффективности командной работы определяется доверительными взаимоотношениями членов организации.

В настоящее время большое внимание уделяется эффективности функционирования и развития различных государственных и коммерческих организаций. Предпринимателям предоставляется все больше условий для создания своего собственного бизнеса, государством создаются возможности для открытия различных предприятий, фирм и организаций, что, в свою очередь, ведет к появлению конкуренции на рынке между ними. В быстро меняющемся мире конкурентоспособность организации определяется рядом факторов: производственная и организационная структура предприятия, качество менеджмента, уровень квалификации персонала, стратегическое управление, репутация компании, финансовый капитал и многое другое. Компании, ориентируясь на достижение значимых результатов, большой прибыли, признания на рынке и престиж, зачастую забывают о внутренних

факторах, которые также определяют их эффективность. Одним из важных и ключевых источников эффективности является доверие в организации, которое способствует формированию благоприятного психологического климата в организации, созданию доверительной атмосферы между сотрудниками и руководителями, позитивных отношений на работе. Как отметил известный бизнес-консультант Роберта Брюса, доверие — это мощная универсальная сила, влияющая практически на все, что происходит внутри организации и в отношениях между организациями [9].

Наличие доверия в организации позволяет эффективно мобилизовать коллективные действия и производить материальные и нематериальные блага. Доверие необходимо для обеспечения сотрудничества и производства «общественных благ» [13]. Без доверия люди не способны организовать целостную группу, так как оно укрепляет внутригрупповые отношения и облегчает решение коллективных и корпоративных вопросов.

В.П. Беляев, Н.Г. Валиев, Х. Халилу считали, что современная организация на пути достижения поставленных целей осуществляет свою деятельность в условиях разнообразных взаимодействий и взаимосвязей — как внутриорганизационные, так и межорганизационные — должны быть направлены на достижение взаимного доверия и гармонизацию отношений, что будет обуславливать успешность и эффективность деятельности организации [3].

Экономические исследования показали, что низкий уровень доверия в обществе, которое влияет на полноценное функционирование общественных процессов, ведет к снижению уровня инвестиций, что, в свою очередь, ограничивает развитие нового бизнеса и рост занятости [18]. В результате страны с низким уровнем

доверия обычно находятся в разряде экономически отсталых, а индекс доверия является хорошим предиктором уровня бедности в обществе [19].

Высокий уровень доверия внутри организации повышает вероятность успеха при изменениях в ней. Доверие рассматривается как ресурс компании, который может быть использован с огромным успехом. Но вместе с этим существует возможность одновременного сосуществования в организации как высокого уровня доверия, так и высокого уровня недоверия, что благоприятно влияет на творческие возможности компании и ее сотрудников. При этом недоверие выступает как форма взаимного контроля [1]. Дело в том, что бывают такие ситуации, которые требуют определенного уровня недоверия, выражающегося в усилении контроля над деятельностью людей, введении дополнительных санкций, без которого взаимодействие не будет эффективным. Внутригрупповое недоверие, проявляющееся как взаимный контроль, выступает в качестве фактора, организующего, упорядочивающего и в некоторой степени обеспечивающего успешную совместную творческую деятельность.

По мнению А.Б. Купрейченко, есть два понятия — «организационное доверие» и «доверие в организации». Когда речь идет о доверии при совместной деятельности как групповом психологическом феномене, то данные понятия в большинстве случаев взаимозаменяемы. Однако каждое из понятий отличается тем, в каком контексте рассматривается доверие. Так, под организационным доверием понимается система доверительных отношений организации с внешней средой, в частности, доверие общественности к организации, государственных органов, партнеров, конкурентов и так далее, в то время как под доверием в организации понимается

доверие между сотрудниками (горизонтальные взаимоотношения) и между руководителями и персоналом (вертикальные взаимоотношения) [5].

Ряд проведенных исследований продемонстрировал, что доверие сотрудников к руководителю имеет многочисленные преимущества как для организации, так и для самих сотрудников. Это проявляется в большей сосредоточенности при решении задач для достижения результативности деятельности [15], в росте организационной приверженности [14], в росте сотрудничества и заботы между сотрудниками, в их следовании корпоративной стратегии [12], а также росте показателей прибыльности [16]. Следовательно, доверие к руководителям может рассматриваться в качестве источника конкурентного преимущества организации [11].

Изучение доверия в организации является нелегкой задачей, так как на формирование доверительных отношений между сотрудниками, а также между руководителями и подчиненными влияют различные механизмы и большое количество как внутренних, так и внешних факторов. При изучении механизмов формирования доверия в организации большую роль играют существующие представления о доверии в организации как у руководителей и менеджеров высшего звена, так и у рядовых сотрудников. Следует отметить, что социальные представления об одном и том же объекте могут значительно расходиться у разных групп и лиц. Р.М. Шамионов полагает, что «социальное представление индивида во многом связано с его социальным опытом, и чем разнообразнее этот опыт, тем более учитываются различные аспекты выстраиваемого образа» [8]. В формировании отношения доверия к другому для субъекта доверия большую роль играет как прошлый опыт взаимодействия с ним, так и актуальные потребности субъекта доверия.

Важным является совпадение представлений, в нашем случае представлений о доверии в организации у руководителей с представлениями о доверии у рядовых сотрудников (подчиненных). С целью изучения данных представлений о доверии и выявления механизмов его формирования нами была поставлена задача — разработка методики, направленной на выявление представлений о доверии в организации. Разработка методики основана на модифицированной концептуальной модели доверия в организации Роберта Шо [2]. Согласно данной модели, в структуре доверия выделяются три ключевых составляющих: результативность, порядочность и забота о других. Под *результативностью* понимается эффективность работы персонала организации, профессионализм каждого в своей деятельности. Социально-психологическая специфика отношений, существующих в компаниях, ориентированных на результаты, — это установление четких и высоких целей (позволяющих каждому понять, что от его усилий зависит общий успех), ожидание оптимальной реализации инициатив (и поддержка инициативы). *Порядочность* понимается как искренность человека в словах и последовательность в поступках и действиях. По отношению к доверию в организациях порядочность играет две роли: во-первых, она требует, чтобы организации развивали ценности и методы работы, учитывающие права коллег, клиентов, партнеров и акционеров, — это «внешнее ядро» порядочности; во-вторых, порядочность требует, чтобы организация, ее лидеры и сотрудники выработали последовательный и согласованный подход к делу — это «внутренне ядро» порядочности, важнейший фактор создания доверия [9]. Порядочность является критерием согласован-

ности, организованности деятельности и последовательности в поведении. Это ключ к созданию и поддержанию доверия. Компонент *забота о других* характеризует не только заботу об одном человеке, но и о группах, членами которых мы являемся. Мы больше склонны доверять тем людям, кто заботится о нас, понимает нас и действует соответственно нашим

потребностям и интересам. Иными словами, этот компонент требует, чтобы те, кому мы доверяем, были отзывчивыми к нашим потребностям даже в конфликтных ситуациях. Понимание ожиданий и запросов других — фундамент заботы [9].

В составе каждого из компонентов доверия выделяются свои подструктуры, которые отражены в табл. 1 [2].

Таблица 1

Основные составляющие доверия

Результативность	Порядочность	Забота о других
<u>Эффективность</u> Качественное и успешное выполнение поставленных задач, высокая производительность труда.	<u>Уважительность</u> Наличие безупречной репутации, интеллигентность, воспитанность, способность вызывать и проявлять уважение.	<u>Вовлеченность</u> Желание трудиться, мотивация к работе, удовлетворенность работой, успешное завершение задачи.
<u>Управление временем</u> Выполнение поставленных задач в срок, оперативность в принятии решений, способность сотрудников быть в нужном месте в нужное время.	<u>Обязательность</u> Исполнительность, ответственность, организованность, соблюдение норм и порядка, пунктуальность, умение отвечать за свои действия.	<u>Стимулирование</u> Карьерный рост, своевременная заработная плата, комфортные условия работы, наличие социального пакета, вклад в развитие сотрудников.
<u>Целеполагание</u> Нацеленность на выполнение задач, осмысленность деятельности с учетом постановки целей и путей достижения результата, стратегическое планирование.	<u>Организационные ценности</u> Честность, справедливость, добросовестность, надежность, умение ставить интересы организации выше своих личных, не злоупотреблять своими полномочиями.	<u>Поддержка</u> Активность субъекта, которая может выражаться как материально, так и эмоционально или духовно по отношению к лицу, нуждающемуся в помощи (например, способность дать ценный совет, выручать, помогать справляться с трудностями).
<u>Командность</u> Сплоченность, слаженность команды, благоприятный психологический климат в коллективе, способствующий эффективности и результативности выполняемой деятельности.	<u>Корпоративная культура</u> Отзывчивость, добросердечность, умение и способность помогать, проявлять гуманное отношение к окружающим.	<u>Понимание</u> Способность войти в положение, пойти навстречу, учитывать интересы и потребности, сопереживать.
<u>Экспертная компетентность</u> Профессионализм, наличие знаний и опыта в своей сфере, стремление к новизне и инновационности, компетентность в решении задач.	<u>Организационная компетентность</u> Грамотность в организации деятельности, сопровождающаяся качественной работой и профессионализмом в выстраивании внутренних процессов организации.	<u>Компетентность в отношениях</u> Объективное отношение к окружающим, справедливость, умение не нарушать ничьи личные границы, способность спокойно, четко и ясно объяснять поставленные задачи.

Программа исследования

Выборка. В исследовании приняли участие 200 респондентов, из которых 78 мужчин и 122 женщины в возрасте от 18 до 50 лет, имеющих опыт работы в различных как государственных, так и коммерческих организациях.

Процедура. Разработка авторского опросника на выявление представлений о доверии в организации проводилась на основе модифицированной модели концепции доверия в организации [2]. Основное содержание утверждений составили смысловые единицы (слова и словосочетания), полученные методом незавершенных предложений и ассоциативной методики. Следует отметить, что данные единицы были обобщены в подкатегории, которые образовали основные составляющие доверия (см. табл. 1).

На основе смысловых единиц каждой подкатегории были разработаны по 4–5 утверждений опросника. Так, в опросник вошли 72 утверждения (36 прямых и 36 обратных), которые составили три шкалы: *Результативность*, *Порядочность* и *Забота о других* с субшкалами (см. табл. 1). Каждая шкала включает в себя по 24 утверждения (12 прямых и 12 обратных). Например:

- в шкалу *Результативность* вошли такие утверждения, как: «Можно доверять только такому сотруднику, который имеет необходимый багаж знаний и является профессионалом своего дела», «Сотрудник, который выполняет поставленные перед ним задачи вовремя, не всегда может заслуживать доверие окружающих», «Возможность карьерного роста и вклад в развитие сотрудников повышают доверие к организации», «Профессионализм сотрудника и умение организовывать деятельность не являются критериями, вызывающими доверие окружающих к нему» и т.д.;

- шкала *Порядочность* включает в себя такие утверждения, как: «Я могу доверять справедливому и честному сотруднику организации», «Вызывающий доверие сотрудник — это тот, кто за счет своей последовательности способствует эффективной работе других», «Иногда тот, кто несправедлив по отношению к другим, может завоевать доверие окружающих к себе», «Доверие заслуживает тот сотрудник, который ответственно подходит к поставленной задаче, организован и последователен в своих действиях» и т.д.;

- шкала *Забота о других* включает следующие утверждения: «Вызывает доверие тот человек, который в трудную минуту поможет и поддержит своего коллегу», «Отсутствие карьерного роста и вклада в развитие сотрудников не способствует снижению доверия к организации», «Забота о благополучии сотрудников способствует повышению их доверия к руководителю», «Своевременная заработная плата, материальные поощрения и комфортные условия работы способствуют повышению доверия в организации» и т.д.

72 утверждения опросника были разделены на 24 блока по 3 утверждения в каждом. В каждом блоке присутствуют утверждения из 3-х шкал, которые сравнивались между собой в рамках одного блока и оценивались по пятибалльной шкале в зависимости от степени согласия с каждым из утверждений.

Респондентов просили соблюдать следующую инструкцию: «*Вам предлагается 72 утверждения, которые разделены на 24 блока по 3 утверждения в каждом. Данные утверждения отражают представления о доверии в организации, которые могут соответствовать или не соответствовать Вашим представлениям. Исходя из Вашего опыта работы в организации сравните между собой утверж-*

дения **в рамках одного блока** и отметьте, пожалуйста, с каким из утверждений Вы наиболее согласны, а с каким — наименее. Степень Вашего согласия с каждым из них оцените по пятибалльной шкале, где **1 балл** соответствует полному несогласию, **5 баллов** — полному согласию с утверждением. Баллы от 2 до 4 можно использовать, если Вы частично согласны с утверждением. Чем выше балл, тем выше уровень согласия.

В рамках одного блока нельзя присваивать одинаковый балл нескольким утверждениям. Например, если Вы **в рамках одного блока** оценили первое утверждение на 4 балла, то последующим двум утверждениям Вы можете присвоить 1, 2, 3 или 5 баллов (но не 4), если первые два оценены на 4 и 5, то третьему утверждению можно ставить только одну из оценок — 1, 2 или 3».

Респондентам сообщалось о конфиденциальности и о том, что полученные данные будут использоваться строго в научных целях. Полный текст методики и ключ к ней приведены в Приложении.

Инструментарий. Авторская методика на выявление представлений о доверии в организации, состоящая из 72 утверждений, объединенных в 24 блока (в каждом блоке по 3 утверждения).

Обработка данных. Собранные первичные данные вводились в программу Microsoft Office Excel 2010 с учетом перевода обратных утверждений в прямые. Далее обработка производилась в статистическом пакете SPSS 15.0 с использованием коэффициента альфа Кронбаха, теста Манна-Уитни, эксплораторного факторного анализа и корреляционного анализа.

Результаты

В табл. 2 представлены обобщенные показатели описательной статистики по

каждому пункту методики, а также величины надежности-согласованности пунктов со своей шкалой.

После удаления пунктов, имеющих низкие значения надежности-согласованности со своей шкалой, мы провели проверку структуры методики с помощью эксплораторного факторного анализа. Чтобы проверить возможность факторизации первоначальных данных, осуществили тест Бартлетта на сферичность, где p -значение получилось равное нулю, и тест КМО, значение которого — 0,66, что доказывает пригодность данных для факторизации. Далее нам необходимо определить количество выделяемых факторов. Для этого смотрим на процент объясняемой дисперсии, собственные значения факторов и пригодность с точки зрения психологической интерпретации (табл. 3).

В табл. 3 приведено то количество факторов, собственные значения которых превышают 1 по критерию Кайзера. Опираясь на показатель совокупного процента объясняемой дисперсии, мы можем выделить 3 фактора, которые бы объясняли около половины всей вариативности данных (32,55%). Далее для более точного разграничения переменных по каждому фактору мы проведем вращение. В первую очередь выполняем косоугольное вращение.

По табл. 4 мы видим, что корреляция между 2 и 3 факторами больше 0,1, что говорит о наличии достаточно сильной связи между ними, поэтому нам не требуется проводить ортогональное вращение.

Затем были подсчитаны интегральные баллы по всем шкалам методики путем усреднения ответов каждого испытуемого на все пункты соответствующей шкалы, описательные статистики которых отражены в табл. 6.

Показатели описательной статистики утверждений опросника и их величины альфа Кронбаха (N=200)

Таблица 2

Утверждения	Среднее	Стандартное отклонение	Асимметрия	Экссесс	Скорректированная корреляция пункта со шкалой	Альфа Кронбаха при удалении пункта
1.1 Исполнительный сотрудник, который успешно выполняет свои обязанности и выдает хороший результат работы, заслуживает доверия	3,93	1,02	-0,49*	-0,79*	0,16	0,63
1.2 Я могу довериться только такому сотруднику, который качественно и продуктивно выполняет свои задачи	3,57	1,14	-0,37	-0,65	0,22	0,63
1.3 Такие показатели, как востребованность и известность компании или организации на рынке, являются основанием того, почему я доверяю именно этой компании/организации	3,35	1,02	-0,24	-0,58	0,07	0,64
1.4 Сотрудник, который выполняет свою работу вовремя, заслуживает доверия	3,62	1,14	-0,62*	-0,22	0,31	0,62
1.5 Доверие к сотрудникам способствует сплочению и слаженной работе коллектива	4,09	0,88	-0,83*	0,35	0,06	0,65
1.6 Сотрудник, который работает над собой и занимается саморазвитием, заслуживает доверия	3,56	1,10	-0,24	-0,59	0,21	0,63
1.7 Можно доверять только такому сотруднику, который имеет необходимый багаж знаний, большой опыт работы и является профессионалом своего дела	3,38	1,15	-0,38	-0,68	0,25	0,62
1.8 Я доверяю тем, кто много и усердно работает, проявляет инициативу и предлагает новые идеи и решения	3,56	1,12	-0,49	-0,44	0,33	0,621
1.9 Оперативное принятие решения сотрудника организации способствует формированию доверия к нему	3,31	1,07	-0,01	-0,63	0,07	0,64
1.10 Планирование своей деятельности и нацеленность сотрудника на выполнение задачи вызывают доверие к нему окружающих	3,60	0,94	-0,50*	0,11	0,33	0,62

Утверждения	Среднее	Стандартное отклонение	Асимметрия	Экссесс	Скорректированная поправка к шкале со шкалой	Альфа Кронбаха при удалении пункта
1.11 Доверие к коллективу создает его благоприятный психологический климат	3,79	0,90	0,11	-1,23*	-0,07	0,65
1.12 Дружелюбное отношение к сотрудникам способствует формированию у них доверия	3,81	0,96	-0,32	-0,69	0,02	0,65
1.13 Недоверие руководителя к сотрудникам не влияет на сплоченность и слаженность их работы	2,49	1,28	0,55*	-0,81*	0,14	0,64
1.14 Самосовершенствование сотрудника и его усердная работа над собой не способствуют повышению доверия к нему окружающих	2,74	1,16	0,31	-0,52	0,33	0,62
1.15 Определенный багаж знаний и опыт работы сотрудника не являются критериями, вызывающими доверие к нему окружающих	3,15	1,22	-0,10	-0,99*	0,23	0,63
1.16 Бывает, что безынициативный человек, который не проявляет особого желания работать, может вызывать доверие окружающих	3,03	1,05	0,07	-0,76	0,33	0,62
1.17 Сотрудник, который выполняет поставленные перед ним задачи вовремя, не всегда может заслуживать доверие окружающих	3,03	1,19	0,05	-0,95*	0,14	0,64
1.18 Бездейственность сотрудника в принятии решения не способствует разрушению доверия к нему	2,66	1,05	0,05	-0,91*	0,18	0,63
1.19 Недоверие коллективу не влияет на психологический климат в нем	1,99	1,16	1,00*	0,03	0,24	0,63
1.20 Враждебное отношение к сотрудникам не способствует разрушению их доверия к руководству	2,19	1,22	0,73*	-0,38	0,20	0,63
1.21 Исполнительный сотрудник, который выполняет свои обязанности, не всегда вызывает доверие окружающих	3,28	1,12	-0,08	-0,75	0,19	0,63

Утверждения	Среднее	Стандартное отклонение	Асимметрия	Экцесс	Скорректированная корреляция пункта со шкалой	Альфа Кронбаха при удалении пункта
1.22 Некачественное и непродуктивное выполнение сотрудником своей работы не влияет на доверие к нему окружающих	2,34	1,22	0,69*	-0,47	0,36	0,61
1.23 Можно доверять и той организации, которая неизвестна и не особенно востребована на рынке	2,95	1,18	-0,10	-0,97*	0,41	0,61
1.24 Решение задачи сотрудником без определенного плана действия не способствует снижению доверия к нему	3,29	1,04	-0,09	-0,15	0,21	0,63
Шкала «Порядочность» ($\alpha=0,554$)						
2.1 Доверие заслуживает тот сотрудник, который ответственно подходит к поставленной задаче, организован и последователен в своих действиях	3,91	0,94	-0,01	-1,53*	-0,06	0,57
2.2 Я могу доверять справедливому и честному сотруднику организации	3,97	0,94	-0,76*	-0,02	0,24	0,53
2.3 Вызывающий доверие сотрудник — это тот, который за счет своей организованности способен помочь людям в решении проблем	3,57	1,07	-0,35	-0,52	0,05	0,56
2.4 Отзывчивый человек всегда может завоевать доверие окружающих	3,54	1,20	-0,36	-0,69	-0,03	0,57
2.5 Я доверяю тому, кто имеет блестящую репутацию	2,64	1,10	0,15	-0,69	-0,03	0,57
2.6 Я могу доверять только тому, кто вызывает мое уважение	3,40	1,15	-0,30	-0,75	0,17	0,54
2.7 Достойный внимания сотрудник всегда вызывает доверие	2,87	1,2	0,389	-0,61	0,08	0,56
2.8 Тот, кто ставит интересы организации выше своих личных, всегда заслуживает доверие	3,20	1,04	-0,23	-0,48	0,05	0,56
2.9 Вызывающий доверие сотрудник — это тот, кто за счет своей последовательности способствует эффективной работе своих коллег	3,37	0,93	-0,17	-0,36	0,20	0,54

Утверждения	Среднее	Стандартное отклонение	Асимметрия	Экцесс	Скорректированная поправка к шкале со шкалой	Альфа Кронбаха при удалении пункта
2.10 Доверия заслуживает тот профессионал, чья самоорганизация находится на высшем уровне	3,57	1,23	-0,32	-0,97*	0,19	0,54
2.11 Доверия заслуживает тот человек, который активно организует деятельность и исполняет свои обязанности	3,73	1,04	-0,38	-0,46	0,26	0,53
2.12 Профессионализм в организации деятельности сотрудника — залог формирования доверия к нему	3,63	0,95	-0,23	-0,43	0,18	0,54
2.13 Плохая репутация коллеги не влияет на мое доверие к нему	3,04	1,06	-0,04	-0,27	0,04	0,56
2.14 Я могу доверять тому, кто не вызывает мое уважение	2,62	1,41	0,35	-1,12*	0,29	0,52
2.15 Не всегда сотрудник, который достоин внимания, вызывает доверие к себе	3,46	1,04	-0,25	-0,35	0,13	0,55
2.16 Иногда доверие к себе может вызывать даже тот сотрудник, который не последователен в своих действиях и подводит к поставленной задаче безответственно	2,49	1,24	0,37	-0,78	0,26	0,53
2.17 Бывает, что тот сотрудник, который не способен помочь другим за счет своей неорганизованности, может вызывать доверие окружающих	2,85	1,28	0,01	-0,96*	0,23	0,53
2.18 Не всегда тот, кто самоорганизован, может вызывать доверие к себе	3,39	1,17	-0,32	-0,64	0,32	0,52
2.19 Доверие окружающих не зависит от того, умеет ли сотрудник качественно и эффективно организовывать деятельность	3,1	1,06	-0,10	-0,53	0,29	0,53
2.20 Профессионализм сотрудника и умение организовывать деятельность не являются критериями, вызывающими доверие окружающих к нему	2,97	1,15	0,06	-0,67	0,09	0,55
2.21 Неправедливость и нечестность сотрудника не всегда разрушают доверие окружающих к нему	2,37	1,27	0,64*	-0,59	0,33	0,51

Утверждения	Среднее	Стандартное отклонение	Асимметрия	Экссесс	Скорректированная корреляция пункта со шкалой	Альфа Кронбаха при удалении пункта
2.22 Иногда можно доверять такому коллеге, который способен ставить свои интересы выше интересов организации	2,99	1,04	-0,08	-0,62	0,16	0,54
2.23 Доверие может завоевать и тот сотрудник, который проявляет безразличие к проблемам других	2,74	1,29	0,32	-0,89*	0,29	0,52
2.24 Сотрудник, который за счет своей непоследовательности в работе мешает эффективности деятельности других коллег, может вызывать доверие к себе	2,19	1,11	0,65*	-0,48	0,18	0,54
Шкала «Забота о других» ($\alpha=0,749$)						
3.1 Своевременная заработная плата, материальные поощрения и комфортные условия работы способствуют повышению доверия в организации	3,81	0,83	-0,67*	0,78	0,09	0,75
3.2 Человек, понимающий свои цели и мотивы, в большей степени заслуживает доверия	3,03	1,12	0,02	-0,62	0,09	0,75
3.3 Забота о благополучии сотрудников способствует повышению их доверия к руководителю	3,03	1,12	0,02	-0,05	0,22	0,74
3.4 Руководитель, управляющий своими эмоциями и контролирующий свое состояние, заслуживает доверия других	3,61	0,96	-0,14	-0,74	0,09	0,75
3.5 Объективное отношение к сотрудникам способствует формированию доверия к руководству и к организации в целом	3,96	0,94	-0,55*	-0,38	0,31	0,73
3.6 Тот, кто, достигая своих целей, учитывает интересы других, всегда завоевывает доверие окружающих	3,71	1,08	-0,59*	-0,33	0,33	0,73
3.7 Возможность карьерного роста и вклад в развитие сотрудников повышают доверие к организации	3,87	1,05	-0,88*	0,24	0,39	0,73
3.8 Вызывает доверие тот человек, который в трудную минуту поможет и поддержит своего коллегу	3,91	1,11	-0,58*	-0,71	0,28	0,74

Утверждения	Среднее	Стандартное отклонение	Асимметрия	Экцесс	Скорректированная поправка к шкале	Альфа Кронбаха при удалении пункта
3.9 Зарплата руководителя о сотрудниках приводит к их удовлетворенности работой и влияет на их доверие к руководству	4,04	1,07	-1,10*	0,71	0,41	0,73
3.10 Увеличение производительности труда зависит от заботы руководителя о сотрудниках, что, в свою очередь, приводит к формированию доверия в организации	3,54	1,17	-0,41*	-0,66	0,35	0,73
3.11 Зарплата руководителя о сотрудниках способствует их желанию трудиться и повышает доверие сотрудников к руководству	3,91	0,91	-0,63*	-0,04	0,18	0,74
3.12 Доверие к человеку зависит от его справедливого отношения к другим	3,75	1,16	-0,62*	-0,38	0,09	0,75
3.13 Субъективное отношение к сотрудникам не влияет на их доверие к руководству	3,23	1,31	-0,15	-1,08*	0,26	0,74
3.14 Можно доверять тому, кто, достигая своих целей, не учитывает интересы других	3,6	1,05	-0,39	-0,67	0,46	0,73
3.15 Отсутствие материальных поощрений и несвоевременная выдача заработной платы не способствуют возникновению недоверия в организации	3,74	1,33	-0,77*	-0,64	0,28	0,741
3.16 Отсутствие карьерного роста и вклада в развитие сотрудников не способствует снижению доверия к организации	3,34	1,25	-0,32	-0,82*	0,36	0,73
3.17 Равнодушные руководители к сотрудникам не влияют на их доверие к руководству	3,64	1,13	-0,48*	-0,72	0,43	0,73
3.18 Равнодушные руководители к сотрудникам не влияют на их производительность труда и в целом на доверие в организации	3,70	1,17	-0,75*	-0,11	0,35	0,73
3.19 Равнодушные руководители к сотрудникам, которое может способствовать исчезновению желания трудиться, не влияет на доверие сотрудников к руководству	3,22	1,26	-0,36	-0,77	0,39	0,73

Утверждения	Среднее	Стандартное отклонение	Асимметрия	Экссесс	Скорректированная корреляция пункта со шкалой	Альфа Кронбаха при удалении пункта
3.20 Иногда тот, кто несправедлив по отношению к другим, может завоевать доверие окружающих к себе	3,33	1,14	-0,35	-0,74	0,49	0,72
3.21 Доверие к сотруднику не зависит от того, способен ли он помочь и поддержать своего коллегу в трудную для него минуту или нет	3,11	1,27	0,04	-1,12*	0,32	0,73
3.22 Безразличие к состоянию сотрудников не приводит к снижению доверия к руководителю	3,51	1,24	-0,44*	-0,69	0,26	0,74
3.23 Не всегда можно доверять тому, кто четко понимает свои цели и мотивы	2,82	1,25	0,05	-1,01*	-0,09	0,77
3.24 Руководитель, который не способен контролировать свое эмоциональное состояние, может вызывать доверие окружающих	3,68	1,08	-0,53*	-0,55	0,37	0,73
Стандартная ошибка			0,19	0,39		

Примечания: * — значения, которые превышают две свои стандартные ошибки по модулю, означающие ненормальность распределения; жирным шрифтом выделены пункты, значения корреляции которых со шкалой <0,1 по модулю, что означает очень слабую связь пункта со шкалой.

Таблица 3
Показатели собственных значений факторов и процента объясняемой дисперсии

Фактор	Собственные значения	Процент объясняемой дисперсии	Совокупный процент объясняемой дисперсии
1	10,68	14,84	14,84
2	8,85	12,29	27,13
3	3,89	5,41	32,55

Таблица 4

Корреляционная матрица факторов

Фактор	1	2	3
1	1,000	-0,051	0,070
2	-0,051	1,000	0,176
3	0,070	0,176	1,000

Таблица 5

Матрица факторных нагрузок

Утверждения	Факторы		
	1	2	3
Исполнительный сотрудник, который успешно выполняет свои обязанности и выдает хороший результат работы, заслуживает доверия	0,739	0,168	-0,090
Я могу довериться только такому сотруднику, который качественно и продуктивно выполняет свои задачи	0,676	0,194	-0,132
Сотрудник, который выполняет свою работу вовремя, заслуживает доверия	0,660	0,240	-0,178
Сотрудник, который работает над собой и занимается саморазвитием, заслуживает доверия	0,639	0,120	-0,147
Можно доверять только такому сотруднику, который имеет необходимый багаж знаний, большой опыт работы и является профессионалом своего дела	0,626	-0,270	0,221
Я доверяю тем, кто много и усердно работает, проявляет инициативу и предлагает новые идеи и решения	0,616	0,290	-0,238
Планирование своей деятельности и нацеленность сотрудника на выполнение задачи вызывают доверие к нему окружающих	0,601	0,217	-0,306
Недоверие руководителя к сотрудникам не влияет на сплоченность и слаженность их работы	0,580	-0,201	-0,040
Самосовершенствование сотрудника и его усердная работа над собой не способствуют повышению доверия к нему окружающих	0,574	-0,124	0,045
Определенный багаж знаний и опыт работы сотрудника не являются критериями, вызывающими доверие к нему окружающих	0,565	0,154	-0,124
Бывает, что безынициативный человек, который не проявляет особого желания работать, может вызывать доверие окружающих	0,550	-0,005	0,068
Сотрудник, который выполняет поставленные перед ним задачи вовремя, не всегда может заслуживать доверие окружающих	0,539	0,032	0,088
Бездейственность сотрудника в принятии решения не способствует разрушению доверия к нему	0,519	-0,266	0,123
Недоверие коллективу не влияет на психологический климат в нем	0,518	-0,229	0,212
Враждебное отношение к сотрудникам не способствует разрушению их доверия к руководству	0,513	-0,111	0,193
Исполнительный сотрудник, который выполняет свои обязанности, не всегда вызывает доверие окружающих	0,510	0,306	-0,053

Утверждения	Факторы		
	1	2	3
Некачественное и непродуктивное выполнение сотрудником своей работы не влияет на доверие к нему окружающих	0,503	0,086	-0,113
Можно доверять и той организации, которая неизвестна и не особенно востребована на рынке	0,483	0,287	0,031
Решение задачи сотрудником без определенного плана действия не способствует снижению доверия к нему	0,482	-0,140	0,149
Я могу доверять только тому, кто вызывает мое уважение	0,063	0,749	0,095
Тот, кто ставит интересы организации выше своих личных, всегда заслуживает доверие	-0,031	0,721	0,211
Вызывающий доверие сотрудник — это тот, кто за счет своей последовательности способствует эффективной работе своих коллег	0,002	0,702	0,026
Доверия заслуживает тот профессионал, чья самоорганизация находится на высшем уровне	-0,046	0,637	-0,026
Доверия заслуживает тот человек, который качественно организует деятельность и исполняет свои обязанности	0,086	0,593	0,086
Профессионализм в организации деятельности сотрудника — залог формирования доверия к нему	-0,127	0,589	-0,076
Я могу доверять справедливому и честному сотруднику	0,018	0,583	-0,007
Я могу доверять тому, кто не вызывает мое уважение	0,150	0,559	0,034
Не всегда сотрудник, который достоин внимания, вызывает доверие к себе	-0,013	0,557	-0,097
Иногда доверие к себе может вызывать даже тот сотрудник, который непоследователен в своих действиях и подходит к поставленной задаче безответственно	0,265	0,555	-0,110
Бывает, что тот сотрудник, который не способен помочь другим за счет своей неорганизованности, может вызывать доверие окружающих	-0,047	0,549	0,069
Не всегда тот, кто самоорганизован, может вызывать доверие к себе	-0,182	0,515	0,096
Доверие окружающих не зависит от того, умеет ли сотрудник качественно и эффективно организовывать деятельность	0,051	0,508	0,206
Профессионализм сотрудника и умение организовывать деятельность не являются критериями, вызывающими доверие окружающих к нему	0,151	0,508	0,007
Несправедливость и нечестность сотрудника не всегда разрушают доверие окружающих к нему	-0,003	0,507	-0,007
Иногда можно доверять такому коллеге, который способен ставить свои интересы выше интересов организации	0,063	0,477	0,072
Доверие может завоевать и тот сотрудник, который проявляет безразличие к проблемам других	0,130	0,469	0,228
Сотрудник, который за счет своей непоследовательности в работе мешает эффективной деятельности других коллег, может вызывать доверие к себе	0,152	0,463	0,117

Утверждения	Факторы		
	1	2	3
<u>Тот, кто, достигая своих целей, учитывает интересы других, всегда завоевывает доверие окружающих</u>	-0,088	-0,314	0,637
Возможность карьерного роста и вклад в развитие сотрудников повышают доверие к организации	-0,043	0,003	0,607
Вызывает доверие тот человек, который в трудную минуту поможет и поддержит своего коллегу	0,110	0,189	0,564
Забота руководителя о сотрудниках приводит к их удовлетворенности работой и влияет на их доверие к руководству	-0,283	0,190	0,545
Увеличение производительности труда зависит от заботы руководителя о сотрудниках, что, в свою очередь, приводит к формированию доверия в организации	-0,246	0,249	0,544
Забота руководителя о сотрудниках способствует их желанию трудиться и повышает доверие сотрудников к руководству	-0,149	0,110	0,518
Забота о благополучии сотрудников способствует повышению их доверия к руководителю	0,001	0,100	0,516
Субъективное отношение к сотрудникам не влияет на их доверие к руководству	-0,045	0,142	0,513
Можно доверять тому, кто, достигая своих целей, не учитывает интересы других	-0,088	0,222	0,498
Отсутствие материальных поощрений и несвоевременная выдача заработной платы не способствуют возникновению недоверия в организации	-0,033	0,225	0,490
Отсутствие карьерного роста и вклада в развитие сотрудников не способствует снижению доверия к организации	0,313	-0,346	0,489
Равнодушие руководителя к сотрудникам не влияет на их доверие к руководству	0,031	0,133	0,454
Равнодушие руководителя к сотрудникам не влияет на их производительность труда и в целом на доверие в организации	-0,078	0,160	0,434
Равнодушие руководителя к сотрудникам, которое может способствовать исчезновению желания трудиться, не влияет на доверие сотрудников к руководству	0,275	-0,162	0,420
Иногда тот, кто несправедлив по отношению к другим, может завоевать доверие окружающих к себе	-0,147	0,184	0,395
Доверие к сотруднику не зависит от того, способен ли он помочь и поддержать своего коллегу в трудную для него минуту или нет	0,354	-0,194	0,376
Безразличие к состоянию сотрудников не приводит к снижению доверия к руководителю	-0,198	0,278	0,364
Объективное отношение к сотрудникам способствует формированию доверия к руководству и к организации в целом	0,277	0,008	0,357
Руководитель, который не способен контролировать свое эмоциональное состояние, может вызывать доверие окружающих	0,153	-0,029	0,343

Таблица 6

**Показатели описательной статистики и результаты проверки
на нормальность для шкальных баллов методики
«Представление о доверии в организации» (N=200)**

Шкалы	Среднее	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум	Асимметрия	Экцесс	р-значение по тесту Колмогорова-Смирнова
Результативность	3,44	0,34	2,50	4,10	-0,43*	0,15	0,09
Порядочность	3,30	0,34	2,30	4,00	-0,05	-0,30	≥0,20
Забота о других	3,59	0,43	2,50	4,40	-0,32	-0,95*	0,001
Стандартная ошибка					0,19	0,39	

Примечание: * — значение превышает две свои стандартные ошибки по модулю.

Так как шкалы «Результативность», «Порядочность» и «Забота о других» являются составляющими единого конструкта доверия, то мы постулируем существование связи между данными составляющими. Для проверки наличия связи между шкалами мы провели корреляционный анализ, используя коэффициент Спирмена, так как не по всем шкалам выявилось нормальное распределение (см. табл. 7).

Далее мы приступили к проверке валидности методики. *Содержательная валидность* опросника достигается составлением вопросных формулировок в соответствии с теоретически выделен-

ными характеристиками трех императивов доверия в организации в концепции Роберта Шо, а также модифицированной концептуальной модели организационного доверия.

Валидность по полу. Нами была выдвинута гипотеза о том, что между мужчинами и женщинами есть различие в восприятии одного из составляющих доверия — заботы о других, ориентированной на эмоциональный аспект взаимодействия. Женщины являются более эмоциональными, чем мужчины, следовательно, мы предполагаем, что забота о других для женщин будет более значимой, чем для мужчин.

Таблица 7

**Коэффициенты корреляции между шкалами методики на выявление
представлений о доверии в организации (N=200)**

		Порядочность	Забота о других
Результативность	Коэффициент корреляции Спирмена	0,226(**)	0,275(**)
	р-значение	0,005	0,001
Порядочность	Коэффициент корреляции Спирмена		0,506(**)
	р-значение		<0,0005

Таблица 8

Тест Манна-Уитни для проверки валидности методики по полу

Статистические показатели		Результативность	Порядочность	Забота о других
U Манна-Уитни		2436,50	2345,00	2019,50
Z-значение		-0,25	-0,62	-1,92
p-значение		0,80	0,54	0,05
Средний ранг	Жен.	76,14	77,05	80,31
	Муж.	74,23	72,40	65,89

Тест Манна-Уитни показывает, что существуют различия (на уровне тенденции) в восприятии императива «забота о других» между мужчинами и женщинами ($p=0,05$).

Обсуждение результатов

В соответствии с полученными результатами, которые отображены в табл. 2, оказалось, что в составе шкалы «Результативность» такие пункты, как «5_3 Доверие к сотрудникам способствует сплочению и слаженной работе коллектива», «11_3 Доверие коллективу создает благоприятный психологический климат в нем», «12_1 Дружелюбное отношение к сотрудникам способствует формированию доверия у них», имеют низкую корреляцию со шкалой. Скорее всего, это связано с тем, что дружеские отношения, за счет которых и формируются сплоченность и благоприятный климат, имеют лишь косвенную связь с результативностью сотрудника организации. Также были выявлены низкие корреляции со шкалой у следующих утверждений: «3_2 Такие показатели, как востребованность и известность компании или организации на рынке, являются основанием тому, почему я доверяю именно этой компании/организации», «9_3 Оперативное принятие решения сотрудника организации способствует формированию доверия к нему».

В составе шкалы «Порядочность» низкую корреляцию со шкалой имеют такие

пункты, как «3_1 Вызывающий доверие сотрудник — это тот, который за счет своей организованности помогает людям в решении проблем», «4_3 Отзывчивый человек всегда может завоевать доверие окружающих». Мы предполагаем, что в представленных респондентов отсутствует существенная связь между понятиями взаимопомощи, отзывчивости и порядочности сотрудников организации. Утверждения «5_2 Я доверяю тому, кто имеет блестящую репутацию», «7_3 Достойный внимания сотрудник всегда вызывает доверие», «13_1 Плохая репутация коллеги не влияет на мое доверие к нему» также имеют низкие значения согласованности со шкалой, что предположительно связано с отсутствием в представлениях у респондентов влияния престижа и популярности сотрудника на доверие окружающих к нему. Следует отметить, что утверждение «1_3 Доверие заслуживает тот сотрудник, который ответственно подходит к поставленной задаче, организован и последователен в своих действиях», помимо низкого показателя корреляции пункта со шкалой, имеет также значимый отрицательный эксцесс, свидетельствующий о расщеплении выборки. Возможно, утверждение является по смыслу нагроможденным, включающим в себя и ответственность сотрудника, и его организованность. Скорее всего, следовало бы разбить эту формулировку на несколько коротких и конкретных утверждений.

В составе шкалы «Забота о других» утверждения «2_1 Человек, понимающий свои цели и мотивы, в большей степени заслуживает доверие», «4_2 Руководитель, управляющий своими эмоциями и контролирующий свое состояние, заслуживает доверия других», «23_1 Не всегда можно доверять тому, кто четко понимает свои цели и мотивы» имеют низкие показатели корреляции пункта со шкалой, скорее всего, не отражая содержания конструкта «заботы о других». Утверждения «1_2 Своевременная заработная плата, материальные поощрения и комфортные условия работы способствуют повышению доверия в организации» и «12_3 Доверие к человеку зависит от его справедливого отношения к другим», помимо низкого показателя корреляции пункта со шкалой, имеют значимый скос к более высоким баллам, что может быть связано с однобоким пониманием данных утверждений и их легкостью, большей склонностью давать положительные ответы.

Указанные пункты было решено удалить из методики. После удаления пунктов, корреляция которых со шкалой составляла меньше +0,1, показатель надежности шкалы «Результативность» стал 0,682, шкалы «Порядочность» — 0,638, шкалы «Забота о других» — 0,783, что говорит о достаточном уровне надежности-согласованности для личностных опросников [6].

Далее была произведена проверка структуры методики с помощью эксплораторного факторного анализа, результаты которого показали, что в структуре опросника выделяются 3 основных фактора. Следует отметить, что факторизация была осуществлена после удаления неработающих на свою шкалу пунктов опросника. Таким образом, первый фактор «результативность» образовали 19 утверждений, второй фактор «порядоч-

ность» — 18 утверждений, третий фактор «забота о других» — 19 утверждений (табл. 5).

Затем были подсчитаны интегральные баллы по всем шкалам методики, описательные статистики которых представлены в табл. 6. Описательная статистика (значимый отрицательный эксцесс) и критерий Колмогорова-Смирнова выявляют существенную ненормальность распределения по шкале «Забота о других» ($p=0,001$), свидетельствуя о расщеплении выборки. Этот результат говорит о недостаточной репрезентативности выборки по данному параметру, не включавшей достаточное количество респондентов со средним уровнем показателя. Распределение баллов по шкалам «Результативность» ($p=0,09$) и «Порядочность» ($p=0,20$) значимо не отличается от нормального, что доказывает достаточную репрезентативность выборки на предмет важности результативности и порядочности в представлениях о доверии в организации.

Далее результаты проверки взаимосвязи составляющих организационного доверия (табл. 7) показали, что все предполагаемые корреляции обладают умеренной и высокой значимостью, то есть структурные компоненты доверия «результативность», «порядочность» и «забота о других», которые образуют единый конструкт, взаимосвязаны между собой, но являются независимыми друг от друга.

Как было сказано выше, соответствие формулировок утверждений теоретическим характеристикам составляющих доверия и модифицированной концепции организационного доверия доказывает содержательную валидность авторской методики.

В результате проверок валидности по полу (табл. 8) выдвинутая нами гипотеза нашла подтверждение того, что между

мужчинами и женщинами есть различие в восприятии одного из составляющих доверия — заботы о других, ориентированной на эмоциональный аспект взаимодействия. Данное предположение основывается на том, что женщины, являясь более эмоциональными, эмпатичными и чувственными, воспринимают более значимым эмоциональный аспект взаимодействий — заботу по отношению к ним и их проявление заботы к другим — по сравнению с мужчинами, которые по своей природе являются менее чувственными и более сдержанными. Таким образом, тест Манна-Уитни показывает, что существуют различия (на уровне тенденции) в восприятии императива «забота о других» между мужчинами и женщинами ($p=0,05$). Для женщин данный компонент является более значимым, чем для мужчин. Следовательно, методика доказывает способность выявлять существующие гендерные различия. Остальные составляющие доверия не имеют половой специфики.

Заключение

С опорой на концепцию Роберта Шо об организационном доверии была

модифицирована и усовершенствована концепция, которая легла в основу методики, направленной на выявление представлений о доверии в организации. Шкалы разработанной нами методики обладают высоким уровнем надежности-согласованности. Однако статистические данные свидетельствуют о целесообразности переформулировки некоторых утверждений для дальнейшего совершенствования инструмента, устранения побочных смыслов пункта. Кроме того, были получены определенные доказательства валидности методики по полу, свидетельствующие о способности инструмента к дифференциации объективно существующих различий. Расширение выборки исследования, проверка на конвергентную валидность методики на выявление представлений о доверии наряду с доказательством ее надежности и репрезентативности являются перспективой будущих исследований.

Разработанная нами концепция поможет выявить и объяснить существующие представления о таком многогранном и сложном конструкте, как доверие у руководителей организаций и рабочего персонала компаний.

Приложение

Методика «Выявление представлений о доверии в организации» (авторы – Т.Ю. Базаров, Н.Т. Кариева)

Инструкция: Вам предлагается 72 утверждения, которые разделены на 24 блока по 3 утверждения в каждом. Данные утверждения отражают представления о доверии в организации, которые могут соответствовать или не соответствовать Вашим представлениям. Исходя из Вашего опыта работы в организации (если Вы еще не имеете опыт работы, то представьте, что Вы работаете в определенной организации) сравните между собой утверждения **в рамках одного блока** и отметьте, пожалуйста, с каким из утверждений Вы наиболее согласны, а с каким – наименее.

Степень Вашего согласия с каждым из них оцените по пятибалльной шкале, где **1 балл** соответствует полному несогласию, **5 баллов** – полному согласию с утвержде-

нием. Баллы от 2 до 4 можно использовать, если Вы частично согласны с утверждением. Чем выше балл, тем выше уровень согласия.

В рамках одного блока нельзя присваивать одинаковый балл нескольким утверждениям. Например, если Вы **в рамках одного блока** оценили первое утверждение на 4 балла, то последующим двум утверждениям Вы можете присвоить 1, 2, 3 или 5 баллов (но не 4), если первые два оценены на 4 и 5, то третьему утверждению можно ставить только одну из оценок – 1, 2 или 3.

Блок 1	
1. Исполнительный сотрудник, который успешно выполняет свои обязанности и выдает хороший результат работы, заслуживает доверия	1 2 3 4 5
2. Своевременная заработная плата, материальные поощрения и комфортные условия работы способствуют повышению доверия в организации	1 2 3 4 5
3. Доверие заслуживает тот сотрудник, который ответственно подходит к поставленной задаче, организован и последователен в своих действиях	1 2 3 4 5
Блок 2	
1. Плохая репутация коллеги не влияет на мое доверие к нему	1 2 3 4 5
2. Недоверие руководителя к сотрудникам не влияет на сплоченность и слаженность их работы	1 2 3 4 5
3. Субъективное отношение к сотрудникам не влияет на их доверие к руководству	1 2 3 4 5
Блок 3	
1. Вызывающий доверие сотрудник – это тот, который за счет своей организованности помогает людям в решении проблем	1 2 3 4 5
2. Такие показатели, как востребованность и известность компании или организации на рынке, являются основанием того, почему я доверяю именно этой компании/организации	1 2 3 4 5
3. Забота о благополучии сотрудников способствует повышению их доверия к руководителю	1 2 3 4 5
Блок 4	
1. Отсутствие материальных поощрений и несвоевременная выдача заработной платы не способствуют возникновению недоверия в организации	1 2 3 4 5
2. Не всегда сотрудник, который достоин внимания, вызывает доверие к себе	1 2 3 4 5
3. Определенный багаж знаний и опыт работы сотрудника не являются критериями, вызывающими доверие к нему окружающих	1 2 3 4 5
Блок 5	
1. Объективное отношение к сотрудникам способствует формированию доверия к руководству и к организации в целом	1 2 3 4 5
2. Я доверяю тому, кто имеет блестящую репутацию	1 2 3 4 5
3. Доверие к сотрудникам способствует сплочению и слаженной работе коллектива	1 2 3 4 5
Блок 6	
1. Сотрудник, который выполняет поставленные перед ним задачи вовремя, не всегда может заслуживать доверие окружающих	1 2 3 4 5
2. Равнодушие руководителя к сотрудникам не влияет на их доверие к руководству	1 2 3 4 5

3. Бывает, что тот сотрудник, который за счет своей неорганизованности не способен помочь другим, может вызывать доверие окружающих	1 2 3 4 5
Блок 7	
1. Возможность карьерного роста и вклад в развитие сотрудников повышают доверие к организации	1 2 3 4 5
2. Можно доверять только такому сотруднику, который имеет необходимый багаж знаний, большой опыт работы и является профессионалом своего дела	1 2 3 4 5
3. Достойный внимания сотрудник всегда вызывает доверие	1 2 3 4 5
Блок 8	
1. Недоверие коллективу не влияет на психологический климат в нем	1 2 3 4 5
2. Доверие окружающих не зависит от того, умеет ли сотрудник качественно и эффективно организовывать деятельность	1 2 3 4 5
3. Равнодушие руководителя к сотрудникам, которое может способствовать исчезновению желания трудиться, не влияет на доверие сотрудников к руководству	1 2 3 4 5
Блок 9	
1. Забота руководителя о сотрудниках приводит к их удовлетворенности работой и влияет на их доверие к руководству	1 2 3 4 5
2. Вызывающий доверие сотрудник – это тот, кто за счет своей последовательности способствует эффективной работе других	1 2 3 4 5
3. Оперативное принятие решения сотрудником организации способствует формированию доверия к нему	1 2 3 4 5
Блок 10	
1. Не всегда исполнительный сотрудник, который выполняет свои обязанности, может вызывать доверие окружающих	1 2 3 4 5
2. Доверие к сотруднику не зависит от того, способен ли он помочь и поддержать своего коллегу в трудную для него минуту или нет	1 2 3 4 5
3. Несправедливость и нечестность сотрудника не всегда разрушают доверие окружающих к нему	1 2 3 4 5
Блок 11	
1. Доверия заслуживает тот человек, который качественно организует деятельность и исполняет свои обязанности	1 2 3 4 5
2. Забота руководителя о сотрудниках способствует их желанию трудиться и повышает доверие сотрудников к руководству	1 2 3 4 5
3. Доверие к коллективу создает его благоприятный психологический климат	1 2 3 4 5
Блок 12	
1. Не всегда можно доверять тому, кто четко понимает свои цели и мотивы	1 2 3 4 5
2. Можно доверять той организации, которая неизвестна и особо не востребована на рынке	1 2 3 4 5
3. Доверие может завоевать и тот сотрудник, который проявляет безразличие к проблемам других	1 2 3 4 5
Блок 13	
1. Человек, понимающий свои цели и мотивы, в большей степени заслуживает доверия	1 2 3 4 5
2. Я могу доверять справедливому и честному сотруднику организации	1 2 3 4 5

3. Я могу довериться только такому сотруднику, который качественно и продуктивно выполняет свои задачи	1 2 3 4 5
Блок 14	
1. Самосовершенствование сотрудника и усердная его работа над собой не способствуют повышению доверия к нему окружающих	1 2 3 4 5
2. Можно доверять тому, кто, достигая своих целей, не учитывает интересы других	1 2 3 4 5
3. Я могу доверять тому, кто не вызывает мое уважение	1 2 3 4 5
Блок 15	
1. Сотрудник, который выполняет свою работу вовремя, в указанный срок, заслуживает доверия	1 2 3 4 5
2. Руководитель, управляющий своими эмоциями и контролирующий свое состояние, заслуживает доверия других	1 2 3 4 5
3. Отзывчивый человек всегда может завоевать доверие окружающих	1 2 3 4 5
Блок 16	
1. Иногда доверие к себе может вызывать тот сотрудник, который непоследователен в своих действиях и подходит к поставленной задаче безответственно	1 2 3 4 5
2. Бывает, что безынициативный человек, который не проявляет особого желания работать, может вызывать доверие окружающих	1 2 3 4 5
3. Отсутствие карьерного роста и вклада в развитие сотрудников не способствует снижению доверия к организации	1 2 3 4 5
Блок 17	
1. Я могу доверять только тому, кто вызывает мое уважение	1 2 3 4 5
2. Тот, кто, достигая своих целей, учитывает интересы других, всегда завоевывает доверие окружающих	1 2 3 4 5
3. Сотрудник, который работает над собой и занимается саморазвитием, заслуживает доверия	1 2 3 4 5
Блок 18	
1. Равнодушие руководителя к сотрудникам не влияет на их производительность труда и в целом на доверие в организации	1 2 3 4 5
2. Бездейственность сотрудника в принятии решения не способствует разрушению доверия к нему	1 2 3 4 5
3. Не всегда тот, кто самоорганизован, может вызывать доверие к себе	1 2 3 4 5
Блок 19	
1. Я доверяю тем, кто много и усердно работает, проявляет инициативу и предлагает новые идеи и решения	1 2 3 4 5
2. Тот, кто ставит интересы организации выше своих личных, всегда заслуживает доверия	1 2 3 4 5
3. Вызывает доверие тот человек, который в трудную минуту поможет и поддержит своего коллегу	1 2 3 4 5
Блок 20	
1. Профессионализм сотрудника и умение организовывать деятельность не являются критериями, вызывающими доверие окружающих к нему	1 2 3 4 5

2. Иногда тот, кто несправедлив по отношению к другим, может завоевать доверие окружающих к себе	1 2 3 4 5
3. Враждебное отношение к сотрудникам не способствует разрушению их доверия к руководству	1 2 3 4 5
Блок 21	
1. Увеличение производительности труда зависит от заботы руководителя о сотрудниках, что, в свою очередь, приводит к формированию доверия в организации	1 2 3 4 5
2. Планирование своей деятельности и нацеленность сотрудника на выполнение задачи вызывают доверие окружающих к нему	1 2 3 4 5
3. Доверия заслуживает тот профессионал, чья самоорганизация находится на высшем уровне	1 2 3 4 5
Блок 22	
1. Некачественное и непродуктивное выполнение сотрудником своей работы не влияет на доверие к нему окружающих	1 2 3 4 5
2. Иногда можно доверять такому коллеге, который способен ставить свои интересы выше интересов организации	1 2 3 4 5
3. Безразличие к состоянию сотрудников не приводит к снижению доверия к руководителю	1 2 3 4 5
Блок 23	
1. Дружелюбное отношение к сотрудникам способствует формированию у них доверия	1 2 3 4 5
2. Профессионализм в выполняемых действиях и в организации деятельности сотрудника – залог формирования доверия к нему	1 2 3 4 5
3. Доверие к человеку зависит от его справедливого отношения к другим	1 2 3 4 5
Блок 24	
1. Сотрудник, который за счет своей непоследовательности в работе мешает эффективной деятельности других коллег, может вызывать доверие к себе	1 2 3 4 5
2. Руководитель, который не способен контролировать свое эмоциональное состояние, может вызывать доверие окружающих	1 2 3 4 5
3. Решение задачи сотрудником без определенного плана действия не способствует снижению доверия к нему	1 2 3 4 5

Ключ к методике

Шкалы		Прямые пункты опросника	Обратные пункты опросника
Результативность		1_1, 3_2, 5_3, 9_3, 11_3, 13_3, 15_1, 21_2, 23_1	2_2, 6_1, 8_1, 10_1, 12_2, 18_2, 20_3, 22_1, 24_3
Порядочность		1_3, 3_1, 5_2, 7_3, 9_2, 13_2, 15_3, 17_1, 19_2	2_1, 4_2, 6_3, 10_3, 12_3, 14_3, 16_1, 22_2, 24_1
Забота о других		1_2, 3_3, 7_1, 9_1, 11_2, 19_3, 21_1	4_1, 6_2, 8_3, 10_2, 16_3, 18_1, 22_3
Компетентность	<i>Экспертная</i>	7_2, 17_3, 19_1	4_3, 14_1, 16_2
	<i>Организационная</i>	11_1, 21_3, 23_2	8_2, 18_3, 20_1
	<i>Эмоциональная</i>	5_1, 13_1, 15_2, 17_2, 23_3	2_3, 12_1, 14_2, 20_2, 24_2

Шкалы	Субшкалы	Прямые пункты опросника	Обратные пункты опросника
Результативность	<i>Эффективность</i>	1_1, 3_2, 13_3	10_1, 12_2, 22_1
	<i>Управление временем</i>	9_3, 15_1	6_1, 18_2
	<i>Целеполагание</i>	21_2	24_3
	<i>Командность</i>	5_3, 11_3, 23_2	2_2, 8_1, 20_3
Порядочность	<i>Уважительность</i>	5_2, 7_3, 17_1	2_1, 4_2, 14_3
	<i>Обязательность</i>	1_3, 9_2	16_1, 24_1
	<i>Организационные ценности</i>	13_2, 19_2	10_3, 22_2
	<i>Корпоративная культура</i>	3_1, 15_3	6_3, 24_1
Забота о других	<i>Вовлеченность</i>	9_1, 11_2, 21_1	6_2, 8_3, 18_1
	<i>Стимулирование</i>	1_2, 7_1	4_1, 16_3
	<i>Поддержка</i>	19_3	10_2
	<i>Понимание</i>	3_3	22_3

Литература

1. Базаров Т.Ю. Технология центра оценки персонала: процессы и результаты: практическое пособие. М.: КНОРУС, 2016. 302 с.
2. Базаров Т.Ю., Кариева Н.Т. Модифицированная модель концепции доверия в организации // Вопросы психологии. 2020. Т. 66. № 6. С. 81–94.
3. Беляев В.П., Валиев Н.Г., Халилу Х. Психология обеспечения корпоративной деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 4. С. 53–57.
4. Гулевич О.А., Сариева И.Р. Социальные верования, политическое доверие и готовность к политическому поведению: сравнение России и Украины // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 2. С. 74–92.
5. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Ин-т психол. РАН, 2008. 564 с.
6. Митина О.В. Разработка и адаптация психологических опросников. М.: Смысл, 2011. 231 с.
7. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2008. 730 с.
8. Шамянов Р.М. Социальные представления и субъективное благополучие личности в изменяющемся мире // Социальный мир человека. Вып. 3: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Человек и мир: конструирование и развитие социальных миров» (Ижевск, 24–25 июня 2010 г.). Ижевск: ERgO, 2010. 302 с.
9. Шо Р.Б. Ключи к доверию в организации: Результативность, порядочность, проявление заботы. М.: Дело, 2000. С. 252.
10. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2016. 440 с.
11. Davis J.H., Schoorman F.D., Mayer R.C., Tan H.H. The trusted general manager and business unit performance: Empirical evidence of a competitive advantage // Strategic Management J. 2007. Vol. 21. P. 563–576.
12. Kim W.C., Mauborgne R.A. Procedural justice, attitudes, and subsidiary top management compliance with multinationals' corporate strategic decisions // Academy of Management J. 2003. Vol. 36. P. 502–526.
13. La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W. Trust in Large Organizations. Working Paper 5864, National Bureau of Economic Research, Inc., Massachusetts. 1996. P. 333–338.
14. Mahajan A., Bishop J.W., Scott D. Does trust in top management mediate top management communication, employee involvement and organizational commitment relationships? // J. of Managerial Issues. 2012. Vol. 24. P. 173–190.

15. Mayer R.C., Gavin M.B. Trust in management and performance: Who minds the shop while employees watch the boss? // *Academy of Management J.* 2005. Vol. 48. P. 874–888.
16. Simons T., McLean Parks J. Empty words: The impact of perceived managerial integrity on employees, customers and profits // Paper presented at the annual meeting of the Academy of Management. CO. Denver. 2002. August. P. 662.
17. Woolcock M. The place of social capital in understanding social and economic outcomes // *Canadian Journal of Policy Research.* 2001. No. 2(1). P. 1–27.
18. Zak P.J., Fakhra A. Neuroactive hormones and interpersonal trust: International evidence // *Economics and Human Biology.* 2006. Vol. 4. P. 412–429.
19. Zak P.J., Knack S. Trust and growth. // *The Economic Journal.* 2001. Vol. 111. P. 295–321.

References

1. Bazarov T.Yu. Tekhnologiya tsentra otsenki personala: protsessy i rezul'taty: prakticheskoe posobie [Personnel assessment center Technology: processes and results]. Moscow: Knorus, 2016. 302 p. (In Russ.).
2. Bazarov T.Yu., Karieva N.T. Modifitsirovannaya model' kontseptsii doveriya v organizatsii [Modified model of confidence in the organization]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, 2020. Vol. 66, no. 6, pp. 81–94. (In Russ.).
3. Belyaev V.P., Valiev N.G., Khalilu H. Psikhologiya obespecheniya korporativnoi deyatel'nosti [Psychology of providing corporate activities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Bulletin of Moscow University*, 2011, no. 4, pp. 53–57. (In Russ.).
4. Gulevich O.A., Sarieva I.R. Sotsial'nye verovaniya, politicheskoe doverie i gotovnost' k politicheskomu povedeniyu: sravnenie Rossii i Ukrainy [Social beliefs, political trust and readiness for political behavior: a comparison of Russia and Ukraine]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 74–92. (In Russ.).
5. Kuprechenko A.B. Psikhologiya doveriya i nedoveriya [Psychology of confidence and distrust]. Moscow: Institute of Psychology. RAS, 2008. 564 p. (In Russ.).
6. Mitina O.V. Razrabotka i adaptatsiya psikhologicheskikh oprosnikov [Development and adaptation of psychological questionnaires]. Moscow: Meaning, 2011. 231 p. (In Russ.).
7. Fukuyam F. Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu [Trust: Social virtues and the path to prosperity]. Moscow: AST, 2008. 730 p. (In Russ.).
8. Shamionov R.M. Sotsial'nye predstavleniya i sub'ektivnoe blagopoluchie lichnosti v izmenyayushchemsya mire [Social ideas and subjective welfare of individuals in a changing world]. *Sotsial'nyi mir cheloveka. Vyp. 3: Materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Chelovek i mir: konstruirovaniye i razvitiye sotsial'nykh mirov"* (Ijevsk, 24–25 iyunya 2010 g.) [Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference "Man and World: Designing and Development of Social Worlds"]. Izhevsk: Ergo, 2010. 302 p. (In Russ.).
9. Sho R.B. Klyuchi k doveriyu v organizatsii: Rezul'tativnost', poryadochnost', proyavlenie zaboty [Keys to confidence in the organization: Performance, decency, manifestation of care]. Moscow: Case, 2000. 252 p. (In Russ.).
10. Shtompka P. Doverie – osnova obshchestva [Trust – the basis of society]. Moscow: Logos, 2016. 440 p. (In Russ.).
11. Davis J.H., Schoorman F.D., Mayer R.C., Tan H.H. The trusted general manager and business unit performance: Empirical evidence of a competitive advantage. *Strategic Management J.*, 2007. Vol. 21, pp. 563–576.
12. Kim W.C., Mauborgne R.A. Procedural justice, attitudes, and subsidiary top management compliance with multinationals' corporate strategic decisions. *Academy of Management J.*, 2003. Vol. 36, pp. 502–526.
13. La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W. Trust in Large Organizations. Working Paper 5864, National Bureau of Economic Research, Inc., Massachusetts, 1996, pp. 333–338.

14. Mahajan A., Bishop J.W., Scott D. Does trust in top management mediate top management communication, employee involvement and organizational commitment relationships? *J. of Managerial Issues*, 2012. Vol. 24, pp. 173–190.
15. Mayer R.C., Gavin M.B. Trust in management and performance: Who minds the shop while employees watch the boss? *Academy of Management J.*, 2005. Vol. 48, pp. 874–888.
16. Simons T., McLean Parks J. Empty words: The impact of perceived managerial integrity on employees, customers and profits. Paper presented at the annual meeting of the Academy of Management. CO. Denver. 2002. August. P. 662.
17. Woolcock M. The place of social capital in understanding social and economic outcomes. *Canadian Journal of Policy Research*, 2001, no. 2(1), pp. 1–27.
18. Zak P.J., Fakhra A. Neuroactive hormones and interpersonal trust: International evidence. *Economics and Human Biology*, 2006. Vol. 4, pp. 412–429.
19. Zak P.J., Knack S. Trust and growth. *The Economic Journal*, 2001. Vol. 111, pp. 295–321.

Информация об авторах

Базаров Тахир Юсуфович, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1591-3932>, e-mail: tbazarov@mail.ru

Кариева Назокатхон Тельмановна, аспирант, Институт изучения проблем молодежи и развития перспективных кадров при Агентстве по делам молодежи Республики Узбекистан, г. Ташкент, Республика Узбекистан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9393-0690>, e-mail: starnc@mail.ru

Information about the authors

Tahir Yu. Bazarov, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1591-3932>, e-mail: tbazarov@mail.ru

Nazokatkhon T. Karieva, PhD student, Institute for the Study of Youth Problems and Development of Promising Personnel under the Agency for Youth Affairs of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9393-0690>, e-mail: starnc@mail.ru

Получена 14.07.2021

Received 14.07.2021

Принята в печать 22.07.2022

Accepted 22.07.2022

Адаптация Методики аттитудов к физической инвалидности на российской выборке

Романова М.О.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5240-407X>, e-mail: toromanova@hse.ru

Кожан Е.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5760-9237>, e-mail: eakozhan@hse.ru

Быков А.О.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8573-5716>, e-mail: ao.bykov@hse.ru

Ефимова Л.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2431-1220>, e-mail: laefimova@edu.hse.ru

Асадуллина А.Ф.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2447-6890>, e-mail: af.asadullina@hse.ru

Цель. Адаптация на русский язык Методики аттитудов к физической инвалидности М. Пауэра и А. Грин (2010).

Контекст и актуальность. Опросы общественного мнения показывают, что отношение россиян к людям с инвалидностью сложное и неоднозначное. Однако в России на данный момент нет надежного инструмента для измерения аттитудов к инвалидности, которые, в свою очередь, влияют на благополучие людей с инвалидностью и процесс их инклюзии.

Дизайн исследования. Было проведено 2 исследования. Первое исследование было направлено на перевод и первичное тестирование суждений посредством когнитивного интервью, процедуры веб-пробинга и проведения опроса. Второе исследование было направлено на изучение валидности Методики аттитудов к физической инвалидности.

Участники. В выборку исследования 1 вошли 627 респондентов (45,6% мужчин, $Mage=35.99$); в выборку исследования 2 – 738 респондентов (45,8% мужчин, $Mage=36.21$).

Методы (инструменты). В ходе исследования были проведены когнитивные интервью и веб-пробинг, а также 2 опроса с использованием переведенной Методики аттитудов к физической инвалидности, шкалы ориентации на социальное доминирование, шкалы веры в справедливый мир и краткой версии «Большой пятерки».

Результаты. Результаты эксплораторного факторного анализа (ЭФА) показали трехфакторную структуру русскоязычного варианта методики. Конфирматорный факторный анализ (КФА) подтверждает хорошее соответствие модели данным. Результаты корреляционного

анализа свидетельствуют в пользу конструктивной валидности методики, а высокий показатель α Кронбаха показывает ее внутреннюю согласованность.

Основные выводы. Русскоязычный вариант Методики аттитудов к физической инвалидности является надежным и валидным инструментом для изучения отношения к людям с инвалидностью в России.

Ключевые слова: Методика аттитудов к физической инвалидности, адаптация методики, предрассудки.

Финансирование. Работа выполнена на базе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в работе над исследованием Е.Р. Агадуллину и И.Р. Сариеву.

Для цитаты: Романова М.О., Кожан Е.А., Быков А.О., Ефимова Л.А., Асадуллина А.Ф. Адаптация Методики аттитудов к физической инвалидности на российской выборке // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 3. С. 163–183. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130310>

Attitudes Towards Physical Disability Scale Adaptation on a Russian Sample

Marina O. Romanova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5240-407X>, e-mail: moromanova@hse.ru

Elizaveta A. Kozhan

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5760-9237>, e-mail: eakozhan@hse.ru

Artur O. Bykov

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8573-5716>, e-mail: ao.bykov@hse.ru

Liudmila A. Efimova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2431-1220>, e-mail: laefimova@edu.hse.ru

Asiya F. Asadullina

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2447-6890>, e-mail: af.asadullina@hse.ru

Objective. *The Attitudes to Physical Disability Scale (ADS) adaptation.*

Background. *Opinion polls show that in Russia perception of people with disabilities is complex and ambiguous. However, there is still no reliable method for measuring attitudes towards disability in Russia, but attitudes influence people with disabilities' well-being and their inclusion.*

Study design. *We conducted 2 studies. Within study 1 the original scale items were translated, tested at the stages of cognitive interviews and web-probing and corrected. Then a survey containing only the translated scale was conducted. In study 2 additional scales were included in the questionnaire in order to check the construct validity of the ADS.*

Participants. *Study 1 sample included 627 respondents (45,6% men, Mage=35.99). Study 2 sample included 738 respondents (45,8% men, Mage=36.21).*

Measurements. During the research a series of cognitive interviews, web-probing and 2 surveys were conducted. Attitudes to Physical Disability Scale, social dominance orientation scale, just world belief scale and «Big Five Inventory» were used.

Results. EFA results revealed the 3-factor structure of the Russian ADS version. CFA results indicated that the model has a good fit. Correlation analysis results proved scale construct validity, while high Cronbach's α score proved its internal consistency.

Conclusions. Russian ADS version proved to be a reliable and valid tool for investigating attitudes towards people with disabilities in Russia.

Keywords: Attitudes to Physical Disability Scale (ADS), scale adaptation, prejudice.

Funding. This work was supported by National Research University "Higher School of Economics".

Acknowledgements. The authors are grateful for assistance in research process to E.R. Agadullina and I.R. Sarieva.

For citation: Romanova M.O., Kozhan E.A., Bykov A.O., Efimova L.A., Asadullina A.F. Attitudes Towards Physical Disability Scale Adaptation on a Russian Sample. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 163–183. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130310> (In Russ.).

Введение

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет инвалидность как изменения в функциях или строении тела, которые могут приводить к сложностям при выполнении определенных действий и затруднять участие человека в различных жизненных ситуациях [27]. При описании инвалидности социальные исследователи фокусируются на социальных процессах, подразумевающих негативное отношение к людям с инвалидностью [20]. Именно такой фокус позволяет понять, как инвалидность конструируется на социальном уровне, к каким предрассудкам, стереотипам и типам дискриминации она ведет.

Существует большой спектр предрассудков, которым подвергаются люди с инвалидностью. Доброжелательные предрассудки часто приобретают патерналистскую форму и выражаются в излишней опеке, инфантилизации, неуместных предложениях помощи, завышении оценок повседневных действий (таких как посещение общественных мест или вождение автомобиля), кото-

рые могут являться следствием заниженных ожиданий [23]. В некоторых случаях доброжелательные предрассудки перерастают в героизацию — чрезмерное восхищение людьми с инвалидностью. Это может выражаться в комплиментах о том, что такие люди вдохновляют или являются примером для подражания, а также в чрезмерном восхищении их действиями.

К враждебным предрассудкам по отношению к людям с инвалидностью относят насильственные преступления на почве ненависти и травлю [25]. Также такие предрассудки проявляются в избегании людей с инвалидностью и выражении отвращения по отношению к ним и связаны со страхом заражения или получения инвалидности [16]. Этот страх может выражаться напрямую во фразах наблюдателей о том, что жизнь их была бы кончена, если бы они приобрели инвалидность, или в опасении передачи инвалидности по наследству. Кроме того, люди с инвалидностью часто подвергаются объективации (т.е. опредмечиванию), которая, в свою очередь, приводит к

дегуманизации — т.е. рассмотрению их как не в полной мере соответствующих прототипу человека [18]. Другими формами проявления этих предрассудков являются зависть, сомнения в оправданности получаемых специальных условий, например, парковочных мест или дополнительного времени при сдаче экзаменов [18; 25].

Важными параметрами, влияющими на восприятие людей с инвалидностью, являются тип инвалидности и ее «заметность»: физическая (например, ампутированная конечность), сенсорная (например, нарушение слуха) и некоторые другие типы инвалидности более заметны за счет использования человеком вспомогательных средств или явных отличий в его внешности, в то время как такие типы инвалидности, как интеллектуальная (умственная отсталость), ментальная (например, серьезное психическое расстройство), инвалидность, вызванная хроническими болезнями, могут быть неочевидными для наблюдателей [26]. В зависимости от этих различий у наблюдателей могут в большей степени актуализироваться те или иные типы предрассудков. Например, люди с более заметными типами инвалидности чаще сталкиваются с неуместными предложениями помощи, гиперопекой, восхищением и вербальной агрессией, в то время как люди с менее заметными формами инвалидности — с комментариями о сомнении в их статусе инвалидности и осуждением за использование «особых привилегий» [18].

Несмотря на то, что тема восприятия людей с инвалидностью является важной для любого общества, большинство научных исследований в этой области проводится за рубежом. В России отношение к инвалидности чаще всего исследуется в опросах общественного мнения. По дан-

ном опроса ФОМ, большинству опрошенных (66%) не было свойственно ощущать дискомфорт при общении с людьми с инвалидностью, однако их восприятие является амбивалентным — 46% респондентов считают свойственными людям с инвалидностью как положительные качества (например, воля, любовь к жизни и доброта), так и отрицательные (например, агрессивность, раздражительность и замкнутость) [7]. Похожие результаты были получены и в опросе НАФИ: 25% опрошенных ответили, что стремятся избегать общения с людьми с инвалидностью, а также 40% респондентов упоминали замкнутость как свойственную им черту характера [1].

Опрос ВЦИОМ о восприятии положения инвалидов в России указывает на возросшее (с 26% в 2010 году до 52% в 2018 году) количество людей, считающих, что за последние 5–10 лет отношение к людям с инвалидностью изменилось в лучшую сторону [3]. Однако о положительных изменениях говорят в основном люди, в кругу общения которых нет людей с инвалидностью (56%), и люди, у которых есть знакомые с инвалидностью (53%). Среди опрошенных, имеющих инвалидность, или у членов их семей процент выбравших этот вариант ответа значительно меньше (37% и 43% соответственно), и они чаще подчеркивают отсутствие каких-либо изменений (43%) в отношении к ним.

Таким образом, тема инвалидности и отношения к ней является важной частью общественного дискурса. Тем не менее на настоящий момент в России нет качественного инструмента, который позволил бы изучать установки населения по отношению к инвалидности и исследовать их различные последствия. Все это свидетельствует о необходимости разработки такого инструмента в России.

О шкале аттитудов к инвалидности

Шкала отношения к инвалидности была разработана в 2010 году М. Пауэром, А. Грин и Группой Всемирной Организации Здравоохранения по качеству жизни (The World Health Organization Quality of Life Group, WHOQOL Group) для оценки отношения к инвалидности (ADS, general form (общая версия)) и отношения к своей инвалидности среди людей с интеллектуальной и физической инвалидностью (ADS, personal form (личная версия)) [20].

В ходе разработки авторы намеревались создать кросс-культурный инструмент для измерения отношения к инвалидности, учитывая особенности предрассудков, испытываемых людьми с инвалидностью. Предложенная методика состоит из 4 субшкал. Первая субшкала «инклюзия» (inclusion) описывает аспекты вовлечения людей с инвалидностью в социальную жизнь, а также то, является ли такой человек обузой для своей семьи и общества в целом (пример суждения — «Людам с инвалидностью сложнее заводить новых друзей»). Вторая субшкала «дискриминация» (discrimination) включает в себя различные проявления дискриминации по отношению к людям с инвалидностью (пример суждения — «Люди относятся к людям с инвалидностью как к тем, кто не способен испытывать чувства»). Третья субшкала «приобретения» (gains) фокусируется на положительных приобретениях, к которым может приводить инвалидность (пример суждения — «Инвалидность может закалить силу воли»). Четвертая субшкала «перспективы» (prospects) выражает ожидания от будущего, а также влияние инвалидности на людей с инвалидностью (пример суждения — «У людей с инвалидностью меньше перспектив в жизни, чем у других людей»).

Разработка состояла из нескольких этапов и проводилась параллельно в 14 разных странах (например, Франция, Китай, Бразилия и другие). Во всех странах шкала подтверждала четырехфакторную структуру и продемонстрировала высокие показатели надежности и согласованности (средние $\alpha=0.79$ для общей версии, $\alpha=0.76$ для респондентов с интеллектуальной инвалидностью). В систематическом обзоре методик, измеряющих отношение к инвалидности, общая пригодность (overall utility) данной методики была оценена как адекватная благодаря высоким уровням надежности и конструктивной валидности, а также кросс-культурной валидности [19].

Однако не во всех случаях исходная структура шкалы успешно воспроизводится. В исследовании на выборке людей без инвалидности из стран Европы (например, Болгария, Польша, Швеция и другие) было показано, что некоторые суждения из шкалы инклюзии могут относиться к шкале перспектив [28]. Вероятно, это связано с высокой корреляцией между этими шкалами, что указывает на их смысловую схожесть, в связи с чем методика была рекомендована к доработке. Похожие результаты были получены в исследовании Л. Лиона и Р. Хаусера (2016), которые подтвердили, что шкалы инклюзии и перспектив могут объединяться в один фактор, который авторы назвали «возможности» (opportunities). Подобные расхождения в структуре шкалы могут быть связаны с культурными особенностями стран, специфическими стереотипами о людях с инвалидностью, различными социальными практиками, которые распространены в этих странах, а также с характеристиками тех групп, которые привлекаются к исследованиям в качестве респондентов.

Исследования с использованием методики отношения к инвалидности и ее адаптаций показали связь данных установок с различными социально-демографическими и личностными характеристиками. Женщины и пожилые оценивают ситуацию, в которой находятся люди с инвалидностью, выше по показателям инклюзии и перспектив, а также видят больше приобретений, которым приводит инвалидность, равно как и люди с личным опытом инвалидности и люди, имеющие высокий уровень знаний о ней [10; 28]. При этом люди, оказывающие уход за другими людьми с инвалидностью, выражают наиболее отрицательное отношение к людям с инвалидностью, и оно со временем сильнее поляризуется [29]. Люди с инвалидностью в целом демонстрируют положительное отношение к инвалидности, но для них отношение к собственной инвалидности выполняет роль медиатора между степенью тяжести инвалидности и качеством жизни: более тяжелая инвалидность сопровождается более плохим отношением к ней, что, в свою очередь, связано с более низким качеством жизни [29; 30].

Что касается разнообразных личностных характеристик, было установлено, что аттитюды к инвалидности положительно связаны с ориентацией на социальное доминирование (ОСД) [17] и верой в справедливый мир [13]. Кроме того, существует связь аттитюдов к инвалидности с чертами «Большой пятерки»: более высокие уровни нейротизма ассоциируются с более негативными установками, в то время как выраженность всех остальных черт «Большой пятерки» свидетельствует о более позитивных аттитюдах к инвалидности [13].

Таким образом, эта методика является прекрасным инструментом для измерения отношения к людям с инвалидностью и широко используется за рубежом.

Ее адаптация поможет лучше понять специфику восприятия людей с инвалидностью россиянами, что позволит более качественно включать их в жизнь общества. Цель данной работы — апробация и психометрическая проверка методики Аттитюдов к физической инвалидности на русскоязычной выборке.

Исследование 1

Цель данного исследования — адаптировать и протестировать оригинальные суждения методики на русскоязычной выборке. На первом этапе каждое суждение независимо переводилось 7 экспертами с высоким уровнем владения английским языком. Полученные переводы сравнивались между собой, в результате были предложены окончательные варианты формулировок для дальнейшего тестирования.

Когнитивные интервью

Метод когнитивного интервью позволяет понять, как респонденты интерпретируют вопросы методики и формируют ответы. На данном этапе исследования была использована техника вербального пробинга (verbal probing), при которой респондентов просят озвучить свою интерпретацию вопросов и перефразировать и/или прокомментировать определенные формулировки, чтобы выявить двусмысленные или плохо сформулированные утверждения [15]. Цель данного этапа — проверка качества перевода суждений методики, а также выбор варианта перевода для тех суждений, где было предложено 2–3 альтернативных перевода.

В когнитивном интервью приняли участие 10 респондентов, 8 женщин и 2 мужчин. Возраст респондентов составил от 19 до 61 ($M=33.6$; $Sd=16.1$). Каждому участнику предлагалось выразить степень согласия с каждым из предло-

женных утверждений по семибальной шкале Ликерта (где 1 — полностью не согласен, 7 — полностью согласен). После этого интервьюер устно задавал уточняющие вопросы в соответствии с основными категориями когнитивных тестов или проб. В пробе выбора респонденту предлагалось объяснить, почему он выбрал именно такой вариант ответа на утверждение. В пробе ясности спрашивалось, не возникло ли у него трудностей в понимании фразы в целом. В пробе парафразы респонденту нужно было переформулировать суждение с сохранением изначального смысла. Все эти пробы предъявлялись во всех случаях. Также в тех суждениях, которые содержали термины или определенные устоявшиеся конструкции, использовалась проба понимания с целью выявить их понимание респондентами.

В ходе анализа особое внимание уделялось тем утверждениям, с которыми у респондентов возникли трудности. Кроме того, были проанализированы суждения, для которых было предложено 2–3 варианта перевода, с целью выбора итоговых вариантов для дальнейших этапов.

В результате анализа был выбран следующий вариант перевода утверждения «People with a disability have problems getting involved in society»: «Люди с инвалидностью испытывают трудности при вовлечении в жизнь общества», так как у респондентов возникли трудности с однозначным пониманием таких словосочетаний, как «социальная жизнь» и «участие в жизни общества», присутствующих в других вариантах перевода. Был выбран перевод утверждения «People with a disability are easier to take advantage of (exploit or treat badly) compared with other people» — «Людей с инвалидностью легче использовать в

своих интересах (эксплуатировать или плохо относиться к ним) по сравнению с другими людьми», потому что он является наиболее полным и понятным для респондентов. Был выбран следующий вариант перевода утверждения «People tend to become impatient with those with a disability»: «Люди, как правило, теряют терпение при общении с людьми с инвалидностью», так как альтернативный перевод содержал многозначное слово «нетерпимость» и излишне эмоционально окрашенное слово «раздражают», затрудняющие восприятие утверждения респондентами. Также было принято решение выбрать вариант перевода утверждения «People with a disability should not be optimistic (hopeful) about their future»

«Людам с инвалидностью не стоит быть оптимистичными по отношению к своему будущему» из-за неудовлетворительных результатов пробы ясности других вариантов перевода. Остальные варианты суждений остались без изменений.

Веб-пробинг

Веб-пробинг — это использование техник когнитивных интервью в онлайн-опросе. Веб-пробинг предоставляет большие возможности для поиска респондентов и анализа данных по сравнению с когнитивными интервью [9]. Цель данного этапа — валидизация финальных вариантов суждений методики.

В данном этапе приняли участие 23 респондента (10 мужчин) в возрасте от 18 до 63 лет ($M_{age}=29.3$, $SD_{age}=13.3$). Респонденты проходили опросник на платформе SurveyMonkey, где им предлагалось выразить степень согласия с каждым утверждением по семибальной шкале Ликерта (где 1 — полностью не согласен, 7 — полностью согласен), а затем ответить на 3–4 дополнительных вопроса-пробы касательно каждого из утверж-

дений, аналогичные пробы в когнитивном интервью.

По результатам веб-пробинга утверждения «Инвалидность может сделать человека сильнее духом» и «Не следует обсуждать личную жизнь с людьми с инвалидностью» были изменены на «Инвалидность может закалить силу воли» и «Не следует спрашивать совета о сексуальной жизни у людей с инвалидностью» в силу схожих ответов на первые формы утверждений, согласно результатам анализа проб выбора. Утверждения «Люди с инвалидностью испытывают трудности при вовлечении в жизнь общества», «Люди с инвалидностью — обуза для общества», «Людей с инвалидностью легче использовать в своих интересах (эксплуатировать или плохо относиться к ним) по сравнению с другими людьми» были уточнены до следующих формулировок соответственно: «Люди с инвалидностью, даже при наличии всех необходимых для них условий, не смогут вести такой же образ жизни, как и среднестатистический член общества», «Наличие поблизости людей с инвалидностью накладывает существенные обязательства на окружающих», «Людьми с инвалидностью легче манипулировать и использовать их в своих интересах» в силу средней дифференциации согласно результатам анализа проб выбора и большого разброса пробы понимания. В остальных суждениях не было найдено никаких проблем, поэтому они остались без изменений.

Итоговые варианты перевода каждого из утверждений, использовавшихся в дальнейших этапах апробации, приведены в Приложении 1.

Первичная апробация

Поскольку авторы оригинальной методики подчеркивают необходимость

адаптации шкалы в 2 вариантах (для физической и для интеллектуальной инвалидностей), а также в связи с тем, что на этапах когнитивного интервью и веб-пробинга респонденты упоминали тип инвалидности как важный аспект, влияющий на степень согласия с утверждением методики, было принято решение разделить типы инвалидности и в русской версии методики. В рамках данного исследования тестировалась только шкала для физического типа инвалидности. К формулировке каждого вопроса шкалы было добавлено словосочетание «физическая инвалидность».

Процедура

Исследование проводилось в формате онлайн-опроса на платформе SurveyMonkey. Сбор респондентов осуществлялся с помощью сервиса Яндекс.Толока, за участие в исследовании полагалось вознаграждение. Все респонденты предоставили информированное согласие на участие в исследовании.

Выборка

В исследовании приняли участие 627 респондентов (286 мужчин) старше 18 лет ($M_{age}=35.99$, $SD_{age}=10.27$). Им предлагалось оценить 16 утверждений по семибалльной шкале Ликерта (где 1 — полностью не согласен, 7 — полностью согласен). Большинство респондентов имеют законченное высшее образование (52,2%), 9,7% на момент опроса обучались на программах бакалавриата или специалитета, 26% имеют среднее специальное, а 9,1% — среднее образование.

Результаты

Структура шкалы

Для проверки факторной структуры исследуемой шкалы был проведен экспериментальный факторный анализ (ЭФА)

с вращением Varimax на языке R в среде RStudio версии 4.1.0 с использованием пакета psych [21]. Полученные результаты, включая факторные нагрузки всех суждений, представлены в табл. 1. Данные показали плохое соответствие оригинальной факторной структуре, поэтому была использована альтернативная трехфакторная структура. Первый фактор объясняет 17,4% дисперсии и включает в себя 6 суждений, которые в оригинальной методике относятся к субшкалам «инклюзия» и «перспективы». Второй фактор объясняет 12,1% дисперсии и содержит 3 утверждения шкалы «приобретения», а третий – 8,5% дисперсии и состоит из 3 утверждений субшкалы «дискриминация».

Основное отличие от оригинальной структуры в том, что модель содержит 3 фактора вместо 4: субшкалы «инклюзия» и «перспективы» объединились в одну, которую мы назвали субшкалой «возможности». Кроме того, были удалены 4 самых слабых по нагрузке (меньше 0.4) суждения, 1 из которых было удалено также в исследовании Л. Лиона и Р. Хаусера (2016). Важно отметить, что даже несмотря на то, что 3 других удаленных суждения отличны от тех, что были удалены в их исследовании, паттерны распределения факторных нагрузок весьма схожи: шкалы «дискриминация» и «приобретения» устойчивы и состоят только из оригинальных суждений методики, в то время как третья

Таблица 1

Факторные нагрузки для трехфакторной модели Методики аттитюдов к физической инвалидности

Субшкала	№ суждения	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
Инклюзия (Возможности)	1	0.545/ 0.527	0.063/0.113	0.164/0.14	-0.149/-
	2	0.599/ 0.599	-0.034/-0.009	0.015/0.001	0.034/-
	3	0.499/-	0.234/-	0.073/-	-0.057/-
	4	0.55/ 0.579	-0.149/-0.134	0.199/0.174	0.15/-
Дискриминация	5	0.041/0.044	0.178/0.17	0.474/ 0.493	-0.025/-
	6	0.301/-	0.053/-	0.318/-	-0.032/-
	7	0.302/0.297	-0.005/0.005	0.558/ 0.534	-0.036/-
	8	0.032/0.086	-0.056/-0.088	0.621/ 0.601	0.199/-
Приобретения	9	-0.024/-0.083	0.689/ 0.776	-0.106/-0.098	-0.089/-
	10	0.091/0.058	0.708/ 0.61	0.004/0.048	0.135/-
	11	-0.122/-	0.511/-	0.116/-	-0.022/-
	12	0.047/-0.007	0.624/ 0.637	0.097/0.106	-0.119/-
Перспективы (Возможности)	13	0.404/ 0.42	0.018/0.031	0.069/0.071	0.118/-
	14	0.538/ 0.564	-0.071/-0.043	0.214/0.237	0.342/-
	15	0.405/-	-0.198/-	0.356/-	0.351/-
	16	0.718/ 0.719	-0.079/-0.014	0.052/0.018	0.013/-

Примечание: слева от слеша указаны факторные нагрузки суждений по оригинальной четырехфакторной структуре, справа – нагрузки в окончательной трехфакторной сокращенной версии шкалы.

шкала, которую авторы назвали «возможности», включает в себя суждения шкал «инклюзия» и «перспективы». Таким образом, в финальной версии Методики аттитюдов к физической инвалидности 12 суждений: 2 субшкалы по 3 суждения и 1 субшкала из 6 суждений. В таком варианте шкала была использована в исследовании 2.

Исследование 2

Цель данного исследования — финальная апробация Методики аттитюдов к физической инвалидности. На этом этапе была исследована связь шкал методики с дополнительными ковариатами, был произведен анализ функционирования каждого суждения, а также проверена предлагаемая трехфакторная структура русскоязычной версии шкалы.

Выборка

Процедура исследования 2 была аналогичной процедуре в исследовании 1. В исследовании приняли участие 738 респондентов (338 мужчин) старше 18 лет ($M_{age}=36.21$, $SD_{age}=11.2$). Большинство респондентов имеют либо законченное высшее (48,3%), либо среднее специальное (26,9%) образование. 12,2% респондентов на момент опроса обучались в вузах, все остальные имели только начальное, среднее или два высших образования либо являлись кандидатами наук. Среди респондентов большинство не исповедуют никакой религии (46,5%) или исповедуют православие (45,9%). Подавляющее большинство респондентов считают себя русскими (91,3%). 33,5% респондентов — жители городов-миллионников, 18,6% и 17% проживают в городах с населением от 250 до 500 тысяч и от 500 тысяч до 1 миллиона жителей соответственно. Среди респондентов также 12,4% жителей маленьких городов

(до 50 тысяч), 10,6% и 7,9% жителей городов с населением от 50 до 100 тысяч и от 100 до 250 тысяч жителей. Большинство респондентов определяют свой уровень дохода скорее как средний: 35,5% требуется кредит для покупки дорогих вещей вроде компьютера, а 22,9% не хватает денег на покупку мелкой бытовой техники. 21,6% респондентов необходимо аккумулировать средства только на крупные покупки, а 1,1% может позволить себе все. С другой стороны, 14,1% респондентов не хватает на покупку одежды и обуви, а 4,8% — даже на покупку еды. Кроме того, 7,2% респондентов являются работниками хосписов или социальными работниками, 19% имеют родственника или близкого человека с инвалидностью, а 3,4% сами имеют инвалидность.

Методики

Для проверки конструктивной валидности были использованы следующие методики: шкала ориентации на социальное доминирование ($\alpha=0.81$) [2], шкала веры в справедливый мир ($\alpha=0.85$) [6] и краткая версия «Большой пятерки» ($\alpha=0.85$) [24].

Результаты

Шкала продемонстрировала относительно высокий уровень внутренней согласованности ($\alpha=0.76$). Суждения обладают различными особенностями (см. табл. 2). Так, распределения суждений 1, 2, 4, 7, 8, 9, 10 и 12 обладают левосторонней асимметрией, однако в случае 4 и 10 утверждений коэффициент довольно мал, что означает близость их распределений к нормальному. В случае же оставшихся утверждений с левосторонней асимметрией можно говорить о том, что респонденты чаще соглашаются с ними, в то время как с суждениями с право-

Таблица 2

Описательные статистики всех пунктов методики

№	Формулировка утверждения	M	SD	Med	A	Э	r субшкала	r вся шкала
1	Людам с инвалидностью сложнее заводить новых друзей	4.81	1.56	5	-0.69	-0.19	0.56	0.49
2	Люди с инвалидностью, даже при наличии всех необходимых для них условий, не смогут вести такой же образ жизни, как и среднестатистический член общества	4.66	1.59	5	-0.48	-0.56	0.6	0.5
3	Люди с инвалидностью — обуза для своей семьи	3.41	1.56	3	0.22	-0.64	0.47	0.51
4	Люди часто насмеваются над чужой инвалидностью	4.11	1.59	4	-0.06	-0.75	0.54	0.39
5	Люди обычно теряют терпение при общении с людьми с инвалидностью	3.46	1.53	3	0.29	-0.69	0.61	0.48
6	Люди относятся к людям с инвалидностью как к тем, кто не способен испытывать чувства	2.48	1.52	2	1.02	0.34	0.5	0.29
7	Инвалидность может закалить силу воли	5.13	1.47	5	-0.74	0.15	0.74	0.2
8	Инвалидность может сделать человека мудрее	4.71	1.58	5	-0.50	-0.40	0.77	0.28
9	Люди с инвалидностью более мотивированы добиваться своих целей, чем люди без инвалидности	4.71	1.52	5	-0.37	-0.32	0.72	0.26
10	Не следует спрашивать совета о сексуальной жизни у людей с инвалидностью	4.19	1.73	4	-0.08	-0.83	0.48	0.34
11	Не следует ожидать многого от людей с инвалидностью	3.37	1.62	3	0.34	-0.67	0.62	0.47
12	У людей с инвалидностью меньше перспектив в жизни, чем у других людей	4.05	1.64	4	-0.15	-0.78	0.5	0.48

Примечания: M — среднее, SD — стандартное отклонение, Med — медиана, A — асимметрия, Э — эксцесс, r субшкала — корреляция с суммой остальных пунктов субшкалы (без учета коррелируемого пункта), r шкала — корреляция с суммой остальных пунктов шкалы (без учета коррелируемого пункта).

сторонней асимметрией (3, 5, 6 и 11) они чаще не согласны. Суждения 6 и 7 имеют положительный эксцесс, что указывает на «островершинность» распределения ответов и сосредоточенность их большого количества у среднего. Остальные

суждения имеют отрицательный эксцесс, что, напротив, указывает на пологость распределения и достаточно большое количество «крайних» ответов.

Для оценки структурной валидности шкалы был проведен конфирма-

торный факторный анализ (КФА) в среде RStudio с использованием пакета lavaan [22], для расчета индексов соответствия был использован эстиматор MLR. Значения $\chi^2/df < 3$, RMSEA < 0.06 , SRMR ≤ 0.08 , TLI ≥ 0.95 и CFI ≥ 0.95 были выбраны как индикаторы хорошего качества модели [11].

Полученная модель показала низкое соответствие данным: $\chi^2(51) = 288.709$, RMSEA = 0.080 [90% CI: [0.072; 0.088], CFI = 0.894, TLI = 0.863, SRMR = 0.061. Анализ индексов модификации модели показал, что добавление ковариации между суждениями 1 и 2 (изначально субшкала «инклюзии»), 10 и 11 (изначально субшкала «перспектив»), а также 1 и 11 может существенно улучшить ее показатели. Модель с добавлением этих ковариаций действительно показала хорошее соответствие данным: $\chi^2(48) = 147.475$, RMSEA = 0.053 [90% CI: [0.045; 0.062], CFI = 0.956, TLI = 0.939, SRMR = 0.048. Две из этих ковариаций – ковариации между суждениями, которые в оригинальной версии методики входили в отдельные субшкалы и, соответственно, близки друг другу по смыслу. Однако в данном и некоторых зарубежных исследованиях эти шкалы объединялись в одну, что указывает на их смысловую схожесть и является основанием для введения 3 ковариации (суждения 1 и 11). Скорректированная модель представлена на рис.

Для проверки инвариантности структуры шкалы при измерении на разных выборках был проведен мультигрупповой конфирматорный факторный анализ (МКФА) в группах людей, разделенных по полу, уровню образования и религиозной принадлежности. Для МКФА уровень образования и религиозная принадлежность были дихотомизированы: люди с высшим образовани-

ем (включая студентов вузов; N=477) и люди без него (N=258), не исповедующие никакой религии (N=342) и исповедующие любую религию (N=393). Инвариантность оценивалась на трех уровнях: структурном (идентичность структуры шкалы в разных группах), метрическом (идентичность факторных нагрузок суждений шкалы в разных группах) и скалярном (идентичность уровня «сложности» суждений в разных группах/идентичность смысла суждений для оцениваемого конструкта) и считалась доказанной, если $\Delta CFI \leq 0.01$ и $\Delta RMSEA \leq 0.015$, а также если модели значимо не отличались друг от друга [14]. Согласно полученным результатам, представленным в табл. 3, шкала аттитудов к физической инвалидности обладает полной инвариантностью при сравнении групп, разделенных по признакам пола, уровня образования и религиозной принадлежности.

Также с помощью корреляционного анализа Спирмена была проверена и подтверждена конвергентная валидность методики. Аттитюды к физической инвалидности положительно связаны с ОСД ($r = 0.09$, $p = 0.01$) и нейротизмом ($r = 0.09$, $p = 0.01$), а также отрицательно связаны с доброжелательностью ($r = -0.14$, $p < 0.001$) и добросовестностью ($r = -0.08$, $p = 0.04$), как и в аналогичных исследованиях [13; 17]. При этом ожидаемой связи с верой в справедливый мир найдено не было ($r = -0.05$, $p = 0.14$). Все значимые корреляции слабые или умеренные, что свидетельствует о том, что методика измеряет уникальный конструкт.

Обсуждение результатов

Целью данного исследования была успешная адаптация Методики аттитудов к физической инвалидности на

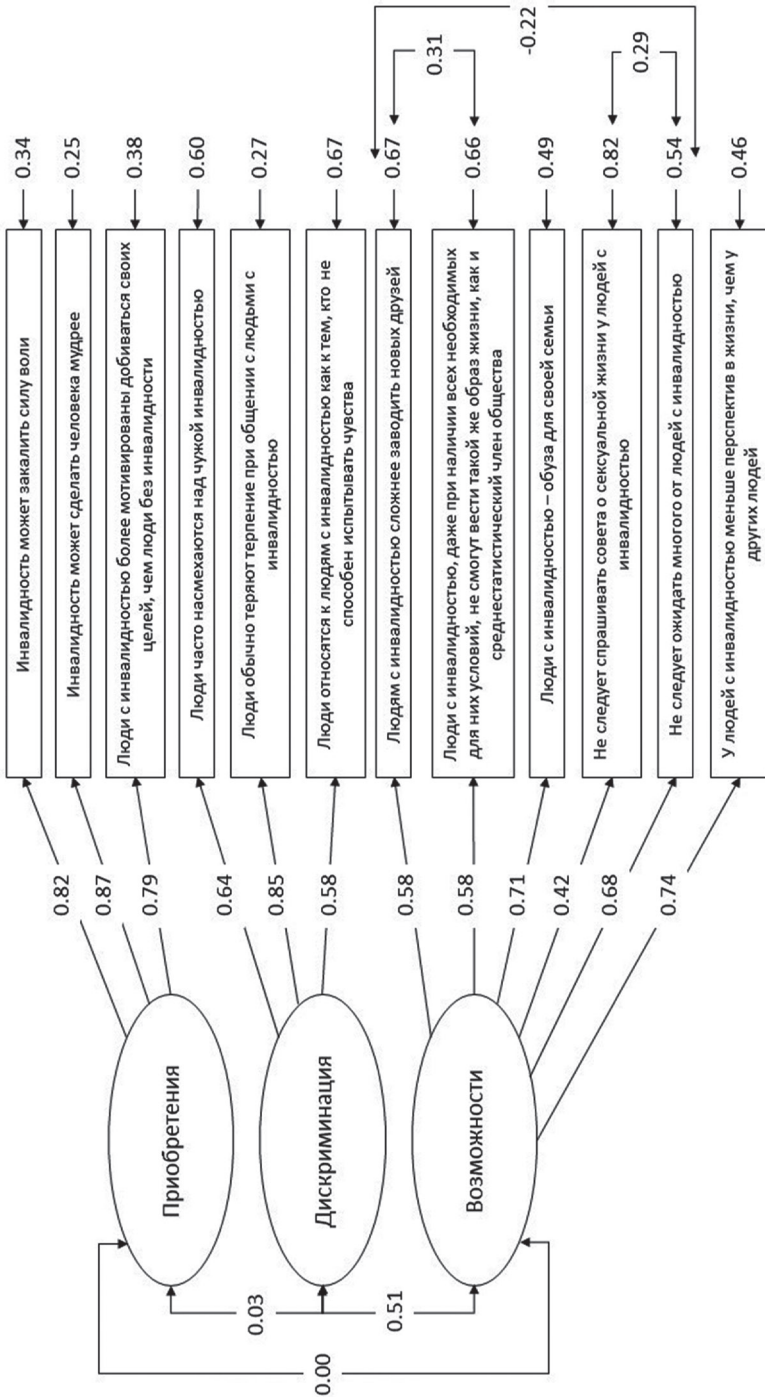

Рис. Структура шкалы attiтудов к физической инвалидности с факторными нагрузками

Таблица 3

Результаты МКФА по полу, уровню образования и религиозной принадлежности

Группа	Модель	χ^2	df	RMSEA	95%CI RMSEA	SRMR	CFI	TLI	AIC	$\delta\chi^2$	δ RMSEA	δ CFI	p-value
Пол	Configural	189.663	96	0.052	0.042–0.061	0.049	0.958	0.943	30204.788	-	-	-	-
	Metric	203.028	105	0.050	0.041–0.060	0.053	0.956	0.945	30201.430	13.365	0.002	0.002	0.17
	Scalar	213.168	114	0.049	0.039–0.058	0.054	0.956	0.949	30192.104	10.140	0.001	0.000	0.47
Образование	Configural	196.373	96	0.053	0.044–0.063	0.051	0.956	0.940	30202.160	-	-	-	-
	Metric	203.899	105	0.051	0.041–0.060	0.053	0.957	0.946	30192.274	7.526	0.002	0.001	0.64
	Scalar	212.709	114	0.049	0.039–0.058	0.054	0.957	0.950	30181.060	8.810	0.002	0.000	0.65
Религиозная принадлежность	Configural	201.083	96	0.055	0.045–0.064	0.050	0.954	0.937	30182.811	-	-	-	-
	Metric	213.385	105	0.053	0.044–0.062	0.054	0.953	0.941	30178.588	12.302	0.002	0.001	0.22
	Scalar	227.237	114	0.052	0.043–0.061	0.054	0.951	0.943	30173.548	13.852	0.001	0.002	0.17

русский язык. Согласно полученным результатам, адаптированная методика обладает структурной и конвергентной валидностью, а также внутренней согласованностью. Тем не менее в процессе адаптации были выявлены некоторые важные особенности работы методики в российском контексте. В частности, субшкалы «инклюзия» и «перспективы» объединились в одну. В ряде зарубежных исследований эти шкалы также объединялись, либо между ними обнаруживалась сильная корреляция. Вероятно, во многих культурных контекстах восприятие включенности в жизнь общества сильно связано с теми перспективами, которые есть в жизни людей с инвалидностью, и их будущее ассоциируется в первую очередь с общением с другими людьми. Государство в целом поощряет любое включение людей с инвалидностью в жизнь общества: для работодателей существуют определенные налоговые льготы, а за отказ человеку с инвалидностью в посещении культурного мероприятия предусмотрена административная ответственность [5]. НКО выделяют социализацию людей с инвалидностью и преодоление предрассудков по отношению к таким людям в отдельное направление работы, которое должно способствовать созданию инклюзивного общества. Так, они проводят кампании, информирующие публику о достижениях и трудностях людей с инвалидностью, предоставляют людям с инвалидностью возможность рассказать о себе и обсудить формы социальной активности, в которых они могут или хотели бы участвовать [8].

На всех этапах исследования субшкала «приобретения» оказалась наиболее устойчивой. В некоторых исследованиях эта шкала была обратной и свидетельствовала о меньшей выраженности

предрассудков по отношению к людям с инвалидностью, однако в российском контексте она отражает доброжелательные предрассудки и является прямой. Таким образом, отражается одно из направлений предрассудков — идеализация духовной силы людей с инвалидностью. Это может быть связано с тем, что человек с инвалидностью иногда воспринимается героем: этому способствуют некоторые представления об инвалидности, а также изображение людей с инвалидностью в массовой культуре. Например, респонденты в ходе веб-пробинга часто вспоминали Стивена Хокинга, приводя его как пример гения и человека, у которого в жизни много перспектив. В целом ученые и деятели искусства, которые имеют инвалидность, часто привлекают общественное внимание и становятся известными, поскольку считается, что им приходится работать больше, чтобы достичь успеха. Кроме того, паралимпийцы в первую очередь вызывают восхищение и уважение [4].

Важным аспектом предыдущих исследований является то, что авторы демонстрируют разный подход к пониманию субшкалы «дискриминация». В некоторых исследованиях эту субшкалу интерпретируют как осведомленность респондентов о дискриминации людей с инвалидностью со стороны других [12; 28]. Более высокий балл по шкале означает большую осведомленность и более положительные аттитюды. Другие исследования рассматривают эту шкалу как индикатор непосредственно дискриминации, более высокий балл по шкале сигнализирует о большем использовании дискриминирующих практик по отношению к людям с инвалидностью [10; 29; 30]. В русскоязычном варианте методики субшкала «дискриминация» является прямой и рассматривается как показа-

тель дискриминации людей с инвалидностью, соответственно, более высокий балл означает большую выраженность предрассудков. Согласно полученным результатам, в российском обществе существует дискриминация людей с физической инвалидностью, однако она не является повсеместной (M по шкале=3.35).

Заключение

В данной статье представлены результаты адаптации Методики установок к физической инвалидности на российской выборке. Показано, что методика является валидным и надежным измерительным инструментом и может

быть использована в исследованиях связи различных социально-психологических феноменов с предрассудками по отношению к людям с физической инвалидностью и их стигматизацией, а также для сравнения уровня предрассудков в разных социально-демографических группах. Более подробное изучение этой области поможет лучше понять двойственную природу установок к физической инвалидности в России, а также послужит теоретическим подспорьем для специалистов-практиков, разрабатывающих программы инклюзии людей с инвалидностью в общественную жизнь.

Приложение 1

Окончательный перевод утверждений методики по результатам исследования 1

1. Людям с инвалидностью сложнее заводить новых друзей.
2. Люди с инвалидностью, даже при наличии всех необходимых для них условий, не смогут вести такой же образ жизни, как и среднестатистический член общества.
3. Наличие поблизости людей с инвалидностью накладывает существенные обязательства на окружающих.
4. Люди с инвалидностью — обуза для своей семьи.
5. Люди часто насмеяются над чужой инвалидностью.
6. Людями с инвалидностью легче манипулировать и использовать их в своих интересах.
7. Люди обычно теряют терпение при общении с людьми с инвалидностью.
8. Люди относятся к людям с инвалидностью как к тем, кто не способен испытывать чувства.
9. Инвалидность может закалить силу воли.
10. Инвалидность может сделать человека мудрее.
11. Некоторые люди достигают большего благодаря своей инвалидности (например, они более успешны).
12. Люди с инвалидностью более мотивированы добиваться своих целей, чем люди без инвалидности.
13. Не следует спрашивать совета о сексуальной жизни у людей с инвалидностью.
14. Не следует ожидать многого от людей с инвалидностью.
15. Людям с инвалидностью не стоит быть оптимистичными по отношению к своему будущему.
16. У людей с инвалидностью меньше перспектив в жизни, чем у других людей.

Итоговая версия Методики аттитюдов к физической инвалидности

Инструкция: Пожалуйста, оцените степень согласия с утверждениями, предложенными ниже, по шкале от 1 до 7, где 1 — полностью не согласен, 7 — полностью согласен.

1. Людям с инвалидностью сложнее заводить новых друзей (шкала «возможности»).
2. Люди с инвалидностью, даже при наличии всех необходимых для них условий, не смогут вести такой же образ жизни, как и среднестатистический член общества (шкала «возможности»).
3. Люди с инвалидностью — обуза для своей семьи (шкала «возможности»).
4. Люди часто насмеваются над чужой инвалидностью (шкала «дискриминация»).
5. Люди обычно теряют терпение при общении с людьми с инвалидностью (шкала «дискриминация»).
6. Люди относятся к людям с инвалидностью как к тем, кто не способен испытывать чувства (шкала «дискриминация»).
7. Инвалидность может закалить силу воли (шкала «приобретения»).
8. Инвалидность может сделать человека мудрее (шкала «приобретения»).
9. Люди с инвалидностью более мотивированы добиваться своих целей, чем люди без инвалидности (шкала «приобретения»).
10. Не следует спрашивать совета о сексуальной жизни у людей с инвалидностью (шкала «возможности»).
11. Не следует ожидать многого от людей с инвалидностью (шкала «возможности»).
12. У людей с инвалидностью меньше перспектив в жизни, чем у других людей (шкала «возможности»).

Литература

1. Большинство россиян осведомлены о проблемах инвалидности — НАФИ [Электронный ресурс]. URL: <http://nafi.ru/analytics/bolshinstvo-rossiyan-osvedomleny-o-problemy-invalidnosti/> (дата обращения: 16.07.2021).
2. *Гулевич О.А., Агадуллина Е.Р., Хухлаев О.Е.* Одобрение групповой иерархии: русскоязычная версия шкалы для измерения ориентации на социальное доминирование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Том 15. № 3. С. 407—426.
3. Инвалиды в России: без барьеров и ограничений [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/invalidy-v-rossii-bez-barerov-i-ogranichenij> (дата обращения: 16.07.2021).
4. Итоги Паралимпийских игр в Сочи [Электронный ресурс] // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2014/03/28/itogi-paralimpijskih-igr-v-sochi/> (дата обращения: 16.07.2021)¹.
5. Какие меры социальной поддержки есть у инвалидов [Электронный ресурс] // Государственная Дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/50162/> (дата обращения: 16.07.2021).

¹ АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента

6. *Нартова-Бочавер С.К., Поддипняк М.Б., Хохлова А.Ю.* Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2013. Том 2. № 3. URL: <https://psyjournals.ru/psyclin/2013/n3/64003.shtml> (дата обращения: 16.07.2021).
7. Отношение к инвалидам [Электронный ресурс] // ФОМ. URL: <https://fom.ru/TSennosti/10898> (дата обращения: 16.07.2021).
8. Проект Адвокация Фонда «Обнаженные сердца» [Электронный ресурс]. URL: <https://nakedheart.ru/projects/advokatsiya> (дата обращения: 16.07.2021).
9. *Behr D.* [у дп.]. Web probing – implementing probing techniques from cognitive interviewing in web surveys with the goal to assess the validity of survey questions (Version 1.0) / Kaczmirek, Mannheim: GESIS – Leibniz-Institut für Sozialwissenschaften, 2017. P. 18.
10. *Fioramonti D.L., Ebener D.J., Arrastia-Chisholm M.C.* Religious/Spiritual Involvement and Beliefs, Frequency of Contact, and Gender as Predictors of Attitudes Toward Persons With Disabilities // Rehabilitation Counseling Bulletin. 2019. Vol. 62. № 3. P. 157–169.
11. *Gatignon H.* Statistical analysis of management data / Hubert. Gatignon, Boston: Kluwer Academic Publishers, 2003. P. 334.
12. *Gerling K.M.* [у дп.]. The effects of embodied persuasive games on player attitudes toward people using wheelchairs // Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems. Association for Computing Machinery, 2014. P. 3413–3422.
13. *Keller C., Siegrist M.* Psychological Resources and Attitudes Toward People With Physical Disabilities // Journal of Applied Social Psychology. 2010. Vol. 40. № 2. P. 389–401.
14. *Kline R.B.* Principles and practice of structural equation modeling. Guilford Press, 2015. P. 534.
15. *Knafl K.* [у дп.]. The analysis and interpretation of cognitive interviews for instrument development // Research in Nursing & Health. 2007. Vol. 30. № 2. P. 224–234.
16. *Kouznetsova D.* [у дп.]. Disease-avoidant behaviour and its consequences // Psychology & Health. 2012. Vol. 27. № 4. P. 491–506.
17. *LaBelle S., Booth-Butterfield M., Rittenour C.E.* Attitudes toward Profoundly Hearing Impaired and Deaf Individuals: Links with Intergroup Anxiety, Social Dominance Orientation, and Contact // Western Journal of Communication. 2013. Vol. 77. № 4. P. 489–506.
18. *Nario-Redmond M.R., Kemerling A.A., Silverman A.* Hostile, Benevolent, and Ambivalent Ableism: Contemporary Manifestations // Journal of Social Issues. 2019. Vol. 75. № 3. P. 726–756.
19. *Palad Y.Y.* [у дп.]. Scoping review of instruments measuring attitudes toward disability // Disability and Health Journal. 2016. Vol. 9. № 3. P. 354–374.
20. *Power M.J., Green A.M.* The Attitudes to Disability Scale (ADS): development and psychometric properties // Journal of Intellectual Disability Research. 2010. Vol. 54. № 9. P. 860–874.
21. *Revelle W.* An overview of the psych package // Dep Psychol Northwest Univ. 2011. Vol. 3. P. 1–25.
22. *Rosseel Y.* lavaan: an R package for structural equation modeling and more Version 0.5-12 (BETA), 2012. P. 37.
23. *Sanders K.Y.* Overprotection and lowered expectations of persons with disabilities: The unforeseen consequences // Work. 2006. Vol. 27. № 2. P. 181–188.
24. *Shchebetenko S.A.* “The best man in the world”: attitudes toward personality traits // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Vol. 11. № 3. P. 129–148.
25. *Sherry M.* Disability Hate Crimes: Does Anyone Really Hate Disabled People? / Mark Sherry, Burlington, VT: Routledge, 2010. P. 164.
26. *Shpigelman C., HaGani N.* The impact of disability type and visibility on self-concept and body image: Implications for mental health nursing // Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing. 2019. Vol. 26. № 3–4. P. 77–86.
27. World report on disability [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/publications-detail-redirect/9789241564182> (дата обращения: 16.07.2021).

28. Zaluska U. [u др.]. Measurement of Factors Affecting the Perception of People with Disabilities in the Workplace // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17. № 12. P. 4455.
29. Zheng Q. [u др.]. Comparison of attitudes toward disability and people with disability among caregivers, the public, and people with disability: findings from a cross-sectional survey // BMC Public Health. 2016. Vol. 16. № 1. P. 1024.
30. Zheng Q. [u др.]. The role of quality of care and attitude towards disability in the relationship between severity of disability and quality of life: findings from a cross-sectional survey among people with physical disability in China // Health and Quality of Life Outcomes. 2014. Vol. 12. № 1. P. 25.

References

1. Bol'shinstvo rossiyan osvedomleny o problemakh invalidnosti NAFI [Elektronnyi resurs] [The majority of Russians are aware of disability issues NAFI]. URL: <http://nafi.ru/analytics/bolshinstvo-rossiyan-osvedomleny-o-problemy-invalidnosti/> (Accessed 16.07.2021).
2. Gulevich O.A., Agadullina E.R., Khukhlaev O.E. Odobrenie gruppovoi ierarkhii: russkoyazychnaya versiya shkaly dlya izmereniya orientatsii na sotsial'noe dominirovanie [Approval of Group Hierarchy: Russian Version of Social Dominance Scale]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 2018. Vol. 15, no. 3, pp. 407–426.
3. Invalidy v Rossii: bez bar'erov i ogranichenii [Elektronnyi resurs] [People with disabilities in Russia: without barriers and limitations]. *VTsIOM* [RPORC]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/invalidy-v-rossii-bez-barerov-i-ogranichenij> (Accessed 16.07.2021).
4. Itogi Paralimpiiskikh igr v Sochi [Elektronnyi resurs] [The results of the Paralympic games in Sochi]. Levada-Tsentr [Levada-Center]. URL: <https://www.levada.ru/2014/03/28/itogi-paralimpijskikh-igr-v-sochi/> (Accessed 16.07.2021).
5. Kakie mery sotsial'noi podderzhki est' u invalidov [Elektronnyi resurs] [What social support measures are there for people with disabilities]. Gosudarstvennaya Duma [State Duma]. URL: <http://duma.gov.ru/news/50162/> (Accessed 16.07.2021).
6. Nartova-Bochaver S.K., Podlipnyak M.B., Khokhlova A.Yu. Vera v spravedlivyi mir i psikhologicheskoe blagopoluchie u glukhikh i slyshashchikh podrostkov i vzroslykh [Belief in a just world and mental well-being in deaf and hearing youth and adults] [Elektronnyi resurs] // *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2013. Vol. 2, no. 3. URL: <https://psyjournals.ru/psyclin/2013/n3/64003.shtml> (Accessed 16.07.2021).
7. Otnoshenie k invalidam [Elektronnyi resurs] [Attitudes towards people with disabilities]. FOM [POF]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/10898> (Accessed 16.07.2021).
8. Proekt Advokatsiya Fonda «Obnazhennye serdtsa» [Elektronnyi resurs] [Advocacy project of the Naked Heart Foundation]. URL: <https://nakedheart.ru/projects/advokatsiya> (Accessed 16.07.2021).
9. Behr D. [i dr.]. Web probing – implementing probing techniques from cognitive interviewing in web surveys with the goal to assess the validity of survey questions (Version 1.0). *Kaczmirek, Mannheim: GESIS – Leibniz-Institut für Sozialwissenschaften*, 2017, p. 18.
10. Fioramonti D.L., Ebener D.J., Arrastia-Chisholm M.C. Religious/Spiritual Involvement and Beliefs, Frequency of Contact, and Gender as Predictors of Attitudes Toward Persons With Disabilities. *Rehabilitation Counseling Bulletin*, 2019. Vol. 62, no. 3, pp. 157–169.
11. Gatignon H. Statistical analysis of management data. Hubert. Gatignon, Boston: Kluwer Academic Publishers, 2003. 334 p.
12. Gerling K.M. [i dr.]. The effects of embodied persuasive games on player attitudes toward people using wheelchairs. *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. Association for Computing Machinery, 2014, pp. 3413–3422.

13. Keller C., Siegrist M. Psychological Resources and Attitudes Toward People With Physical Disabilities. *Journal of Applied Social Psychology*, 2010. Vol. 40, no. 2, pp. 389–401.
14. Kline R.B. Principles and practice of structural equation modeling / Guilford Press, 2015. 534 p.
15. Knafl K. [i dr.]. The analysis and interpretation of cognitive interviews for instrument development. *Research in Nursing & Health*, 2007. Vol. 30, no. 2, pp. 224–234.
16. Kouznetsova D. [i dr.]. Disease-avoidant behaviour and its consequences. *Psychology & Health*, 2012. Vol. 27, no. 4, pp. 491–506.
17. LaBelle S., Booth-Butterfield M., Rittenour C.E. Attitudes toward Profoundly Hearing Impaired and Deaf Individuals: Links with Intergroup Anxiety, Social Dominance Orientation, and Contact. *Western Journal of Communication*, 2013. Vol. 77, no. 4, pp. 489–506.
18. Nario-Redmond M.R., Kemerling A.A., Silverman A. Hostile, Benevolent, and Ambivalent Ableism: Contemporary Manifestations. *Journal of Social Issues*, 2019. Vol. 75, no. 3, pp. 726–756.
19. Palad Y.Y. [i dr.]. Scoping review of instruments measuring attitudes toward disability. *Disability and Health Journal*, 2016. Vol. 9, no. 3, pp. 354–374.
20. Power M.J., Green A.M. The Attitudes to Disability Scale (ADS): development and psychometric properties. *Journal of Intellectual Disability Research*, 2010. Vol. 54, no. 9, pp. 860–874.
21. Revelle W. An overview of the psych package. *Dep Psychol Northwest Univ*, 2011. Vol. 3, pp. 1–25.
22. Rosseel Y. lavaan: an R package for structural equation modeling and more Version 0.5-12 (BETA), 2012, p. 37.
23. Sanders K.Y. Overprotection and lowered expectations of persons with disabilities: The unforeseen consequences. *Work*, 2006. Vol. 27, no. 2, pp. 181–188.
24. Shchebetenko S.A. “The best man in the world”: attitudes toward personality traits. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of Higher School of Economics]*, 2014. Vol. 11, no. 3, pp. 129–148.
25. Sherry M. Disability Hate Crimes: Does Anyone Really Hate Disabled People? Mark Sherry, Burlington, VT: Routledge, 2010. 164 p.
26. Shpigelman C., HaGani N. The impact of disability type and visibility on self-concept and body image: Implications for mental health nursing. *Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing*, 2019. Vol. 26, no. 3–4, pp. 77–86.
27. World report on disability [Elektronnyi resurs]. WHO. URL: <https://www.who.int/publications-detail-redirect/9789241564182> (Accessed 16.07.2021).
28. Załuska U. [i dr.]. Measurement of Factors Affecting the Perception of People with Disabilities in the Workplace. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020. Vol. 17, no. 12, p. 4455.
29. Zheng Q. [i dr.]. Comparison of attitudes toward disability and people with disability among caregivers, the public, and people with disability: findings from a cross-sectional survey. *BMC Public Health*, 2016. Vol. 16, no. 1, p. 1024.
30. Zheng Q. [i dr.]. The role of quality of care and attitude towards disability in the relationship between severity of disability and quality of life: findings from a cross-sectional survey among people with physical disability in China. *Health and Quality of Life Outcomes*, 2014. Vol. 12, no. 1, p. 25.

Информация об авторах

Романова Марина Олеговна, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5240-407X>, e-mail: moromanova@hse.ru

Кожан Елизавета Андреевна, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5760-9237>, e-mail: eakozhan@hse.ru

Быков Артур Олегович, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8573-5716>, e-mail: ao.bykov@hse.ru

Ефимова Людмила Андреевна, студентка, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2431-1220>, e-mail: laefimova@edu.hse.ru

Асадуллина Асия Фаридовна, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2447-6890>, e-mail: af.asadullina@hse.ru

Information about the authors

Marina O. Romanova, Research assistant in Laboratory for Psychology of Social Inequality, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5240-407X>, e-mail: moromanova@hse.ru

Elizaveta A. Kozhan, Research assistant in Laboratory for Psychology of Social Inequality, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5760-9237>, e-mail: eakozhan@hse.ru

Artur O. Bykov, Research assistant in Laboratory for Psychology of Social Inequality, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8573-5716>, e-mail: ao.bykov@hse.ru

Liudmila A. Efimova, student, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2431-1220>, e-mail: laefimova@edu.hse.ru

Asiya F. Asadullina, Research assistant in Laboratory for Psychology of Social Inequality, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2447-6890>, e-mail: af.asadullina@hse.ru

Получена 20.07.2021

Принята в печать 22.07.2022

Received 20.07.2021

Accepted 22.07.2022

Шкала организационного цинизма: адаптация русскоязычной версии

Павлова М.В.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0361-3833>, e-mail: arch_dom@mail.ru

Дзюбенко М.М.

ООО «ТалантКод»; ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0445-6764>, e-mail: mmdzyubenko@mail.ru

Нартова-Бочавер С.К.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Цель. Адаптация русскоязычной версии Шкалы организационного цинизма, использующейся в течение более двадцати лет по всему миру.

Контекст и актуальность. Жизнь в организациях представляет собой одну из наиболее важных сторон социального бытия человека. Задачи поддержания жизнестойкости организаций, здоровой организационной культуры при сохранении уважения к личности работников, их потребностям и психологическому благополучию требуют наличия надежных, валидных, удобных и кратких инструментов оценки рабочей среды, среди которых Шкала организационного цинизма является одним из наиболее авторитетных методов.

Дизайн исследования. Исследование проводилось по корреляционному плану; данные собирались онлайн при помощи сервиса 1ka.si.

Участники. Выборка исследования включала 424 респондента: 296 женщин (69,80%), 128 мужчин (30,20%). Возраст от 19 до 84 лет ($M_{\text{возраст}}=40$). Средний стаж респондентов – 16,76 лет; преимущественно граждане России ($N=385$; 90%), представители разных профессий.

Методы (инструменты). Использовались целевая методика – Шкала организационного цинизма и вспомогательная – Шкала привязанности к офису. Для обработки и анализа данных применялись эксплораторный и конфирматорный факторный анализ, проверка надежности и корреляционный анализ. Использовались программы SPSS 19.0 и AMOS 20.

Результаты. Хорошие результаты конфирматорного факторного анализа указывают на наличие структуры, идентичной оригинальной (три субшкалы – Когнитивный, Эмоциональный и Поведенческий аспекты организационного цинизма). Подтверждена структурная, конвергентная и частично содержательная валидность шкалы. Половых различий в показателях шкалы не обнаружено; присутствует отрицательный возрастной тренд.

Основные выводы. Русскоязычная адаптация Шкалы организационного цинизма представляет собой валидный и надежный инструмент и может быть рекомендована для решения разных задач организационной психологии.

Ключевые слова: организационный цинизм, опросник, адаптация опросника, валидность, надежность, КФА, привязанность к офису, организационная психология.

Финансирование. Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Для цитаты: Павлова М.В., Дзюбенко М.М., Нартова-Бочавер С.К. Шкала организационного цинизма: адаптация русскоязычной версии // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 3. С. 184–200. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130311>

The Organizational Cynicism Scale: an Adaptation on the Russian-Speaking Sample

Milada V. Pavlova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0361-3833>, e-mail: arch_dom@mail.ru

Maria M. Dzyubenko

LLC «TalentCode»; HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0445-6764>, e-mail: mmdzyubenko@mail.ru

Sofya K. Nartova-Bochaver

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochover@hse.ru

Objective. *An adaptation of the Russian version of the Organizational Cynicism Scale, which has been used worldwide for more than twenty years.*

Background. *Life in organizations is one of the most important aspects of human social life. The challenges of maintaining organizational resilience and a healthy organizational culture, as well as considering the needs of workers and respecting their personality and psychological well-being, require reliable, valid, convenient, and concise tools for assessing the working environment. The Organizational Cynicism Scale is one of the most authoritative methods for dealing with these problems.*

Study design. *The study was conducted according to the correlation plan; the data was collected online using the 1ka.si service.*

Participants. *The study sample included 424 respondents: 296 women (69,80%), 128 men (30,20%). Age from 19 to 84 years ($M_{age}=40$). Average experience of respondents – 16,76 years; predominantly Russian citizens ($N=385$; 90%), representatives of various professional fields.*

Measurements. *We used the target methodology – the scale of organizational cynicism and auxiliary methodology – the scale of commitment to the office. EFA and CFA, examining reliability due to Cronbach's alpha coefficient and correlation analysis were used. SPSS 19.0 and AMOS programs were used for data processing.*

Results. *Good results of CFA have indicated the structure identical to the original one (three subscales – Cognitive, Emotional and Behavioral aspects of organizational cynicism). The structural, convergent and partially content validity of the scale was confirmed. There were no gender differences in the scale scores; there is a negative age trend found.*

Conclusions. *The Russian-language adaptation of the Organizational Cynicism Scale is a valid and reliable tool and can be recommended for solving various problems of organizational psychology.*

Keywords: *organizational cynicism, questionnaire, adaptation of the questionnaire, validity, reliability, CFA, commitment to the office, organizational psychology.*

Funding. This research is supported by the Faculty of Social Sciences, HSE University.

For citation: Pavlova M.V., Dzyubenko M.M., Nartova-Bochaver S.K. The Organizational Cynicism Scale: an Adaptation on the Russian-Speaking Sample. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 184–200. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130311> (In Russ.).

Введение

Профессиональная деятельность представляет собой одну из наиболее существенных сфер социальной жизни человека, имеющую множественное влияние на все остальные аспекты бытия. Для россиян с их наследием долгой жизни в условиях дорыночной экономики, ограничивающей возможности экономического процветания, прагматические мотивы выбора места работы в течение долгого времени были не очень существенными, в то время как качество общения в организациях, атмосфера и микроклимат на рабочем месте были мощным мотиватором к профессиональной деятельности. Кросс-культурное исследование показало, что только в России (в отличие от Великобритании и США) качество отношений на работе представляет собой фактор психологического благополучия работников [1; 39].

Важный показатель психологической атмосферы в организации — это отсутствие так называемого организационного цинизма. Понятие организационного цинизма появилось в самом конце 20 века и сразу завоевало популярность в социально-психологических исследованиях по всему миру, однако не в России. Поиск источников по ключевым словам «organizational cynicism» по базе Google scholar при отсечении после 2021 года показывает 7490 упоминаний, из них ни одного на русском языке.

Что же представляет собой этот феномен, каковы его предпосылки и, что еще важнее, последствия и эффекты?

Понятие организационного цинизма появилось в американской психологии и социологии как результат разочарования в идее «американской мечты» и колебаний удачи в американской социальной и политической среде в конце двадцатого века; это [4] негативное от-

ношение к организации, в которой работает человек. Со временем организационный цинизм превратился в новую парадигму отношений между работодателем и работником. Исследования [11; 16; 38] показали, что значительное количество сотрудников крайне цинично относятся к своим организациям.

Объекты циничных установок могут варьировать. Так, Л.М. Андерссон и Т.С. Бейтман [7] заметили, что циничное отношение может быть направлено на бизнес-организацию в целом, руководителей корпорации или другие объекты на рабочем месте. Проявления цинизма могут быть обусловлены и спецификой самой профессиональной деятельности: так, Б.Дж. О'Коннелл, Х.Х. Хольцман и Б.Р. Арманди [32] обнаружили, что в офицерской среде цинизм мог распространяться либо на организацию в целом (организационный цинизм), либо на содержание своей профессии как служение народу и закону (профессиональный цинизм). Еще один оттенок организационного цинизма связан с амбивалентным отношением к возможным переменам: А.Е. Райхерс, Дж.П. Ванос и Дж.Т. Остин [38] описывали цинизм как убеждение в тщетности перемен и негативные оценки всего, что способствует развитию организации.

Первое систематичное определение организационного цинизма было дано в работе Дж.У. Дина, П. Брандес и Р. Дхарвадкара [14], которые в структуре этого явления выделяют три составляющие.

1. Когнитивная составляющая: убеждение в том, что организация недостает честности. Работники с циничным отношением полагают, что их организации чужды справедливость и честность. Они считают, что эти принципы часто приносятся в жертву целесообразности и прагматичности, а недобросовестное

поведение является нормой. Они также могут думать, что деятельность организации основана на личных интересах руководства, которое непоследовательно и ненадежно в своем поведении. Циники часто верят в наличие скрытых мотивов для действий, ожидают увидеть скорее обман, чем искренность, не принимая за чистую монету официальное обоснование организационных решений.

2. Эмоциональная составляющая: негативные эмоции широкого спектра по отношению к организации. Циники могут испытывать презрение, разочарование, гнев, беспокойство, отвращение и даже стыд, когда думают о своей организации. Более того, они могут также испытывать тайное саморазрушительное удовольствие от своего превосходства над организацией, относительно которой их ожидания не подтвердились.

3. Поведенческая составляющая: склонность к пренебрежительному и критическому поведению по отношению к организации [14]. Чаще всего циничные работники резко критикуют свою организацию в различных формах: заявляя об отсутствии честности, искренности, используя саркастический юмор или высказывая пессимистические прогнозы относительно будущего организации. Взаимодействуя с коллегами или руководством по поводу общих профессиональных задач, циники часто используют невербальную экспрессию: «понимающие» взгляды, закатывание глаз, ухмылки и насмешки.

Причины организационного цинизма могут быть различными, и он проявляется в самых разных организациях [23]. Л.М. Андерссон и Т.С. Бейтман [7] рассматривают цинизм сотрудников как результат нарушения психологических контрактов, конфликта взаимных ожиданий работников и руководства по от-

ношению к совместной деятельности и реальному положению дел: организационный цинизм возникает, когда сотрудникам не хватает уверенности в надежности своей организации, и они чувствуют, что ей нельзя доверять, когда они переживают профессиональный стресс (job stress) высокой интенсивности или просто несколько так называемых негативных потрясений (negative shocks), таких как, например, несогласие с руководителем, реорганизация, необоснованное увеличение рабочего времени, проблемы с расписанием, сменой работы или управлением [44]. Среди антипредикторов цинизма отмечают взаимное доверие работников (coworker trust) [25]; психологический капитал [21]; трансформационное лидерство (transformational leadership), вдохновляющее работников на новые успехи; моральное лидерство (ethical leadership), интенсивное взаимодействие между руководством и рядовыми работниками (leader-member exchange) [35], вовлеченность сотрудника в его работу [8], гарантию личной автономии и справедливость в организации [28].

Организационный цинизм имеет множество негативных последствий и влияний на жизнеспособность организации в целом и психологическое благополучие работников. Исследования показывают, что организационный цинизм имеет отрицательную связь со многими переменными, такими как производительность и качество труда [37], воспринимаемая поддержка со стороны организации, гордость за корпорацию [16], приверженность организации [17; 30], качество жизни [9; 40; 45] и готовность к изменениям [40]. Организационный цинизм влечет падение уровня удовлетворенности трудом (job satisfaction) и разрушение моральной атмосферы корпорации (organizational spirituality) [23; 26], нарушение профессиональных обяза-

тельств (organizational commitment), искажение [24] профессиональной идентичности и отчуждение от профессии и может быть связан с гендерным неравенством и насилием на рабочем месте [5; 42]. Эффектом организационного цинизма может быть так называемое контрпродуктивное поведение (counterproductive work behaviours) на работе — феномен, охватывающий широкий спектр деструктивных действий, от саботирования своих профессиональных обязанностей до откровенной агрессии и асоциальных действий [31]. Нередко [29] проблемы, вызывающие циничное отношение работников, не могут решаться в силу присущего многим, особенно коллективистическим культурам стремления замалчивать существующие трудности (employee silence), в силу чего профессиональный стресс накапливается, а его эффекты усугубляются. Защита от организационного цинизма рассматривается как важная составляющая организационной культуры [34; 41].

Несмотря на большое количество исследований организационного цинизма в контексте прикладных задач, индивидуально-личностные его корреляты представлены крайне скудно. Метаанализ различий по полу [18] в выраженности организационного цинизма показал, что, хотя его показатели чаще были выше в женской группе, размер эффекта варьировал от малозначимого к незначимому. Другие частные исследования показывают, что организационный цинизм более выражен среди женщин [19]. Что касается возрастного тренда, полученные данные противоречивы. Так, согласно данным, полученным в Колумбии [19], он имеет отрицательную направленность: чем старше работник, тем более позитивно и толерантно он относится к своей организации и принимаемым в ней решениям, однако после 50 лет показатель цинизма резко

возрастает, принимая максимальные значения. Возможно, это связано с приближением пенсионного возраста работника.

Краткий анализ современных исследований организационного цинизма убеждает, что это очень содержательный конструкт, образующий большое количество связей с разными другими показателями жизнестойкости организации и психологического благополучия работников. Результаты работ приводят к заключению, что, будучи неблагоприятным социально-психологическим явлением, организационный цинизм должен быть по возможности ослаблен, что видится решаемой задачей психологии управления организациями. Как бы то ни было, для исследования и предотвращения организационного цинизма необходимо располагать надежным валидным инструментом его измерения.

Наша статья посвящена адаптации одного из наиболее авторитетных зарубежных опросников — Шкалы организационного цинизма [13]. Поскольку конструкт организационного цинизма широко используется в разных странах, шкала также имеет множество адаптаций и модификаций, включая в разных версиях от 12 до 14 утверждений. Результаты валидации в разных культурах показывают ее высокую кросс-культурную устойчивость и хорошие психометрические показатели: существуют адаптации в Египте [6], Италии [10], Индии, Китае, Корее [25], Нигерии [15], Омане, Пакистане, Турции, Швейцарии [8; 33; 44] и других странах. Необходимо отметить, впрочем, что не во всех странах шкала прошла полную психометрическую проверку. Для адаптации в России мы выбрали одну из наиболее свежих адаптаций шкалы, осуществленную итальянскими исследователями Д. Беллини, Т. Рамачи и М. Бонаиуто в 2015 году [10; 25].

Программа исследования

Выборка. Выборка исследования состояла из 424 респондентов: 296 женщин (69,8%), 128 мужчин (30,2%). Возраст от 19 до 84 лет ($M_{\text{возраст}}=40$). Средний стаж респондентов – 16,76 лет. Хотя основу выборки составили жители России ($N=385$; 90%), в исследовании приняли участие респонденты, проживающие в других странах: Израиль (3,81%), Германия (1,23%), Новая Зеландия (1,69%), Канада, Австрия, Великобритания, ОАЭ, США, Чехия, Швеция, Индонезия. Неполные данные исключались из анализа.

Процедура. Данные были собраны онлайн посредством сервиса 1ka.si в течение 2020–2021 годов; участие было полностью добровольным, все респонденты подписали согласие на анонимную обработку данных и их использование в публикациях, данные собирались неформально, без дебрифинга в организациях. Хотелось бы отметить этот момент организации исследования как имеющий критическую важность, потому что, учитывая выраженную социальную желательность утверждений теста, мы не могли бы рассчитывать на искренние ответы, если бы сбор данных происходил через организацию. Респонденты работают в разных местах; часть из них – самозанятые работники.

Инструментарий. Использовалась Шкала организационного цинизма (the Organizational Cynicism scale) в адаптации Д. Беллини, Т. Рамачи и М. Бонаиуто [10]. Утверждения были переведены двумя исследователями независимо; затем версии перевода обсуждались, чтобы избежать разночтений и неточностей. Затем был осуществлен машинный обратный перевод и еще раз отредактированы утверждения. В целом процедура соответствовала международным требованиям (ISPOR) [43].

Шкала включает 13 утверждений и три субшкалы, отражающие три аспекта

организационного цинизма: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Утверждения оцениваются по пятибалльной шкале Ликерта, включающей оценки от 1 до 5. Для [10; 13] проверки конвергентной валидности была использована Шкала привязанности к офису (модификация Шкалы привязанности к месту применительно к рабочему пространству [12]; в настоящее время готовится к публикации). Шкала привязанности к офису включает 5 утверждений, оцениваемых по пятибалльной шкале Ликерта от 1 до 5.

В работе проверялись следующие гипотезы:

Российская адаптация Шкалы организационного цинизма:

- сохраняет оригинальную трехфакторную структуру (Гипотеза 1);
- обладает содержательной валидностью (чем ниже стаж работы, тем выше уровень организационного цинизма) (Гипотеза 2);
- обладает конвергентной валидностью (чем выше привязанность к офису, тем ниже уровень организационного цинизма) (Гипотеза 3).

Обработка данных. При обработке данных мы использовали эксплораторный и конфирматорный факторный анализ, коэффициент альфа Кронбаха и корреляционный анализ. Для обработки данных использовались программы IBM SPSS Statistics 22 и R-Studio.

Результаты

Описательная статистика пунктов Шкалы организационного цинизма представлена в табл. 1. Асимметрия по большинству пунктов была в диапазоне от 0,22 до 0,84; большинство пунктов показали тенденцию респондентов выбирать отрицательные ответы – «никогда», «редко» (правосторонняя асимметрия), указывая на более низкую чувствитель-

ность инструмента в области высоких значений, что неудивительно, принимая во внимание содержание шкалы. Наиболее выраженной была асимметрия для утверждения 13 «Порой я ловлю себя на том, что высмеиваю лозунг и инициативы моей компании»=1.59 (см. табл. 1). Показатели эксцесса в целом были в диапазоне от $-0,08$ до $-0,78$. Только для 13 вопроса показатель эксцесса был выше $-1,82$. Это

показывает скорее равномерную тенденцию к выбору ответов (см. табл. 1).

Тест Колмогорова-Смирнова показал, что распределение близко к нормальному (p -value для всех вопросов <0.001), в силу чего для измерения валидности мы использовали непараметрические критерии.

Коэффициент внутренней согласованности α Кронбаха по 13 пунктам Шкалы организационного цинизма показал высо-

Таблица 1

Описательная статистика пунктов Шкалы организационного цинизма (N=424)

№	Пункты шкалы	M	SD	Skewness	Kurtosis
Когнитивный аспект					
1	Я считаю, что моя компания говорит одно, а делает другое	2,51	1,12	0,22	-0,78
2	Стратегия, задачи и действия моей организации имеют мало общего между собой	2,29	1,13	0,46	-0,67
3	Когда моя компания заявляет, что хочет что-то предпринять, я удивлюсь, если это произойдет на самом деле	2,27	1,15	0,63	-0,48
4	Моя организация ожидает от своих сотрудников одного, а вознаграждает за другое	2,27	1,18	0,63	-0,55
5	Я вижу мало общего между тем, что моя организация обещает сделать и что делает на самом деле	2,28	1,17	0,64	-0,49
Эмоциональный аспект					
6	Как часто вы испытываете раздражение, когда думаете о своей компании?	2,30	1,11	0,51	-0,42
7	Как часто вы испытываете напряжение, думая о своей компании?	2,53	1,12	0,32	-0,75
8	Как часто вы испытываете беспокойство, думая о своей компании?	2,61	1,11	0,27	-0,59
Поведенческий аспект					
9	Я жалею о том, что происходит в моей организации, друзьям, которые в ней не работают	2,31	1,17	0,47	-0,80
10	Бывает, я обмениваюсь со своими коллегами понимающими взглядами	2,96	1,11	-0,16	-0,60
11	Я часто обсуждаю с другими, как обстоят дела в моей компании	2,63	1,11	0,29	-0,62
12	Я критикую действия и стратегию своей компании при других людях	1,99	1,05	0,84	-0,09
13	Порой я ловлю себя на том, что высмеиваю лозунг и инициативы моей компании	1,66	1,02	1,59	1,82

Примечание: M – среднее; SD – стандартное отклонение; Skewness – показатель асимметрии; Kurtosis – показатель эксцесса.

кую надежность: $\alpha=0,93$ — для всей шкалы, $\alpha=0,92$ — для *Когнитивного аспекта*, $\alpha=0,89$ — для *Эмоционального аспекта*, $\alpha=0,81$ — для *Поведенческого аспекта*.

Для изучения возрастного тренда и половых различий в показателях Шкалы организационного цинизма был проведен анализ ранговой корреляции Спирмена. Значимые корреляции были выявлены только по 3 пунктам шкалы (табл. 2), однако коэффициент всех значимых корреляций показывает слабую связь. Пункт 4, относящийся к *Когнитивному аспекту* («Моя организация ожидает от своих сотрудников одного, а вознаграждает за другое»), имел положительную связь с возрастом, т.е. осознание непоследовательности деятельности организации сильнее у более зрелых работников. Утверждения 10 («Бывает, я обмениваюсь со своими коллегами понимающими взглядами») и 11 («Я часто обсуждаю с другими, как обстоят дела в моей компании»),

относящиеся к *Поведенческому аспекту*, напротив, имели отрицательную связь с возрастом, означая, что контроль над поведением, выражающим лояльность, слабее у более молодых сотрудников, а более зрелые способны воздерживаться от открытого выражения своих истинных чувств и оценок действий организации.

Что касается половых различий, то они не были обнаружены; их не продемонстрировал ни один пункт шкалы. Таким образом, степень выраженности всех аспектов организационного цинизма у мужчин и женщин не различается.

Для проверки факторной структуры адаптируемой шкалы был проведен эксплораторный факторный анализ (ЭФА) с ортогональным вращением Varimax. Критерий адекватности выборки Кайзера—Мейера—Олкина показал хороший результат для выборки ($KMO=0,92$). ЭФА показал разделение структуры шкалы на 3 фактора, как в исходной вер-

Таблица 2

Различия пунктов Шкалы организационного цинизма по возрасту и полу

№ пункта	Возраст	Пол		
	r	М (муж.)	М (жен.)	U
1	0,01	2,49	2,53	-0,16
2	0,001	2,41	2,39	-0,51
3	0,02	2,23	2,62	-0,07
4	0,11*	2,25	2,28	-0,04
5	0,05	2,15	2,34	-1,14
6	-0,02	2,18	2,35	-1,12
7	-0,02	2,40	2,59	-1,32
8	0,04	2,50	2,66	-1,16
9	-0,09	2,20	2,37	-1,12
10	-0,11*	2,94	2,97	-0,66
11	-0,18*	2,62	2,64	-0,18
12	-0,07	1,99	2,00	-0,08
13	-0,31	1,73	1,63	-0,83

Примечание: r — коэффициент корреляции критерия Спирмена; U — критерий Манна—Уитни; * — $p<0,05$.

сии. Три выделенных фактора описывают 74,6% дисперсии (табл. 3).

Однако в ходе эксплораторного анализа утверждение 5 «Я вижу мало общего между тем, что моя организация обещает сделать и что делает на самом деле», изначально отнесенное авторами к *Эмоциональному аспекту* организационного цинизма, показало наибольшую корреляцию с *Когнитивным компонентом*.

Для оценки трехфакторной структуры, учитывая отсутствие нормального распределения, был проведен конфирматорный факторный анализ (КФА) робастным методом. Факторная структура шкалы, предложенная авторами, показала недостаточно высокие коэффициенты по общепринятым критериям пригодности — CFI=0,891; TLI=0,886 [22]. Для определения проблемы было решено обратиться к индексам модификации, которые оценивались по параметру χ^2 .

Самый большой показатель χ^2 был обнаружен для ковариации между *Когнитивным аспектом* и утверждением 5 «Я вижу мало общего между тем, что моя организация обещает сделать и что делает на самом деле», отнесенным в результате

ЭФА к этой шкале. На основе этого показателя было решено построить Модель 2, где утверждение 5 входило бы в субшкалу *Когнитивного аспекта*. Данная модель показала хорошее соответствие структуры общепринятым критериям пригодности: CFI=0,95; TLI=0,94. Таким образом, при небольшой модификации структуры шкала стала лучше описывать данные. Причиной такого результата могла стать неоднозначная формулировка вопроса, которая подразумевает скорее знание, чем переживание, и семантически отличается от других утверждений *Эмоционального аспекта*. Нужно, однако, подчеркнуть, что показатели первой модели в целом близки к порогу удовлетворительных и поэтому в исследованиях, требующих сопоставления с оригинальными данными, утверждение может рассматриваться и как относящееся к *Эмоциональному аспекту*. Таким образом, КФА подтвердил оригинальное разделение Шкалы организационного цинизма на 3 фактора — *Когнитивный, Эмоциональный и Поведенческий аспекты*. Анализ модели показал неплохое соответствие структуры по общепринятым критериям пригодности (табл. 4).

Таблица 3

Факторная структура Шкалы организационного цинизма

Фактор	№ пунктов	% дисперсии
Когнитивный аспект	1, 2, 3, 4, 5	31,41%
Эмоциональный аспект	6, 7, 8	22,28%
Поведенческий аспект	9, 10, 11, 12, 13	20,91%

Таблица 4

Результаты конфирматорного факторного анализа Шкалы организационного цинизма

Модель	χ^2	df	CFI	TLI	RMSEA [90% CI]	SMRM	BIC
Модель с тремя факторами	218,02***	62	0,95	0,94	0,07 [0,07; 0,09]	0,05	-121,75

Примечание: *** — $p < 0,001$; χ^2 — хи-квадрат; df — количество степеней свободы; CFI и TLI — индексы соответствия; RMSEA — среднеквадратическая ошибка аппроксимации с доверительными интервалами (10% confidence intervals); SRMR — стандартизованный корень остатков; BIC — информационный критерий Байеса.

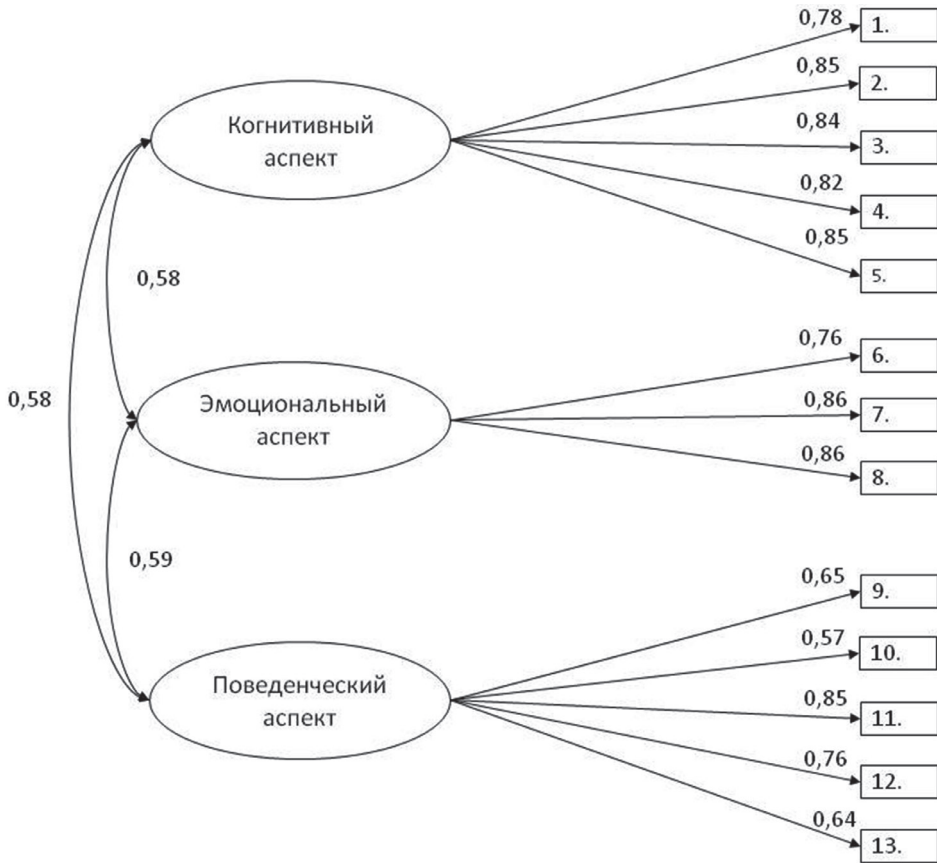

Рис. Факторная структура Шкалы организационного цинизма

Все пункты шкалы показали хорошие факторные нагрузки, надежность для каждой шкалы также достаточно высокая (рис., табл. 5), что подтверждает Гипотезу 1.

Для проверки конвергентной валидности использовалась Шкала привязанности к офису (табл. 6); α Кронбаха составила 0,836, и был проведен корреляционный анализ субшкал организационного цинизма, стажа работы и Шкалы привязанности к офису (табл. 7). Результаты показали, что только *Поведенческий аспект* имел значимую связь со стажем работы: чем больше специалист работает и приоб-

ретает, очевидно, опыт сравнения разных организаций, тем реже позволяет себе демонстрировать недовольство местом работы и критику по отношению к нему.

В соответствии с ожиданиями Шкала организационного цинизма в целом показала хороший уровень корреляции с *шкалой Привязанности к офису* — $r = -0,366$. Все субшкалы организационного цинизма имели значимую отрицательную связь с привязанностью к офису: те, кому нравится их место работы, кто ценят свою профессиональную идентичность, считают свою организацию честной, не

Таблица 5

Структура, внутренняя согласованность и факторные нагрузки Шкалы организационного цинизма

№ фактора	Название фактора, α Кронбаха	№ утверждения	Факторные нагрузки
1	<i>Когнитивный аспект,</i> $\alpha=0,92$	1	0,78
		2	0,85
		3	0,84
		4	0,82
		5	0,85
2	<i>Эмоциональный аспект,</i> $\alpha=0,89$	6	0,76
		7	0,86
		8	0,86
3	<i>Поведенческий аспект,</i> $\alpha=0,81$	9	0,65
		10	0,57
		11	0,85
		12	0,75
		13	0,63

Таблица 6

Описательная статистика пунктов Шкалы привязанности к офису (N=424)

№ пункта	Утверждения	M	SD	Skewness	Kurtosis
1	Я чувствую, что мое рабочее место — это часть меня	2,96	1,33	-0,33	-0,69
2	Видящие мое рабочее место могут многое узнать обо мне	2,82	1,29	-0,06	-1,41
3	По образу жизни и мировоззрению я похож(а) на тех, кто работает в моем офисе	3,10	1,18	-0,62	-0,16
4	Мне нравится трудиться на своем рабочем месте	3,58	1,14	-0,77	0,20
5	Мне нравится мое рабочее место	3,48	1,21	-0,62	-0,31

Примечание: M — среднее, SD — стандартное отклонение, Skewness — показатель асимметрии, Kurtosis — показатель эксцесса.

испытывают по отношению к ней негативных чувств и демонстрируют лояльность по отношению к ней. Более того, почти все вопросы также оказались значимо отрицательно связаны со Шкалой привязанности к офису. Исключениями были утверждения 10 («Бывает, я обмениваюсь со своими коллегами понимающими взглядами») и 11 («Я часто обсуждаю с другими, как обстоят дела в моей

компании») *Поведенческого аспекта*. Возможно, содержание этих вопросов отражает особенности российской ментальности и организационной культуры, отличающейся очень высокой дистанцией власти, в силу чего присутствуют выраженные различия между рядовыми работниками и руководством, которое в типичном для России случае по определению не вызывает доверия, что компен-

сируется практиками сплетен и заочного обсуждения действий руководства.

Эти результаты частично подтвердили Гипотезу 2 и полностью — Гипотезу 3.

Обсуждение результатов

В данной статье представлена первая в России адаптация Шкалы организационного цинизма. Ценность полученных данных состоит в их практически полной свободе от фактора социальной желательности (т.к. они были предоставлены работниками совершенно добровольно, по мотивам профессиональной солидарности), в их репрезентативности (респонденты живут в разных городах, имеют разный стаж профессиональной работы и разные профессии, занимают разные должности в иерархии организации). Маловероятно, что подобные данные могли бы быть получены в результате мониторинга по инициативе организации.

Проведенная психометрическая проверка позволяет констатировать подтверждение всех трех выдвинутых гипотез: как и ожидалось, шкала сохранила свою трехфакторную структуру и включает *Когнитивный, Эмоциональный и Поведенческий аспекты* организационного цинизма; она также обладает содержательной и конвергентной валидностью. Этот результат полностью согласуется с итогами других национальных адаптаций

инструмента (например, [10; 16; 26; 33]), потенциально свидетельствуя о его кросс-культурной стабильности. В ходе проверки структурной валидности была осуществлена незначительная модификация шкалы: пункт 5, в исходной версии относящийся к *Когнитивному аспекту*, рекомендуется перенести в *Эмоциональный аспект*, однако при необходимости исследований, требующих полного соответствия структуры шкалы исходной версии, возможно отнесение этого утверждения к *Эмоциональному аспекту*. Это несколько снижает индекс соответствия факторной модели, однако допустимо.

Обнаружен отрицательный возрастной тренд: чем старше человек и чем больше опыт работы, тем ниже все показатели организационного цинизма: по-видимому, по мере накопления опыта трудовых отношений и возможности сравнения разных мест работы люди становятся более толерантными к тем организационным решениям, которые в молодости могут восприниматься как нечестные, люди меньше раздражаются от разных событий в организациях и становятся более сдержанными в своем критическом поведении, подразумевающим разотождествление с организацией, сарказм и осуждение того, что в ней происходит. Этот результат частично согласуется с полученным ранее. Различий [19] по

Таблица 7

Связь аспектов Шкалы организационного цинизма, стажа работы и привязанности к офису

	ОЦК	ОЦЭ	ОЦП	Стаж	Привязанность к офису
ОЦК	M=11,72 SD=5,14			0,006	-0,31***
ОЦЭ	0,58***	M=7,45 SD=2,97		-0,06	-0,34***
ОЦП	0,57***	0,59***	M=11,57 SD=4,22	-0,25***	-0,21***

Примечание: M — среднее, SD — стандартное отклонение, *** — $p < 0,001$.

полу обнаружено не было, также в соответствии с данными метаанализа [18].

Заключение

Работа была посвящена первой русскоязычной адаптации Шкалы организационного цинизма. Осуществлена классическая психометрическая подготовка опросника: благодаря хорошим результатам факторного анализа подтверждена структура, идентичная оригинальной (выделено три субшкалы — *Когнитивный*, *Эмоциональный* и *Поведенческий* аспекты организационного цинизма). Подтверждена структурная, конвергентная и содержательная валидность шкалы: показатели нового для России инструмента удовлетворительны. Половых различий в показателях шкалы не обнаружено, однако присутствует отрицательный возрастной тренд, показывающий, что с возрастом люди начинают менее критично относиться к той организации, в которой они работают, и, возможно, прощать руководству некоторые несовершенства менеджмента. Все эти результаты в целом согласуются с теми, что были получены при разработке оригинальной версии и ее культурных адаптаций.

Подготовленная версия Шкалы организационного цинизма видится востребованной в прикладной психологии, особенно — в решении разных проблем жизнестойкости организации и работников: обеспечении совместных интересов работников и организации, укреплении лояльности по отношению к организа-

ции, предотвращении высокой текучки кадров, для продвижения кадрового резерва и мониторинга микроклимата в организации с возможностью быстрого реагирования. Видится перспективным использование шкалы для оценки эффектов преобразования дизайна рабочей среды в сторону более гуманного отношения к работникам и учета их персональных потребностей разного содержания [2; 3; 22], для оценки риска снижения производительности труда и профессионального выгорания работников. Инструмент также может быть использован для критериального отбора: кандидаты с повышенным показателем организационного цинизма по отношению к прошлой организации могут быть рассмотрены в зависимости от контекста диагностики как менее перспективные работники или оценены как относящиеся к группе риска, для которой в случае профессиональной ценности работника могут быть организованы специальные коучинговые программы. Дальнейшая психометрическая подготовка инструмента может быть продолжена в направлении изучения ее кросс-культурной инвариантности.

Как и любое исследование, наша работа не свободна от некоторых ограничений (относительно небольшое количество переменных для проверки валидности, несбалансированность выборки по полу и профессиональной принадлежности); эти ограничения планируется преодолеть в дальнейших исследованиях.

Литература/References

1. Антонова Н.В. Внутренний имидж и организационная лояльность в компаниях с разным уровнем социальной защищенности сотрудников [Электронный ресурс] // Организационная психология. 2017. Т. 7. № 2. С. 66–85. URL: <https://orgpsyjournal.hse.ru/2017-7-2/206997020.html> (дата обращения: 08.02.2022).

Antonova N.V. Vnutrennii imidzh i organizatsionnaya loyal'nost' v kompaniyakh s raznym urovnem sotsial'noi zashchishchennosti sotrudnikov [Elektronnyi resurs] [Internal image and

- organizational loyalty in companies with different levels of social protection of employees]. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational Psychology*, 2017. Vol. 7, no. 2, pp. 66–85. URL: <https://orgpsyjournal.hse.ru/en/2017-7-2/206997020.html> (Accessed 08.02.2022). (In Russ.).
2. Павлова М.В., Нартова-Бочавер С.К. Рутинные (обыденные) техники самопомощи в офисе: на примере мастерской архитекторов [Электронный ресурс] // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 3. С. 164–184. URL: <https://orgpsyjournal.hse.ru/2020-10-3/401770385.html> (дата обращения: 08.02.2022).
  - Pavlova M.V., Nartova-Bochaver S.K. Rutinnye (obyedennye) tekhniki samopomoshchi v ofise: na primere masterskoi arkhitektorov [Elektronnyi resurs] [Routine self-help behaviors of employees (in case of Architect offices)]. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational Psychology*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 164–184. URL: <https://orgpsyjournal.hse.ru/en/2020-10-3/401770385.html> (Accessed 08.02.2022). (In Russ.).
  3. Перспективы салютогенного подхода к профилактике синдрома выгорания у российских врачей [Электронный ресурс] / Бочавер К.А., Данилов А.Б., Нартова-Бочавер С.К., Квитчастый А.В., Гаврилова О.Я., Зязина Н.А. // Клиническая и специальная психология. 2019. Том 8. № 1. С. 58–77. DOI:10.17759/psyclin.2019080104
  - Bochaver K.A., Danilov A.B., Nartova-Bochaver S.K., Kvitchastyi A.V., Gavrilova O.Y., Zyzina N. Future of Salutogenic Approach to Prevention of Burnout Syndrome in Russian Physicians. [Elektronnyi resurs]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2019. Vol. 8, no. 1, pp. 58–77. DOI:10.17759/psyclin.2019080104 (In Russ.).
  4. Abraham R. Organizational cynicism: bases and consequences. Genetic, Social, and General Psychology Monographs. Washington. 2000. Vol. 126. № 3. P. 269–292. PMID: 10950198
  5. Ahmet A.Y.I.K. Examining the Relationship between Mobbing and Organizational Cynicism // International Journal of Education and Literacy Studies. 2022. Vol. 10. № 2. P. 102–109.
  6. Al-Atwi A.A.H. Interpretation of the phenomenon of organizational cynicism in organizations through the interconnection of the processes of psychological contract and internal respect, an analytical study of the views of a sample of workers in the Muthanna Cement Plant // AL-Qadisiyah Journal of Administrative and Economic Sciences. 2012. Vol. 13. № 2. P. 8–48.
  7. Andersson L.M., Bateman T.S. Cynicism in the workplace: some causes and effects // Journal of Organizational Behavior. 1997. Vol. 18. № 5. P. 449–469. DOI:10.1002/(SICI)1099-1379(199709)18:5<449::AID-JOB808>3.0.CO;2-O
  8. Arslan M. Organizational cynicism and employee performance: Moderating role of employee engagement // Journal of Global Responsibility. 2018. Vol. 9. № 4. P. 415–431. DOI:10.1108/JGR-05-2018-0014
  9. Bang H., Reio Jr.T.G. Examining the role of cynicism in the relationships between burnout and employee behavior // Journal of Work and Organizational Psychology. 2017. Vol. 33. № 3. P. 217–228. DOI:10.1016/j.rpto.2017.07.002
  10. Bellini D., Ramaci T., Bonaiuto M. The Restorative Effect of the Environment on Organizational Cynicism and Work Engagement // Journal of Human Resource and Sustainability Studies. 2015. Vol. 3. № 3. P. 124–135. DOI:10.4236/jhrss.2015.33017
  11. Bommer W.H., Rich G.A., Rubin R.S. Changing attitudes about change: Longitudinal effects of transformational leader behavior on employee cynicism about organizational change // J. Organ. Behav. 2005. Vol. 26. P. 733–753. DOI:10.1002/job.342
  12. Bonaiuto M., Fornara F., Bonnes M. Perceived residential environment quality in middle-and low-extension Italian cities // European Review of Applied Psychology. 2006. Vol. 56. № 1. P. 23–34. DOI:10.1016/j.erap.2005.02.01
  13. Brandes P., Dharwadkar R., Dean J. Does Organizational Cynicism Matter? Employee and Supervisor Perspectives on Work Outcomes. The 36th Annual Meeting of the Eastern Academy of Management. Philadelphia. 1999. P. 1–33.

14. *Dean J.W., Brandes P., Dharwadkar R.* Organizational Cynicism // The Academy of Management Review. 1998. Vol. 23. № 2. P. 341–352. DOI:10.2307/259378
15. *Dimgba C.M., Ikon M.A., Onwuchekewa F.C.* Organizational cynicism and employee performance of logistics companies in Southwest Nigeria // European Journal of Business and Innovation Research. 2022. Vol. 10. № 1. P. 18–33.
16. *Durrah O., Chaudhary M., Gharib M.* Organizational Cynicism and Its Impact on Organizational Pride in Industrial Organizations // Int J Environ Res Public Health. 2019. Vol. 16. № 7. P. 1203. DOI:10.3390/ijerph16071203
17. *Eraslan S., Kaya K., Altindag E.* Effect of organizational cynicism and job satisfaction on organizational commitment: An empirical study on banking sector // J. Fac. Econ. Adm. Sci. 2018. Vol. 23. P. 905–922. Available at: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/1036315> (Accessed 01.01.2022).
18. *Erdoğan P., Tekin I.Ç.* An examination of organizational cynicism in healthcare professionals in term of gender: A meta-analysis study // Conference: 3rd International NEW YORK Conference on Evolving trends in Interdisciplinary Research and Practices. 2021. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/348705577> (Accessed 16.02.2022).
19. *Fernández J.C.R., Moreno O.C.M., Merlano A.F.* Organizational cynicism-An exploration analysis-case: Workers in the city of Cartagena de Indias (Colombia) // Revista Espacios. 2018. Vol. 39. № 26. P. 1–16. Available at: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n26/a18v39n26p27.pdf> (Accessed 16.02.2022).
20. Hofstede Insights. Country-comparison. Russia. Available at: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/russia/> (Accessed 17.02.2022).
21. *Hussain S., Shahzad K.* Unpacking perceived organizational justice-organizational cynicism relationship: Moderating role of psychological capital // Asia Pacific Management Review. 2022. Vol. 27. № 1. P. 10–17. DOI:10.1016/j.apmr.2021.03.005
22. *Ivanoff D., Podolskiy D.* Upravljenje rabochey sredoy: nedavnie vyzovy i budushchie tendentsii organizatsionnoy psikhologii [Workspace environment management: recent challenges and future trends for organizational psychology] // Organizacionnaâ psihologiâ (Organizational Psychology). 2021. Vol. 11. № 4. P. 190–202.
23. *Kalağan G., Aksu M.B.* Organizational cynicism of the research assistants: A case of Akdeniz University // In Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2010. Vol. 2. P. 4820–4825. DOI:10.1016/j.sbspro.2010.03.777
24. *Kaygin E., Yilmaz T., Gulluce A.C., Salik N.* A research for determining the relationship between the organizational cynicism and the organizational commitment // Management and Organizational Studies. 2017. Vol. 4. № 1. P. 1–9. DOI:10.5430/mos.v4n1p1
25. *Kim S., Jung K., Noh G., Kang L.K.* What makes employees cynical in public organizations? Antecedents of organizational cynicism // Social Behavior and Personality: An international journal. 2019. Vol. 47. № 6. e8011. DOI:10.2224/sbp.8011
26. *Kökalan Ö.* The effect of organizational cynicism on job satisfaction: Testing the mediational role of perceived organizational spirituality // Management Research Review. 2019. Vol. 42. № 5. P. 625–640. DOI:10.1108/MRR-02-2018-0090
27. *Korpela K., Hartig T.* Restorative qualities of favorite places // Journal of Environmental Psychology. 1996. Vol. 16. № 3. P. 221–233. DOI:10.1006/jev.1996.0018
28. *Kwantes C.T., Bond M.H.* Organizational justice and autonomy as moderators of the relationship between social and organizational cynicism // Personality and Individual Differences, 2019. 151. Article 109391. DOI:10.1016/j.paid.2019.04.046
29. *Li S., Chen Y.* The relationship between psychological contract breach and employees' counterproductive work behaviors: the mediating effect of organizational cynicism and work alienation // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. 1273. DOI:10.3389/fpsyg.2018.01273

30. *Nafei W., Kaifi B.* The impact of organizational cynicism on organizational commitment: An applied study on teaching hospitals in Egypt // *Eur. J. Bus. Manag.* 2013. Vol. 5. № 12. P. 131–147. Available at: <https://www.iiste.org/Journals/index.php/EJBM/article/view/5824> (Accessed 01.01.2022).
31. *Naseer S., Raja U., Syed F., Baig M.U.A.* When and why organizational cynicism leads to CWBs // *Personnel Review.* 2020. Vol. 50. № 1. P. 90–107. DOI:10.1108/PR-09-2019-0480
32. *O'Connell B.J., Holzman H.H., Armandi B.R.* Police cynicism and the modes of adaptation // *Journal of Police Science and Administration.* 1986. Vol. 14. № 4. P. 307–313. Available at: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/police-cynicism-and-modes-adaptation> (Accessed 01.01.2022).
33. *Pfrombeck J., Doden W., Grote G., Feierabend A.* A study of organizational cynicism and how it is affected by social exchange relationships at work // *Journal of Occupational and Organizational Psychology.* 2020. Vol. 93. № 3. P. 578–604. DOI:10.1111/joop.12306
34. *Putrie H.C., Faraz F.* Organizational cynicism reviewed from work stress to shipping employee organization support // *Psikostudia: Jurnal Psikologi.* 2022. Vol. 11. № 1. P. 79–88.
35. *Qian Y., Jian G.* Ethical leadership and organizational cynicism: the mediating role of leader-member exchange and organizational identification // *Corporate Communications: An International Journal.* 2020. Vol. 25. № 2. P. 207–226. DOI:10.1108/CCIJ-06-2019-0069
36. *Rayan A.R.M., Aly N.A.M., Abdelgalil A.M.* Organizational Cynicism and Counterproductive Work Behaviors: An Empirical Study // *European Journal of Business and Management.* 2018. Vol. 10. № 27. P. 70–79.
37. *Rehan M., Iqbal M., Fatim A., Nawabl S.* Organizational cynicism and its relationship with employee's performance in teaching hospitals of Pakistan // *Int. J. Econ. Manag. Sci.* 2017. Vol. 6. P. 1–6. DOI:10.4172/2162-6359.1000413
38. *Reichers A.E., Wanous J.P., Austin J.T.* Understanding and managing cynicism about organizational change // *Academy of Management Perspectives.* 1997. Vol. 11. № 1. P. 48–59. DOI:10.5465/ame.1997.9707100659
39. *Robinson O.C., Lopez F.G., Ramos K., Nartova-Bochaver S.* Authenticity, social context, and well-being in the United States, England, and Russia: A three country comparative analysis // *Journal of Cross-Cultural Psychology.* 2013. Vol. 44. № 5. P. 719–737. DOI:10.1177/0022022112465672
40. *Rubin R.S., Dierdorff E.C., Bommer W.H., Baldwin T.T.* Do leaders reap what they sow? Leader and employee outcomes of leader organizational cynicism about change // *The Leadership Quarterly.* 2009. Vol. 20. № 5. P. 680–688. DOI:10.1016/J.LEAQUA.2009.06.002
41. *Sguera F., Patient D., Diehl M.R., Bobocel R.* Thank you for the bad news: Reducing cynicism in highly identified employees during adverse organizational change // *Journal of Occupational and Organizational Psychology.* 2022. Vol. 95. № 1. P. 90–130.
42. *Sivuk D., Gedik Ö., Refika Ü.L.K.E.* The role of organizational cynicism in determining attitudes regarding the gender role of healthcare professionals // *Journal of Healthcare Management and Leadership.* 2022. № 1. P. 30–47.
43. *Wild D., Grove A., Martin M., Eremenco S., McElroy S., Verjee-Lorenz A., Erikson P.* Principles of good practice for the translation and cultural adaptation process for patient-reported outcomes (PRO) measures: report of the ISPOR task force for translation and cultural adaptation // *Value in Health.* 2005. Vol. 8. № 2. P. 94–104. DOI:10.1111/j.1524-4733.2005.04054.x
44. *Yang C., Chen Y., Roy X.Z., Mattila A.S.* Unfolding deconstructive effects of negative shocks on psychological contract violation, organizational cynicism, and turnover intention // *International Journal of Hospitality Management.* 2020. Vol. 89. 102591. DOI:10.1016/j.ijhm.2020.102591
45. *Yasin T., Khalid S.* Organizational cynicism, work related quality of life and organizational commitment in employees // *Pakistan Journal of Commerce and Social Sciences (PJCSS).* 2015. Vol. 9. № 2. P. 568–582.

Информация об авторах

Павлова Милада Владимировна, аспирантка Аспирантской школы по Психологии факультета Социальных наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0361-3833>, e-mail: arch_dom@mail.ru

Дзюбенко Мария Михайловна, старший координатор образовательных программ ООО «ТалантКод»; студентка магистратуры департамента психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0445-6764>, e-mail: mmdzyubenko@mail.ru

Нартова-Бочавер Софья Кимовна, доктор психологических наук, профессор и ведущий научный сотрудник департамента психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Information about the authors

Milada V. Pavlova, PHD student, Department of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0361-3833>, e-mail: arch_dom@mail.ru

Maria M. Dzyubenko, Senior Coordinator of Educational Programs, TalentCode Ltd; Master student at the Department of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0445-6764>, e-mail: mmdzyubenko@mail.ru

Sofya K. Nartova-Bochaver, Doctor of Sci. in Psychology, Professor, Leading researcher, Department of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Получена 28.02.2022

Принята в печать 22.07.2022

Received 28.02.2022

Accepted 22.07.2022

Адаптация шкалы коллективного нарциссизма на российской выборке

Романова М.О.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5240-407X>, e-mail: toromanova@hse.ru

Иванов А.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4551-5334>, e-mail: aivanov@hse.ru

Богатырева Н.И.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6024-2322>, e-mail: nbogatyрева@hse.ru

Терскова М.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3692-5809>, e-mail: mterskova@hse.ru

Быков А.О.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8573-5716>, e-mail: ao.bykov@hse.ru

Анкушев В.В.

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9093-6512>, e-mail: vladislavankushev@yandex.ru

Цель. Адаптация методики, позволяющей оценить уровень коллективного нарциссизма человека.

Контекст и актуальность. В современной России существует проблема большой социальной дистанции и распространенности предрассудков в отношении различных меньшинств в обществе. Коллективный нарциссизм — важный элемент отношений между группами, так как именно он связан с аутгрупповой враждебностью при высокой степени ингрупповой идентификации.

Дизайн исследования. Исследование проводилось в формате анкеты в два этапа. На первом и втором этапах в анкету были включены адаптированная шкала коллективного нарциссизма и различные корреляты данного конструкта.

Участники. Исследование включало две выборки (для первого и второго этапов соответственно). В первую выборку вошли 260 респондентов (средний возраст 36,8 лет; 43% — мужчины). Во вторую — 1011 респондентов (средний возраст 35,1 лет; 47% — мужчины).

Методы (инструменты). Для обработки и анализа данных были использованы эксплораторный и подтверждающий факторные анализы, коэффициент альфа Кронбаха и корреляционный анализ. Для обработки данных использовалось программное обеспечение R Studio.

Результаты. Хорошие результаты конфирматорного факторного анализа указывают на наличие надежности-согласованности методики. Также была проведена оценка внешней валидности данной методики, в результате которой мы получили подтверждение данного вида валидности.

Основные выводы. Адаптированная методика является надежной и валидной и может использоваться в исследовательских целях.

Ключевые слова: коллективный нарциссизм, межгрупповые отношения, аутгрупповая враждебность, предрассудки, самооценка.

Финансирование. Исследование реализовано при поддержке Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в работе над исследованием Е.Р. Агадуллину, И.Р. Сариеву и И.С. Прусову.

Для цитаты: Романова М.О., Иванов А.А., Богатырева Н.И., Терскова М.А., Быков А.О., Анкушев В.В. Адаптация шкалы коллективного нарциссизма на российской выборке // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 3. С. 201–220. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130312>

Collective Narcissism Scale Adaptation on a Russian Sample

Marina O. Romanova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5240-407X>, e-mail: moromanova@hse.ru

Aleksandr A. Ivanov

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4551-5334>, e-mail: aaivanov@hse.ru

Natalia I. Bogatyreva

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6024-2322>, e-mail: nbogatyreva@hse.ru

Maria A. Terskova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3692-5809>, e-mail: mterskova@hse.ru

Artur O. Bykov

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8573-5716>, e-mail: ao.bykov@hse.ru

Vladislav V. Ankushev

Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9093-6512>, e-mail: vladislavankushev@yandex.ru

Objective. Adaptation of the scale that measures the collective narcissism level of an individual.

Background. There are some societal problems in modern Russia, such as a huge societal distance and widespread prejudice towards minorities. Collective narcissism is an important aspect of intergroup relations, as being related to outgroup hostility associated with a high level of ingroup identification.

Study design. The study is divided into two parts, both employing a survey consisting of different questionnaires. For both parts, the survey included the adapted version of collective self-esteem scale and its correlates.

Participants. *The study included two samples. The first sample included 260 participants (average age 36,8 years; 43% of males). The second representative sample included 1011 participants (average age 35,1 years; 47% of males).*

Measurements. *For data processing, exploratory and confirmatory factor analyses, Cronbach coefficient alpha, and correlation analysis were applied in the R Studio software.*

Results. *Good results of confirmatory factor analysis indicate the presence of reliability-consistency of the scale. The external validity of the scale was also evaluated, as a result we received confirmation of these types of validity.*

Conclusions. *The scale adapted by the authors is reliable and valid and can be further used for research purposes.*

Keywords: *collective narcissism, intergroup relations, outgroup derogation, prejudice, self-esteem.*

Funding. This research is supported by the Faculty of Social Sciences, HSE University.

Acknowledgements. The authors are grateful for assistance in research process to E.R. Agadullina, I.R. Sarieva and I.S. Prusova.

For citation: Romanova M.O., Ivanov A.A., Bogatyreva N.I., Terskova M.A., Bykov A.O., Ankushev V.V. Collective Narcissism Scale Adaptation on a Russian Sample. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 201–220. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130312> (In Russ.).

Введение

Одной из наиболее влиятельных теорий современной социальной психологии является теория социальной идентичности Г. Тэджфела. Она утверждает, что при участии во внутри— и межгрупповых взаимодействиях человек предстает как член какой-либо социальной группы. Осознание этого членства вместе с приписываемой ему эмоциональной значимостью составляют социальную идентичность человека, входящую в общую Я-концепцию [37]. Группы, с которыми человек себя идентифицирует, называются ингруппами, в то время как все остальные группы являются для него аутгруппами. Люди стремятся поддерживать позитивную идентичность, ради этого они прибегают к различным стратегиям, одна из которых — аутгрупповая враждебность.

Согласно существующим теориям, межгрупповая враждебность зависит от силы групповой идентификации, поскольку индивиды с высокой степенью ее выраженности чаще замечают меж-

групповые угрозы [7; 38] и склонны быть более восприимчивыми ко всему, что может навредить образу ингруппы (например, к критике) [11]. При этом множество эмпирических исследований демонстрировали иные результаты: взаимосвязь между силой ингрупповой идентификации и воспринимаемой межгрупповой угрозой непоследовательна и довольно слаба [31], а взаимосвязь между силой ингрупповой идентификации и межгрупповой враждебностью в среднем стремится к нулю [26; 30]. Наличие этих противоречий подчеркнуло необходимость выявления новых факторов, которые могли бы быть одновременно связаны и с высокими уровнями межгрупповой враждебности, и с высоким уровнем групповой идентификации. Таким фактором, первоначально предложенным А. Голек де Завала и коллегами [18] для объяснения тенденции к аутгрупповой агрессии с целью достижения положительной социальной идентичности, выступил конструкт коллективного нарциссизма — убежденности индивидов

в том, что ингруппа является исключительной и имеет право на привилегированное обращение.

Коллективный нарциссизм связан с различными проявлениями положительной оценки ингруппы и негативной оценки аутгруппы. Обычно люди склонны хорошо оценивать свою ингруппу, но при этом они способны формировать позитивное отношение и к аутгруппам и не обязательно будут демонстрировать сильный ингрупповой фаворитизм в сочетании с аутгрупповой враждебностью, в то время как нарциссы формируют по отношению к ним исключительно враждебные аттитюды [17; 21; 29]. Показано, что при контроле связи коллективного нарциссизма и позитивной оценки ингруппы сама по себе позитивная самооценка перестает предсказывать аутгрупповую враждебность, в то время как ее начинает предсказывать коллективный нарциссизм. То есть именно коллективный нарциссизм, а не просто позитивное представление о группе, как и предполагали авторы теории, является предиктором аутгрупповой враждебности. При этом имплицитно люди с выраженным коллективным нарциссизмом могут и не разделять позитивного представления о группе и на самом деле обладать характерной и для индивидуальных нарциссов низкой самооценкой [18; 19]. Коллективный нарциссизм по сути является «продолжением» индивидуального нарциссизма на уровне групповой социальной идентичности — для него характерны чрезмерная любовь к ингруппе и преувеличенное представление о ее величии, которые требуют постоянного внешнего подтверждения [18]. А. Голек де Завала и коллеги утверждают, что механизмы, благодаря которым два типа нарциссизма связывают враждебность с положительной социальной идентичностью,

одинаковы. Индивидуальные нарциссы имеют преувеличенное представление о собственном эго и прибегают к межличностной агрессии с целью его защиты, аналогичным образом коллективные нарциссы прибегают к межгрупповой, но уже для защиты образа группы.

При этом авторы делают акцент на эмоциональном вкладе людей в нереалистичное представление о величии их ингруппы [18]. Такие представления не только требуют постоянного подкрепления извне, но и особенно уязвимы к критике. Из-за этого нарциссы склонны интерпретировать действия других как враждебные и «подрывающие» положение группы (и представления о ее положении и величии), соответственно, они реагируют на это аутгрупповой враждебностью. Таким образом, коллективно-нарциссические убеждения о том, что право на исключительность ингруппы находится под угрозой, мотивируют индивидов к проявлению аутгрупповой агрессии как одного из способов защиты самооценки и позитивной идентичности.

Авторы предполагают, что коллективный нарциссизм может не только являться продолжением индивидуального нарциссизма (и быть, соответственно, характерным для людей с высокими уровнями индивидуального нарциссизма), но и складываться вне зависимости от него в тех случаях, когда группа ставится в центр внимания, действий и эмоциональных переживаний индивида [18].

Важно отметить, что этот конструкт является ключевым фактором, связывающим высокие уровни ингрупповой идентификации с аутгрупповой враждебностью. Соответственно, адаптация методики коллективного нарциссизма на российской выборке позволит более эффективно изучать специфику межгрупповых отношений в России. В част-

ности, особый интерес представляют феномены аутгрупповой враждебности у россиян по отношению к большому спектру групп: меньшинствам (например, к гомосексуалам), трудовым мигрантам, к которым у россиян в той или иной степени проявляется негативное отношение [4; 5], представителям других национальностей. Наконец, эта методика позволит более комплексно изучать в российском контексте различные формы дискриминации (например, сексизм, антисемитизм, гомофобия). Оригинальная методика содержит 9 утверждений.

Исследования с конструктом коллективного нарциссизма

Поскольку коллективный нарциссизм был использован для объяснения тенденции к аутгрупповой враждебности, он часто изучается в связи с различными феноменами межгрупповых отношений.

Прежде всего, исследования показывают, что в целом большинство ситуаций межгрупповых отношений интерпретируются коллективными нарциссами как знаки неуважения, критики или неодобрения ингруппы [21]. Это происходит, потому что коллективные нарциссы заинтересованы в том, чтобы их группа рассматривалась другими не как равная, а как более привилегированная. Однако в силу преувеличенности представления об ингрупповом величии практически никакое внимание или признание не будет выглядеть для них достаточным. В связи с этим среди них сильно выражено представление о злонамеренности других групп: коллективные нарциссы склонны к вере в теории заговора [10], к повышенной чувствительности к оскорблениям (например, воспринимаемому отвержению группы, шуткам в сторону авторитетов и т.д.) и критике ингруппы разного рода [21; 22].

Одними из подходящих реакций на воспринимаемые аутгрупповые угрозы являются агрессия и враждебность по отношению к другим группам как средства защиты позитивного образа ингруппы [18]. Так, коллективный нарциссизм положительно коррелирует с нежеланием прощать аутгруппы [24], особенно если в прошлом с ними была история конфликтов [18]. Кроме того, его средние и высокие уровни связаны с негативными аттитюдами и дискриминационным поведением в отношении национальных меньшинств: беженцев [12] и иммигрантов, если считается, что они представляют угрозу для ингруппы [28]. При этом коллективный нарциссизм может быть связан также с сексизмом и гомофобией, если прототип ингруппы — гетеросексуальный мужчина [21]. В целом нарциссы скорее мотивированы на жесткие и ненормативные действия [21], а в случае идентификации с более высокостатусными группами именно коллективный нарциссизм негативно связан с коллективными действиями в поддержку непривилегированных групп [23]. Наконец, коллективный нарциссизм положительно связан с межгрупповой агрессией и поддержкой военной агрессии [18].

Любопытно, что на групповом уровне коллективный нарциссизм может приводить к эффекту исключения из ингруппы (*the ingroup overexclusion effect*) из-за того, что нарциссы обладают очень конкретным и от этого узким определением «истинного» члена группы [21]. Таким образом, коллективные нарциссы видят угрозу не только в аутгруппах, но и в некоторых представителях ингруппы. Одно из возможных объяснений состоит в том, что, будучи групповым феноменом, коллективный нарциссизм все-таки ориентирован на личную выгоду нарцис-

са, которому хочется быть частью сильной группы [21].

Несмотря на то, что коллективный нарциссизм успешно изучается в отношении множества разных групп, особый интерес представляют исследования, связанные с национальными группами и политическими воззрениями [8]. Так, коллективный нарциссизм связан с поддержкой populistских лидеров и партий, ориентацией на социальное доминирование и правым авторитаризмом [9]. Кроме того, он сильно связан с национализмом [21].

Таким образом, с конструктом коллективного нарциссизма связано большое количество феноменов межгрупповых отношений, таких как аутгрупповая агрессия и враждебность, дискриминационные аттитюды и поведение (в том числе сексизм, гомофобия), а также идеологические верования в виде поддержки популизма, ориентации на социальное доминирование и правый авторитаризм. Кроме того, некоторые авторы считают, что коллективный нарциссизм, хоть и не является прямо связанным с индивидуальным нарциссизмом, все равно является по своей сути индивидуальным, так как ориентирован на получение коллективным нарциссом личной выгоды от членства в привилегированной группе.

Методика измерения коллективного нарциссизма

Методика коллективного нарциссизма была разработана А. Голек де Завала и коллегами [18] с опорой на определение конструкта и существующие опросники для измерения индивидуального нарциссизма. Авторами были использованы утверждения, которые соответствуют ключевым аспектам индивидуального нарциссизма, но при этом могут быть перенесены на групповой уровень. Были использованы суждения о воспринимаемой исключи-

тельности, превосходстве и недостаточности признания («Not many people seem to fully understand the importance of my group»), авторитете над другими («I wish other groups would more quickly recognize the authority of my group»), необходимости быть в центре внимания («I insist upon my group getting the respect that is due to it») и чувствительности к критике («It really makes me angry when others criticize my group»). Первый вариант шкалы содержал 23 утверждения. Для проверки факторной структуры шкалы авторы провели эксплораторный факторный анализ. Результаты подтвердили однофакторную шкалу, однако шкала в изначальном варианте показала плохое соответствие данным ($\chi^2(231)=780,23$, RMSEA=0,09, CFI=0,57), в связи с чем было принято решение сократить список утверждений до 9. Были отобраны суждения, оцененные экспертами как релевантные и валидные и имеющие факторные нагрузки выше 0.58. Новая модель показала хорошее соответствие данным при апробации на британской ($\chi^2(23)=47,22$, RMSEA=0,06, CFI=0,97) и польской ($\chi^2(22)=42,21$, RMSEA=0,06, CFI=0,95) выборках. Также на обеих выборках была показана высокая надежность шкалы: 0,74 — на польской выборке, 0,82 — на британской выборке.

Шкала коллективного нарциссизма доказала свою эффективность в многочисленных исследованиях различных групп: этнических и религиозных [18], профессиональных организаций [15], футбольных команд [27], студентов университета [17; 19] и т.д. Во всех исследованиях были выявлены схожие прогностические результаты относительно межгрупповых аттитюдов [20]. Однако чаще всего коллективный нарциссизм оценивался в рамках национальных групп, в том числе и на этапе разработки методики [18].

Таким образом, шкала коллективного нарциссизма является удобным и надежным психодиагностическим инструментом и широко используется зарубежными коллегами в исследованиях различных феноменов межгрупповых отношений. Ее адаптация позволит значительно расширить область исследований межгрупповых отношений в России. В рамках адаптации было проведено два исследования с целью проверки основных психометрических показателей методик, в ходе которых были произведены их первичная оценка, корректировка и последующая оценка на репрезентативной стратифицированной выборке.

Программа исследования 1

Цель исследования 1 — первичная проверка психометрических параметров адаптированного варианта шкалы коллективного нарциссизма на российской выборке. Исследование проводилось в формате онлайн-опроса, размещенного на платформе 1kaSurvey. Сбор респондентов производился посредством сервиса Яндекс.Толока, за участие в исследовании полагалось вознаграждение. Перед заполнением основной анкеты все респонденты представили информированное согласие на участие в исследовании.

Выборка. В исследовании приняли участие 260 человек в возрасте от 18 до 65 лет ($M=36,83$, $SD=10,36$). Среди них 113 (43,4%) мужчин ($M=34,86$, $SD=9,59$) и 147 (56,6%) женщин ($M=38,34$, $SD=10,7$). Большая часть выборки (55%) имела высшее образование, 18% респондентов имели среднее специальное образование, 10% имели незаконченное высшее образование либо обучались на момент прохождения опроса, 8% имели среднее образование, 8% — два и более высших образования. Большинство ре-

спондентов (90%) определило свою этническую принадлежность как русские.

Процедура. Инструментарий первого этапа (оценка внешней структуры и надежности) включал адаптированные вопросы шкалы коллективного нарциссизма [18] и ковариаты. Утверждения шкалы коллективного нарциссизма были переведены на русский язык двумя экспертами независимо друг от друга. Далее были утверждены варианты переводов, проведены когнитивные интервью и веб-пробинг. Когнитивное интервью проходило в три этапа, на каждом этапе опрашивалось по 4 случайных человека. Задавались три пробы: аргументация выбора ответа, понимание и парафраз. В результате интервью суждение «Я не буду доволен, пока россияне не получат признание, которого они заслуживают» было заменено на «Я буду доволен только тогда, когда мы, россияне, получим признание, которого заслуживаем», суждение «Лишь немногие люди полностью понимают значимость россиян» — на «Лишь немногие люди по-настоящему понимают значимость россиян», а к суждению «Я настаиваю, чтобы россияне получали должное уважение» добавилась фраза «от других людей». Последующий веб-пробинг ($N=22$) показал, что суждения хорошо понимаются респондентами и обладают очевидной валидностью. После этого был утвержден финальный вариант русскоязычной шкалы, включающий 9 суждений (см. Приложение).

Инструментарий

На основе теоретического обзора в качестве ковариатов, необходимых для проверки валидности шкалы, в анкету были включены следующие методики:

Ориентация на социальное доминирование — измерялась 10 суждениями, например, «Одни группы людей лучше, чем дру-

гие» ($\alpha=0,84$) [3]. Каждое суждение нужно было оценить по шкале от 1 (совершенно не согласен) до 7 (совершенно согласен).

Ингрупповая идентификация — измерялась с помощью укороченной русскоязычной версии, включающей 4 суждения: «Я рад, что являюсь частью группы “россияне”», «Я думаю, что россиянам есть чем гордиться», «Мне приятно быть частью группы “россияне”» и «Принадлежность к россиянам делает меня счастливым» ($\alpha=0,93$) [1]. Каждое суждение нужно было оценить по шкале от 1 (совершенно не согласен) до 7 (совершенно согласен).

Уровень личной самооценки — измерялся с помощью суждения «У меня высокая самооценка», которое также нужно было оценить по шкале от 1 (совершенно не согласен) до 7 (совершенно согласен).

Обработка данных. Для оценки структурной валидности шкалы был применен конфирматорный факторный анализ (КФА). Анализ проводился при помощи г-пакета lavaan [32]. Был использован робастный подход к расчету индексов соответствия. Для оценки качества модели использовались следующие показатели: отношение хи-квадрата к числу степеней свободы (χ^2/df), среднеквадратическая ошибка аппроксимации (RMSEA), сравнительный индекс соответствия (CFI), индекс Такера-Льюиса (TLI), стандартизованный корень среднеквадратического остатка (SRMR). Значения $RMSEA < 0,06$ и $SRMR \leq 0,08$; $TLI \geq 0,95$ [34]; $CFI \geq 0,95$ и $\chi^2/df < 3$ [25] обычно принимаются как индикаторы хорошего качества модели [16].

Результаты

Изначальная теоретическая модель продемонстрировала плохое соответствие эмпирическим данным. Для коррекции модели в нее была добавлена ковариация остатков между суждениями 8

(«Лишь немногие люди по-настоящему понимают значимость россиян») и 9 («Люди часто не понимают истинную ценность россиян») (0,63). Данная ковариация имеет логичные основания, так как суждения имеют идентичный смысл и сформулированы в едином ключе. Результаты КФА для исходной и скорректированной модели представлены в табл. 2. Можно увидеть, что скорректированная модель демонстрирует хорошее соответствие эмпирическим данным.

Можно видеть, что шкала обладает отличной внутренней согласованностью, а также сбалансированным распределением баллов ($M=3,64$; $SD=1,08$; $Median=3,67$, $Min=1$, $Max=6$, $\alpha=0,90$). В табл. 1 приведена описательная статистика утверждений. Как видно из данных, утверждения имеют разные особенности распределения. Так, суждения 1, 3 и 4 обладают левосторонней асимметрией, то есть респонденты скорее склонны соглашаться с ними. Коэффициент асимметрии для суждений 5, 6, 7, 8 и 9 довольно мал, что говорит о распределении, близком к симметричному. Суждение 2 обладает правосторонней асимметрией — респонденты склонны не соглашаться с ним. Большинство утверждений имеют отрицательный и большой по модулю эксцесс, что указывает на низкое и пологое распределение с очень большим стандартным отклонением, где большое количество респондентов имеют как низкие, так и высокие баллы. Такое распределение, даже если оно симметрично, нельзя назвать нормальным. Суждение 7 имеет невысокую корреляцию с общей шкалой, поскольку является обратным. Тем не менее его наличие не ухудшает показатели модели.

В табл. 3 представлены результаты корреляционного анализа полученной

шкалы и ковариатов. Все корреляции являются значимыми и подтверждают теоретические предположения о месте коллективного нарциссизма в номологической сети: обнаружена положительная связь с ориентацией на социальное доминирование, самооценкой и интрупповой

идентификацией. Поскольку по модулю корреляции являются умеренными и умеренно-слабыми, можно утверждать, что конструкт коллективного нарциссизма обладает собственной дисперсией и не является дубликатом уже существующих связанных конструктов.

Таблица 1

Описательная статистика по суждениям методики и корреляции пунктов с общими показателями

№	Формулировка суждения	M	SD	Med	A	Э	R
1	Я хотел бы, чтобы другие группы признавали авторитет россиян	4,21	1,51	4,00	-0,55	-0,60	0,72
2	Россияне заслуживают особого отношения	3,30	1,50	3,00	0,17	-0,70	0,75
3	Я буду доволен только тогда, когда мы, россияне, получим признание, которого заслуживаем	3,72	1,53	4,00	-0,19	-0,86	0,81
4	Я настаиваю, чтобы россияне получали должное уважение от других людей	3,98	1,48	4,00	-0,38	-0,66	0,75
5	Меня очень злит, когда другие люди критикуют россиян	3,50	1,41	3,00	0,05	-0,60	0,60
6	Если бы россияне имели больше влияния, мир стал бы лучше	3,34	1,51	3,00	0,10	-0,88	0,75
7	Я не расстраиваюсь, когда люди не замечают достижений россиян	3,61	1,43	4,00	-0,04	-0,72	0,29
8	Лишь немногие люди по-настоящему понимают значимость россиян	3,51	1,31	3,00	-0,001	-0,41	0,65
9	Люди часто не понимают истинную ценность россиян	3,55	1,35	3,00	0,021	-0,54	0,75

Примечание: M – среднее; SD – стандартное отклонение; Med – медиана; A – асимметрия; Э – эксцесс; r (И/К) – корреляция с суммой остальных пунктов исторического или культурного представления; r – корреляция с суммой остальных пунктов всей шкалы; И – историческое представление; К – культурное представление.

Таблица 2

Результаты конфирматорного факторного анализа

Модель	χ^2	df	AIC	CFI	TLI	RMSEA	90% CI RMSEA	SRMR
Изначальная модель	131,500	27	7151,997	0,895	0,860	0,122	0,105-0,140	0,055
Скорректированная модель	34,544	26	7019,797	0,992	0,988	0,036	0,000-0,061	0,032

Примечание: χ^2 – критерий хи-квадрат; df – число степеней свободы; RMSEA – среднеквадратическая ошибка оценки; SRMR – стандартизированный корень среднеквадратического остатка; CFI – показатель сравнительного соответствия; TLI – ненормированный показатель соответствия; AIC – информационный критерий Акайке.

Таблица 3

Матрица корреляций, описательные статистики и надежность используемых шкал

Переменные	M	SD	α	Коллективный нарциссизм	Ориентация на социальное доминирование	Самооценка
Ориентация на социальное доминирование	2,11	0,77	0,84	0,18**		
Самооценка	4,30	1,35	-	0,20***	0,13*	
Индивидуальная идентификация	5,18	1,59	0,93	0,54***	-0,21***	0,21***

Примечание: M — среднее; SD — стандартное отклонение; α — альфа Кронбаха; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Программа исследования 2

Цель исследования 2 — полноценная апробация шкалы коллективного нарциссизма на репрезентативной стратифицированной по полу и возрасту выборке россиян. Этот этап включал в себя исследование связи шкалы с дополнительными ковариатами, анализ функционирования каждого суждения при помощи описательных статистик, а также проверку инвариантности по полу.

Выборка. В исследовании была использована репрезентативная выборка из 1011 человек в возрасте от 18 до 70 лет ($M=35,10$, $SD=11,94$). Среди них 485 мужчин ($M=34,79$, $SD=11,59$) и 526 женщин ($M=35,39$, $SD=12,26$). Большая часть выборки (56%) имела высшее образование, 22% респондентов имели среднее специальное образование, 12% — незаконченное высшее образование либо обучались на момент прохождения опроса и 9% — среднее образование.

Процедура. Была использована шкала из 9 суждений, предварительно проверенная в исследовании 1. Процедура исследования соответствует процедуре в исследовании 1. Для проверки конструктивной валидности были использованы как методики, уже использовавшиеся в исследовании 1 (шкала ориентации на соци-

альное доминирование ($\alpha=0,78$)) [3], так и дополнительные методики: шкала правого авторитаризма ($\alpha=0,88$) [6], национализма ($\alpha=0,81$) [2] и открытости новому опыту ($\alpha=0,80$) [35]. Также респондентам было предложено ответить на вопросы относительно их готовности к участию в трех разных формах протеста: уличных акциях (демонстрациях, пикетах, маршах, митингах), подписании коллективных обращений и петиций, а также создании и участии в общественных движениях, партиях. Респонденты выражали свою готовность при помощи шкалы от 1 до 5, где 1 — совершенно не готов, а 5 — полностью готов.

Результаты

Шкала продемонстрировала высокую внутреннюю согласованность ($\alpha=0,89$). В табл. 4 приведена описательная статистика утверждений. Как видно из данных, утверждения имеют разные особенности распределения. Так, суждения 1, 8 и 9 обладают левосторонней асимметрией, то есть респонденты скорее склонны соглашаться с ними. Однако коэффициент асимметрии для суждения 8 и 9 довольно мал, что говорит о распределении, близком к симметричному. Суждения 2, 3, 5, 6 и 7, напротив, обладают правосторонней асимметрией — респонденты склонны

не соглашаться с ними. Распределение для суждения 4, согласно коэффициенту, очень близко к симметричному. Большинство утверждений имеют отрицательный и большой по модулю эксцесс, что указывает на низкое и пологое распределение с очень большим стандартным отклонением, где большое количество респондентов имеют как низкие, так и высокие баллы. Такое распределение, даже если оно симметрично, нельзя назвать нормальным.

Структурная валидность была проверена теми же методами, что и в исследовании 1. Как видно из табл. 4, данные не удовлетворяют требованиям множественной нормальности, поэтому для расчета индексов соответствия в КФА был применен робастный подход при помощи метода MLR. Изначальная теоретическая модель

продемонстрировала плохое соответствие эмпирическим данным: $\chi^2(53)=421,484$, RMSEA=0,120 [90% CI: [0,112; 0,129], CFI=0,882, TLI=0,843, SRMR=0,053. Анализ индексов модификации показал, что, аналогично исследованию 1, существует высокая ковариация между суждениями 8 и 9. Добавление этой ковариации сильно улучшило показатели модели: $\chi^2(53)=127,438$, RMSEA=0,062 [90% CI: [0,053; 0,072], CFI=0,970, TLI=0,958, SRMR=0,030. Кроме того, при помощи индексов модификации была обнаружена ковариация между суждениями 3 и 4. Поскольку эти суждения обладают семантической и смысловой схожестью, их ковариация была добавлена в модель. Скорректированная модель (см. рис.) демонстрирует хорошее соответствие эмпирическим данным: $\chi^2(52)=84,051$,

Таблица 4

Описательная статистика по суждениям методики и корреляции пунктов с общими показателями

№	Формулировка суждения	М	SD	Med	А	Э	r
1	Я хотел бы, чтобы другие группы признавали авторитет россиян	3,24	1,32	3,00	-0,31	-0,97	0,67
2	Россияне заслуживают особого отношения	2,41	1,30	2,00	0,45	-0,93	0,71
3	Я буду доволен только тогда, когда мы, россияне, получим признание, которого заслуживаем	2,74	1,34	3,00	0,15	-1,10	0,76
4	Я настаиваю, чтобы россияне получали должное уважение от других людей	2,91	1,37	3,00	0,01	-1,17	0,75
5	Меня очень злит, когда другие люди критикуют россиян	2,61	1,32	3,00	0,32	-1,04	0,63
6	Если бы россияне имели больше влияния, мир стал бы лучше	2,53	1,32	3,00	0,31	-1,06	0,77
7	Я не расстраиваюсь, когда люди не замечают достижений россиян	2,83	1,26	3,00	0,11	-0,98	0,26
8	Лишь немногие люди по-настоящему понимают значимость россиян	2,91	1,18	3,00	-0,04	-0,64	0,66
9	Люди часто не понимают истинную ценность россиян	2,90	1,22	3,00	-0,07	-0,78	0,69

Примечание: М – среднее; SD – стандартное отклонение; Med – медиана; А – асимметрия; Э – эксцесс; r (И/К) – корреляция с суммой остальных пунктов исторического или культурного представления; r – корреляция с суммой остальных пунктов всей шкалы; И – историческое представление; К – культурное представление.

RMSEA=0,048 [90% CI: [0,038; 0,059], CFI=0,982, TLI=0,975, SRMR=0,027. Для визуализации полученной модели использовался r-пакет semPlot [13].

Как видно из рис., суждение 7 плохо нагружается на исследуемый фактор и, соответственно, обладает большой ошибочной дисперсией. Это может быть объяснено тем, что суждение является обратным. Как правило, это вызывает затруднения у респондентов и ведет к «выпадению» суждения из шкалы и сильному ухудшению параметров модели [33; 36]. Тем не менее в данном случае наличие этого суждения не ухудшает показателей модели.

Для проверки инвариантности структуры шкалы среди социодемографических групп был проведен мультигрупповой конфирматорный факторный анализ (МКФА). Инвариантность шкалы оценивалась на трех уровнях: структурная

(идентичность структуры шкалы в разных группах), метрическая (идентичность факторных нагрузок суждений шкалы в разных группах) и скалярная (идентичность уровня «сложности» суждений в разных группах/идентичность смысла суждений для оцениваемого конструкта). В качестве групп для сравнения были выбраны мужчины и женщины. В качестве критерия для доказательства инвариантности была принята разница в CFI. Для инвариантной шкалы она не должна превышать 0.01 [14]. По результатам, представленным в табл. 5, можно утверждать, что шкала демонстрирует полную инвариантность (структурную, метрическую и скалярную) по признаку пола.

Результаты проверки конвергентной и дискриминативной валидностей представлены в табл. 6. Конвергентная валидность подтверждается связями шкалы с

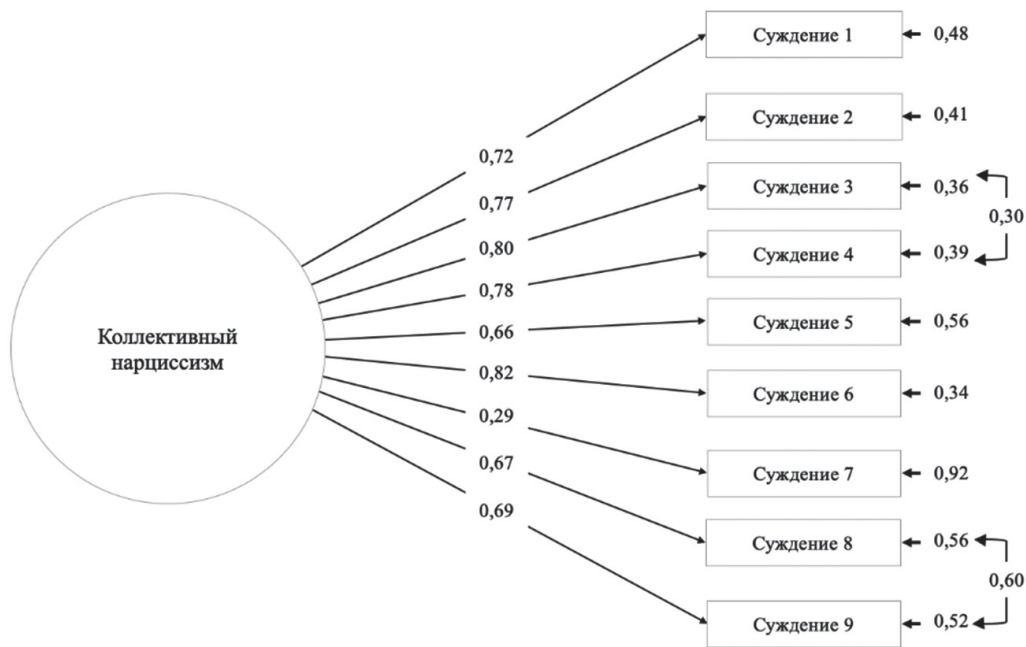

Рис. Модель измерения коллективного нарциссизма с факторными нагрузками

правым авторитаризмом ($r(1009)=0,60$, $p<0,001$), ориентацией на социальное доминирование ($r(1009)=0,21$, $p<0,001$) и национализмом ($r(1009)=0,67$, $p<0,001$); дискриминантная — отсутствием связи с открытостью новому опыту ($r(1009)=0,01$, $p=0,62$).

Обсуждение результатов

В данной статье представлена адаптация на русский язык методики оценки коллективного нарциссизма. Было проведено два исследования: пилотная проверка психометрических параметров и полноценное апробационное исследование на репрезен-

Таблица 5

Результаты мультигруппового факторного анализа

Модель	χ^2	df	RMSEA	95%CI RMSEA	SRMR	CFI	TLI	AIC	BIC	$\delta\chi^2$	δdf	δCFI
Конфигурационная	113,312	50	0,050	0,039—0,061	0,027	0,981	0,973	25637	25922	-	-	-
Метрическая	120,874	58	0,046	0,036—0,057	0,030	0,981	0,977	25625	25871	8	8	0
Скалярная	154,919	66	0,0516	0,042—0,061	0,037	0,974	0,971	25647	25854	8	8	0,007

Примечание: χ^2 — критерий хи-квадрат; df — число степеней свободы; RMSEA — среднеквадратическая ошибка оценки; SRMR — стандартизированный корень среднеквадратического остатка; CFI — показатель сравнительного соответствия; TLI — ненормированный показатель соответствия; AIC — информационный критерий Акайке; BIC — информационный критерий Байеса.

Таблица 6

Матрица корреляций, описательные статистики и надежность используемых шкал

Шкала	M	SD	α	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.
1. Коллективный нарциссизм	2,79	0,95	0,89							
2. Правый авторитаризм	2,91	0,95	0,88	0,60***						
3. Ориентация на социальное доминирование	2,04	0,89	0,78	0,21***	0,23***					
4. Национализм	2,84	1,07	0,81	0,67***	0,61***	0,12***				
5. Открытость новому опыту	3,69	0,62	0,80	0,01	-0,04	-0,13***	0,00			
6. Готовность к участию в уличных акциях	2,08	1,31	-	-0,22***	-0,29***	-0,02	-0,25***	0,08*		
7. Готовность к подписанию петиций, обращений	3,18	1,46	-	-0,11***	-0,18***	-0,07*	-0,15***	0,08*	0,55***	
8. Готовность к участию в общественных движениях	2,39	1,38	-	-0,04	-0,15***	0,02	-0,07*	0,14***	0,64***	0,56***

Примечание: M — среднее; SD — стандартное отклонение; α — альфа Кронбаха; * $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$.

тативной выборке. Оригинальная адаптированная версия методики продемонстрировала неудовлетворительное соответствие исходным данным в обоих исследованиях. Однако добавление логичных и обоснованных ковариаций в модель позволило добиться полного соответствия оригинальной версии эмпирическим данным.

В рамках исследования 1 были проведены внутренняя согласованность, структурная и конструктивная валидности шкалы, а также произведен расчет описательных статистик для каждого суждения методики. Предложенная модель с адаптированными суждениями демонстрирует хорошее соответствие данным и высокую внутреннюю согласованность. Добавленные ковариации между ошибками суждений 8 и 9 логичны и обоснованы, так как суждения обладают семантическим сходством и измеряют один и тот же аспект конструкта. Конструктивная валидность подтверждена полученными значимыми теоретически обоснованными корреляциями.

Результаты, полученные в исследовании 2, подтверждают результаты пилотного исследования. Оригинальная шкала показала отличное соответствие эмпирическим данным без вмешательства в структуру и с минимальными логически обоснованными статистическими моди-

фикациями. Важно отметить, что обратное суждение из оригинальной методики осталось в шкале, что является редким случаем для адаптации шкал на русский язык. Кроме того, результаты позволяют убедиться в полной инвариантности структуры шкалы по полу. Это говорит о возможности сравнивать уровень нарциссизма у мужчин и женщин. Однако в будущих исследованиях требуется дальнейшая проверка инвариантности по другим группам, которые важны для сравнения по уровню коллективного нарциссизма.

Заключение

Описанные в статье результаты указывают на то, что методика оценки коллективного нарциссизма может быть использована в будущих исследованиях как надежный и устойчивый инструментальный. Изучение коллективного нарциссизма в связке с другими переменными, касающимися межгрупповых отношений, позволит исследователям глубже понять природу межгрупповых конфликтов, социальной дистанции и широкой распространенности предрассудков в российском обществе и, возможно, сформулировать позитивную программу по улучшению этой ситуации.

Приложение

Шкала коллективного нарциссизма

1. Я хотел бы, чтобы другие группы признавали авторитет россиян.
2. Россияне заслуживают особого отношения.
3. Я буду доволен только тогда, когда мы, россияне, получим признание, которого заслуживаем.
4. Я настаиваю, чтобы россияне получали должное уважение от других людей.
5. Меня очень злит, когда другие люди критикуют россиян.
6. Если бы россияне имели больше влияния, мир стал бы лучше.
7. Я не расстраиваюсь, когда люди не замечают достижений россиян. (*обратное*)
8. Лишь немногие люди по-настоящему понимают значимость россиян.
9. Люди часто не понимают истинную ценность россиян.

Литература

1. Агадуллина Е.Р., Ловаков А.В. Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 4. С. 143–157.
2. Григорян Л.К., Лешокова З.Х. Эмпирическая модель взаимосвязи гражданской идентичности и установок по отношению к иммигрантам с экономическими представлениями россиян // Социальная психология и общество. 2012. Т. 3. № 2. С. 5–20.
3. Гулевич О.А., Агадуллина Е.Р., Хухлаев О.Е. Одобрение групповой иерархии: русскоязычная версия шкалы для измерения ориентации на социальное доминирование // Психология. Журнал ВШЭ. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/odobrenie-grupповой-ierarhii-russkojazychnaya-versiya-shkaly-dlya-izmereniya-orientatsii-na-sotsialnoe-dominirovanie> (дата обращения: 10.06.2021).
4. Отношение к трудовым мигрантам (опубликовано 28.04.2017) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/28/otnoshenie-k-trudovym-migrantam/> (дата обращения: 10.06.2021).
5. Почти половина россиян выступила за равные права для геев (опубликовано 23.05.2019) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2019/05/23/pochti-polovina-rossiyan-vystupila-za-ravnye-prava-dlya-geev/> (дата обращения: 10.06.2021).
6. Черткова Ю.Д., Егорова М.С., Паршикова О.В., Ржанова И.Е. Авторитарность как компенсаторная характеристика // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 56. С. 11. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.06.2021).
7. Branscombe N.R., Wann D.L. Collective self-esteem consequences of outgroup derogation when a valued social identity is on trial // European Journal of Social Psychology. 1994. Vol. 24. № 6. P. 641–657. DOI:10.1002/ejsp.2420240603
8. Cichocka A., Cislak A. Nationalism as collective narcissism // Current Opinion in Behavioral Sciences. 2020. № 34. P. 69–74. DOI:10.1016/j.cobeha.2019.12.013
9. Cichocka A., Dhont K., Makwana A.P., Back M. On self–love and outgroup hate: Opposite effects of narcissism on prejudice via social dominance orientation and right–wing authoritarianism // European Journal of Personality. 2017. Vol. 31. № 4. P. 366–384.
10. Cichocka A., Marchlewska M., Golec de Zavala A., Olechowski M. ‘They will not control us’: Ingroup positivity and belief in intergroup conspiracies // British journal of psychology. 2016. Vol. 107. № 3. P. 556–576. DOI:10.1111/bjop.12158
11. Corenblum B., Stephan W.G. White fears and native apprehensions: An integrated threat theory approach to intergroup attitudes // Canadian Journal of Behavioural Science / Revue canadienne des sciences du comportement. 2001. Vol. 33. № 4. P. 251–268. DOI:10.1037/h0087147
12. Dyduch-Hazar K., Mrozinski B., Golec de Zavala A. Collective narcissism and in-group satisfaction predict opposite attitudes toward refugees via attribution of hostility // Frontiers in psychology. 2019. № 10. P. 1901.
13. Epskamp S. semPlot: Unified visualizations of structural equation models // Structural Equation Modeling. 2015. Vol. 22. № 3. P. 474–483. DOI:10.1080/10705511.2014.937847
14. Fischer R., Karl J.A. A Primer to (Cross-Cultural) Multi-Group Invariance Testing Possibilities in R // Frontiers in psychology. 2019. Vol. 10. P. 1507. DOI:10.3389/fpsyg.2019.01507
15. Galvin B.M., Lange D., Ashforth B. Narcissistic organizational identification: Seeing oneself as central to the organization’s identity // Academy of Management Review. 2015. Vol. 40. № 2. P. 163–181. DOI:10.5465/amr.2013.0103
16. Gatignon H. Confirmatory Factor Analysis. In Statistical Analysis of Management Data. New York, NY: Springer, 2010. P. 59–122. DOI:10.1007/978-1-4419-1270-1_4
17. Golec de Zavala A., Cichocka A., Bilewicz M. The paradox of in-group love: differentiating collective narcissism advances understanding of the relationship between in-group and out-group attitudes // Journal of personality. 2013. Vol. 81. № 1. P. 16–28. DOI:10.1111/j.1467-6494.2012.00779.x

18. Golec de Zavala A., Cichocka A., Eidelson R., Jayawickreme N. Collective narcissism and its social consequences // Journal of personality and social psychology. 2009. Vol. 97. № 6. P. 1074.
19. Golec de Zavala A., Cichocka A., Iskra-Golec I. Collective narcissism moderates the effect of in-group image threat on intergroup hostility // Journal of Personality and Social Psychology. 2013. Vol. 104. № 6. P. 1019–1039. DOI:10.1037/a0032215
20. Golec de Zavala A., Dyduch-Hazar K., Lantos D. Collective narcissism: Political consequences of investing self-worth in the ingroup's image // Political Psychology. 2019. Vol. 40. № 1. P. 37–74. DOI:10.1111/pops.12569
21. Golec de Zavala A., Lantos D. Collective narcissism and its social consequences: The bad and the ugly // Current Directions in Psychological Science. 2020. Vol. 29. № 3. P. 273–278. DOI:10.1177/0963721420917703
22. Golec de Zavala A., Peker M., Guerra R., Baran T. Collective Narcissism Predicts Hypersensitivity to In-group Insult and Direct and Indirect Retaliatory Intergroup Hostility // European Journal of Personality. 2016. Vol. 30. № 6. P. 532–551.
23. Górska P., Stefaniak A., Malinowska K., Lipowska K., Marchlewska M., Budziszewska M., Maciantowicz O. Too great to act in solidarity: The negative relationship between collective narcissism and solidarity-based collective action // European Journal of Social Psychology. 2020. Vol. 50. № 3. P. 561–578.
24. Hamer K., Penczek M., Bilewicz M. Between universalistic and defensive forms of group attachment. The indirect effects of national identification on intergroup forgiveness // Personality and Individual Differences. 2018. № 131. P. 15–20.
25. Hu L.-T., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // Structural Equation Modeling. 1999. Vol. 6. № 1. P. 1–55. DOI:10.1080/10705519909540118
26. Jackson J.S., Brown K.T., Brown T.N., Marks B. Contemporary Immigration Policy Orientations Among Dominant-Group Members in Western Europe // Journal of Social Issues. 2001. № 57. P. 431–456. DOI:10.1111/0022-4537.00222
27. Larkin B. Exploring the role of collective narcissism in sport team identification // Doctoral Dissertations. 2017. P. 915. DOI:10.7275/9976870.0
28. Lyons P.A., Kenworthy J.B., Popan J.R. Ingroup identification and group-level narcissism as predictors of U.S. citizens' attitudes and behavior toward Arab immigrants // Personality and Social Psychology Bulletin. 2010. Vol. 36. № 9. P. 1267–1280. DOI:10.1177/0146167210380604
29. Marchlewska M., Cichocka A., Jaworska M., Golec de Zavala A., Bilewicz M. Superficial ingroup love? Collective narcissism predicts ingroup image defense, outgroup prejudice, and lower ingroup loyalty // The British journal of social psychology. 2020. Vol. 59. № 4. P. 857–875. DOI:10.1111/bjso.12367
30. Pehrson S., Vignoles V., Brown R. National identification and anti-immigrant prejudice: Individual and contextual effects of national definitions // Social Psychology Quarterly. 2009. Vol. 72. № 1. P. 24–38. DOI:10.1177/019027250907200104
31. Riek B.M., Mania E.W., Gaertner S.L. Intergroup Threat and Outgroup Attitudes: A Meta-Analytic Review // Personality and Social Psychology Review. 2006. Vol. 10. № 4. P. 336–353. DOI:10.1207/s15327957pspr1004_4
32. Rosseel Y. lavaan: An R Package for Structural Equation Modeling // Journal of Statistical Software. 2012. Vol. 48. № 2. P. 1–36. DOI:10.18637/jss.v048.i02
33. Salazar M.S. The dilemma of combining positive and negative items in scales // Psicothema. 2015. Vol. 27. P. 192–199. DOI:10.7334/psicothema2014.266
34. Schreiber J.B., Stage F.K., King J., Nora A., Barlow E.A. Reporting structural equation modeling and confirmatory factor analysis results: A review // Journal of Educational Research. 2006. Vol. 99. № 6. P. 323–338. DOI:10.3200/JOER.99.6.323-338
35. Shchebetenko S.A. “The Best Man in the World”: Attitudes Toward Personality Traits // Psychology. Journal of Higher School of Economics. 2014. Vol. 11. № 3. P. 129–148.

36. Suárez-Álvarez J., Pedrosa I., Lozano L.M., García-Cueto E., Cuesta M., Muñiz J. Using reversed items in Likert scales: A questionable practice // *Psicothema*. 2018. Vol. 30. № 2. P. 149–158. DOI:10.7334/psicothema2018.33
37. Tajfel H. Social identity and intergroup behaviour // *Social Science Information/sur les sciences sociales*. 1974. Vol. 13. № 2. P. 65–93. DOI:10.1177/053901847401300204
38. Tausch N., Hewstone M., Kenworthy J., Cairns E., Christ O. Cross-Community Contact, Perceived Status Differences, and Intergroup Attitudes in Northern Ireland: The Mediating Roles of Individual-level versus Group-level Threats and the Moderating Role of Social Identification // *Political Psychology*. 2007. Vol. 28. № 1. P. 53–68. DOI:10.1111/j.1467-9221.2007.00551.x

References

1. Agadullina E.R., Lovakov A.V. Model' izmereniya ingruppovoi identifikatsii: proverka na rossiiskoi vyborke [Measurement Model of In-group Identification: Validation in Russian Samples]. *Psihologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2013. Vol. 10, no. 4, pp. 139–153. (In Russ.).
2. Grigoryan L.K., Lepshokova Z.H. Empiricheskaya model' vzaimosvyazi grazhdanskoj identichnosti i ustanovok po otnosheniyu k immigrantam s ekonomicheskimi predstavleniyami rossiyan [Empirical model of interrelations among citizen identity, attitudes towards immigrants and economic beliefs of Russians]. *Social'naya psihologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2012. Vol. 3, no. 2, pp. 5–20.
3. Gulevich O., Agadullina E., Khukhlaev O. Odobrenie gruppovoy ierarkhii: russkoyazychnaya versiya shkaly dlya izmereniya orientatsii na sotsial'noe dominirovanie [Approval of Group Hierarchy: Russian Version of Social Dominance Orientation Scale]. *Psihologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2018, no. 3, pp. 407–427. (In Russ.).
4. Otnoshenie k trudovym migrantam [Attitudes towards labor migrants] (opublikovano 28.04.2017) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/28/otnoshenie-k-trudovym-migrantam/> (Accessed 10.06.2021). (In Russ.).
5. Pochti polovina rossiyan vystupila za ravnye prava dlya geev [Almost half of the Russians support equal rights for gay people] (opublikovano 23.05.2019) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.levada.ru/2019/05/23/pochti-polovina-rossiyan-vystupila-za-ravnye-prava-dlya-geev/> (Accessed 10.06.2021). (In Russ.).
6. Chertkova Y.D., Egorova M.S., Parshikova O.V., Rzhanova I.E. Avtoritarnost' kak kompensatornaya harakteristika [Elektronnyi resurs] [Authoritarianity as a compensatory trait]. *Psihologicheskie issledovaniya = Psychological studies*, 2017. Vol. 10, no. 56, p. 11. Available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 10.06.2021).
7. Branscombe N.R., Wann D.L. Collective self-esteem consequences of outgroup derogation when a valued social identity is on trial. *European Journal of Social Psychology*, 1994. Vol. 24, no. 6, pp. 641–657. DOI:10.1002/ejsp.2420240603
8. Cichocka A., Cislak A. Nationalism as collective narcissism. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 2020, no. 34, pp. 69–74. DOI:10.1016/j.cobeha.2019.12.013
9. Cichocka A., Dhont K., Makwana A.P., Back M. On self–love and outgroup hate: Opposite effects of narcissism on prejudice via social dominance orientation and right–wing authoritarianism. *European Journal of Personality*, 2017. Vol. 31, no. 4, pp. 366–384.
10. Cichocka A., Marchlewska M., Golec de Zavala A., Olechowski M. 'They will not control us': Ingroup positivity and belief in intergroup conspiracies. *British journal of psychology*, 2016. Vol. 107, no. 3, pp. 556–576. DOI:10.1111/bjop.12158
11. Corenblum B., Stephan W.G. White fears and native apprehensions: An integrated threat theory approach to intergroup attitudes. *Canadian Journal of Behavioural Science / Revue canadienne des sciences du comportement*, 2001. Vol. 33, no. 4, pp. 251–268. DOI:10.1037/h0087147

12. Dyduch-Hazar K., Mrozinski B., Golec de Zavala A. Collective narcissism and in-group satisfaction predict opposite attitudes toward refugees via attribution of hostility. *Frontiers in psychology*, 2019, no. 10, p. 1901.
13. Epskamp S. semPlot: Unified visualizations of structural equation models. *Structural Equation Modeling*, 2015. Vol. 22, no. 3, pp. 474–483. DOI:10.1080/10705511.2014.937847
14. Fischer R., Karl J.A. A Primer to (Cross-Cultural) Multi-Group Invariance Testing Possibilities in R. *Frontiers in psychology*, 2019. Vol. 10, pp. 1507. DOI:10.3389/fpsyg.2019.01507
15. Galvin B.M., Lange D., Ashforth B. Narcissistic organizational identification: Seeing oneself as central to the organization's identity. *Academy of Management Review*, 2015. Vol. 40, no. 2, pp. 163–181. DOI:10.5465/amr.2013.0103
16. Gatignon H. Confirmatory Factor Analysis. In *Statistical Analysis of Management Data*. New York, NY: Springer, 2010, pp. 59–122. DOI:10.1007/978-1-4419-1270-1_4
17. Golec de Zavala A., Cichocka A., Bilewicz M. The paradox of in-group love: differentiating collective narcissism advances understanding of the relationship between in-group and out-group attitudes. *Journal of personality*, 2013. Vol. 81, no. 1, pp. 16–28. DOI:10.1111/j.1467-6494.2012.00779.x
18. Golec de Zavala A., Cichocka A., Eidelson R., Jayawickreme N. Collective narcissism and its social consequences. *Journal of personality and social psychology*, 2009. Vol. 97, no. 6, pp. 1074.
19. Golec de Zavala A., Cichocka A., Iskra-Golec I. Collective narcissism moderates the effect of in-group image threat on intergroup hostility. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2013. Vol. 104, no. 6, pp. 1019–1039. DOI:10.1037/a0032215
20. Golec de Zavala A., Dyduch-Hazar K., Lantos D. Collective narcissism: Political consequences of investing self-worth in the ingroup's image. *Political Psychology*, 2019. Vol. 40, no. 1, pp. 37–74. DOI:10.1111/pops.12569
21. Golec de Zavala A., Lantos D. Collective narcissism and its social consequences: The bad and the ugly. *Current Directions in Psychological Science*, 2020. Vol. 29, no. 3, pp. 273–278. DOI:10.1177/0963721420917703
22. Golec de Zavala A., Peker M., Guerra R., Baran T. Collective Narcissism Predicts Hypersensitivity to In-group Insult and Direct and Indirect Retaliatory Intergroup Hostility. *European Journal of Personality*, 2016. Vol. 30, no. 6, pp. 532–551.
23. Górska P., Stefaniak A., Malinowska K., Lipowska K., Marchlewska M., Budziszewska M., Maciantowicz O. Too great to act in solidarity: The negative relationship between collective narcissism and solidarity-based collective action. *European Journal of Social Psychology*, 2020. Vol. 50, no. 3, pp. 561–578.
24. Hamer K., Penczek M., Bilewicz M. Between universalistic and defensive forms of group attachment. The indirect effects of national identification on intergroup forgiveness. *Personality and Individual Differences*, 2018, no. 131, pp. 15–20.
25. Hu L.-T., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling*, 1999. Vol. 6, no. 1, pp. 1–55. DOI:10.1080/10705519909540118
26. Jackson J.S., Brown K.T., Brown T.N., Marks B. Contemporary Immigration Policy Orientations Among Dominant-Group Members in Western Europe. *Journal of Social Issues*, 2001, no. 57, pp. 431–456. DOI:10.1111/0022-4537.00222
27. Larkin B. Exploring the role of collective narcissism in sport team identification. *Doctoral Dissertations*, 2017, p. 915. DOI:10.7275/9976870.0
28. Lyons P.A., Kenworthy J.B., Popan J.R. Ingroup identification and group-level narcissism as predictors of U.S. citizens' attitudes and behavior toward Arab immigrants. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2010. Vol. 36, no. 9, pp. 1267–1280. DOI:10.1177/0146167210380604
29. Marchlewska M., Cichocka A., Jaworska M., Golec de Zavala A., Bilewicz M. Superficial ingroup love? Collective narcissism predicts ingroup image defense, outgroup prejudice, and lower ingroup

- loyalty. *The British journal of social psychology*, 2020. Vol. 59, no. 4, pp. 857–875. DOI:10.1111/bjso.12367
30. Pehrson S., Vignoles V., Brown R. National identification and anti-immigrant prejudice: Individual and contextual effects of national definitions. *Social Psychology Quarterly*, 2009. Vol. 72, no. 1, pp. 24–38. DOI:10.1177/019027250907200104
31. Riek B.M., Mania E.W., Gaertner S.L. Intergroup Threat and Outgroup Attitudes: A Meta-Analytic Review. *Personality and Social Psychology Review*, 2006. Vol. 10, no. 4, pp. 336–353. DOI:10.1207/s15327957pspr1004_4
32. Rosseel Y. lavaan: An R Package for Structural Equation Modeling. *Journal of Statistical Software*, 2012. Vol. 48, no. 2, pp. 1–36. DOI:10.18637/jss.v048.i02
33. Salazar M.S. The dilemma of combining positive and negative items in scales. *Psicothema*, 2015. Vol. 27, pp. 192–199. DOI:10.7334/psicothema2014.266
34. Schreiber J.B., Stage F.K., King J., Nora A., Barlow E.A. Reporting structural equation modeling and confirmatory factor analysis results: A review. *Journal of Educational Research*, 2006. Vol. 99, no. 6, pp. 323–338. DOI:10.3200/JOER.99.6.323-338
35. Shchebetenko S.A. “The Best Man in the World”: Attitudes Toward Personality Traits. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2014. Vol. 11, no. 3, pp. 129–148.
36. Suárez-Álvarez J., Pedrosa I., Lozano L.M., García-Cueto E., Cuesta M., Muñoz J. Using reversed items in Likert scales: A questionable practice. *Psicothema*, 2018. Vol. 30, no. 2, pp. 149–158. DOI:10.7334/psicothema2018.33
37. Tajfel H. Social identity and intergroup behaviour. *Social Science Information/sur les sciences sociales*, 1974. Vol. 13, no. 2, pp. 65–93. DOI:10.1177/053901847401300204
38. Tausch N., Hewstone M., Kenworthy J., Cairns E., Christ O. Cross-Community Contact, Perceived Status Differences, and Intergroup Attitudes in Northern Ireland: The Mediating Roles of Individual-level versus Group-level Threats and the Moderating Role of Social Identification. *Political Psychology*, 2007. Vol. 28, no. 1, pp. 53–68. DOI:10.1111/j.1467-9221.2007.00551.x

Информация об авторах

Романова Марина Олеговна, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5240-407X>, e-mail: moromanova@hse.ru

Иванов Александр Александрович, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4551-5334>, e-mail: aaivanov@hse.ru

Богатырева Наталья Игоревна, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6024-2322>, e-mail: nbogatyreva@hse.ru

Терскова Мария Александровна, младший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3692-5809>, e-mail: mterskova@hse.ru

Быков Артур Олегович, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8573-5716>, e-mail: ao.bykov@hse.ru

Анкушев Владислав Вадимович, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9093-6512>, e-mail: vladislavankushev@yandex.ru

Information about the authors

Marina O. Romanova, Intern researcher in Laboratory for Psychology of Social Inequality, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5240-407X>, e-mail: moromanova@hse.ru

Aleksandr A. Ivanov, Intern researcher in Laboratory for Psychology of Social Inequality, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4551-5334>, e-mail: aaivanov@hse.ru

Natalia I. Bogatyreva, Intern researcher in Laboratory for Psychology of Social Inequality, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6024-2322>, e-mail: nbogatyreva@hse.ru

Maria A. Terskova, Junior research fellow in Laboratory for Psychology of Social Inequality, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3692-5809>, e-mail: mterskova@hse.ru

Artur O. Bykov, Research assistant in Laboratory for Psychology of Social Inequality, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8573-5716>, e-mail: ao.bykov@hse.ru

Vladislav V. Ankushev, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9093-6512>, e-mail: vladislavankushev@yandex.ru

Получена 16.06.2021

Received 16.06.2021

Принята в печать 22.07.2022

Accepted 22.07.2022

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Научно-исследовательская рефлексия развития академической социальной психологии (к 50-летию юбилею ИП РАН и 100-летию со дня рождения Е.В. Шороховой)

Семенов И.Н.

**ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» (ГАОУ ВО города Москвы МГПУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5823-2918>, e-mail: i_samenov@mail.ru**

Водопьянов Д.А.

**ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6462-9698>, e-mail: d.vodopianov@gmail.com**

Цель. На фоне анализа истории социальной психологии изучить специфику ее академических исследований в ИП РАН и роль в их организации Е.В. Шороховой, охарактеризовав ее научную жизнедеятельность.

Контекст и актуальность. В связи с 50-летним юбилеем ведущего в стране научного центра экспериментально-психологических исследований — Института психологии РАН — в статье анализируется научно-организационная деятельность заместителя директора ИПАН, заведующего лабораторией социальной психологии, одного из основателей и лидеров советской и постсоветской социальной психологии профессора Е.В. Шороховой, 100-летие со дня рождения которой отмечается научной общественностью в этом году. Актуальность статьи связана с необходимостью изучения истории советской социальной психологии как историко-научной базы изучения сложившихся предпосылок и экспликации логики развития социально-психологического познания в целях определения его дальнейших перспектив в современных социокультурных условиях. Новизна статьи определяется науковедческими методами институционально-персоналогического анализа наследия и построения периодизации жизнедеятельности Е.В. Шороховой как авторитетного энтузиаста первых в стране послевоенных социально-психологических исследований и одного из организационных лидеров их дальнейшего развития в «оттепель» в Институте философии АН СССР и затем в Институте психологии АН СССР/РАН в периоды «застоя», перестройки и современной демократизации общества.

Основные выводы. В настоящей статье впервые построена периодизация этапов жизнедеятельности Е.В. Шороховой, показано их экзистенциально-институциональное значение и научно-предметное содержание, что оказало стратегическое воздействие на организацию комплекса социально-психологических исследований в ИП РАН.

Ключевые слова: социальная психология, персоналогия творчества, науковедение, институции, академические исследования, организационная деятельность, субъекты житетворчества, выдающиеся личности, Е.В. Шорохова, С.Л. Рубинштейн.

Для цитаты: Семенов И.Н., Водопьянов Д.А. Научковедческая рефлексия развития академической социальной психологии (к 50-летию юбилею ИП РАН и 100-летию со дня рождения Е.В. Шороховой) // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 3. С. 221–235. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130313>

Scientific Reflection on the Development of Academic Social Psychology (to the 50th Anniversary of the IP RAS and the 100th Anniversary of the Birth of E.V. Shorokhova)

Igor N. Semenov

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5823-2918>, e-mail: i_samenov@mail.ru

Dmitriy A. Vodopianov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6462-9698>, e-mail: d.vodopianov@gmail.com

Objective. *Against the background of the analysis of the history of social psychology, to study the specifics of its academic research at the IP RAS and the role of E.V. Shorokhova in their organization, characterizing her scientific life.*

Background. *In connection with the 50th anniversary of the country's leading scientific center for experimental psychological research – the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences – the article analyzes the scientific and organizational activities of the IPAN Deputy Director, head of the laboratory of social psychology, one of the founders and leaders of Soviet and post-Soviet social psychology, Professor E.V. Shorokhova, whose 100th birthday is celebrated by the scientific community this year. The relevance of the article is related to the need to study the history of Soviet social psychology as a historical and scientific basis for studying the existing prerequisites and explicating the logic of the development of socio-psychological knowledge in order to determine its future prospects in modern socio-cultural conditions. The novelty of the article is determined by the scientific methods of the institutional and personological analysis of the heritage and the construction of the periodization of E.V. Shorokhova as an authoritative enthusiast of the country's first post-war socio-psychological research and one of the organizational leaders of their further development during the «Thaw» at the Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences and then at the Institute of Psychology of the USSR Academy of Sciences/RAS during periods of «Stagnation», «Reconstruction» and modern democratization society.*

Conclusions. *This article shows for the first time the periodization of the life stages of E.V. Shorokhova, their existential-institutional significance and scientific-subject content are shown, which had a strategic impact on the organization of a complex of socio-psychological research at the IP RAS.*

Keywords: *social psychology, personology of creativity, science studies, institutions, academic research, organizational activity, subjects of life creation, outstanding personalities, E.V. Shorokhova, S.L. Rubinstein.*

For citation: Semenov I.N., Vodopianov D.A. Scientific Reflection on the Development of Academic Social Psychology (to the 50th Anniversary of the IP RAS and the 100th Anniversary of the Birth of E.V. Shorokhova). *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 221–235. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130313> (In Russ.).

Введение: Историко-научные предпосылки развития современной российской социальной психологии

Становление и развитие российской социальной психологии в XX—XXI веках осуществляется различными путями: академическими [6; 10; 29; 40], вузовскими [12; 13], междисциплинарными [18; 44], прикладными [16; 20]. Они по-разному взаимодействовали — то доминируя (в 1920-е или в 1970—1990-е и 2010-е гг.), то отступая в тень (как при И.В. Сталине) в те или иные периоды истории отечественной науки: дореволюционной, послереволюционной, предвоенной, послевоенной и затем во времена «оттепели», «застоя», перестройки, постсоветской демократизации 1990-х гг., а также в современную эпоху начала XXI в.

В связи с этим в историко-научном плане интересно проследить на материале полувекового развития исследовательской деятельности такого крупного ученого в социальной психологии, как Екатерина Васильевна Шорохова (1922—2004). Ибо она не только стояла у истоков возрождения в «оттепель» до-[20] и послереволюционных традиций российской социальной психологии, но и организационно содействовала [40] ее дальнейшему становлению в статусе академической науки в центральном Институте психологии [10] АН СССР/РАН на рубеже XX—XXI веков.

При отсутствии до революции организационно единой государственной или частной социально-психологической институции, координирующей исследования этого профиля, они проводились в разных предметно-академических направлениях, носивших в основном междисциплинарный характер: этико-философском (М.М. Рубинштейн), этно-культурологическом (Г.Г. Шпет), психолого-филологическом (Д.Н. Овся-

нико-Куликовский, Р.О. Якобсон), социо-юридическом (М.М. Ковалевский, Л.П. Петражицкий), психоневрологическом (В.М. Бехтерев), социально-педагогическом (К.Н. Вентцель, А.П. Нечев), дифференциально-психологическом (А.Ф. Лазурский), психолого-педологическом (П.П. Блонский). Эта полифония затрудняла теоретические возможности центрировать корпус разнообразных социально-психологических изысканий вокруг категориально структурированного дисциплинарного определения предмета социальной психологии и призванной реализовать его системы исследовательских методов.

После революции подобное неопределенное положение начало было меняться в силу того, что возникшее в канун мировой войны такое частное по своему созданию (в основном на средства мецената С.И. Щукина) научное учреждение, как Психологический институт имени Л.Г. Щукиной (ныне ПИ РАО), имело в своем штате хоть и немного, но все-таки некоторых профессиональных социальных психологов (Л.А. Рейснер, Г.Г. Шпет). Однако их деятельность стала носить противоречивый характер из-за столкновения классических социально-психологических традиций [20] с послереволюционной установкой на их исключительно марксистскую реализацию, особенно — после отставки в октябре 1923 г. с поста директора Г.И. Челпанова за его принципиальную оппозицию. Согласно его мнению, институт должен заниматься общей естественно-научной психологией, причем вне идеологических контекстов, а социальная психология — удел марксистски ориентированных ученых. Ибо именно последние — при новом директоре рефлексологе К.Н. Корнилове — пустились во все тяжкие путем проведения в 1920-е гг. вульгарно-соци-

ологических изысканий, подменив ими академически обоснованные социально-психологические исследования. Для них в 1930—1940-е гг. характерно спорадическое проведение эмпирических изысканий для обоснования идеологической ассимиляции марксизма в общественном сознании и социальной психологии, в частности на материале психолого-педагогического исследования коллективов: детских, подростковых, юношеских (А.Б. Залкинд, А.С. Залужный, А.С. Макаренко, С.С. Моложавый) и трудовых (Н.И. Шпильрейн, С.Г. Геллерштейн).

Это научно бесперспективное положение стало принципиально изменяться лишь в период «оттепели» рубежа 1950—1960-х гг. В тот период начали проводиться конкретные социологические исследования, ассимилироваться зарубежные методики и разрабатываться теоретико-методологические основы таких инновационных — по тем переломным для страны временам — областей знания, как академическая социология и социальная психология.

Именно в этом социокультурном контексте и в тот «оттепелый» период Б.Г. Ананьев организует Институт конкретных социальных исследований в ЛГУ. В Москве в академическом Институте философии (ИФАН) Е.В. Шорохова, ставшая после смерти С.Л. Рубинштейна заведовать созданным им сектором философских проблем психологии, организует реализацию его стратегий [29] на изучение мышления [9] и опыта зарубежной психологии [5; 33], а также начинает постепенно переориентировать своих сотрудников на анализ ставшей актуальной в «оттепель» социально-психологической проблематики [33].

Интерес к ее профессиональному изучению стали проявлять и в других университетско-академических учреж-

дениях: на психологических отделениях МГУ (Г.М. Андреева, Л.А. Петровская), ЛГУ (Е.С. Кузьмин, А.А. Бодалев), в АН СССР (В.А. Здравомыслов, В.А. Ядов) и позднее в НИИОПП/ПИ РАО и МГППУ (А.В. Петровский, М.Ю. Кондратьев, В.В. Рубцов), в МПГИ им. Ленина (Р.С. Вайсман, В.В. Шабельников и др.).

Проведем с позиций развиваемого нами институционально-персонологического подхода [28; 29; 30; 31] науковедческую рефлексию эволюции отечественной социальной психологии второй половины XX в. и начала XXI в. В связи с этим рассмотрим подробнее роль ученого секретаря института философии (ИФАН) и заместителя директора института психологии (ИПАН) АН СССР доктора философских наук (по психологии) Е.В. Шороховой в становлении отечественной социальной психологии позднего советского и постсоветского времени. Ибо после перехода Е.В. Шороховой в 1972 г. во вновь открытый ИПАН (ныне ИП РАН) именно она — как заместитель директора и первая заведующая лабораторией социальной психологии ведущего научного академического центра в стране — организационно курировала развитие этой инновационной области знания, во многом определяя в ней публикационную политику в качестве члена редколлегии Психологического журнала АН СССР и затем — авторитетного главного научного сотрудника ИП РАН.

Одним из крупных организаторов советской психологической науки второй половины XX в. являлась вице-президент Общества психологов СССР Е.В. Шорохова. Будучи выпускницей ЛГУ в качестве ученицы методолога человекознания Б.Г. Ананьева и коллегой в ИФАН теоретика сознания и деятельности С.Л. Рубинштейна (в ка-

честве его аспирантки и сотрудницы), она знаменовала своей разносторонней научно-исследовательской и организационно-публикационной деятельностью взаимодействие ведущих представителей в Москве двух столичных научных школ: общемосковской (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев, С.К. Роцин, П.Н. Шихирев) и общеленинградской (Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, Б.Ф. Ломов), которое до сегодняшнего времени конструктивно осуществляется в ИПАН/ИП РАН, отмечающего свой 50-летний юбилей.

В связи со 100-летием со дня рождения философа, методолога, психолога, социолога, педагога, историка и организатора науки Е.В. Шороховой актуальным является обращение к целостной характеристике ее жизнедеятельности посредством системно-научоведческого анализа жизненного пути и научного наследия. Ибо она стояла у истоков послевоенной социальной психологии и полвека была одним из ее организаторов в ИПАН/ИП РАН и в Обществе психологов СССР. Новизна статьи определяется тем, что изучение профессионального развития и научного творчества Е.В. Шороховой осуществляется с позиций институционально-персонологического подхода [31], реализованного нами относительно экзистенциально-научоведческого анализа жизнедеятельности ряда выдающихся российских психологов (Г.Г. Шпет, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн [30], А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, А.А. Бодалев, А.М. Матюшкин, А.В. Петровский [28], Е.А. Будилова [29], М.Г. Ярошевский и др.). Обратимся к изучению персонологии Е.В. Шороховой как философа, методолога, общего и социального психолога, педагога, историка и организатора науки.

Периодизация жизнедеятельности Е.В. Шороховой в институтах философии и психологии Академии наук

Ее жизненный путь включает ряд следующих основных этапов экзистенциально-профессионального развития.

1) Содержание первого — образовательного — этапа (1922—1941 гг.) определяются тем, что, родившись в крестьянской семье, Е.В. Шорохова благодаря своим недюжинным способностям и силе воли в трудное время становления советской власти после гражданской войны и проведения коллективизации сумела окончить в 1940 г. сельскую школу с золотой медалью.

2) На втором — вузовском — этапе (1942—1947 гг.) она во время войны поступила на открывшийся в Ленинградском университете философский факультет, который окончила в 1947 г., специализируясь по психологии в научной школе методолога человекознания академика АПН РСФСР Б.Г. Ананьева.

3) На третьем — аспирантском — этапе (1947—1950 гг.) в связи с назначением мужа по службе в Москву Е.В. Шорохова поступила в аспирантуру Академии наук в ИФАН. Здесь под руководством заведующего сектором философских проблем психологии члена-корреспондента АН СССР С.Л. Рубинштейна она защитила кандидатскую диссертацию «Материалистическое учение И.П. Павлова о сигнальных системах», получив степень кандидата философских наук (по психологии). В этот сложный для науки период рubeжа 1940—1950-х гг. в идеологически главном в стране ИФАН сложилась напряженная (в т.ч. для защиты указанной диссертации) обстановка. Во-первых, заведующий сектором — где Е.В. Шорохова готовила диссертацию — профессор С.Л. Рубинштейн с конца 1940-х гг. оказался в опа-

ле из-за якобы «подражания западной лженауке». Во-вторых, тема диссертации оказалась в рискованном предметном поле односторонней трактовки учения И.П. Павлова, согласно которой в 1950 г. «Павловская сессия» двух академий АН и АМН СССР стала требовать от ученых «физиологизации психологии» с целью ее подмены материалистической физиологией нервной системы. Осторожная проницательность С.Л. Рубинштейна и адекватность социальной ориентировки самой Е.В. Шороховой в идеологических рифах позволили ей успешно защитить кандидатскую диссертацию в 1952 г.

4) На четвертом — научно-общественном — этапе (1952—1955 гг.) Е.В. Шорохова развила свой профессиональный успех: она сумела в 1952 г. опубликовать брошюру по итогам диссертации в издательстве «Знание» и далее в 1955 г. быть избранной в ИФАН секретарем партийной организации КПСС, а также стать назначенной ученым секретарем этого идеологического центра. Пока С.Л. Рубинштейн был в опале (с увольнением со всех руководящих постов и с запретом публиковать свои авторские труды), Е.В. Шорохова подготовила программу проведения в 1952 г. идеологически ответственного совещания по философским вопросам павловской психофизиологии с изданием сборника его материалов, а также в 1955 г. опубликовала книгу [32] о психологических аспектах в наследии И.П. Павлова.

5) На пятом — психофизиологическом — этапе (1956—1960 гг.) после возвращения в 1956 г. С.Л. Рубинштейна вновь к заведованию сектором Е.В. Шорохова продолжила совместно с его другими сотрудниками (Е.А. Будилова, Н.С. Мансуров, Л.И. Анцыферова и др.) реализацию разработанной им [29] сразу после войны стратегии на анализ рефлекторной природы психики. С этой целью

Е.В. Шорохова участвовала в организованной С.Л. Рубинштейном в 1957 г. научной конференции о психологических воззрениях И.М. Сеченова.

6) Шестой — философско-естественнонаучный — этап (1960—1964 гг.) наступил после смерти С.Л. Рубинштейна в начале 1960 г., когда кандидат наук Е.В. Шорохова стала заведовать созданным им сектором в ИФАН. В нем она организовала исследования в русле одновременно двух стратегий С.Л. Рубинштейна (на изучение сознания и выяснение его рефлекторной природы [29]) при прижизненной консультации им [23] ее докторской диссертации. Защитив ее на тему «Проблема сознания в философии и естествознании» и издав по ней монографию [32], Е.В. Шорохова стала в 1961 г. доктором философских наук (по психологии). С этих стартовых позиций ей пришлось организовать завершение подготовки — спроектированной С.Л. Рубинштейном еще при жизни — междисциплинарного совещания на тему «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии» с редактированием сборника докладов, изданного в 1963 г.

Параллельно Е.В. Шорохова начинает обращаться к изучению зарубежного опыта социально-психологических исследований и в то же время продолжает осуществлять фундаментальную стратегию С.Л. Рубинштейна [29] на развитие принципов советской психологии с учетом достижений западной науки, организуя издание [33] ее критического анализа под своей редакцией. Одновременно Е.В. Шорохова поддержала защиту кандидатских диссертаций по психологии мышления младшим поколением научной школы С.Л. Рубинштейна — его учениками: А.М. Матюшкиным, К.А. Славской [Абульханой] и А.В. Брушлинским.

7) На седьмом — мыследеятельностном — этапе (1964—1968 гг.) Е.В. Шоро-

хова, стремясь упрочить положение руководимого ею сектора в философском институте, интенсифицировала реализацию стратегии С.Л. Рубинштейна [29] на психологическое изучение традиционно значимой для философии проблемы мышления в советском человекознании на базе ассимиляции зарубежных достижений в данной области. Это потребовало от Е.В. Шороховой организации издания в 1966 г. сотрудниками сектора и ряда вузов под ее редакцией двух коллективных монографий [5; 9]. Причем с включением статей, подготовленных на основе различных теоретических позиций, в т.ч. развивающих деятельностный подход в конкурирующих трактовках как С.Л. Рубинштейна (Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, Е.А. Будилова, К.А. Славская (Абульханова)), так и А.Н. Леонтьева (П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, О.К. Тихомиров). Это обобщение достижений мировой психологии мышления начала и середины XX в. явилось мощным стимулом для его теоретико-экспериментальных исследований в советской (Н.Г. Алексеев, Д.Б. Богоявленская, Д.Н. Завалишина, Ю.К. Корнилов, Т.В. Кудрявцев, А.М. Матюшкин, В.В. Петухов, Я.А. Пономарев, В.Н. Пушкин, И.Н. Семенов, М.Г. Ярошевский) и зарубежной (А. Горальский, В. Маттеус) науке второй половины XX в. При этом Е.В. Шорохова осуществляет методологическую рефлексию [34] наследия С.Л. Рубинштейна и развития его идей в созданном им секторе.

8) На восьмом — методологическом — этапе (1969—1972 гг.) с целью усиления интеграции исследовательской деятельности сектора в гносеологическую проблематику ИФАН Е.В. Шорохова организует изучение методологических вопросов психологического познания (биологического и социального, мышления и личности) с изданием по этой проблематике научных сборников [36; 37] под

ее редакцией. При этом в ИФАН под кураторством Е.В. Шороховой сотрудниками сектора К.А. Абульхановой-Славской и А.В. Брушлинским кропотливо готовится к изданию — с их обширными комментариями — сборник трудов С.Л. Рубинштейна «Проблемы общей психологии». Он был опубликован позднее в 1973 г., включая его очерк «Человек и мир» [24], который стал фундаментальной основой для перехода [1; 2; 29; 38; 39; 44 и др.] к последующему изучению сотрудниками сектора проблемы личности (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, Е.А. Будилова, Е.В. Шорохова), в т.ч. творческой (Д.Б. Богоявленская, А.М. Матюшкин, М.Г. Ярошевский) в научной школе С.Л. Рубинштейна.

9) На девятом — общепсихологическом — этапе (1972—1983 гг.) в условиях созданного Б.Ф. Ломовым нового Института психологии в системе АН СССР по предложению его как директора Е.В. Шорохова (несмотря на свой высокий авторитет и прочный статус в ИФАН) перешла вместе с костяком сектора (Л.И. Анцыферова, Е.А. Будилова, А.В. Брушлинский, К.К. Платонов и др.) в состав ИПАН в качестве заместителя директора, курируя два направления: общепсихологическое изучение и воспитание личности [37; 38; 39], а также социально-психологическое исследование больших и малых групп [40].

При этом президенты Общества психологов ССР Б.Ф. Ломов и А.М. Матюшкин, вице-президент Е.В. Шорохова оказали поддержку Я.А. Пономареву в организации на базе ИПАН Всесоюзной секции «Психология творчества». Это позволило публиковать инновационные труды ее участников (Н.Г. Алексеев, Д.Б. Богоявленская, Ч.М. Гаджиев, Г.А. Голицын, В.К. Зарецкий, И.Н. Семенов, В.М. Петров, Л.М. Попов, С.Ю. Степанов, А.Б. Холмо-

горова) в виде коллективных монографий под грифом ИПАН и издательства «Наука» [21 и др.], а также статей в ведущих научных журналах — «Психологическом» и «Вопросы психологии».

10) На десятом — социально-психологическом — этапе (1983—1988 гг.) заместитель директора ИПАН, заведующая лабораторией социальной психологии Е.В. Шорохова была энтузиастом анализа ее истории и изучения актуальных проблем, а также организатором их теоретико-методологических и эмпирических исследований [22]. Она явилась инициатором создания социальной психологии отечественного крестьянства, первые результаты исследования которого были опубликованы в книгах совместно с О.И. Зотовой и др. [16]. Параллельно Е.В. Шорохова продолжала курировать общепсихологическое изучение проблем личности и сознания, деятельности и мышления, в т.ч. на теоретико-методологической основе развития деятельностного подхода С.Л. Рубинштейна его учениками (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский) и последователями (В.Г. Асеев, Т.И. Артемьева, М.И. Воловикова, В.А. Кольцова, Г.С. Тарасов, И.И. Чеснокова и др.) с изданием сборников под ее редакцией. При этом Е.В. Шорохова участвовала в изучении историко-психологических проблем и поддерживала издание их системно-научного анализа (Л.И. Анцыферова, Е.А. Будилова [8], А.В. Брушлинский, В.А. Кольцова).

11) На одиннадцатом — междисциплинарном — этапе (1988—1999 гг.) в результате начатой в 1988 г. Б.Ф. Ломовым (в связи с развернувшийся в стране идеологической «перестройкой») реорганизации структуры института и далее ее совершенствования новым директором А.В. Брушлинским его старшая (по школе С.Л. Рубинштейна) коллега, главный научный сотрудник ИПАН Е.В. Шоро-

хова продолжила свои социально-психологические исследования [14; 15; 42]. Для этого она акцентировала их междисциплинарные связи в целях изучения различных слоев населения (бригад рабочих и крестьян, участников кооперативов, предпринимателей) в контексте происходивших в стране социально-экономических перемен. В историко-научном плане Е.В. Шорохова еще раз вернулась к институционально-персонологической рефлексии [41] жизнестворчества выдающейся личности С.Л. Рубинштейна и его роли в создании научной школы.

12) На двенадцатом — историко-научном — этапе (2000—2004 гг.) Е.В. Шорохова продолжила свои историко-научные изыскания в сфере социальной психологии, а также творческое сотрудничество с новым директором ИП РАН А.Л. Журавлевым [45] в изучении процессов управления в коллективной деятельности и в социально-психологическом обеспечении образования. При этом, обобщая педагогический опыт, профессор Е.В. Шорохова участвовала в подготовке учебных пособий и учебников [12; 13; 15] для преподавания в вузах (в т.ч. экономических) методологических основ теоретической и прикладной социальной психологии и ее истории [41; 42; 43; 45].

Заключение и выводы: значение наследия и научно- организационной деятельности Е.В. Шороховой

В работе рассмотрены персонология жизнедеятельности и научное наследие крупного теоретика и энтузиаста исследований в общей и социальной психологии, одного из организаторов психологической науки второй половины XX в. Е.В. Шороховой. Она в течение 17 лет в качестве заместителя директора руководила гу-

манитарными и социально-психологическими изысканиями в Институте психологии (ИПАН) АН СССР, отмечающего ныне свой полувековой юбилей. На ряду с Б.Г. Ананьевым, Г.М. Андреевой, А.А. Бодалевым, М.Ю. Кондратьевым, Е.С. Кузьминым, А.В. Петровским, В.В. Рубцовым, П.Н. Шихиревым, Е.В. Шорохова внесла существенный вклад в организационное развитие отечественной социальной психологии. В статье на фоне истории российского человекознания охарактеризовано взаимодействие Е.В. Шороховой с основателем сектора философских проблем психологии в Институте философии АН СССР С.Л. Рубинштейном, а также — ее ключевая организационная роль в развитии его наследия в советской психологической науке.

При этом впервые выстроена периодизация полувековой научно-управленческой деятельности Е.В. Шороховой и обобщенно показан ее вклад: в изучение зарубежной психологии мышления и сознания, бессознательных и социальных процессов, в развитие истории, теории, методологии общей психологии личности и групп, индивидуальной и коллективной деятельности, а также в организацию конкретных исследований в различных теоретических и прикладных направлениях отечественной социальной психологии, в т.ч. в воспитание и образование личности, в изучение развития профессионализма рабочих, управленцев, предпринимателей и крестьянства.

Пройдя в науке более чем полувековой путь, в т.ч. свыше тридцати лет на руководящих должностях, Е.В. Шорохова — в силу своего характера, интеллекта, образованности, проницательности, организаторских способностей и ориентировки в тенденциях развития профессиональной страты и социокультурных экспектаций науки в быстро изменяющемся обществе — сумела: выстоять в

идеологически напряженных и кризисных условиях, стать крупным ученым методологом и психологом, сохранить [32; 46] созданный С.Л. Рубинштейном психологический сектор в сложной философской среде ИФАН, внести существенный вклад в становление ИПАН как ведущего психологического центра, а также в развитие отечественной общей и социальной психологии, в т.ч. российско-го крестьянства и предпринимательства.

При этом Е.В. Шорохова, анализируя философские и методологические вопросы психологии [32; 36; 37; 46], создавала в ИФАН публикационное пространство [2; 5; 9] для коллег по школе С.Л. Рубинштейна по работе в ИПАН, поддерживая их своим соавторством [15; 44] и авторитетом [10; 30; 40]. Это способствовало его ученикам (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, Е.А. Будилова, М.Г. Ярошевский) и далее последователям (М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, И.Н. Семенов, Е.А. Сергиеенко и др.) развивать собственные направления оригинальных исследований в области: социального мышления и социальных представлений [1; 18], ментальных репрезентаций и социальной перцепции [7], социализации личности [31] и поведения в группах [26; 27], социально-психологического обеспечения профессиональной деятельности в образовании [38] и научном творчестве [6; 20], в управлении и предпринимательстве [14; 18; 44].

Научные достижения философа, методолога, психолога, социолога, педагога и организатора науки Е.В. Шороховой отражены в статьях и книгах, учебниках и руководствах. Ее деятельность получила широкое признание у специалистов: Е.В. Шорохова была удостоена звания Заслуженного деятеля науки РСФСР, избрана вице-президентом Общества

психологов, награждена дважды Орденом «Знак почета» и государственными медалями. Воспитанные ею ученики и последователи продолжают в новых условиях российской государственности осуществлять в ИП РАН и вузах социально-психологические исследования,

взаимодействуя с другими направлениями [1; 3; 4; 7; 11; 19; 25; 28] современной психологии, а также в прикладном плане — развивать человеческий капитал [31] разнообразных профессиональных и социальных групп в процессах их деятельности и социализации.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Социальная психология в трудах отечественных психологов. Серия «Хрестоматия по психологии» / Сост. А.Л. Свенцицкий. СПб.: Питер, 2000. С. 289—314.
2. *Абульханова К.А., Анцыферова Л.И., Будилова Е.А.* Теоретические проблемы психологии личности / под ред. Е.В. Шороховой. М.: ИПАН, Наука, 1974. 317 с.
3. *Абульханова К.А., Ждан А.Н., Семенов И.Н.* К 130-летию юбилею С.Л. Рубинштейна. Материалы общероссийского методологического семинара. Сборник РПО / отв. ред. Д.Б. Боявленская. М.: ПИ РАО, Акрополь, 2020. 136 с.
4. Актуальные социально-психологические проблемы развития личности в образовательном пространстве XXI века / отв. ред. И.Н. Семенов. Кисловодск: СКГТУ, 2007. С. 31—41.
5. *Анцыферова Л.И., Будилова Е.А., Тихомиров О.К.* Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах / под ред. Е.В. Шороховой. М.: ИФАН, Наука, 1966. 299 с.
6. *Белкин П.Г., Емельянов Е.Н., Иванов М.А.* Социальная психология научного коллектива / авт. вст. ст. и отв. ред. М.Г. Ярошевский. М.: ИИЕиТ, Наука, 1987. 215 с.
7. *Бодалев А.А., Кузьмина Н.В., Семенов И.Н.* Проблемы социально-перцептивной компетентности личности / под ред. И.Н. Семенова, Е.А. Яблоковой. М.: РАГС, 1998.
8. *Будилова Е.А.* Социально-психологические проблемы в русской науке. М.: ИПАН, Наука, 1983. 232 с.
9. *Будилова Е.А., Абульханова К.А., Гальперин П.Я.* Исследования мышления в советской психологии / под ред. Е.В. Шороховой. М.: ИФАН, Наука, 1966. 476 с.
10. *Будилова Е.А., Ломов Б.Ф., Шорохова Е.В.* Академия наук СССР и развитие психологии // Вопросы психологии. 1974. № 2. С. 3—18.
11. *Водопьянов Д.А.* Теоретические основы психологической готовности студентов—будущих психологов к профессиональной деятельности // Акмеология. Научно-практический журнал. 2017. № 2—3. С. 62—63.
12. *Журавлев А.Л., Роцин С.К., Шорохова Е.В.* Социальная психология. Учебное пособие для вузов. М.: ИП РАН, 2002. (Серия «Высшее психологическое образование»). 351 с.
13. *Журавлев А.Л., Шорохова Е.В.* Психология больших социальных групп и массовых явлений // Психология. Учебник для экономических вузов. Серия «Учебник нового века». СПб.: Питер, 2000. С. 374—386.
14. *Журавлев А.Л., Шорохова Е.В.* Психологические особенности российского предпринимательства: исторический аспект // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: ИП РАН, 1999. С. 17—43.
15. *Журавлев А.Л., Шорохова Е.В., Роцин С.К.* История и методы социальной психологии. // Современная психология. Справочное руководство / отв. ред. В.Н. Дружинин. М., 1999. С. 466—484.
16. *Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В.* Особенности психологии крестьянства: Прошлое и настоящее. М.: Наука, 1983. 168 с.

17. *Ковшуро О.Д., Семенов И.Н.* Исследование рефлексивности самореализации личности в сфере государственной службы. Брянск-Орел: ОРАГС, 2005. 239 с.
18. *Лосев А.В., Семенов И.Н.* Экспериментально-психологическое исследование и формирование рефлексивности социально-профессионального мышления менеджеров быстроразвивающихся организаций // Проблема эксперимента в психологии / под ред. Р.Л. Кричевского и др. М.: РАГС, 1998. С. 79–121.
19. *Кондратьев М.Ю.* Отечественное профессиональное психологическое сообщество. Штрихи к портрету поколения. М., 2015. 174 с.
20. *Орлов С.С., Семенов И.Н.* Оценка творческого потенциала научных коллективов (праксиологическая рефлексика) // Человек в мире интеллектуальных систем / под ред. И.С. Ладенко. Новосибирск: НГУ, 1991. С. 184–194.
21. *Пономарев Я.А., Семенов И.Н., Богоявленская Д.Б.* Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная. М.: ИПАН, Наука, 1990. 222 с.
22. Психология личности и образ жизни / под ред. Е.В. Шороховой. М.: Наука, 1987. 224 с.
23. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание: о месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 328 с.
24. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии / под ред. Е.В. Шороховой: сост. и авт. коммент. К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский. М.: Педагогика, 1973; 2-е изд. 1976. С. 253–409.
25. *Рубцов В.В.* Социально-генетическая психология развивающего образования: деятельностный подход. М.: МГППУ, 2017. 416 с.
26. *Семенов И.Н.* Персонология жизнетворчества А.В. Петровского и развитие истории и теории общей и социальной психологии и педагогики (к 90-летию со дня рождения) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2014. № 5. С. 10–48.
27. *Семенов И.Н.* Институционально-персонологическое изучение научного творчества С.Л. Рубинштейна и роли его научной школы в академической и университетской психологии // Вестник ПСТГУ. Серия: Педагогика и психология. 2021а. № 2. С. 119–144. DOI:10.15382/sturIV202161.119-144
28. *Семенов И.Н.* Генерация и социализация субъектов научно-творческой деятельности посредством рефлексивно-психологического изучения развития человеческого капитала // Известия РАО. 2021б. № 4. С. 155–170. DOI:10.51944/2073-8498_2021_4_155
29. Социальная психология и общественная практика / отв. ред. Е.В. Шорохова, В.П. Левкович. М.: Наука, 1985. 233 с.
30. Теоретические проблемы психологии личности / отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1974. 317 с.
31. *Шорохова Е.В.* (отв. ред.). Методологические проблемы социальной психологии / ИП АН СССР. М.: Наука, 1975. 295 с.
32. *Шорохова Е.В.* Материалистическое учение И.П. Павлова о сигнальных системах. Акад. наук СССР. Ин-т философии. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 232 с.
33. *Шорохова Е.В.* Проблема сознания в философии и естествознании. М.: Соцэжгиз, 1961. 363 с.
34. *Шорохова Е.В.* Фрейдизм // Современная психология в капиталистических странах / под ред. Е.В. Шороховой. М.: ИФАН, Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 406 с.
35. *Шорохова Е.В.* Теоретические проблемы в трудах С.Л. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1967. № 5. С. 38–50.
36. *Шорохова Е.В.* Принцип детерминизма в психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии / под ред. Е.В. Шороховой. М.: ИФАН, Наука, 1969. С. 9–56.
37. *Шорохова Е.В.* О естественной природе и социальной сущности человека // Биологическое и социальное в развитии человека. М.: ИПАН, Наука, 1977. С. 65–81.
38. *Шорохова Е.В.* Социально-психологические проблемы воспитания всесторонне развитой личности // Социальная психология личности / Отв. ред. М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова. М.: ИПАН, Наука, 1979. С. 5–24.

39. Шорохова Е.В. Тенденции исследований личности в советской психологии // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 1. С. 45–57.
40. Шорохова Е.В. Основные итоги социально-психологических исследований в Институте психологии АН СССР // Психол. журнал. 1982. Т. 3. № 2. С. 34–54.
41. Шорохова Е.В. С.Л. Рубинштейн — выдающийся методолог, теоретик и организатор психологической науки // Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе. К 110-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна. М.: ИП РАН, 1999а. С. 174–177.
42. Шорохова Е.В. Психологические особенности социально-экономических преобразований в сельском хозяйстве в 20–30-е годы 20 века // Социальная психология экономического поведения / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: ИП РАН, 1999б. С. 28–39.
43. Шорохова Е.В. О решении А.В. Брушлинским некоторых методологических вопросов психологии // Психол. журнал. 2003. Т. 24. № 3. С. 84–86.
44. Шорохова Е.В., Бобнева М.И. Проблемы изучения психологических механизмов регуляции различных видов социального поведения // Психологические механизмы регуляции социального поведения / отв. ред. М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова. М.: ИПАН, Наука, 1979. С. 3–19.
45. Шорохова Е.В., Журавлев А.Л. Исследования личности в группе в истории социальной психологии в 20–50-х годах XX века // Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: ИП РАН, 2001. С. 12–35.
46. Шорохова Е.В., Казанов В.М. Некоторые философские вопросы психологии. М.: ИФАН, Изд-во АН СССР, 1962. 80 с.

References

1. Abul'khanova-Slavskaya K.A. Sotsial'noe myshlenie lichnosti: problemy i strategii issledovaniya [Social thinking of personality: problems and research strategies]. Sotsial'naya psikhologiya v trudakh otechestvennykh psikhologov [Social psychology in the works of domestic psychologists]. Seriya "Khrestomatiya po psikhologii". Sost. A.L. Svetsitskii. Saint-Petersburg: Piter, 2000, pp. 289–314.
2. Abul'khanova K.A., Antsyferova L.I., Budilova E.A. Teoreticheskie problemy psikhologii lichnosti [Theoretical problems of personality psychology]. In E.V. Shorokhovoi (eds.). Moscow: IPAN, Nauka, 1974. 317 p.
3. Abul'khanova K.A., Zhdan A.N., Semenov I.N. K 130-letnemu yubileyu S.L. Rubinshteina. Materialy obshchomoskovskogo metodologicheskogo seminar [To the 130th anniversary of S.L. Rubinshtein. Materials of the all-Moscow methodological seminar]. Sbornik RPO. In D.B. Bogoyavlenskaya (eds.). Moscow: PI RAO, Akropol', 2020. 136 p.
4. Aktual'nye sotsial'no-psikhologicheskie problemy razvitiya lichnosti v obrazovatel'nom prostranstve XXI veka [Actual socio-psychological problems of personality development in the educational space of the XXI century]. In I.N. Semenov (eds.). Kislovodsk: SKGTU, 2007, pp. 31–41.
5. Antsyferova L.I., Budilova E.A., Tikhomirov O.K. Osnovnye napravleniya issledovaniy psikhologii myshleniya v kapitalisticheskikh stranakh [Main directions of research into the psychology of thinking in capitalist countries]. In E.V. Shorokhovoi (eds.). Moscow: IFAN, Nauka, 1966. 299 p.
6. Belkin P.G., Emel'yanov E.N., Ivanov M.A. Sotsial'naya psikhologiya nauchnogo kollektiva [Social psychology of the scientific team]. In M.G. Yaroshevskii (eds.). Moscow: IIEiT, Nauka, 1987. 215 p.
7. Bodalev A.A., Kuz'mina N.V., Semenov I.N. Problemy sotsial'no-pertseptivnoi kompetentnosti lichnosti [Problems of social-perceptual competence of the individual]. In I.N. Semenova, E.A. Yablokovoi (eds.). Moscow: RAGS, 1998.
8. Budilova E.A. Sotsial'no-psikhologicheskie problemy v russkoi nauke [Socio-psychological problems in Russian science]. Moscow: IPAN, Nauka, 1983. 232 p.
9. Budilova E.A., Abul'khanova K.A., Gal'perin P.Ya. Issledovaniya myshleniya v sovetskoj psikhologii [Studies of thinking in Soviet psychology]. In E.V. Shorokhovoi (eds.). Moscow: IFAN, Nauka, 1966. 476 p.

10. Budilova E.A., Lomov B.F., Shorokhova E.V. Akademiya nauk SSSR i razvitie psikhologii [Academy of Sciences of the USSR and the Development of Psychology]. *Voprosy psikhologii = Questions of Psychology*, 1974, no. 2, pp. 3–18.
11. Vodop'yanov D.A. Teoreticheskie osnovy psikhologicheskoi gotovnosti studentov – budushchikh psikhologov k professional'noi deyatel'nosti [Theoretical foundations of the psychological readiness of students – future psychologists for professional activities]. *Akmeologiya. Nauchno-prakticheskii zhurnal = Akmeologiya. Scientific and practical journal*, 2017, no. 2–3, pp. 62–63.
12. Zhuravlev A.L., Roshchin S.K., Shorokhova E.V. Sotsial'naya psikhologiya. Uchebnoe posobie dlya vuzov [Social Psychology. Textbook for universities]. Moscow: IP RAN, 2002. (Seriya «Vysshee psikhologicheskoe obrazovanie»). 351 p.
13. Zhuravlev A.L., Shorokhova E.V. Psikhologiya bol'shikh sotsial'nykh grupp i massovykh yavlenii [Psychology of large social groups and mass phenomena]. *Psikhologiya. Uchebnik dlya ekonomicheskikh vuzov [Psychology. Textbook for economic universities]*. Seriya “Uchebnik novogo veka”. Sankt-Peterburg: Piter, 2000, pp. 374–386.
14. Zhuravlev A.L., Shorokhova E.V. Psikhologicheskie osobennosti rossiiskogo predprinimatel'stva: istoricheskii aspekt [Psychological features of Russian entrepreneurship: a historical aspect]. In Zhuravlev A.L., Shorokhova E.V. (eds.). *Sotsial'no-psikhologicheskie issledovaniya rukovodstva i predprinimatel'stva [Socio-psychological studies of leadership and entrepreneurship]*. Moscow: IP RAN, 1999, pp. 17–43.
15. Zhuravlev A.L., Shorokhova E.V., Roshchin S.K. Istoriya i metody sotsial'noi psikhologii. [History and methods of social psychology]. In Druzhinin V.N. (eds.). *Sovremennaya psikhologiya. Spravochnoe rukovodstvo [Modern psychology. Reference guide]*. Moscow, 1999, pp. 466–484.
16. Zotova O.I., Novikov V.V., Shorokhova E.V. Osobennosti psikhologii krest'yanstva: Proshloe i nastoyashchee [Features of the psychology of the peasantry: Past and present]. Moscow: Nauka, 1983. 168 p.
17. Kovshuro O.D., Semenov I.N. Issledovanie refleksivnosti samorealizatsii lichnosti v sfere gosudarstvennoi sluzhby [Study of the reflexivity of self-realization of the individual in the field of public service]. Bryansk-Orel: ORAGS, 2005. 239 p.
18. Losev A.V., Semenov I.N. Eksperimental'no-psikhologicheskoe issledovanie i formirovanie refleksivnosti sotsial'no-professional'nogo myshleniya menedzherov bystrorazvivayushchikhsya organizatsii [Experimental-psychological research and formation of reflexivity of social and professional thinking of managers of fast-growing organizations]. In Krichевского R.L. (eds.). *Problema eksperimenta v psikhologii [Problem of experiment in psychology]*. Moscow: RAGS, 1998, pp. 79–121.
19. Kondrat'ev M.Yu. Otechestvennoe professional'noe psikhologicheskoe soobshchestvo. Shtrikhi k portretu pokoleniya [Domestic professional psychological community. Strokes to the portrait of a generation]. Moscow: 2015. 174 p.
20. Orlov S.S., Semenov I.N. Otsenka tvorcheskogo potentsiala nauchnykh kolektivov (praksiologicheskaya refleksika) [Evaluation of the creative potential of scientific teams (praxeological reflection)]. In Ladenko I.S. (eds.). *Chelovek v mire intellektual'nykh sistem. [Man in the world of intellectual systems]*. Novosibirsk: NGU, 1991, pp. 184–194.
21. Ponomarev Ya.A., Semenov I.N., Bogoyavlenskaya D.B. Psikhologiya tvorchestva: obshchaya, differentsial'naya, prikladnaya [Psychology of creativity: general, differential, applied]. Moscow: IPAN, Nauka, 1990. 222 p.
22. Psikhologiya lichnosti i obraz zhizni [Psychology of personality and lifestyle]. In E.V. Shorokhovoii. (eds.). Moscow: Nauka, 1987. 224 p.
23. Rubinshtein S.L. Bytie i soznanie: o meste psikhicheskogo vo vseobshchei vzaimosvyazi yavlenii material'nogo mira [Being and consciousness: about the place of the mental in the universal interconnection of the phenomena of the material world]. Moscow: Publ. AN SSSR, 1957. 328 p.
24. Rubinshtein S.L. Chelovek i mir [Man and the world]. Rubinshtein S.L. Problemy obshchei psikhologii [Problems of general psychology]. In Shorokhovoii E.V. (eds.): sost. i avt. komment. K.A. Abul'khanova, A.V. Brushlinskii. Moscow: Pedagogika, 1973; 2-e izd. 1976, pp. 253–409.

25. Rubtsov V.V. Sotsial'no-geneticheskaya psikhologiya razvivayushchego obrazovaniya: deyatel'nostnyi podkhod [Socio-genetic psychology of developing education: an activity approach]. Moscow: MGPPU, 2017. 416 p.
26. Semenov I.N. Personologiya zhiznetvorchestva A.V. Petrovskogo i razvitie istorii i teorii obshchei i sotsial'noi psikhologii i pedagogiki (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya) [Personology of A.V. Petrovsky's life-creation and the development of the history and theory of general and social psychology and pedagogy (to the 90th anniversary of his birth)]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya = Psychology. Historical and critical reviews and modern research*, 2014, no. 5, pp. 10–48.
27. Semenov I.N. Institutsional'no-personologicheskoe izuchenie nauchnogo tvorchestva S.L. Rubinshteina i roli ego nauchnoi shkoly v akademicheskoi i universitetskoi psikhologii. [Institutional-personological study of S.L. Rubinshtein and the role of his scientific school in academic and university psychology]. *Vestnik PSTGU. Seriya: Pedagogika i psikhologiya = St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*, 2021a, no. 2, pp. 119–144. DOI:10.15382/sturIV202161.119-144
28. Semenov I.N. Generatsiya i sotsializatsiya sub"ektov nauchno-tvorcheskoi deyatel'nosti posredstvom refleksivno-psikhologicheskogo izucheniya razvitiya chelovecheskogo kapitala. [Generation and socialization of subjects of scientific and creative activity through a reflexive-psychological study of the development of human capital]. *Izvestiya RAO = Izvestia RAO*, 2021b, no. 4, pp. 155–170. DOI:10.51944/2073-8498_2021_4_155
29. Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvennaya praktika [Social psychology and social practice]. In Shorokhova E.V., Levkovich V.P. (eds.). Moscow: Nauka, 1985. 233 p.
30. Teoreticheskie problemy psikhologii lichnosti [Theoretical problems of personality psychology]. In Shorokhova E.V. (eds.). Moscow: Nauka, 1974. 317 p.
31. Shorokhova E.V. (eds.) Metodologicheskie problemy sotsial'noi psikhologii [Methodological problems of social psychology]. IP AN SSSR. Moscow: Nauka, 1975. 295 p.
32. Shorokhova E.V. Materialisticheskoe uchenie I.P. Pavlova o signal'nykh sistemakh. [Materialistic doctrine of I.P. Pavlov about signal systems.]. Akad. nauk SSSR. In-t filosofii. Moscow: Publ. AN SSSR, 1955. 232 p.
33. Shorokhova E.V. Problema soznaniya v filosofii i estestvoznanii [The problem of consciousness in philosophy and natural sciences]. Moscow: Sotsekgiz, 1961. 363 p.
34. Shorokhova E.V. Freidizm [Freudism]. *Sovremennaya psikhologiya v kapitalisticheskikh stranakh [Modern psychology in capitalist countries]*. In E.V. Shorokhovo. (eds.). Moscow: IFAN, Publ. Akad. nauk SSSR, 1963. 406 p.
35. Shorokhova E.V. Teoreticheskie problemy v trudakh S.L. Rubinshteina [Theoretical problems in the works of S.L. Rubinshtein]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, 1967, no. 5, pp. 38–50.
36. Shorokhova E.V. Printsip determinizma v psikhologii [The principle of determinism in psychology]. In Shorokhovo E.V. (eds.). *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii [The principle of determinism in psychology]*. Moscow: IFAN, Nauka, 1969, pp. 9–56.
37. Shorokhova E.V. O estestvennoi prirode i sotsial'noi sushchnosti cheloveka [On the natural nature and social essence of man]. *Biologicheskoe i sotsial'noe v razvitiu cheloveka [Biological and social in human development]*. Moscow: IPAN, Nauka, 1977, pp. 65–81.
38. Shorokhova E.V. Sotsial'no-psikhologicheskie problemy vospitaniya vstoronne razvitoi lichnosti [Socio-psychological problems of education of a comprehensively developed personality]. In Bobneva M.I., Shorokhova E.V. (eds.). *Sotsial'naya psikhologiya lichnosti [Social psychology of personality]*. Moscow: IPAN, Nauka, 1979, pp. 5–24.
39. Shorokhova E.V. Tendentsii issledovaniya lichnosti v sovetskoi psikhologii [Trends in Personality Research in Soviet Psychology.]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 1980. Vol. 1, no. 1, pp. 45–57.
40. Shorokhova E.V. Osnovnye itogi sotsial'no-psikhologicheskikh issledovaniy v Institute psikhologii AN SSSR [The main results of socio-psychological research at the Institute of Psychology of the Academy of Sciences of the USSR]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 1982. Vol. 3, no. 2, pp. 34–54.

41. Shorokhova E.V. S.L. Rubinshtein — vydayushchiysya metodolog, teoretik i organizator psikhologicheskoi nauki [S.L. Rubinshtein is an outstanding methodologist, theorist and organizer of psychological science]. *Individual'nyi i gruppovoi sub"ekty v izmenyayushchemsya obshchestve. K 110-letiyu so dnya rozhdeniya S.L. Rubinshteina* [Individual and group subjects in a changing society. To the 110th anniversary of the birth of S.L. Rubinshtein]. Moscow: IP RAN, 1999a, pp. 174–177.
42. Shorokhova E.V. Psikhologicheskie osobennosti sotsial'no-ekonomicheskikh preobrazovaniy v sel'skom khozyaistve v 20–30-e gody 20 veka [Psychological features of socio-economic transformations in agriculture in the 20–30s of the 20th century]. In Zhuravlev A.L., Shorokhova E.V. (eds.). *Sotsial'naya psikhologiya ekonomicheskogo povedeniya* [Social psychology of economic behavior]. Moscow: IP RAN, 1999b, pp. 28–39.
43. Shorokhova E.V. O reshenii A.V. Brushlinskim nekotorykh metodologicheskikh voprosov psikhologii [On the solution by A.V. Brushlinsky of some methodological issues of psychology.] *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2003. Vol. 24, no. 3, pp. 84–86.
44. Shorokhova E.V., Bobneva M.I. Problemy izucheniya psikhologicheskikh mekhanizmov regulyatsii razlichnykh vidov sotsial'nogo povedeniya [Problems of studying the psychological mechanisms of regulation of various types of social behavior]. In Bobneva M.I., Shorokhova E.V. (eds.). *Psikhologicheskie mekhanizmy regulyatsii sotsial'nogo povedeniya* [Psychological mechanisms of regulation of social behavior]. Moscow: IPAN, Nauka, 1979, pp. 3–19.
45. Shorokhova E.V., Zhuravlev A.L. Issledovaniya lichnosti v gruppe v istorii sotsial'noi psikhologii v 20–50-kh godakh XX veka [Studies of personality in a group in the history of social psychology in the 20-50s of the twentieth century]. In Zhuravlev A.L., Shorokhova E.V. (eds.). *Psikhologiya sovmestnoi zhiznedeyatel'nosti malyykh grupp i organizatsii* [Psychology of joint life of small groups and organizations]. Moscow: IP RAN, 2001, pp. 12–35.
46. Shorokhova E.V., Kaganov V.M. Nekotorye filosofskie voprosy psikhologii [Some philosophical questions of psychology]. Moscow: IFAN, Publ. AN SSSR, 1962. 80 p.

Информация об авторах

Семенов Игорь Никитович, доктор психологических наук, профессор департамента психологии Института педагогики и психологии, ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» (ГАОУ ВО города Москвы МГПУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5823-2918>, e-mail: i_samenov@mail.ru

Водопьянов Дмитрий Александрович, психолог-консультант, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6462-9698>, e-mail: d.vodopianov@gmail.com

Information about the authors

Igor N. Semenov, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Psychology Institute of Pedagogy and Psychology, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5823-2918>, e-mail: i_samenov@mail.ru

Dmitriy A. Vodopianov, Psychologist-Consultant, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6462-9698>, e-mail: d.vodopianov@gmail.com

Получена 08.07.2022

Принята в печать 05.08.2022

Received 08.07.2022

Accepted 05.08.2022

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207

Тел.: +7 (495) 608-16-27

+7 (495) 632-95-44

Факс +7 (495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409

Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Корректор *А.А. Буторина*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Technical editor *А.А. Буторина*

Maker-up *М.А. Баскакова*